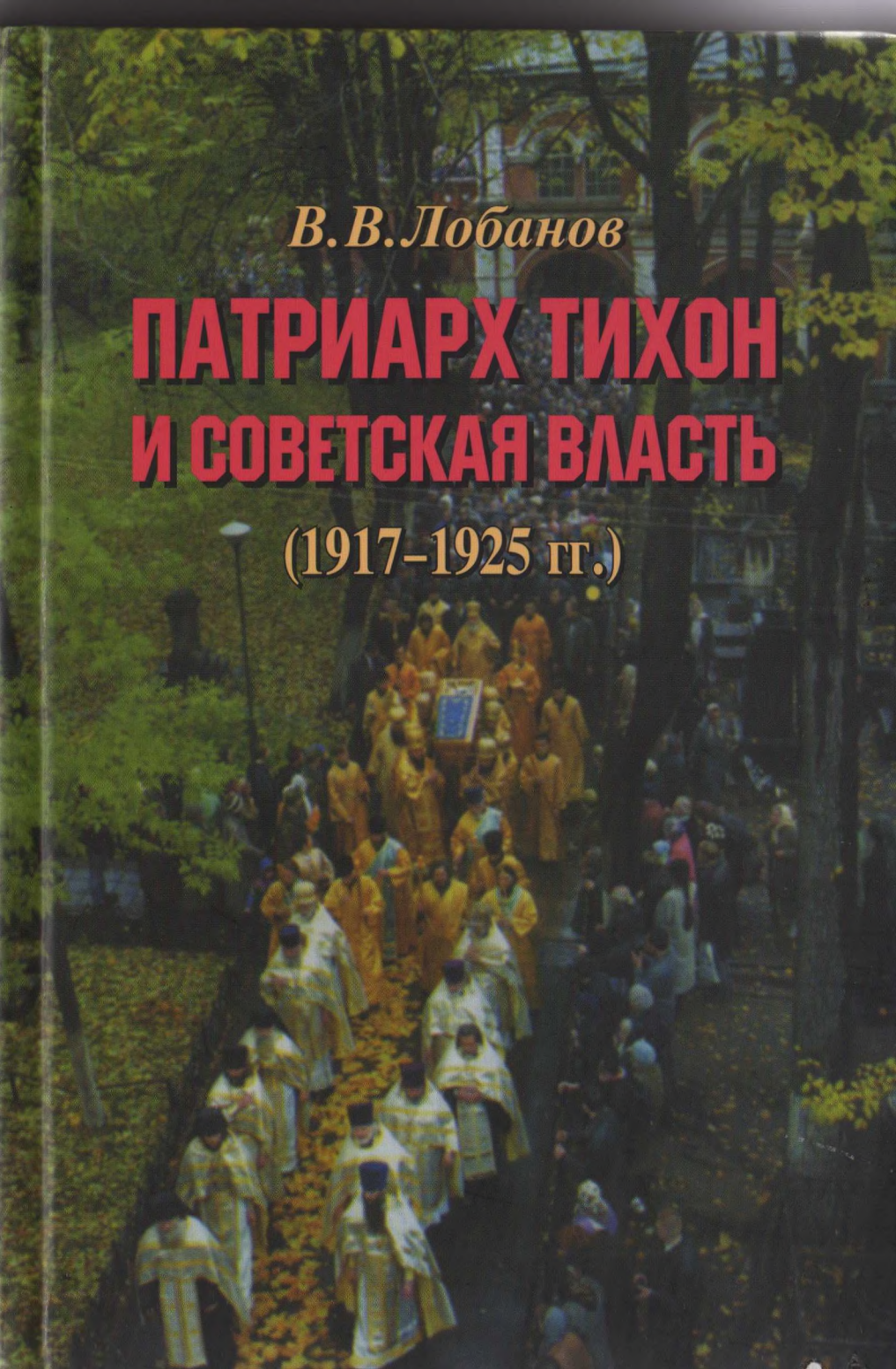

В. В. Лобанов

ПАТРИАРХ ТИХОН И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

(1917–1925 гг.)

Р У С С К А Я П А П А

· М О С К В А · 2 0 0 8 ·

ПАТРИАРХ ТИХОН И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ (1917–1925 гг.)

*По благословению
архиепископа Симбирского и Мелекесского Прокла*

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Лобанов В.В.

Л68 **Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.).** –
М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 352 с.: ил. – (Страницы российской истории).

ISBN 978-5-93165-200-9

Политические перемены начала 90-х гг. XX столетия способствовали активному исследованию темы взаимоотношений Русской Православной Церкви (РПЦ) и советского государства. Однако некоторые аспекты проблемы до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В частности, это касается вопроса формирования позиции по отношению к власти Предстоятеля РПЦ, Патриарха Тихона (1865–1925), церковная политика которого до сих пор является предметом неоднозначных оценок (от идеализации до обвинений Патриарха в малодушии и приспособленчестве).

В монографии рассмотрены основные этапы формирования линии Патриарха по отношению к властным структурам; исследована сущность церковно-политического курса Первосвятителя и его последствия для Русской Православной Церкви; проанализированы причины изменений в государственной церковной политике; подробно затронут ряд источниковедческих вопросов в рамках указанной проблематики; прослеживается преемственность линии Патриарха в дальнейшем поиске модели церковно-государственных отношений. В научный оборот вводятся новые материалы, раскрывающие различные аспекты антирелигиозной политики советского государства.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2 Рос)61-3

На переплете: фото из книги «Современники
о Патриархе Тихоне. Сб. в 2 т.» (М., 2007)

ISBN 978-5-93165-200-9

© В.В.Лобанов, 2008

© «Русская панорама», 2008

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	6
Глава 1. Путь к первосвятительству	
От семинариста до митрополита Московского	22
Восстановление патриаршества	36
Примечания к 1 главе	46
Глава 2. «Нет власти не от Бога...»?	
Позиция Патриарха в 1917–1918 гг.: первые послания	52
Над схваткой	67
Патриарх и власть в ходе кампании по изъятию церковных ценностей	87
Примечания ко 2 главе	99
Глава 3. «Раскаяние» Патриарха	
«Дело Патриарха Тихона»: подготовка судебного процесса	109
Почему не состоялся суд над Первосвятителем?	118
Примечания к 3 главе	147
Глава 4. После освобождения	
Деятельность Патриарха в последние годы жизни. Проблема «Завещания»	157
Кончина Первосвяителя: факты и домыслы	182
Примечания к 4 главе	192
Глава 5. Поражение или победа?	
Восстановление церковного единства	199
К вопросу о преемственности	210
Примечания к 5 главе	222
Заключение	226
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>Приложение I.</i> Упомянутые в монографии важнейшие акты Патриарха Тихона (1917–1925)	231
<i>Приложение II.</i> Избранные протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) (Антирелигиозной комиссии)	282
<i>Приложение III.</i> Протоколы Бюро Центральной Комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ)	307
<i>Именной указатель</i>	342
<i>Список сокращений</i>	350

Введение

Всегда актуальная проблема взаимоотношений Церкви и государства не раз ярко, а порой и трагически, проявлялась в различные периоды российской истории. Мученический подвиг митрополита Филиппа, обличавшего кровавые деяния Ивана Грозного, конфликт патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, самовластная церковная реформа Петра I и восстановление патриаршества на Поместном соборе 1917–1918 гг.: эти и подобные им коллизии продолжают вызывать неизменный интерес среди историков и правоведов, философов и публицистов – всех тех, кто не равнодушен к судьбе России и Русского Православия. Сложный исторический путь Церкви не свободен от соглашений и компромиссов. Однако главным критерием всегда остается духовная состоятельность позиции Церкви при той или иной форме политического устройства, будь то самодержавная монархия или «рабоче-крестьянское» государство. Какова мера участия Церкви в политической жизни? Всякая ли власть может привлечь ее благословение? А если нет, то какими должны быть принципы существования Церкви во враждебном ей государстве?

В XX в. решение этих вопросов выпало на долю Патриарха Тихона (в миру – Василий Иванович Беллавин (1865–1925)). Возглавив церковное управление в трагические годы гонений на Православие со стороны богоборческой власти, он в течение семи с половиной лет нес тяжкий крест первосвятительского служения. О жизни одиннадцатого Русского Патриарха написано немало: собраны биографические сведения, опубликованы воспоминания и сборники документов, защищены диссертации. Безусловно, все это существенно расширило наши представления об эпохе воинствующего атеизма. И, тем не менее, еще далеко не все проблемы, связанные с жизненным путем Патриарха-исповедника, получили однозначное разрешение. Особый интерес представляет эволюция позиции Первосвятителя по отношению к власти, мотивы его решений и поступков, а также их исторические последствия. Одновременно с должной полнотой не исследован последний период жизни и деятельности Предстоятеля Русской Церкви,

связанный с подготовкой судебного процесса по его делу, арестом и освобождением из-под стражи. Много вопросов вызывают причины и подробности появления так называемых «покаянного заявления» и «Завещания». Поэтому неудивительно, что взаимоотношения Патриарха с советской властью до сих пор являются предметом научных и околонучных дискуссий. Многие склонны трактовать позицию Первосвященника как неоправданный компромисс и приспособленчество. Так ли это? Поиску ответа на данный вопрос и посвящено настоящее исследование.

Оно представляет собой значительно расширенный и переработанный вариант кандидатской диссертации «Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса (1919–1925 гг.)», защищенной автором в 2005 г. в Институте российской истории РАН. В конце 2007 г. в рамках совместного проекта ИРИ РАН и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета вышла в свет коллективная работа «Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху», ставшая, по существу, первым опытом создания совместной монографии представителями Российской академии наук и Русской Православной Церкви. В ней представлен очерк «“Раскаяние” Патриарха Тихона: исторические и источниковедческие аспекты» с дополнениями и изменениями вошедший и в данную книгу, в которой предпринята попытка уже всестороннего анализа позиции Предстоятеля РПЦ по отношению к власти в общем контексте церковно-государственных отношений 1917–1925 гг.

Формирование позиции Патриарха по отношению к советской власти рассмотрено в монографии в двух основных взаимопроникающих аспектах: *индивидуальном*, определяемом личностью самого Патриарха Тихона, проблемой его внутреннего выбора в конкретных исторических условиях, и – *общецерковном*, в русле которого необходимо рассмотреть последствия деятельности Первосвященника для судьбы всей Русской Православной Церкви. Другим ракурсом проблемы является анализ трансформации государственной церковной политики, что обуславливалось сложным комплексом причин внутреннего и внешнего порядка.

Что касается хронологических рамок работы, то они шире, чем непосредственно период первосвященничества Святейшего Тихона (1917–1925), ибо истоки его поступков следует искать во всем предыдущем жизненном пути: воспитании, образовании, особенностях характера и мировоззрения и, в первую очередь, ду-

ховно-нравственном облике будущего Патриарха. Необходимо было и кратко затронуть вопрос о преемственности церковно-политической линии Первосвятителя.

Несколько слов об *историографии* вопроса. Сама проблема взаимоотношений Патриарха и советской власти не раз затрагивалась как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Между тем сочинения советских авторов 20 – нач. 40-х гг. в подавляющем большинстве носили агитационный, пропагандистский характер. Гонения на Церковь отрицались, подчеркивалась ее крайне реакционная роль в период гражданской войны, как безоговорочно поддерживающей Белое движение, тенденциозно использовались церковные документы¹. Патриарх Тихон характеризовался как «ставленник контрреволюции», «символ черносотенства», «знамя самой непроходимой реакции» и т. п.² Трудно говорить о научности подобных публикаций, ибо авторы порой не могли даже правильно указать мирского имени Первоиерарха³. Более содержательны, но крайне тенденциозны по отношению к Патриаршей Церкви, работы представителей обновленческого лагеря⁴.

Смягчение государственной церковной политики в годы Великой Отечественной войны, тем не менее, не способствовало появлению каких-либо значительных работ по указанной проблематике. Определенные перемены наметились лишь после XX съезда КПСС, однако политическая составляющая оказалась преобладающей и в литературе 50–80-х гг. В немногочисленных исследованиях, посвященных отношениям государства и Церкви в первые годы советской власти, при анализе позиции Церкви, а значит и Патриарха, в иных социально-политических условиях имели место во многом те же мировоззренческие установки, что и в литературе первых послереволюционных десятилетий⁵. Правда, в этот период авторы видят свою задачу уже не в прямом обличении «церковной контрреволюции», направленной на активное противодействие советской власти, а рассматривают борьбу против религии и Церкви скорее как необходимую предпосылку для торжества коммунистической идеологии. По этой же причине появляется ряд работ теоретического характера, рассматривающих общие проблемы отношений Церкви и государства с позиций научного атеизма⁶. Таким образом, односторонний, идеологически заданный подход советских исследователей практически лишал их возможности полноценного рассмотрения проблемы церковно-государственных отношений.

По-другому складывалась ситуация в эмигрантской и зарубежной историографии, которые во многом сходны по своим подходам к проблеме. Сюда же примыкают самиздат и, изданная за рубежом, литература авторов-диссидентов. Главной особенностью, а в определенной степени и недостатком, работ писателей-эмигрантов и оказавшихся за рубежом представителей Церкви является их в значительной мере публицистический и полумемуарный характер. Вместе с тем, поскольку многие из авторов были непосредственно вовлечены в происходящее, такие свидетельства содержат много ценной информации⁷. Различная политическая и церковная ориентации исследователей вносят в указанные труды определенную субъективность, которая особенно характерна для клириков и мирян Русской Зарубежной Церкви⁸. Диссидентская литература, изданная за рубежом в 70–80 гг. (в настоящее время значительная ее часть переиздана в России), делает акцент на изучении обновленческого движения, трагических событиях гонений на Церковь, касается вопросов каноничности церковной власти 20–30-х годов. При этом проблема поиска Патриархом Тихоном путей существования с советской властью затрагивается достаточно фрагментарно⁹.

Более подробно на личности и духовном выборе Патриарха останавливаются зарубежные исследователи. Здесь прежде всего необходимо выделить работы Р. Рёсслера (R. Rössler), И. Хризостомуса (I. Chrisostomus), А. Луукканена (A. Luukkanen) и Д. В. Поспеловского¹⁰. В частности, последний четко, хотя и кратко, дает оценку позиции гражданской лояльности Церкви по отношению к власти, одновременно, не соглашаясь с обвинениями в приспособленчестве в адрес Патриарха¹¹. Примером крайне тенденциозного исследования является работа В. Мосса, принадлежащего к так называемой Русской православной автономной церкви (РПАЦ)¹², ставящая своей целью апологию взглядов РПАЦ и обличение действий Московской Патриархии. Оценки же деятельности Предстоятеля РПЦ при внешнем пиетете содержат глубокие внутренние противоречия. По сути, на него возлагается определенная ответственность за разграбление церквей, смерть многих священнослужителей и мирян, а косвенно даже за возникновение обновленческого раскола¹³.

В подавляющем большинстве зарубежные и эмигрантские исследователи отрицают контрреволюционную деятельность Предстоятеля РПЦ, направленную на свержение советского строя. Од-

новременно следует заметить, что указанные авторы, как правило, стремятся дать общую картину событий, используют ограниченный круг источников и далеко не всегда могут правильно оценить особенности церковной и политической жизни в России. Тем не менее, их исследования представляют значительный интерес.

В отечественной литературе – тема, по существу, начинает разрабатываться лишь начале 90-х, когда стала формироваться новая российская историография проблемы. Этому способствовали и политические изменения в стране и, появившаяся в связи с этим, возможность доступа к закрытым ранее архивным фондам. В числе первых следует отметить работы В.А. Алексеева, М.И. Одинцова, О.Ю. Васильевой¹⁴. Так, В.А. Алексеев, пожалуй, впервые в отечественной историографии дает отрицательный ответ на вопрос: «Был ли Патриарх Тихон “вождем церковной контрреволюции?”»¹⁵, вместе с тем, отдавая дань ряду прежних трактовок, оправдывающих антирелигиозную политику советской власти. Значительный вклад в разработку темы внес и М.И. Одинцов, которому принадлежит заслуга введения в научный оборот ряда неизвестных ранее документов высших органов власти по церковным вопросам, в том числе ряда материалов следственного дела Патриарха Тихона. Работы О.Ю. Васильевой освещают рассматриваемую проблему лишь обзорно, но уже полностью свободны от идеологических штампов.

Среди работ последних лет, наиболее подробно затрагивающих позицию Патриарха по отношению к советской власти, обращают на себя внимание исследования А.Н. Кашеварова и Н.А. Кривовой¹⁶. А.Н. Кашеваров, исследуя деятельность органов Высшего Церковного Управления в первые годы советской власти, приводит большое количество фактического материала, свидетельствующего о стремлении главы РПЦ сохранить политический нейтралитет. В содержательной монографии Н.А. Кривовой подробно рассматривается роль Политбюро и ГПУ в проведении кампании по изъятию церковных ценностей и организации судебных процессов по делам духовенства и верующих. Отдельный параграф посвящен «делу Патриарха Тихона». По мнению исследователя, компромиссная тактика Патриарха в конечном итоге позволила ему объединить вокруг себя православных пастырей и верующих, что сделало неминуемым поражение обновленчества¹⁷. Очерк о судьбе Предстоятеля РПЦ принадлежит авторам предисловия к сборнику материалов следственного дела Патриарха Тихона (Н.А. Кривова, прот. Владимир Воробьев, С.Н. Романова,

А.В. Щелкачев)¹⁸. В том числе ими кратко анализируется позиция, занятая Патриархом во время следствия, и причины его освобождения. Авторы связывают мотивы решений и поступков Первосвященителя со стремлением сохранить Церковь в условиях гонений.

Общую картину периода 1917–1925 гг., с акцентом на деятельности Патриарха, можно найти у протоиерея В. Цыпина¹⁹. Будучи автором девятого тома фундаментальной «Истории Русской Церкви», посвященного судьбе Русской Православной Церкви в XX веке, автор, по словам редакции, стремясь к более точному и продуманному описанию событий и фактов, предпочитает не давать им оценку, а представить суждение о них самих участников событий. Это является одним из недостатков работы, которая скорее является введением в историю РПЦ XX в., содержащим собранный и систематизированный материал для будущих исследований²⁰. Такого упущения лишена книга протоиерея Г. Митрофанова, подробно анализирующего послания и церковную политику Патриарха²¹. Автор признает безусловную оправданность тактической линии Предстоятеля РПЦ на уступки властям ради сохранения церковной организации. Правда, в последние годы исследователь заметно изменил свою позицию по ряду вопросов церковной истории XX в. в сторону более критического отношения к уступкам Церкви богороборческой власти.

Интересна, основанная на архивных документах и воспоминаниях очевидцев, научно-популярная работа М.И. Вострышева, подробно излагающая основные события жизни и деятельности Первосвященителя²². Особое внимание автор уделяет нравственному облику Патриарха Тихона, в чем и видит объяснение тех или иных решений Предстоятеля РПЦ.

Довольно критично подходит к личности и поступкам Патриарха М.Ю. Крапивин. Это связано с мировоззренческой позицией исследователя, который описывает ситуацию конфронтации Церкви и государства как «смертельную схватку двух авторитарных идеологий», борьбу «за право на духовное водительство массами»²³. Вместе с тем в более поздней коллективной работе ученый занимает уже более взвешенную и корректную позицию в отношении Церкви и Патриарха²⁴. Не редкостью, однако, является и мнение, которое высказывает такой серьезный исследователь эпохи НЭПа как Е.Г. Гимпельсон. Он полагает, что Патриарх написал адресованное в Верховный Суд «покаянное» заявление и воззвания к верующим, не выдержав давления со стороны следствия²⁵.

Ряд сюжетов исследуемого периода затрагиваются в работах М.В. Шкаровского. В частности, автор, отмечая наличие неоднозначных оценок эволюции отношения руководства Церкви к советской власти, приходит к выводу, что «указанная эволюция началась раньше и была более последовательной, чем считалось прежде»²⁶. Он же подробно исследует историю обновленческого движения²⁷.

Из новейшей литературы обращают на себя внимание ряд статей (в том числе интернет-публикаций) Д.В. Сафонова и его не так давно защищенная диссертация, напрямую затрагивающая вопрос взаимоотношений Патриарха Тихона и советской власти²⁸. Автор предпринимает попытку комплексного изучения взаимоотношений высшей церковной власти в лице Патриарха и государственных органов в 1922–1925 гг. В отличие от настоящего исследования, целиком посвященного в различных аспектах изучению самой позиции Патриарха по отношению к власти, – ее становлению, реализации и последствиям для дальнейшей судьбы Церкви, Д.В. Сафонов ставит на первое место анализ основных направлений, методов и результатов деятельности органов, осуществляющих государственную церковную политику (т.е. органов ГПУ), а также изучение форм противодействия Церкви попыткам ее разложения и компрометации²⁹. Выполненное с привлечением документов из Центрального архива ФСБ, исследование содержит интересный материал, позволяющий по-новому посмотреть на некоторые проблемы церковно-государственных отношений 1922–1925 гг. Вместе с тем вызывают несогласие трактовки исследователя по ряду проблем: причинам отмены суда над Первосвятителем, составлению так называемого «Завещания» и некоторым другим вопросам, с чем и полемизирует автор настоящей работы.

Немногочисленные публикации посвящены деятельности Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) (Антирелигиозной комиссии), сыгравшей важную роль в подготовке процесса по делу Патриарха Тихона³⁰. И, наконец, большой интерес представляет монография С.Г. Петрова, которая является систематическим исследованием делопроизводственных материалов Политбюро ЦК РКП (б) как источника по истории Русской Церкви первой половины 1920-х годов. Автор подробно рассматривает историю возникновения и эволюцию текстов привлеченных документов, их подлинность, этапы редак-

тирования и т. п., что позволяет ему скорректировать ряд важных сюжетов истории РПЦ указанного периода³¹. С.Г. Петрову принадлежит и ряд важных источниковедческих публикаций, напрямую затрагивающих тему данного исследования³².

Подводя итог историографическому обзору, следует заметить, что вышеуказанная литература, отчасти нося обобщающий характер, частью рассматривая определенные аспекты отношений государства и Церкви (антирелигиозные кампании, обновленческое движение, репрессии против духовенства, изучение роли органов ГПУ в преследовании духовенства и Предстоятеля РПЦ и др.), так или иначе, затрагивает вопросы, связанные с «делом патриарха Тихона», «покаянным заявлением» и «Завещанием». Однако сама проблема поиска Патриархом Тихоном самостоятельной духовно и политически позиции по отношению к власти еще не была предметом всестороннего, комплексного научного исследования.

Монография опирается на широкий круг *источников*, как опубликованных, так и хранящихся в архивах. При этом одним из базовых источников являются протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) (Антирелигиозной комиссии) за период: октябрь 1922 – декабрь 1925 гг. (РГАСПИ. Ф. 17; ф. 89). По замечанию акад. Н.Н. Покровского, именно АРК принадлежит значительная роль в подготовке конкретных параметров компромисса между властью и Церковью³³. Одной из основных особенностей этих документов, до сих пор известных в основном лишь в выдержках, является наличие подлинных протоколов с многочисленными редакторскими правками, что указывает на сложность принятия окончательных решений по тем или иным вопросам религиозной политики. В особенности это касается дела Патриарха Тихона: формулировки обвинения; определения количества обвиняемых; пропаганды и агитации, а также ряда сопутствующих моментов. Кроме того, протоколы комиссии охватывают широкий круг вопросов, которые также имеют определенное отношение к рассматриваемым в исследовании проблемам. Это, прежде всего, – подготовка и проведение обновленческого Собора; церковный календарь; деятельность обновленческого Синода и других неканонических церковных групп; антирелигиозная пропаганда и многое другое. В Приложении II впервые полностью с необходимыми источниковедческими примечаниями приводится ряд наиболее принципиальных протоколов АРК, непосредственно связанных с решениями по делу Патриарха.

По мнению С.Г.Петрова, прямым предшественником, организованной осенью 1922 г. Комиссии по проведению отделения церкви от государства (АРК), была Центральная Комиссия по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ)³⁴, деятельность которой послужила прологом к судебному преследованию Предстоятеля РПЦ. Протоколы Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей (ГАРФ. Ф. 1235) до настоящего времени практически неизвестны широкому кругу исследователей. В настоящей работе содержится краткий анализ основных направлений работы комиссии, а в Приложении III целиком приводятся, ранее не публиковавшиеся, 16 протоколов Бюро Центральной КИЦЦ периода весны 1922 г.

Другим важнейшим источником являются недавно опубликованные материалы следственного дела Патриарха Тихона, хранящиеся в фонде уголовных дел ЦА ФСБ (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-1780). Широкие хронологические рамки, объем и содержание вышеуказанных материалов позволяют пролить свет на многие ранее неизвестные факты из жизни Патриарха. Документы сборника, которые еще только начинают в полном объеме разрабатываться исследователями, безусловно, нуждаются в тщательном осмыслении с целью установления взаимосвязей между ними и постановлениями Политбюро ЦК РКП (б) и АРК по церковным вопросам и «делу» Патриарха. На основании материалов сборника рассматривается ряд сюжетов, которые еще не были предметом научной разработки, предлагаются новые трактовки и комментарии к известным ранее фактам. Особое значение здесь имеют документы VI отделения СО ГПУ-ОГПУ, материалы Верховного суда РСФСР, протоколы допросов Патриарха Тихона.

Одновременно привлечен ряд документов из личного фонда митрополита Арсения (Стадницкого) (ГАРФ. Ф. 550), непосредственно касающихся жизни и деятельности Патриарха. В частности, большой интерес для понимания позиции Предстоятеля РПЦ в указанный период представляет его малоизвестное послание в СНК от 1 августа 1919 г., в котором Патриарх выражает свое отношение к развернутой в прессе кампании, обвинявшей Церковь в белогвардейской и антисемитской агитации. Уточнить обстоятельства освобождения Первосвятителя из-под первого домашнего ареста, последовавшего в ноябре 1918 г., позволяет обращение членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета в СНК от 29.11.1918.

Большая заслуга в публикации источников по исследуемой теме принадлежит Н.Н. Покровскому и С.Г. Петрову³⁵. Это, извлеченные из фондов АПРФ, РГАСПИ (тогда РЦХИДНИ), ГАРФ и ЦА ФСБ, материалы Политбюро ЦК РКП (б), Агитпропа, ВЦИК РСФСР, ЦК Помгола – Последгола, Революционного трибунала, ВЧК-ГПУ-ОГПУ и др., учитываемые и широко используемые в данном исследовании. Важное значение имеет, опубликованная авторами, подборка материалов о судебном процессе по делу Патриарха (АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 25). Этими же исследователями разработаны принципы издания и источниковедческого анализа подобных документов³⁶.

В монографии использованы и материалы канцелярии Патриарха и Священного Синода, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 831.), а также Протоколы заседаний Отдела о высшем церковном управлении Поместного Собора 1917–1918 гг. (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220).

Следует отметить и ряд сборников с документальными материалами по истории Церкви XX века, вышедших в послеперестроечное время³⁷. Если сборник, составленный швейцарским ученым Г. Штриккером, носит во многом популярный характер, то издание «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство» впервые вводит в научный оборот значительный массив архивных материалов, характеризующих антирелигиозную политику советского государства в начале 1920-х гг. Значительная по объему подборка церковных документов включена в книгу Л. Регельсона; однако, как справедливо замечает С.Г. Петров, – без источниковедческих комментариев, которые могли бы объяснить ту или иную датировку, атрибуцию, смысловые искажения и ошибки и т. п.³⁸

Подробный обзор документальных источников к жизнеописанию Патриарха можно найти в статье М.И. Вострышева³⁹. Библиография и перечень архивных фондов, содержащих информацию о Предстоятеле РПЦ, приведены и в его биографической работе о Святейшем⁴⁰.

Особое значение для анализа позиции Патриарха имеют его послания, переписка и другие материалы, а также документы органов высшей церковной власти. Как важнейший источник здесь необходимо выделить сборник «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России...», составленный церковным историком М.Е. Губониным⁴¹. Автор широко использует официаль-

ные и периодические издания, документы из личных архивов, самиздат. Однако такого рода первоисточники способствовали и тому, что в сборник вошел ряд материалов апокрифического характера.

Другой вид источников – мемуары эмигрантов, деятелей Церкви и мирян⁴². Следует особо отметить научный вклад Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), который, вплотную занимаясь изучением наследия Первосвященителя, периодически публикует новые документы, имеющие отношение к жизни и деятельности Патриарха Тихона⁴³. В числе последних публикаций ПСТГУ два тома уникальных материалов – «Современники о Патриархе Тихоне», собранных вышеупомянутым М.Е. Губониным. Это, обработанные им устные воспоминания, и статьи, которые представляют собой перепечатки из опубликованного или выписки из рукописных источников. Материалы снабжены комментариями и дополнениями примерно в три раза превышающими саму подборку. Немалый труд проделан и издательским коллективом, особенно Н.А. Кривошеевой, осуществлявшей научное редактирование и готовившей для сборника дополнения, приложения, редакционные примечания и указатели⁴⁴.

Уникальный документ представляют собой воспоминания протопресвитера В.П. Виноградова (в то время возглавлявшего Московский епархиальный совет) о последних годах жизни Патриарха⁴⁵. Вместе с тем, по мнению Д.В. Поспеловского, в ряде случаев этот источник мог быть серьезно искажен редакторами и требует весьма осторожного отношения⁴⁶. Важным свидетельством о психологическом и духовном состоянии Патриарха Тихона во время его изоляции в московском Донском монастыре являются воспоминания М.А. Вешневой, в те годы сотрудницы ВЧК-ОГПУ, охватывающие период осени 1922 – весны 1923 г.⁴⁷ Ценную информацию о последних месяцах жизни Святейшего можно найти в воспоминаниях Э. Бакуниной⁴⁸. Ряд интересных, но не всегда бесспорных заключений о тех или иных решениях Патриарха, содержат мемуары митрополита Вениамина (Федченкова)⁴⁹.

Весьма полезными для понимания механизмов принятия решений высшими государственными органами и уяснения причин и сути конфликтов в руководящей элите (что непосредственно отражалось и на положении Церкви), оказались воспоминания бывшего секретаря И.В. Сталина Б.Г. Бажанова, назначенного на эту должность 9 августа 1923 г. и одновременно являвшегося секретарем Политбюро. Еще более содержательны в этом отноше-

нии мемуары Н.В. Валентинова (Н. Вольского), по своим связям также зачастую располагающего конфиденциальной информацией и, кроме того, хорошо знавшего В.И. Ленина. Сюда примыкают и воспоминания крупного деятеля революционного движения Г.А. Соломона (Исецкого), одного из первых советских «невозвращенцев»⁵⁰, который приводит интересные свидетельства о событиях и лицах, рассматриваемого периода.

В связи с тем, что позиция Патриарха по отношению к власти не могла не опираться на церковное учение о взаимоотношениях Церкви и государства, в монографии использованы исследования русских канонистов конца XIX – начала XX века (А.С. Павлов, И.С. Бердников, М.Е. Красножен, Н.С. Суворов, Н.А. Заозерский), в которых, с точки зрения церковного права, дается анализ этой непростой проблемы⁵¹.

Кроме того, в работе используются сборники нормативных документов советских высших законодательных и исполнительных органов власти, материалы дореволюционной, советской и эмигрантской прессы, а также интернет-ресурсы. Дополняя друг друга, все вышеуказанные материалы составляют единый корпус, который позволяет полноценно исследовать поставленную проблему.

Автор надеется, что результаты исследования позволят в контексте сегодняшнего дня еще раз осмыслить исторический опыт и уроки взаимоотношений власти и Церкви, что, возможно, поможет исключить ошибки прошлого.

Примечания к Введению:

- ¹ См. напр.: *Брихничев И.* Патриарх Тихон и его церковь. – М., 1923; *Лукин Н.М.* Революция и церковь. – М., 1924; *Бляхин П.* Крест и пулемет. – М., 1929; *Кандидов Б.П.* Церковь и Октябрьская революция. – М., 1929; *его же.* Голод 1921 г. и церковь. – М.–Л., 1932; *Амосов Н.А.* Октябрьская революция и церковь. – М., 1939; *Олещук Ф.И.* Борьба церкви против народа. – М., 1941 и др.
- ² *Брихничев И.* Указ. соч. С. 3.
- ³ Например, в брошюре К.И. Сахарова, посвященной непосредственно Патриарху, он назван Василием Федоровичем (!) Белавиным (*Сахаров К.И.* Патриарх Тихон. – М., 1925. С. 3).
- ⁴ *Введенский А.И.* Церковь и государство: (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922). – М., 1923; *его же.* Церковь и революция. [Уход Патриарха Тихона]. – Пг., 1922; *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. – Пг., 1924 и др.
- ⁵ См. напр.: *Персиц М.М.* Отделение церкви от государства и школы от

- церкви в СССР (1917–1919 гг.). – М., 1958; *Снигирева Э.А.* Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие Советской власти (1917–1927 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1974; *Плаксин Р.Ю.* Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. – М., 1968; *его же.* Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. – Л., 1987 и др.
- ⁶ См., напр.: *Курочкин П.К.* Социальная позиция русского православия. – М., 1969; *Крывелев И.А.* История религий: Очерки в 2-х т. – М., 1975–1976; *его же.* Русская православная церковь в первой четверти XX века. – М., 1982; *Гордиенко Н.С.* Эволюция русского православия. – М., 1984 и др.
- ⁷ *Страмонов И.А.* Русская церковная смута. 1921–1931 // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Сборник. – М., 1995; *Елевферий (Богоявленский), митрополит.* Неделя в Патриархии (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Там же; *Польский М.* Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. – Иерусалим, 1931 и др.
- ⁸ См. напр.: *Андреев И.А.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. – Джорданвилль, 1951; *Грэм Ф.* Правда о русской Церкви на Родине и за рубежом. (По поводу книги С.В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»). – Джорданвилль, 1961; *Кирилл Зайцев, протоиерей.* Время святителя Тихона. – М., 1996 и др.
- ⁹ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. – М., 1996; *Регельсон Л.Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. – М., 1996; *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1–3. – М., 1993 и др.
- ¹⁰ *Rössler R.* Kirche und Revolution in Russland. Patriarch Tichon und der Sowjetstaat. – Köln; Wien, 1969; *Chrisostomus I.* Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit. – München; Salzburg, 1965. Bd. 1. Patriarch Tichon. 1917–1925; *Luukkanen A.* The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917–1929. – Helsinki, 1994; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.
- ¹¹ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 55.
- ¹² Совершенно неканоническая структура.
- ¹³ *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье (1917–1999). – СПб., 2001.
- ¹⁴ *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. – М., 1991; *его же.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М., 1992; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // «Вопросы истории», 1993, № 8. С. 40–54 и др.; *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конксистадоры. – М., 1994; *Одинцов М.И.* Государство и церковь. (История взаимоотношений, 1917–1938 гг.). – М., 1991; *его же.* «Дело» патриарха Тихона // «Отечественные архивы», 1993, № 6. С. 46–71; *его же.* Государство и церковь в России. XX. – М., 1994; *его же.* Русские Патриархи

- XX века. – М., 1999 и др.
- ¹⁵ *Алексеев В.А.* Был ли Патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // «Диалог», 1990, № 10. С. 93–104.
- ¹⁶ *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. – СПб., 1999; *его же.* Православная Российская Церковь и советское государство. 1917–1922. – М., 2005.
- ¹⁷ *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997.
- ¹⁸ *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 191.
- ¹⁹ *Следственное дело патриарха Тихона.* Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. – М., 2000 (Предисловие. С. 9–60).
- ²⁰ *Владислав Цыпин, протоиерей.* Русская Церковь (1917–1925). – М., 1996; *его же.* История Русской Церкви. 1917–1997 // История Русской Церкви. Т. 9. – М., 1997.
- ²¹ *Его же.* История Русской Церкви. 1917–1997. С. 5.
- ²² *Георгий Митрофанов, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. – СПб., 2002.
- ²³ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. – М., 2004 (Жизнь замечательных людей).
- ²⁴ *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917-го – конец 1930-х годов). – Волгоград, 1997. С. 34.
- ²⁵ *Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930 гг.). – СПб., 2005.
- ²⁶ *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система, 20-е годы. – М., 2001. С. 203.
- ²⁷ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М., 2000. С. 36.
- ²⁸ *Его же.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. – СПб., 1999.
- ²⁹ *Сафонов Д.В.* Патриарх Тихон и советская власть: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг. Дисс... канд. ист. наук. Москва, 2004. Машинопись. См. также: *его же.* Святитель Тихон и принципы отношений Церкви и советского государства // «Альфа и Омега». Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России, 2003, № 4(38). С. 149–169; *его же.* К проблеме подлинности «Завещательного послания» Патриарха Тихона // Интернет-сайт «Православие.Ru». 07.03.2003 (<http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrikhailon-zaveschaniel.htm>); *его же.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // «Богословский вестник», 2004, т. 4. № 4. С. 265–311 и др.

- ²⁹ Сафонов Д.В. Патриарх Тихон и советская власть... С. 9.
- ³⁰ Савельев С.Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. – СПб., 1991. С. 143–154; *его же*. Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. – М., 1993. Вып. 2. С. 164–216; «Не стеснясь никакими средствами». Материалы Комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства. Октябрь–декабрь 1922 г. / Публ. подг. О.Ю. Васильева, М.М. Горинов // «Исторический архив», 1993, № 2. С. 76–89; *Нежный А.И.* Комиссар дьявола. – М., 1993. С. 29–144 и др. См. также: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. – М., 1997. Предисловие. С. 84–104.
- ³¹ Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). – М., 2004.
- ³² *Его же*. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста: источниковедческое изучение «покаянных» документов // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.). Материалы конференции. – М., 2002 и др.
- ³³ Архивы Кремля. Кн. 1. Предисловие. С. 94.
- ³⁴ Петров С.Г. Документы делопроизводства... С. 260.
- ³⁵ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925. В 2 кн. / Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – Новосибирск–М., 1997–1998. См. также: Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. / Публ. подг. Н.Н. Покровский // Ученые записки Российского православного университета апостола Иоанна Богослова. – М., 1995. Вып. I. С. 125–174.
- ³⁶ Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 г. – М., 1996. С. 18–46; *его же*. Время публиковать источники // «Вестник РГНФ», 1996, № 1. С. 11–21; *его же*. Источниковедческие проблемы истории России XX в. // «Общественные науки и современность», 1997, № 3. С. 94–105; *его же*. О принципах издания документов XX в. // «Вопросы истории», 1999, № 6. С. 32–45; Петров С.Г. Документы делопроизводства...
- ³⁷ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г.Штриккер. – М., 1995. Кн. 1; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996.
- ³⁸ Петров С.Г. Документы делопроизводства... С. 12.
- ³⁹ Вострышев М.И. Документальные источники жизнеописания патриарха Тихона // Церковь в истории России. Сборник 7. – М., 2007. С. 247–255.
- ⁴⁰ *Его же*. Патриарх Тихон. С. 381.

- ⁴¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. – М., 1994.
- ⁴² Патриарх Тихон и история русской церковной смуты / Сост. М.Е. Губонин. Кн. 1. – СПб., 1994; Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. – М., 2000; *Евлогий (Георгиевский), митроп.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – М., 1994; Ко Дню 25-летия в архиерейском сане Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Тихона. 1897 г. – 19 окт. 1922 г. (Сб. статей). – Нью-Йорк, 1922; Слово Православия в Америке: Проповеди и поучения Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, просветителя Северной Америки. – М., 2001 и др.
- ⁴³ См., напр.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Вып. VI. К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. – М., 2000; Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 2(19) (Посвящается 80-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона). – М., 2006.
- ⁴⁴ Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 ч. Т. 1–2 / Сост. и автор коммент. М.Е. Губонин. – М., 2007. См. также о сборнике: *Кривошеева Н.А.* Архив Михаила Ефимовича Губонина, посвященный памяти Святого Патриарха Тихона // Церковь в истории России. Сборник 7. – М., 2007. С. 278–284.
- ⁴⁵ *Василий Виноградов, протопресвитер.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // «Церковно-исторический вестник», 1998, № 1. С. 8–40.
- ⁴⁶ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁷ *Вешнева М.А.* «Это память о днях в Донском...» // «Юность», 1990, № 9. С. 77–83.
- ⁴⁸ *Бакунина Э.Н.* О последних днях патриарха Тихона // «Вестник РСХД», 1975, № 115. С. 97–107.
- ⁴⁹ *Вениамин (Федченков), митрополит.* Россия между верой и безверием. – М., 2003. (Другое название: «На рубеже двух эпох»).
- ⁵⁰ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – Издательство «Третья волна» (Франция), 1980; *Валентинов Н. (Н. Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. – М., 1991; *Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). – М., 2007.
- ⁵¹ *Павлов А.С.* Курс церковного права. – СПб., 2002; *Бердников И.С.* Государственное положение религии в Римско-Византийской империи. Т. 1. – Казань, 1881; *Красножжен М.Е.* Основы церковного права. – Юрьев, 1913; *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. – М., 1913; *Заозерский Н.А.* Церковь и государство. – Сергиев Посад, б. г.

Глава I.

Путь к первосвятительству

От семинариста до митрополита Московского

Согласно метрическому свидетельству, копию которого Василий Беллавин представил при поступлении в Санкт-Петербургскую Духовную академию, «...в метрической книге Воскресенской церкви погоста¹ Клина Торопец[кого] уезда за тысяча восемьсот шестьдесят пятый год в части первой о родившихся под № 4 значится: января девятнадцатого родился двадцать третьего числа крещен Василий. Родители его: одного погоста священник Иоанн Тимофеев и жена его Анна Гаврилова»². Любопытно, что в метрической книге не указана фамилия отца будущего Первосвятителя – Беллавин³, а лишь его отчество – Тимофеев. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1867 год» Иоанн Тимофеевич Беллавин упомянут как священник указанного погоста и благочинный одного из округов Торопецкого уезда. Точная дата его смерти неизвестна (ок. 1894 г.), а мать владыки Тихона Анна Гавриловна умерла значительно позже в 1904 г. В семье было еще три сына – Павел, Иоанн и Михаил, которые скончались в относительно молодом возрасте⁴. Сохранилось предание о том, что Иоанн Тимофеевич незадолго до ухода из жизни видел во сне свою покойную мать, предсказавшую ему скорую кончину и судьбу сыновей, в том числе и Василия, который должен был стать – «великим»⁵. Так или иначе, но именно как «Великого Господина» поминают на церковных службах Святейшего Патриарха...

В 1874–1878 гг. Василий учился в Торопецком духовном училище, затем шесть лет духовной семинарии (1878–1884) и, наконец, Духовная академия в Санкт-Петербурге (1884–1888). Вызывает сомнения достоверность приводимого биографами Первосвятителя рассказа о том, что в детские годы его соученики, сделав из жести кадило, якобы махали им перед будущим Пат-

риархом, в шутку и как бы пророчески восклицая: «Вашему Святейшеству многие лета!»⁶. Скорее всего, здесь имеет место заимствование из жития другого святого с тем же монашеским именем – святителя Тихона, епископа Воронежского; более известного как Тихон Задонский. «Товарищи мои, – вспоминал он о своей непростой семинарской жизни, – богатых отцев дети, случалось иногда найдут отопки моих лаптей и, смеясь надо мной, начнут ими махать на меня, приговаривая: “Величаем тя”»⁷.

Между тем «Патриархом» Василия Беллавина называли уже позже, в Академии, и, как утверждает учившийся с ним на одном курсе протоиерей Петр Иванович Булгаков – отнюдь не в насмешку. «Сколько я не напрягаю память, – свидетельствует о. Петр, – не могу вспомнить, откуда пошло это наименование. Одно утверждаю – в нем не было ничего шуточного. Пред товарищами высилась необычайная личность по своим умственным и, главное, нравственным качествам. Называя Василия Ивановича патриархом, товарищи этим самым подчеркивали его выдающиеся положение в своей среде. ...Экзарх Грузии, в студенчестве свящ[енник] Николай Софийский⁸, вовсе не принадлежал к шутникам. А преосвященный Филипп, в студенчестве Яков Бекаревич⁹, никогда не смеялся. Улыбался он часто, но когда начинали шутить с целью насмешить слушателей, будущий Переяславский викарий немедленно напоминал: за «всяко слово праздно, еже аще рекут человецы, воздадут о нем в день судный». И этот-то никогда не смеявшийся человек никогда не называл Василия Ивановича по имени и отчеству, а всегда величал: «патриарх», как и будущий Экзарх»¹⁰.

Протоиерей Петр Булгаков вспоминает и о своей первой встрече с Василием Беллавиным на вступительном экзамене по всеобщей гражданской истории: «...сажусь в первом ряду, бок о бок с блондином довольно высокого роста... «Госпо[дин] Василий Беллавин, – приглашает проф[ессор] Скабалланович. Поднимается мой сосед. Тогда всем бросилась в глаза его походка степенная: видимо было, что человек идет на «заклание», полный сознания своей силы и мощи научной. Отвечает обстоятельно, не громко, но и не тихо... Уходит также важно и чинно». Сам о. Петр, по его мнению, отвечал не слишком удачно. Однако первыми словами, которые он услышал от Василия, были: «Не волнуйтесь, Вам поставлена высшая отметка». «И этот девиз: «не волнуйтесь», — пишет в своих воспоминаниях П.И. Булгаков, —

характеризует всю жизнь в Бозе почившего Патриарха Московского и всея России»¹¹.

Кроме интересных подробностей о физическом и психологическом облике будущего Первосвятителя П.И. Булгаков оставил свидетельства и о его духовных качествах. Так, в феврале 1885 г. студенты Академии, не согласные с запретом Синода присутствовать на ученых диспутах, решили игнорировать годичный академический праздник. На самом торжественном акте присутствовало всего несколько человек, в том числе и Василий Беллавин. «Понятно негодование на патриарха за «измену» общему делу со стороны особенно крайних элементов, – замечает о. Петр Булгаков. – Но патриарший курс уже знал своего «патриарха» и пояснил, что здесь ни в коем случае не может быть даже тени измены. Вспоминая теперь прошлое, приходится сказать, что патриарх был прав <... > Это был один из многих случаев, когда патриарх безбоязненно шел один против течения, не соглашаясь ни на какие компромиссы»¹².

По-настоящему тяготея к монашеской жизни, В.И. Беллавин не стал принимать постриг во время учебы в Академии, стремясь оградить себя от соблазнов быстрой и блестящей карьеры, характерной для представителей так называемого «ученого монашества»¹³. В 1888 г., получив степень кандидата богословия, он возвращается в Псковскую семинарию, где преподает ряд богословских дисциплин и французский язык. Монашество Василий Беллавин принимает только через несколько лет, в декабре 1891 г. Вот как он комментирует свое решение, отвечая в январе 1892 г. на письменное поздравление того же П.И. Булгакова: «В своем письме ты говоришь, что весть о моем пострижении мало тебя удивила, так как и раньше приходилось подмечать во мне и т. д. Действительно, в бытность в Академии я по складу душевному тяготел к монашеству, но постригаться тогда я не решался, во 1-х, потому, что хотелось поиспытать себя; во всяком случае, тогда я себя знал меньше, чем теперь, а, во 2-х, постригись я в Академии, пожалуй, сразу по окончании курса меня, как и других молодых монахов, несмотря на отсутствие опытности, назначили бы на пост начальнический, а это в большинстве случаев, кажется, сопровождается некоторым вредом и для лица, и для дела.

Конечно, и теперь, судя по расчетам человеческим, мне по принятию монашества может предстоять движение по службе <... > Само собою разумеется, что преподавательская служба

спокойнее, чем административная... Но что же делать! Монаху истинному более чем кому-либо должно запастись терпением, смирением и менее чем кому-либо шадить и жалеть себя. Не от того ли и неуспех в наших делах, что мы больше заботимся о себе, о своей личности и меньше о деле? И если это понятно и извинительно в людях, связавших себя куплями житейскими, то чем оправдаем себя мы, отрехшиеся от мира?!»¹⁴

Будущий Первосвятитель был прав, предвидя дальнейший ход событий. Довольно скоро, 17 марта 1892 г., определением Святейшего Синода он назначается инспектором Холмской духовной семинарии (ныне это территория Польши), а в июле того же года становится ее ректором, с возведением в сан архимандрита. И, наконец, в октябре 1897 г., благодаря ходатайству архиепископа Холмского и Варшавского Флавиана¹⁵ и православного населения края, архимандрит Тихон нарекается епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии.

Ценным источником, освещающим этот период жизни и деятельности Патриарха, являются мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского)¹⁶, сменившего В.И. Беллавина на посту ректора Холмской семинарии. По свидетельству владыки Евлогия, за пять лет ректорской службы архимандрит Тихон отлично поставил учебно-воспитательное дело, был человеком большой житейской мудрости, такта и чувства меры. «Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживляя любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом, – и этот же путь он указал и мне. В сане епископа он еще больше углубил и расширил свою связь с народом и стал, действительно, для Холмщины «своим» архиереем. Мне постоянно во время поездок по епархии приходилось слышать самые сердечные отзывы о нем духовенства и народа»¹⁷.

Согласно рукописи неизвестного автора¹⁸, вошедшей в собрание М.Е. Губонина и положенной в основу жития, составленного перед канонизацией Патриарха, принципиальность владыки Тихона повлекла за собой конфликт с влиятельной игуменьей одного из привислинских монастырей при станции Лесная Полесской железной дороги (Леснинская обитель). Якобы, узнав о заявлении преосвященного Тихона своему архиепископу с указанием на многочисленные нарушения во вверенном ей монастыре, она с помощью высокопоставленных знакомых в Петербурге добилась

удаления молодого епископа. Повлияло и то, что покровительствующий владыке Тихону Высокопреосвященный Флавиан в феврале 1898 г. был перемещен с Варшавской кафедры и назначен экзархом Грузии. Таким образом, всего через одиннадцать месяцев своего архипастырского служения в Холмской Руси, преосвященный Тихон был направлен Святейшим Синодом в Америку в сане епископа Алеутского и Аляскинского. Между тем в такой версии событий много неясного. И прежде всего ей противоречит свидетельство вышеупомянутого митрополита Евлогия, который ректорскую службу в Холмской семинарии совмещал с должностью благочинного женских монастырей. Он дает Леснинскому монастырю и игуменье Екатерине (в миру графиня Ефимовская) самые лучшие характеристики¹⁹. Тем не менее, требующий тщательной проверки рассказ о «настоятельнице-интриганке», вошел практически во все жизнеописания Святейшего²⁰. Возможно, настоятельница Леснинского монастыря действительно была причастна к переводу епископа Тихона, однако ее личность требует объективного освещения.

О популярности будущего Патриарха в Холмской епархии свидетельствуют его проводы, когда часть собравшейся во множестве пастыри проникла в отъезжающий поезд, удалила прислугу и перекрыла полотно железной дороги, препятствуя отъезду любимого архиерея. Покинуть Холм удалось только благодаря уговорам начальства и просьбе самого преосвященного Тихона²¹.

Период миссионерского служения святителя Тихона на епископской кафедре в Северной Америке длился с 1898 по 1907 гг. Именно в это время он окончательно сформировался как архипастырь, утвердились его нравственные качества, ярко проявились проповеднические и административные способности. Трудami преосвященного Тихона были созданы новые приходы, построены храмы, основаны монастыри, учреждены общественные организации для материальной помощи духовенству, открыты православная семинария и приют для сирот. Помимо прочего, епископ Тихон благословил создание церковно-археологического музея, раскрывающего историю возникновения и развития православия в Новом Свете.

Миссионерские поездки владыки Тихона по обширной епархии с проповедью православия стали продолжением традиций его предшественников: русских иноков-миссионеров из Валаамского монастыря; Германа Аляскинского – первого православного свя-

того Аляски и всей Америки; святителя Иннокентия (Вениаминова)²², митрополита Московского. Зачастую такие длительные путешествия были сопряжены с опасностями для жизни и здоровья владыки, в том числе от эпидемий и болезней, частых среди местного населения. Сохранились воспоминания об одном из путешествий святителя по реке Юкону на байдаре, большой лодке, обтянутой тюленьей кожей. «В 4 часа раздались трезвон и салюты, и мы отчалили. Через час прибыли в село Нуналеанхагмют – это летняя резиденция Икогмютского тоена²³. Тоен и все живущие с ним радостно вышли навстречу своему архипастырю и после принятия благословения от него спешили, как дети любимому отцу, нести ему дары от трудов своих – рыбу, икру и прочие подарки. На берегу реки развели огонь и стали готовить закуску и чай. В это время владыка изволил подняться почти по отвесной скале на местное кладбище, находящееся на вершине холма. Помолившись об усопших, владыка любовался открывшимся отсюда на реку и окрестности видом. Не гнушаясь бедной, грязной обстановки и сильным запахом рыбы, владыка посещал затем семейства туземцев в их летниках и палатках»²⁴.

О личной смелости святителя свидетельствует следующий эпизод. По воспоминаниям протодиакона Петра Попова, сопровождающего архипастырю в его трехмесячном путешествии по Аляске в 1900 году, однажды им было необходимо добираться четыре мили по воде до парохода на маленькой, рассчитанной только на двоих, лодке. «Положение наше было ужасное! Но ехать нужно было, и вот владыка, осенив себя крестным знаменем, первый отважился сесть в эту «душегубку» с одним хромым гребцом. ... С глубоким замиранием сердца следили мы за движением лодки, которая то поднималась, то опускалась в пучине морской! Через несколько времени лодка эта благополучно возвратилась, оставив владыку на пароходе. Следовала очередь за нами. Страх и ужас овладели нами...»²⁵.

Деятельность преосвященного Тихона в Северной Америке способствовала не только расширению границ епархии, но и тому, что титул епископа Алеутского и Аляскинского был изменен в 1900 г. на епископа Алеутского и Североамериканского.

Через пять лет В.И. Беллавин был возведен в сан архиепископа, а сама кафедра была перенесена из Сан-Франциско в Нью-Йорк, где к тому времени было завершено строительство кафедрального собора.

Годы пребывания святителя Тихона за границей совпали с периодом революционных потрясений в России. Изменение внутриполитической ситуации серьезным образом отразилось и на положении Церкви. Реальностью стала возможность созыва Поместного собора и реформа высшего церковного управления. Летом 1905 г. всем епархиальным архиереям было предложено прислать в Синод свои соображения по вопросам, предложенным к рассмотрению на Поместном соборе Всероссийской Церкви. Для нас, безусловно, интересен отзыв преосвященного Тихона. В числе многих архиереев он поддерживает идею восстановления института патриаршества, замечая, что «это не только бы отвечало достоинству и величию русской церкви, но и управление ее более приближало к строю, начертанному в канонах»²⁶. Другой важной реформой, по мнению будущего Первосвятителя, является разделение Церкви на митрополичьи округа. Кроме канонических оснований, за это говорят и практические соображения: «русская Церковь слишком обширна, а высшее церковное управление обременено массой дел, из которых многие можно передать в округа»²⁷. Указано в отзыве и на необходимость преобразований в епархиальном управлении, главным органом которого в то время была консистория. «Устав консисторий, – пишет владыка Тихон, – устаревший, и проникнут он крайним формализмом, мертвящим «дух жив». Настоит надобность в пересмотре этого Устава, так, чтобы сама консистория по духу своему приближалась к «совету старцев» (пресвитеров), бывшему при древних епископах. Она не должна служить «средостением» между епископом и клиром и паствой»²⁸.

Признавая наличие серьезных проблем в приходской жизни, преосвященный Тихон предлагает наделить приход правом юридического лица. По его мнению, приходская община во главе со священником и выборными попечителями должна сама ведать и распоряжаться хозяйственными вопросами; разумеется, под наблюдением епархиальной власти. Вместе с тем, указывает архипастырь, передача общине права избрания кандидатов клира является в России мерой преждевременной. Хотя, «сам по себе принцип выборного духовенства – законный, введение его желательно, и необходимо стремиться к осуществлению его», однако «приступить к этому повсюду теперь же и с этого начать восстановление древнего строя в приходе – это значит... «предлагать тяжко больному жирную, грубую пищу, полезную для рабочего, но смертельную для больного»²⁹.

И, наконец, заслуживают внимания размышления преосвященного Тихона в связи с возможным участием епископата и клира в органах народного представительства. Он замечает: «Иные – против участия священнослужителей в общественных учреждениях, так как через это пастыри вводятся в круговорот мирских дел и суеты житейской, что несогласно с их прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения. Против этого, однако, можно возразить, что пастырь есть руководитель совести христианина, его духовной жизни; а духовные, чисто христианские начала должны отражаться и проводиться и в область мирских дел, особенно в христианском государстве. И кому же, как не духовенству, лучше всего напоминать в общественных учреждениях об этих началах? И теперь ли, когда Правительство охотно приглашает выборных людей к сотрудничеству, духовенству проявлять недеятельность и безучастие? И время ли отказываться от влияния Церкви на государство, когда обстоятельства слагаются так, что православная вера из господствующей в государстве становится только терпимой, а в иных местах даже и не терпимой?»³⁰.

Подобные соображения выглядят вполне обоснованными, однако, как показало будущее, опыт участия духовенства в работе Государственной Думы оказался весьма неоднозначным и с практической, и с духовной точек зрения³¹.

Так или иначе, на основании материалов, представленных в Синод преосвященным Тихоном, можно охарактеризовать его как деятельного, образованного и трезвомыслящего архипастыря, восприимчивого к происходящим в церковной и политической жизни изменениям, при любых обстоятельствах ставящим на первое место благо Церкви.

Следующим важным этапом биографии святителя Тихона стало его служение в качестве архиепископа Ярославского и Ростовского (1907–1914). Он стал во главе Ярославской епархии в непростое время. Все более падал авторитет Церкви и духовенства, обычным делом стали ограбления храмов, в приходах значительно снизились суммы пожертвований за требы, которые были одним из основных источников дохода сельских пастырей, все меньше становилось желающих связать свою жизнь с церковным служением. Незадолго до приезда святителя террорист В. Веселов совершил покушение на ярославского губернатора А.А. Римско-Корсакова, которого от гибели спасла лишь случайность³².

Сам владыка Тихон прибыл в Ярославль 11 апреля 1907 г., а 20 мая «Ярославские Епархиальные ведомости» опубликовали следующее обращение архипастыря: «Его Высокопреосвященство просит: 1) анонимных доносов ему не присылать, ибо таковым не только не будет придаваться значения, но они не будут и читаться им; 2) в прошениях не писать кавалеру орденов (духовные лица лишь сопричисляются к орденам, а не состоят кавалерами оных)³³; 3) при представлениях не делать ему земных поклонов»³⁴. Для того времени подобный стиль общения архиепископа с духовенством и паствой был довольно необычен и характеризует внутренний облик нового Ярославского владыки с самой лучшей стороны. Безусловно, такое отношение находило сочувствие и живой отклик со стороны подопечных. «Благодарю судьбу, – писал в 1907 г. один из преподавателей Ярославской духовной семинарии, – что она послала мне в лице архиепископа Тихона такого прекрасного начальника, который вполне и до конца терпелив был к моим мечтаниям: даже больше, он, очевидно, прекрасно понимает и участливо входит в психологию людей моего положения. Уже пять раз я имел удовольствие говорить с ним: в результате у меня – одно очарование его личностью»³⁵.

За семь лет преосвященный Тихон посетил самые отдаленные пределы своей епархии, стремясь лично познакомиться с каждым из клириков. Вероятно, его трудами, как полагает Н.С. Борисов, в Ярославле в 1908 г. была издана уникальная по полноте справочная книга «Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии»³⁶. Сам сын сельского священника, святитель прекрасно понимал нужды провинциального духовенства, по многим свидетельствам, относясь к нему с сочувствием и пастырской любовью. Очевидец вспоминает, как однажды посетив одно из сел на окраине Ярославля, владыка застал местного священника на огороде за уборкой картофеля. Внезапно увидев епископа, клирик испугался, однако «ласковое, а не начальнически строгое обращение Владыки, его веселый и добрый нрав ободрили священника». «Вообще, – продолжает автор, – наставления и замечания Владыки имели характер не начальнический и делались они не в виде строгого приказа, а в виде совета или наставления отца сыну...»³⁷.

Казалось бы, дальнейшее управление архиепископом Тихоном одной из старейших российских епархий – Ярославской – могло принести только благо. Тем не менее, Высочайшим пове-

лением от 22 декабря 1913 г. архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон переводится на Виленскую и Литовскую кафедру. Одновременно на его место перемещается архиепископ Виленский и Литовский Агафангел (Преображенский). Основания такой «рокировки» до конца не ясны. Как сообщал в 1917 г. «Московский церковный голос», архиепископ Тихон «был переведен в Вильну вопреки своему желанию, вследствие столкновения с ярославским губернатором»³⁸. Тогда же об этом писал «Богословский вестник». Однако статья неизвестного автора, написанная во многом в русле политической конъюнктуры, всячески подчеркивающая «прогрессивность» и «демократизм» владыки Тихона (вплоть до того, что он, будучи библиотекарем в Академии, якобы тайно снабжал студентов «запрещенной» литературой), противопоставляющая его «поборникам царского и епископского самодержавия» – доверия не вызывает. Во всяком случае, известно, что на проводах архиепископа Тихона из Ярославля губернатор граф Д.Н. Татищев в покоях владыки, где собрались депутаты, первым зачитал один из многочисленных адресов, отмечавших доброту, простоту и доступность высокопреосвященного Тихона. По свидетельству «Ярославских епархиальных ведомостей», «приветствия носили искренний, сердечный характер...». В честь владыки Тихона состоялся и торжественный прощальный обед, на котором присутствовал сам губернатор, а также вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, городской голова, члены городской управы, председатель губернской земской управы, местные епископы, профессора, генералы и т. д. Причем губернатор Д.Н. Татищев произнес прощальную речь. Все вышесказанное не очень вписывается в версию конфликта с губернской администрацией, как и то, что за «заслуги и труды по управлению епархией» и в знак «любви и признательности» Городская Дума почтила архиепископа Тихона титулом «почетного гражданина города Ярославля». Нужно подчеркнуть, что подобный прецедент – чуть ли не единственный в истории Русской Церкви.

Сходная версия, объясняющая перевод высокопреосвященного Тихона на другую кафедру – влияние местных монархических организаций, в деятельности которых он якобы отказывался участвовать. «Причины... перемещения, – пишет протоиерей Александр Рождественский³⁹, – были не понятны. Кажется, вмешался «союз русского народа», тогда весьма влиятельный в высшем духовном мире»⁴⁰. Однако никаких конкретных фактов для такого

предположения нет. Следует также заметить, что интригам местных черносотенцев приписывали и удаление предшественника святителя Тихона на Ярославской кафедре архиепископа Иакова (Пятницкого); сам же высокопреосвященный Иаков объяснял это событие несколько по-иному – своей принципиальностью в отношениях с начальством⁴¹. Кроме того, примечательно, что, впоследствии, на обвинения большевиков в совместной работе с деятелями союза в Ярославле, Патриарх заявил: «...Да, я работал с перечисленными лицами и паству свою звал работать вместе со мною, полагая, что на Руси быть русским не предосудительно...»⁴². Очевидно, святитель Тихон в тот период искренне придерживался монархических убеждений. Так, в слове в день Священного Коронования (Нью-Йорк, 14 мая 1905 г.) он говорил: «Царь есть «батюшка» для народа, как трогательно называет его сам народ. Самодержавие основано на чувстве отеческой любви к народу, и любовь эта устраняет всякую тень деспотизма, порабощения, своекорыстного обладания, которую теперь иные стараются набросить на русское самодержавие»⁴³.

Достоверно известен лишь тот факт, что имела место кампания против архиепископа Тихона на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», организованная церковным публицистом Н.Н. Дурново. На вопрос об этом протоиерея Петра Булгакова владыка Тихон писал: «Вопрошаете меня насчет писем Дурново. Похвал его не читал, а с порицаниями, конечно, ознакомился. Вызваны они вот чем. В Ростове у нас есть архимандрит А.Ю. Я думаю, Вы слышали о нем. В течение 15 лет он по своей неуживчивости, кажется, меняет 15-е место. У нас он усиленно добивается Ростовского викариатства, чему я не сочувствую, хотя и не против того, чтобы в Ростове был викарий, только не А. А он [-] знакомый Дурново. Сей же писатель известен, вот и сочиняет про меня разные небывлицы, думая, вероятно, этим запугать меня. А между тем достигнет, пожалуй, обратного...»⁴². Вместе с тем о. Петр замечает, что «буря, воздвигнутая Дурново в союзе с архимандритом, пронеслась бесследно»⁴⁵.

По другим предположениям, причина перемещений Ярославского и Виленского архиереев заключалась в действиях архиепископа Агафангела, который (по неофициальным данным) должен был покинуть свою кафедру «из-за конфликта, происшедшего у него с мадам Кизиветтер, – влиятельной виленской дамой, которой он отказал в своем участии в крестном ходе и молебне у мо-

нумента графу М.П. Муравьеву⁴⁶, что было мадам Кизиветтер и ее окружением истолковано как антипатриотическая демонстрация со стороны правящего архиепископа»⁴⁷.

Представляется все же, что истоки происшедшего следует искать в высоких кабинетах чиновников духовного ведомства. Как справедливо замечает протоиерей А. Рождественский, «высшее церковное начальство, преимущественно светское, не любило, чтобы архиерей долго засиживался на одной кафедре, особенно, если он приобретал там всеобщие симпатии»⁴⁸.

24 января 1914 г. высокопреосвященный Тихон прибывает в Вильно. Местные особенности епархии, где рядом проживали представители разных вер и национальностей, требовали от архипастыря большого такта и широты взглядов. «Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона, – вспоминает тот же о. А. Рождественский, – труднее всего было поддерживать *внешний престиж*⁴⁹ духовного главы господствующей Церкви в крае, где не забыли еще польского гонора и высоко ценили пышность... И там все его уважали. Помню, как он, однажды, ехал из Вильны на свою великолепную архиерейскую дачу Тринополь, в простой коляске и в дорожной скуфейке, к ужасу русских служащих; но все, кто его встречали и узнавали, русские, поляки и евреи, низко ему кланялись»⁵⁰.

В период пребывания на Виленской и Ярославской кафедрах особенно проявилась благотворительная деятельность святителя Тихона. За девять лет (1907–1915) его *личные* пожертвования составили – 56 150 руб., т. е. 6238 рублей в год⁵¹! Сумма, по тем временам, очень значительная. Следует учитывать, что ассигнования из казны на содержание епархиальных архиереев в то время колебались, главным образом, в пределах 1500–4000 руб. в год. В числе тех, кому оказывал материальную помощь в 1914–1915 гг. высокопреосвященный Тихон: Виленское Свято-Духовское Братство, Литовская духовная семинария, Литовское Епархиальное попечительство о бедных духовного звания, Виленский Комитет «Красного Креста», Литовское Общество пострадавших от войны, Литовский Патронат для выздоравливающих нижних чинов, Виленский приют имени о. Иоанна Кронштадского и т. д.⁵²

В Вильно владыку застала Первая Мировая война. Он принимает деятельное участие в помощи пострадавшим в военных действиях: совершает молебны и панихиды, освящает лазареты, оказывает духовную поддержку солдатам и офицерам. Случалось вы-

сокопреосвященному бывать и на передовых позициях, и под обстрелом. «А я все езжу, – писал он, – возвратился вчера, а на днях опять поеду в другие места, и военные просят, и на позиции»⁵³. Вскоре из-за близости фронта ему приходится покинуть Вильно и переехать в Москву, эвакуировав с собой местные святыни – мощи св. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Однако через некоторое время владыка Тихон продолжит свое служение в свободной от неприятеля части Виленской епархии.

Проживание будущего Первосвятителя в Москве, с поселением в Даниловом монастыре, безусловно, повлияло на рост его популярности в московских церковных кругах, представители которых имели значительный вес на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Стал он известен и москвичам. На этот же период приходится и деятельность архиепископа Тихона в Святейшем Синоде, куда он еще ранее неоднократно вызывался правительством. В качестве члена Синода встретил он и Февральскую революцию, положившую начало резким переменам в сфере церковно-государственных отношений.

И хотя сам Святейший Синод встретил крушение монархии довольно сдержанно, значительная часть церковного сообщества была настроена крайне оптимистично, а революционные идеалы зачастую подменяли в сознании верующих истины христианского учения. «Мы... сочувствуем той свободе, которая провозглашена в великие мартовские дни и которая дорога нам, потому что она покоится на учении Самого Христа и апостолов и составляет дух и сущность Евангелия», – провозглашал епископ Серафим (Остроумов) в открытом письме московскому духовенству⁵⁴. Не только монархическая идея в целом, но и идея любой единоличной власти в то время была крайне непопулярна. По епархиям прокатилась волна перевыборов архиереев, которые часто проходили в нездоровой обстановке: сопровождалась нападками на церковную иерархию, призывами к реформам не только в области церковного управления, но и к «обновлению» всего учения Церкви. «Я боюсь равнодушия, а всякий бунт приветствую, — заявлял назначенный Временным правительством обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов, — я исполняю волю народа, я гоню архиереев, ибо народ этого требует»⁵⁵.

В такой обстановке В.Н. Львовым был сменен прежний состав Синода, а с кафедр оказался смещен ряд достойных архипастырей, в том числе митрополит Московский Макарий (Нев-

ский)⁵⁶, несправедливо обвиненный в связях с Распутиным. Встал вопрос о том, кто возглавит Московскую кафедру. И хотя имя архиепископа Тихона было названо среди прочих кандидатов, на предварительных приходских собраниях больше всего голосов получил мирянин А.Д. Самарин, некоторое время занимавший должность обер-прокурора Священного Синода. Только итоговое голосование определило значительный перевес кандидатуры высокопреосвященного Тихона, который 29 июня 1917 г. был возведен на Московскую кафедру.

Одним из приоритетов в целом довольно противоречивой церковной политики Временного правительства был созыв Всероссийского Поместного Собора, что в полной мере отвечало и чаяниям Церкви. 29 апреля 1917 г. начал работу Предсоборный Совет, в который кроме представителей иерархии и духовенства, вошло весьма значительное число мирян (40 из 62 членов). В процессе обсуждения программы Собора одним из самых болезненных оказался вопрос о реформе высшего церковного управления. Оказалось, что очень многие члены Совета не желали восстановления института патриаршества, видя в нем «символ реакции», препятствующий свободному и обновленному развитию церковной жизни. Подобные настроения были особенно характерны для профессорского состава Санкт-Петербургской Духовной академии, имевшего большинство в Предсоборном Совете. «Патриаршество решительно не соответствует духу времени», – выразил общее мнение этой группы проф. А.И. Покровский⁵⁷. Итоговый законопроект предполагал сохранение синодальной системы, что ставило сторонников восстановления патриаршества на Соборе перед серьезными проблемами.

13 августа 1917 г. Святейший Синод возвел архиепископа Московского и Коломенского Тихона в сан митрополита, а 15 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, открылся Всероссийский Поместный Собор, которому суждено было принять судьбоносные решения в новейшей истории Русской Церкви.

* * *

Мы обозначили основные вехи жизненного пути святителя Тихона до вступления его на Патриарший Престол. Психологический и духовно-нравственный облик Первосвятителя будут предметом отдельного рассмотрения, однако следует уже сейчас отметить те его черты, на которые практически единодушно

указывают современники разного происхождения и социального положения: доброжелательность, тактичность, простота в обращении, житейская мудрость, смелость и принципиальность и, наконец, глубокая религиозность, являющаяся внутренней опорой и духовным стержнем будущего Патриарха. Таким образом, высокая нравственность, большой опыт архипастырского служения, понимание материальных и духовных нужд клириков и мирян, политическая неангажированность, при лояльном отношении к власти – делали фигуру владыки Тихона в глазах церковного сообщества одной из самых привлекательных среди современных ему иерархов. Пожалуй, только обладающий подобными качествами архипастырь мог достойно возглавить церковную организацию в годы гонений, разумно и на духовных основаниях определяя меру компромиссов с атеистической властью. И, не случайно, митрополит Московский и Коломенский Тихон на Всероссийском Поместном Соборе становится одним из трех кандидатов на патриаршество, восстановление которого совпало с октябрьским переворотом и боями в Москве.

О коллизиях избрания Всероссийского патриарха – следующий параграф.

Восстановление патриаршества

Как уже было отмечено, идея восстановления патриаршества встретила серьезную оппозицию в лице определенной части «прогрессивно» настроенных представителей церковных кругов, в основном профессуры Духовных академий и церковнослужителей (псаломщиков и т.п.). Революционные настроения захватили и некоторых представителей духовенства. В момент открытия Собора убежденных сторонников патриаршества было не столь уж много. Однако ситуация быстро менялась, и в этом контексте определяющее значение имели результаты работы *Отдела о высшем церковном управлении*⁵⁸, который возглавил ревностный поборник патриаршества Астраханский епископ Митрофан (Краснопольский)⁵⁹.

Сама работа Отдела, заседания которого начались 3 сентября, вызвала огромный интерес; он был самым многочисленным по числу желающих принять участие в обсуждениях (266 записавшихся). С тем чтобы ознакомить членов отдела с состоянием

вопроса, было поручено составление докладов: а) на основании материалов Предсоборного Присутствия (1906) и Предсоборного Сопещения (1912–1914) проф. И.И. Соколову; б) по материалам Предсоборного Совета – проф. В.З. Завитневичу. После чего предполагалось открыть прения⁶⁰. Эти доклады были заслушаны на заседании 11 сентября, и если проф. И.И. Соколов стремился дать объективный отчет о стоянии проблемы, корректно излагая мнения «за» и «против» патриаршества, то проф. В.З. Завитневич, по существу, пытался использовать предоставленную трибуну для агитации против восстановления этого института. «Если в Церкви устанавливается принцип соборности, – заявил он в заключение, – патриарху нет места. Как жир или мед расплываются, если масса, в которой они находятся, превращается в кипяток, так расплывается патриарх в новой Соборной Церкви»⁶¹.

Следует заметить, что в дискуссии о патриаршестве апелляция к понятию соборности была одним из важнейших богословских доводов. При этом противники патриаршества понимали соборность исключительно как коллегиальность, своего рода церковный парламентаризм, тогда как сторонники этого института воспринимали ее «как различие даров и функций членов единого церковного тела, что подразумевало подчинение главе»⁶². Таким образом, соборность подразумевает равенство и одновременно и послушание для общего блага, вовсе не исключая принципа личной власти⁶³.

Собственно говоря, прения в Отделе, которые были открыты после вышеупомянутых докладов, согласно протоколу касались именно вопроса соборности, а не преобразования высшего церковного управления, что в дальнейшем привело к определенным проблемам, связанным с формальным оформлением решения Отдела о восстановлении патриаршества. Тем не менее, дискуссия сразу затронула вопрос о патриаршей форме управления.

«В основе соборности, – говорил протоиерей Н.М. Боголюбов, – лежит стремление освободить человеческую личность от ее ограниченности, а вовсе не обесцветить и стереть ее. Отсюда ясно, что эта идея не только не противоречит идеи патриаршества, а, напротив, находит в ней свое необходимое восполнение»⁶⁴.

Существенными признаками соборности, заявлял мирянин А.В. Васильев, являются не отрицание, а утверждение личности, не отрицание, а утверждение иерархического начала: добровольное самоподчинение⁶⁵.

Противники восстановления патриаршества, напротив, указывали на опасность развития клерикализма. «Я... боюсь патриаршества, – делился опасениями протоиерей А.Я. Языков, – я думаю – это будет епископ в квадрате»⁶⁶. Утверждалось также, что якобы и сама политическая ситуация входит в противоречие с идеей восстановления патриаршества. «Мы только что окончательно порвали с монархизмом в политической области, – доказывал профессор А.И. Покровский, – и перешли к народоправству, и вдруг в церковной области мы хотим идти в обратном направлении»⁶⁷.

Определенный резонанс в обсуждение внесло выступление преосвященного Митрофана. Отметив единодушие выступающих в понимании соборности, как основы церковного единства, он заговорил о патриаршестве. «Я подчеркиваю мысль о восстановлении Патриаршества, – сказал владыка Митрофан, – ибо это явление на Руси не новое, оно было насильственно прекращено, но осталось в сознании народа и всегда в важнейшие моменты жизни Русской Церкви снова оживлялось... Народ верующий жаждет видеть во главе Церкви живую личность, с которой бы он мог вступить в жизненные церковные отношения. Имя Патриарха само собой рождается и влечет к себе сознание народа. Он соберет вокруг себя живые церковные силы и поведет их по пути спасения»⁶⁸.

Дальнейшая дискуссия, по существу, шла вокруг уже ранее высказанных доводов в защиту или против патриаршества. Это апелляция к канонам, исторические аргументы, психологические доводы. И, наконец, на обсуждение в Отделе, и потом на пленарных заседаниях Собора все более влиял еще один важный фактор – быстро меняющаяся политическая обстановка, которая во многом делала очевидным необходимость для Церкви духовного лидера в лице Патриарха.

22 сентября прения по вопросу соборности в Отделе о высшем церковном управлении были завершены. Подводя итоги дискуссии, преосвященный Митрофан, как один из главных итогов обсуждения, сформулировал, поддержанный большинством выступавших, вопрос о необходимости восстановления в Русской Церкви патриаршества. Для продолжения работы Отдела необходимо было принять *особую формулу перехода*, утвержденную в следующем виде: «Выслушав общие прения по вопросу о высшем церковном управлении и 1) принимая, как исходное положение

в дальнейших своих работах, восстановление сана патриарха, присваемого первому между равными Епископу, возглавляющему управление церковными делами Российской Православной Церкви и 2) вместе с органами этого управления подотчетного Церковному Поместному Собору, Отдел переходит к дальнейшему рассмотрению законопроекта о высшем церковном управлении»⁶⁹.

Противники восстановления патриаршества выступили с письменным протестом, указывая, что вопрос о патриаршестве должен был рассматриваться отдельно, а не в рамках дискуссии о соборности. Поэтому столь неожиданное принятие формулы о патриаршестве сделало часть членов отдела «обманутой и лишенной законного права продолжить обсуждение неуясненного вопроса»⁷⁰. Формально такое заявление было обоснованным, однако то, что за формулу перехода проголосовало большинство, позволило продолжить дальнейшую работу по ее подготовке к представлению на общем пленарном заседании Собора. Именно этому было посвящено заседание 25 сентября, на котором разгорелась острая дискуссия между сторонниками и противниками патриаршества. Из-за необычно малого числа присутствующих вынесение формулы о патриаршестве на пленарное заседание Собора едва не было сорвано. Голоса разделились поровну: 38 – «за» и 38 – «против». Согласно Уставу Собора, вопрос был отложен до следующего заседания, когда большинством голосов (56 против 32) решение было принято.

11 октября началось обсуждение вопроса о патриаршестве на пленарных заседаниях Собора. Попытка несогласных с действиями епископа Митрофана вернуть вопрос на доработку в Отдел о высшем церковном управлении не удалась, и вынесенное Отделом определение было принято на рассмотрение Собора⁷¹. Открывшиеся вслед за этим прения подтвердили мнение преосвященного Митрофана о том, что «в пленарном собрании едва ли будет высказана новая мысль, которой не было бы высказано в Отделе». «Патриарх нам нужен не с точки зрения прав и обязанностей, – восклицал накануне уставший от споров владыка Митрофан, – а как молитвенно-церковный представитель». «Дайте нам отца, дайте молитвенника и подвижника!»⁷²

Общая суть возражений против патриаршества на общих заседаниях, по словам протоиерея П.Н. Лахостского, сводилась к двум главным: «боязни абсолютизма власти, русского папизма, и утверждению, будто патриаршество противоречит соборнос-

ти»⁷³. Весьма интересны замечания митрополита Вениамина (Федченкова)⁷⁴, характеризующие противников патриаршества. «На Соборе, – вспоминает владыка Вениамин, – было два течения... Мы различали эти течения по старому политическому признаку – либерализму. Большинство было в общем консервативно, но в хорошем смысле этого слова. [...] Обычно слово «консерватор» считалось в русском интеллигентском воззрении синонимом тупости, злости. По совести сказать, на соборе было как раз обратное. Вот либералы (они почти все вышли из преподавательской, отчасти и профессорской среды духовных школ) были действительно раздражены, злобны, упорны в своем либерализме. [...] Как люди с самоуверенным духом, большими знаниями и способными развязными языками, они производили большой шум: и по количеству подобных ораторов (они всегда выступали!), и по горячим речам их иногда казалось, будто чуть не весь собор мыслит так как они...»⁷⁵. Следует заметить, что впоследствии значительная часть этих церковных «либералов» примкнет к так называемому обновленческому расколу.

С обстоятельными речами в защиту русского патриаршества выступили такие члены Собора как профессор С.Н. Булгаков, магистр богословия Н.И. Троицкий, мирянин А.В. Васильев, профессор-архимандрит Иларион (Троицкий).

Выступление архимандрита Илариона⁷⁶, впоследствии архиепископа и ближайшего помощника Патриарха Тихона, заслуживает особого внимания. Оно состоялось 23 октября и вскоре было опубликовано в «Богословском вестнике» в виде статьи под названием «Почему необходимо восстановить патриаршество?»⁷⁷. «Уже много речей мы слышали о патриаршестве, – начал будущий архипастырь. – Большинство говоривших здесь о патриаршестве – и за и против – рассматривали патриаршество со стороны его целесообразности и своевременности. Одни возлагали на патриаршество, может быть и преувеличенные, надежды церковного и даже политического характера; другие спешили предсказать едва ли не полное разочарование тем, кто эти надежды на патриаршество возлагал. При этом в речах той и другой стороны одинаково слышалась одна и та же нотка: можно патриаршество восстанавливать, а можно и не восстанавливать, смотря по тому, что полезнее и своевременнее. Для меня вопрос о восстановлении патриаршества стоит совершенно иначе. Мы не можем не восстановить патриаршества; мы должны его непременно восстановить,

потому что патриаршество есть *основной закон* высшего управления каждой Поместной Церквью».

Далее, делая краткий исторический экскурс, архимандрит Иларион засвидетельствовал, что формы патриаршества менялись в зависимости от места и времени, однако всегда сохранялось главное условие: во главе каждой Поместной Церкви стоял *первоиерарх*. Печальным исключением является Русская Церковь, когда в столкновении с государственной властью «угасло на время русское патриаршество». Одновременно он указывал, что нет ничего общего между патриаршеством и папизмом, поскольку римский папа желает власти над всей Церковью и управляет самовластно, тогда как Патриарх – глава Церкви Поместной и «ничего не творит без рассуждения всех ее епископов».

Возвращаясь к событиям 1917 г., оратор заметил, что Собор, казалось бы, созван не в такое время, чтобы обсуждать тему патриаршества: отрицательное заключение по этой проблеме Предсоборного Совета, фельетоны и статьи против патриаршества в церковной прессе, пассивная позиция Святейшего Синода. И, тем не менее, первый большой вопрос, который стал предметом обсуждения на Соборе – это вопрос о патриаршестве.

О незаурядном проповедническом таланте будущего владыки Илариона свидетельствует окончание его выступления. Пустое патриаршее место в Успенском Соборе он образно назвал «русской стеной плача». «Зовут Москву сердцем России, – говорил архимандрит Иларион. – Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место...»⁷⁸.

И, наконец, 28 октября, несмотря на то, что предстояло выслушать еще около 90 желающих, прения было решено прекратить и провести голосование по вопросу о восстановлении патриаршества. Принятое Собором определение гласило: «1. В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная,

административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян. 2. Восстанавливается патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом. 3. Патриарх является первым между равными ему епископами. 4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору»⁷⁹.

Эти важнейшие для судьбы Русской Церкви решения принимались, по замечанию митрополита Евлогия, «под грохот пушек и треск пулеметов»⁸⁰. В Москве утверждалась советская власть. 29 октября едва не погиб и сам митрополит Тихон: снаряд разорвался рядом с экипажем, на котором владыка ехал для совершения службы в храм Христа Спасителя⁸¹. Позже во главе небольшой делегации он посетил и пострадавший от обстрелов Кремль, сделав об этом доклад перед членами Собора. По свидетельству протоиерея А. Рождественского, «митрополит шел совершенно спокойно, не обращая внимания на озверевших солдат, на их глазах расправлявшихся с «кадетами», и побывал везде, где было нужно»⁸².

После принятия решения о восстановлении патриаршества предстояло определить способ избрания Первоиерарха. Решено было следовать примеру Константинопольского патриархата, предварительно путем голосования избрав кандидатов из числа членов Собора. После первого голосования, прошедшего 30 октября, было возвращено 273 листа, в том числе 16 пустых. Всего было названо 25 имен – 21 архиерей, два протопресвитера, один архимандрит и один мирянин⁸³. 31 октября состоялось три тура голосования, для выбора трех кандидатов, набравших абсолютное большинство голосов. Первым кандидатом оказался архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), вторым, с меньшим числом голосов, архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), и третьим в списке стал митрополит Московский Тихон (Беллавин).

Весьма интересным, хотя и во многом субъективным источником, являются воспоминания протопресвитера Георгия Шавельского, первоначально вошедшего в число претендентов на патриаршество. В частности, он дает живые характеристики всем трем вышеуказанным иерархам. Признавая талант и образованность владыки Антония, о. Георгий считает его наиболее неудачной кандидатурой, замечая, что «Антоний стремился к Патриаршеству, как манне небесной». Митрополит Арсений, по свидетельству протопресвитера Георгия, был очень серьезным архи-

пастырем, которому, однако, не доставало смелости и мужества при встрече с опасностями. «Арсений, – пишет о. Г. Шавельский, – «трепетал при мысли, что тяжкий жребий Патриаршества может упасть на него».

Мы видим, что о. Георгий далек от идеализации современного ему епископата, довольно критично он был настроен и к составу Собора, а также к возможным результатам его работы. Казалось бы, каких-то нелицеприятных замечаний можно было ожидать и в отношении владыки Тихона. Однако отзыв о нем протопресвитера Г. Шавельского полностью вписывается в тот образ будущего Патриарха, который складывается по уже приведенным свидетельствам разных лиц. «Московский митр[ополит] Тихон, – пишет о. Георгий, – не отличался ни ученостью Антония и Арсения, бывших ректоров в Академии, ни славой, витавшей около имен их. Но это был благожелательный и добрый, рассудительный и спокойный, простой и для всех доступный, благочестивый архипастырь. Спокойствие и благодушие не покидало его в самые трудные минуты его жизни. Он не был узким консерватором, но он был далек от увлечений не продуманного либерализма и был осторожен в отношении всяких новшеств. К вопросу о Патриаршестве он относился спокойно и благодушно, полагаясь во всем на волю Божию»⁸⁴.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), также оставивший воспоминания о Соборе, указывает, что избрание в патриархи архиепископа Антония было бы лишь реализацией воли большинства. Действительно, владыка Антоний пользовался популярностью в церковных кругах и, кроме прочего, был известным ревнителем восстановления патриаршества. Свидетельство же владыки Евлогия об остальных кандидатах удивительно схоже с мнением протопресвитера Г. Шавельского. «Архиепископ Арсений, – пишет он, – ...возможности стать Патриархом ужасался и только молил Бога, чтобы «чаша сия» миновала его. Митрополит Тихон возлагал все на волю Божию...»⁸⁵.

О глубокой и искренней религиозности святителя Тихона уже было упомянуто. В те трагические дни, как указывает тот же митрополит Евлогий, произошли и значительные перемены в общем настроении Собора. «Мелкие человеческие страсти стихли, враждебные пререкания смолкли, отчужденность сгладилась. В сознание Собора стал входить образ Патриарха, печальника, заступника и водителя Русской Церкви. На будущего избранника стали

смотреть с надеждой. Настроение поднялось. Собор, поначалу напоминавший парламент, начал преобразоваться в подлинный Церковный Собор: в органическое церковное целое, объединенное одним волеустремлением – ко благу Церкви»⁸⁶.

В окончательном голосовании мог участвовать только епископат, однако иерархи решили отказаться от этого права и избрать Первосвятителя с помощью жребия. Как проходил сам акт избрания Патриарха? 5 (18) ноября 1917 г. в храме Христа Спасителя, после совершения часов перед Божественной литургией, митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский)⁸⁷, в присутствии шести соборян: протопресвитера Большого Успенского собора Н.А. Любимова, настоятеля Люблинского собора Холмской епархии, протоиерея Э.И. Бекаревича, законоучителя Новочеркасской Платовской гимназии священника В.А. Чернявского, профессора Казанской Духовной академии П.Д. Лапина, профессора Петроградской Духовной академии И.И. Соколова и крестьянина И.И. Малова – на особом столике, поставленном в алтаре слева от престола, собственноручно написал на трех одинакового вида и размера жребиях (в форме 1/8 доли писчего листа белой бумаги с печатью Собора) имена трех избранных Собором кандидатов на патриаршество. После этого, свернув каждый из жребиев в трубочку, сложив их поперек и надев на каждый резиновое кольцо одинакового размера, поместил жребии в особый ковчежец, закрыв его и перевязав тесьмою, концы которой запечатал сургучом. Вынеся ковчежец из алтаря на солею, митрополит Владимир поставил его на специальной приготовленном тетрапode⁸⁸ с левой стороны от Царских врат перед малой Владимирской иконой Божией Матери. Все время совершения Божественной литургии при ковчежеце неотлучно находились П.Д. Лапин, И.И. Соколов и И.И. Малов. Из Успенского собора была принесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери и поставлена на тот же тетрапод, где находился ковчежец со жребиями и малая икона Богоматери.

После Литургии и совершения молебна митрополит Владимир взошел на солею, взял ковчежец и, удостоверившись вместе с присутствующими, что печать и тесьма сохранились в неприкосновенности, ножницами разрезал тесьму и поднял крышку. Специально приглашенный старец – затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексей (Соловьев), приняв благословление митрополита и трижды осенив себя крестным знаменем, вынул из

ковчезца один из жребиев и вручил его митрополиту Владимиру, который огласил имя избранного в Патриархи – Митрополита Московского и Коломенского Тихона⁸⁹.

Духовный настрой владыки Тихона в те дни еще раз подтверждает протоиерей А. П. Рождественский. «Живо помню, – пишет он, – с каким смирением, с сознанием важности выпавшего жребия, и с полным достоинством принял преосвященный Тихон известие о Божьем избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом, его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех»⁹⁰.

Интронизация Патриарха состоялась 21 ноября (4 декабря) в Успенском соборе Кремля в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сам чин посвящения Первосвятителя, по свидетельству А. В. Карташева, состоял из элементов чинов Константинопольского и Александрийского патриархатов и старомосковского. Посвящение сводилось к торжественному облачению Святейшего во время литургии в патриаршие одежды и троекратному посаждению в алтаре на горнее место. После литургии Первосвятителя облачили в патриаршую мантию и белый клобук с херувимами, а затем митрополит Киевский Владимир вручил ему жезл первосвятителя Московского Петра и Святейший Тихон был посажен на патриаршем месте посреди храма у правой колонны⁹¹.

Российский Патриарх ясно сознавал, что принимает на себя тяжелую ношу. «Ваша весть об избрании меня в патриархи, – сказал он в день объявления ему результатов жребия, – является для меня тем свитком, на котором было написано: «плач, и стон, и горе», и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль... Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!.. Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях Российских и предстоит умирание за них во вся дни»⁹².

Таким образом, святитель Тихон оказался в сложнейшей, не имеющей аналогов в истории Русского Православия ситуации. Как сохранить Церковь в государстве воинствующего атеизма? Можно было покинуть Россию и стать «патриархом в изгнании». Однако для человека такого склада как Патриарх Тихон бросить на произвол судьбы свою паству, пусть и во многом расцерковленную, было бы малодушием. Что тогда? Возглавить «крестовый поход» против большевизма, поддержав и благословив Белое движение? Это могло только ускорить разгром церковной

организации, умножить и без того огромные жертвы. Да и дело ли Церкви принимать чью-либо сторону в политическом противостоянии? Попытаться договориться с властью? Но не будет ли это предательством христианских идеалов? Была и другая сторона происходящего, Первосвятитель понимал – нет мира и внутри самой Церкви, что наглядно показали работа Собора и коллизии восстановления патриаршества. Значительная часть духовенства и мирян оказалась заражена лжереформаторским, революционным духом. Как показали будущие события, нужно было уберечь Русскую Церковь, как организацию, не только от внешних гонений, но и от угрозы саморазрушения.

Удалось ли Патриарху Тихону найти единственно верное решение? Об этом наше дальнейшее повествование.

Примечания к 1 главе:

- ¹ *Погост* – здесь крупное селение с храмом и кладбищем.
- ² *Бовкало А.А.* К истории семьи Беллавиных // *Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви.* Вып. 2 (19). С. 11 (со ссылкой на: ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1).
- ³ Само написание фамилии – «Беллавин» – с двумя «л», что свидетельствовало о принадлежности к духовному сословию, в советских источниках подверглось искажению, и теперь во многих изданиях можно встретить неверное написание – Белавин.
- ⁴ См. подробнее: *Бовкало А.А.* Указ. соч. С. 12–16.
- ⁵ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 9.
- ⁶ Там же. С. 8.
- ⁷ *Жития Русских святых.* – Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, б.г. Т. III. С. 332.
- ⁸ *Никон* (Софийский Николай Андреевич) (1861–1908) – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. Убит грузинскими националистами.
- ⁹ *Филипп* (Бекаревич Яков) (1862–1902) – епископ Новгород-Северский, викарий Полтавской епархии, духовный писатель.
- ¹⁰ «Патриарший курс» / Публ., вступ. статья и коммент. Н.А. Кривошеевой // *Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви.* Вып. 2 (19). С. 50.
- ¹¹ Там же. С. 51.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ О феномене ученого монашества в Русской Церкви и связанных с этим проблемах см., напр.: *Смолич И.К.* История Русской Церкви (1700–1917) // *История Русской Церкви.* – М., 1996. Кн. VIII. Ч. 1. С. 290–

- 293; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. С. 76–98; *Лобанова И.В.* Восстановление патриаршества в восприятии православной иерархии России на рубеже XIX–XX вв. Дисс... канд. ист. наук. Машинопись. М., 2006. С. 19–26.
- ¹⁴ «Патриарший курс». С. 70.
- ¹⁵ *Флавиан* (Городецкий Николай Николаевич) (1840–1915) – митрополит Киевский и Галицкий. Член Св. Синода. Почетный член Санкт-Петербургской, Казанской и Киевской духовных академий.
- ¹⁶ *Евлогий* (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) – митрополит. В 1907–1912 гг. депутат II и III Государственных дум. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. С 1920 г. в эмиграции. В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией. Создал Богословский институт в Париже – самое крупное православное и учебное заведение за границей.
- ¹⁷ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 93–94.
- ¹⁸ Среди предполагаемых авторов: епископ Афанасий (Сахаров), иподиакон св. Патриарха Тихона – Б.П. Шифрин и сам М.Е. Губонин.
- ¹⁹ Вот, что пишет митрополит Евлогий: *«Леснинский монастырь... стал, действительно, тем культурно-просветительным центром, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала приюты для сирот, школы для младшего, среднего и старшего возраста, высшее сельскохозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу. [...] Мало этого, она развела ботанический фармацевтический сад с лабораторией, которой заведовал специальный фармацевт; устроила паровую мельницу; отлично поставила рыбководство на леснинских прудах посредством сложной системы сообщения между ними. В Леснинском монастыре создалась какая-то особая культурная атмосфера. Характерными ее чертами были: разумный, неослабный труд и духовное воодушевление. Душою обители несомненно надо признать матушку Екатерину. Это была святая душа. К себе строгая, подвижница-молитвенница и постница, к другим снисходительная, всегда веселая, – она была общительна, любила пошутить, пофилософствовать, побогословствовать, имея для этого данные. Духовный подвиг несла сокровенно, заматаывая следы, и лишь приближенные сестры догадывались, что она по ночам подолгу молится...»* (*Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 105).
- ²⁰ См., напр.: *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 22–23.
- ²¹ Там же. С. 25.
- ²² *Святитель Иннокентий* (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич) (1797–1879) – митрополит Московский и Коломенский. Просветитель Сибири, Камчатки и Америки. Канонизирован Русской Православной Церковью.
- ²³ *Тоен* – алеутский старейшина, вождь.

- ²⁴ Слово Православия в Америке: Проповеди и поучения Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, просветителя Северной Америки. С. 194.
- ²⁵ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 29.
- ²⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – М., 2004. Ч. 1. С. 581.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 583.
- ²⁹ Там же. С. 585–586.
- ³⁰ Там же. С. 587.
- ³¹ Здесь уместно привести свидетельство того же митрополита Евлогия (Георгиевского) – в 1907–1912 гг. депутата II и III Государственных дум от русского населения Холмской губернии. *«Политическая работа, – вспоминает владыка Евлогий, – наложила на меня тяжелый отрицательный отпечаток. Утрачивалась свежесть религиозных переживаний, ослабевала их духовная сила. Я подмечал в себе эту печальную перемену всякий раз при возвращении в Холм. Приедешь, бывало, на вокзале встречают священники, и вместе с ними отправляешься в собор служить молебен перед чудотворной иконой Божией Матери. Войдешь в храм – и повеет миром, тишиной, чистотой, благоуханием, благодатью молитвы. Церковные своды, иконы, огни лампад, чудотворный образ, молящиеся люди... Точно из грязной ямы в царствие небесное попал. Вспомнишь Думу, и станет так горько, мучительно: иные интересы, настроения – злорадия, матаж и ненависть... Следует ли духовенству участвовать в политической жизни страны, в строении государства? С точки зрения пользы, может быть, и нужно; но если принять во внимание душу и совесть – это большое для духовного лица несчастье... Я чувствовал себя каким-то «обмирщенным», «секуляризованным», на каждом шагу борьба между пастырской совестью и партийной дисциплиной; атмосфера политических страстей как-то душила, угнетала дары благодати священства... И все же должен отметить, что присутствие в Думе духовенства на мирян влияло хорошо. Некоторые депутаты, особенно крестьяне, с нами считались, приходили поделиться впечатлениями, посоветоваться, приглашали на требы в свои семьи» (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 173–174).*
- ³² Подробнее об этом периоде служения святителя Тихона см.: *Борисов Н.С.* Святитель Тихон во главе Ярославской епархии // «Журнал Московской Патриархии» (далее – ЖМП), 2005, № 6. С. 75–79.
- ³³ Здесь уместно указать правительственные награды Патриарха: ордена св. Анны 2 ст. (1895), св. Владимира 3 ст. (1901), св. Анны 1 ст. (1904), св. Владимира 2 ст. (1909) и св. Александра Невского (1913).
- ³⁴ «Ярославские Епархиальные ведомости», 1907, Часть неофициальная. С. 278. (Цит. по: *Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 76).

- ³⁵ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 42.
- ³⁶ Там же. С. 78.
- ³⁷ Цит. по: *Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 79.
- ³⁸ «Московский церковный голос», 1917, № 16. С. 1 (цит. по: Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 493).
- ³⁹ *Рождественский Александр Петрович* (1864–1930), протоиерей. Учился вместе с В.И. Беллавиным в Псковской духовной семинарии и Санкт-Петербургской Духовной академии (1886–1888). В 1890–1891 гг. служил в Псковской духовной семинарии, во время преподавания там В.И. Беллавина. Член Священного Собора 1917–1918 гг. Умер в эмиграции.
- ⁴⁰ Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 12.
- ⁴¹ Как заявил владыка Иаков: «Я старался делать все по правде; я никогда не назначал на места по протекции и не уступал сильным мира сего... И это, кажется, ускорило мой перевод отсюда...» (*Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 75).
- ⁴² Акты Святейшего Тихона... С. 224.
- ⁴³ Слово Православия в Америке: Проповеди и поучения Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, просветителя Северной Америки. С. 131.
- ⁴⁴ «Патриарший курс». С. 63.
- ⁴⁵ Там же. С. 63–64.
- ⁴⁶ Видимо, в источнике опечатка, и речь идет о М.Н. Муравьеве (1796–1866) – графе, генерале от инфантерии, генерал-губернаторе Северо-Западного края, за подавление польского восстания 1830–1831 гг. получившего от поляков бранный эпитет «вешатель». Известен неосторожной фразой, когда на вопрос, не родственник ли он известному декабристу, заявил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают».
- ⁴⁷ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 493.
- ⁴⁸ Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 12.
- ⁴⁹ Здесь и далее, выделения в тексте цитат, сделанные автором – не огораживаются.
- ⁵⁰ Там же. С. 13.
- ⁵¹ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 198.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 50.
- ⁵⁴ «Московский церковный голос», 1917, № 2. С. 2.
- ⁵⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – М., 1994. Т. 2. С. 194.
- ⁵⁶ *Макарий* (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич) (1835–1926) – митрополит Московский и Коломенский, член Св. Синода, почетный член

Санкт-Петербургской Духовной академии. Канонизирован Русской Православной Церковью.

- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 578. Л. 143.
- ⁵⁸ Подробный обзор работы Отдела о высшем церковном управлении Поместного собора 1917–1918 гг. см.: *Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В.* Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. – М.: «Русская панорама», 2008. С. 119–132.
- ⁵⁹ *Митрофан* (Краснопольский Дмитрий Иванович) (1869–1919) – архиепископ Астраханский и Царевский. В 1907–1912 гг. депутат III Государственной Думы. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., председатель отдела о высшем церковном управлении. Расстрелян в г. Астрахани. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 10 об.–11.
- ⁶¹ Там же. Л. 20–21.
- ⁶² *Иакинф Дестивель, священник.* Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. – М., 2008. С. 129.
- ⁶³ Там же. 129–130.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 29.
- ⁶⁵ Там же. Л. 38 об.–39.
- ⁶⁶ Там же. Л. 94.
- ⁶⁷ Там же. Л. 72 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 73–78 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 113.
- ⁷⁰ Там же. Л. 115.
- ⁷¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. С. 263.
- ⁷² Там же. С. 234–235.
- ⁷³ Там же. Т. 3. С. 3.
- ⁷⁴ *Вениамин* (Федченков Иван Афанасьевич) (1880–1961), митрополит, духовный писатель. В 1919–1920 гг. епископ армии и флота войск юга России. С 1920 г. в эмиграции. Присутствовал на Всеаграничном Карловацком церковном соборе. Впоследствии (1927) воссоединился с Московской Патриархией. В 1947 г. возвращается в СССР. С 1958 г. на покое, скончался в Псково-Печерском монастыре.
- ⁷⁵ *Вениамин (Федченков), митрополит.* Указ. соч. С. 499–500.
- ⁷⁶ *Иларион* (Троицкий Владимир Алексеевич) (1886–1929) – архиепископ. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. В 1920 г. хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. С 1923 г. – архиепископ. В декабре 1923 г. арестован и сослан в Соловецкий лагерь. Скончался в 1929 г. в петроградской тюремной больнице. Известен как талантливый богослов и проповедник. Канонизирован Русской Православной Церковью.

- ⁷⁷ *Иларион (Троицкий), архимандрит.* Почему необходимо восстановить патриаршество? (речь на общем заседании церковного Собора 23 октября [1917 года] профессора Московской Духовной Академии архимандрита Илариона // «Богословский вестник», 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. 418–426.
- ⁷⁸ Там же. С. 426.
- ⁷⁹ Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // «Богословский вестник», 1993. Т. [1.], № 1. С. 114.
- ⁸⁰ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 276.
- ⁸¹ Там же. С. 276–277.
- ⁸² Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 18.
- ⁸³ Деяния Священного Собора... Т. 3. С. 47–48.
- ⁸⁴ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 273–274. (Со ссылкой: *Шавельский Г.И., протопресвитер.* В школе и на службе (Воспоминания). Машинопись. ГАРФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 7–8).
- ⁸⁵ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 277–278.
- ⁸⁶ Там же. С. 278.
- ⁸⁷ *Владимир* (Богоявленский Василий Никифорович) (1848–1918) – священномученик, митрополит Киевский и Галицкий. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., почетный Председатель Собора до дня интронизации Патриарха Тихона. Убит в Киеве 25.01.1918. Канонизирован Русской Православной Церковью.
- ⁸⁸ *Тетрапод* – невысокий переносной столик, на котором благословляются, например, хлебы, пшеница, вино и елей на Всенощном бдении.
- ⁸⁹ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 2. С. 602.
- ⁹⁰ Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 19.
- ⁹¹ *Карташев А.В.* Революция и Собор 1917–1918 годов // «Богословская мысль», Париж, 1942. С. 95–96. (Цит. по: *Иакинф Дестивель, священник.* Указ. соч. С. 137).
- ⁹² Деяния Священного Собора... Т. 3. С. 118.

Глава 2.

«Нет власти не от Бога...»?

Позиция Патриарха в 1917–1918 гг.: первые послания

20 января 1918 года¹ декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) Русская Православная Церковь была отделена от государства и лишена права юридического лица, а ее имущество объявлялось народным достоянием, порядок пользования которым определялся постановлениями местных и центральной властей². Это было одним из первых шагов атеистического государства, направленных на разрушение Церкви как целостного института, искоренение религии из жизни общества. Вышеупомянутому акту уже предшествовал ряд законодательных антицерковных мер: постановление СНК о передаче Народному комиссариату по просвещению всех принадлежащих Церкви учебных заведений (11 декабря); декреты, касающиеся вопросов законодательства о браке (18, 19 декабря); приказ, ликвидирующий институт духовников в вооруженных силах (16 января) и некоторые другие постановления³. В мае 1918 г. был образован VIII (V) («ликвидационный») отдел Наркомюста, задачей которого было, по сути, уничтожение административно-управленческих структур РПЦ. В июле того же года 65-й статьей конституции духовенство и монашествующие объявлялись нетрудящимися элементами, которые лишались избирательных прав. 24 августа 1918 г. все положения декрета СНК об отделении церкви от государства были закреплены инструкцией НКЮ⁴, определяющей порядок его реализации.

Власть в своих действиях первоначально стремилась апеллировать к либеральным концепциям XIX – начала XX вв., согласно которым наилучшим для Церкви являлось состояние полного отделения и независимости ее от государства, что по известной формуле *libera chiesa in libero stato* (свободная церковь в свободном государстве) (формула Кавура⁵) наиболее полно обеспечивает

свободу совести⁶. По существу, это должно выражаться в двух положениях: «1) религия есть частное дело гражданина, 2) церковные и религиозные общества во всем приравниваются к частным обществам»⁷. Поэтому, в целом, декрет от 20 января выглядел вполне либерально и, по замечанию многих авторов, в основном соответствовал конституционным нормам светских государств нового времени⁸. Однако обращают на себя внимание пп. 12, 13 декрета, лишаящие Церковь юридического лица и права владеть собственностью. Тем самым власть, объявляя об отделении Церкви от государства, одновременно ставила ее фактически вне закона.

Между тем «Известия ЦИК...», характеризуя декрет как выражение воли миллионов трудящихся, писала: «Рабочее и крестьянское правительство нисколько не посягает на верующих, членов религиозных обществ, Российская Социалистическая республика не думает посягать на свободу совести верующих граждан, когда оно вырывает у духовенства власть и богатства, эту главную опору в деле отупления масс, она оставляет за религиозными обществами полную свободу исповеданий и организации»⁹. И более того, утверждалось, что никакого гонения на православную веру, ни явного, ни тайного – нет и не будет. «Православная вера, – провозглашалось в статье «Черное воинство», – как и всякая другая (старообрядческая, католическая, лютеранская, иудейская или магометанская), у нас совершенно свободна; каждый может верить и молиться по-своему, как кто находит лучше, и это право каждого защищает народная Советская власть»¹⁰.

Однако в тот же самый период бывший присяжный поверенный И.А. Шпидцберг, консультант VIII отдела НКЮ, на своей лекции заявлял, что теперь, после свержения земного царя, предстоит свергнуть и Небесного. По его словам, предстояло скорое издание декрета о запрещении Таинства Причастия как колдовского акта, а также декрета о закрытии всех храмов, кроме того, будет запрещено богослужение и отобраны все церковные сосуды¹¹. Активные антицерковные действия властей нашли открытое выражение в попытке вооруженного захвата Александроневской лавры в Петрограде в январе 1918 г., что натолкнулось на противодействие верующих, явившееся, по мнению Н.А. Кривовой, первым ненасильственным выступлением против антирелигиозной политики¹².

Как указывает В.А. Алексеев, к 1918 г. восходят и истоки широко развернутых в дальнейшем советской властью кампаний по

ликвидации святых мощей и изъятию церковных ценностей. В частности, он обращает внимание на то, что за день до принятия СНК постановления «О ликвидации мощей во Всероссийском масштабе» от 30 июля 1920 г., Совнарком утвердил решение «О результатах вскрытия мощей»¹³, где, обобщив работу в этом направлении, проведенную в 1918–1920 гг., наметил ее дальнейшую активизацию¹⁴. Аналогично порядок изъятия церковных ценностей определен уже вышеуказанной инструкцией НКЮ от 24 августа 1918 г. Реквизиция началась и часто распространялась на самые необходимые предметы вплоть до полного изъятия богослужебной литературы¹⁵. Непосредственным образом отразилось на судьбе Церкви и постановление СНК от 5 сентября о «красном терроре». По данным Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета только в 1918 г. было расстреляно около 15 тыс. священников и мирян¹⁶.

Таким образом, грубое вмешательство властей во внутреннюю жизнь Церкви, репрессивная политика по отношению к духовенству и верующим инициировали глубокий конфликт между государством и Церковью. Гражданская война стала фактором, еще более обострившим это противостояние.

Именно в этот период возникла необходимость определить отношение Церкви к новой власти и к происходящему в стране. Позицию Патриарха Тихона можно проследить по ряду проповедей и посланий. Так, большую известность получило обращение от 19 января (1 февраля) 1918 г. к «архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской», в котором он предал анафеме гонителей веры и Церкви, проливших кровь невинных людей и посягнувших на церковные святыни. «Опомнитесь безумцы, – взывает Первосвятитель, – прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной»¹⁷.

Несмотря на то, что в послании Предстоятель РПЦ резко критикует власть, не следует воспринимать этот документ как политическую декларацию. «Да, – говорил Патриарх в те дни в бесе-

де с корреспондентом одного из православных изданий, – настало, наконец, время, когда Церковь возвышает свой голос... Выступление ее отнюдь *не политическое, а только моральное*. «Изымите злое то вас самех» – по выражению священного Писания. Отлучение состоит в том, что Церковь отменяет от себя явных убийц и грабителей мирян и осквернителей и посягателей на достояние храмов. Миряне же поддерживают в этом Церковь, прерывая общение с отлученными»¹⁸. На вопрос, как относится к лицам, облеченным властью, если они будут подлежать отлучению, Первосвященитель ответил: «Мы не призываем к бунту, к бунту против власти, но только к борьбе против ее уродливых и преступных порождений. Власть может быть монархической или республиканской, кадетской или *большевистской*, но не должна она безнаказанно вызывать подобных беспримерных потрясений и разложения нравственных основ»¹⁹.

Такое разъяснение противоречит утвердившемуся в советской историографии тезису о том, что Патриарх в тот период активно поддерживал вооруженное выступление против нового государственного порядка, сознательно провоцировал верующих на антиправительственные действия²⁰. Можно, конечно, говорить о его контрреволюционности с точки зрения духовного неприятия сути и последствий октябрьского переворота, однако нет никаких подтверждений его деятельности направленной на насильственное свержение советской власти. Апелляция к политическим мотивам дает и повод для резкого противопоставления позиции и взглядов Первосвященителя в разные периоды его патриаршего правления, почву для обвинений его в приспособленчестве и сервиллизме.

Между тем в послании нет призывов к политическому насилию. Патриарх призывает противостоять врагам Церкви лишь «силою веры» и «властного всенародного вопля». По-видимому, Первосвященитель, отдавая себе отчет, что происходящее в стране зависит от позиции народных масс, без поддержки которых новая власть не может осуществлять свою политику, обращается прежде всего к народу, рассчитывая воздействовать на его совесть и религиозное чувство. Причину внешней смуты Патриарх Тихон видит в смуте внутренней. «Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабела и самая вера, неистовствует безбожный дух мира сего. ...От небрежения чад своих, от хладности сердец страждет Наша Святая Церковь, а с Нею страждет и Наша Рос-

сийская держава»²¹, – указывает он в послании «о вступлении на Патриарший Престол» от 18 (31) декабря 1917 г.

По ряду выступлений членов Священного Собора, обсуждавших послание, появление которого практически совпало с началом работы второй сессии, можно увидеть, что и многие из них понимали обращение Первосвященителя, прежде всего, в духовно-нравственном, а не в политическом смысле. Проф. И.М. Громогласов, при обсуждении данного послания, в частности заявлял, что он решительно отказывается звать делегатов на путь поиска каких-либо *политических* форм для спасения Церкви: «...Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь или президент, – как угодно его назовите, – а в том, чтобы был Небесный Царь – Христос...». Он указывал, что: «У Церкви нет другого, более сильного оружия, чем отлучение. Это – дело великое, но и последнее, что есть у Церкви, кроме надежды на беспредельную милость Божию...»²². Член Собора А.В. Васильев замечал, что может вызвать недоумение – на кого должна падать анафема, ведь настоящий поход на Церковь, сопровождающийся братоубийством и взаимной ненавистью, начался не вчера, не со времени перехода власти к большевикам. «Страшно, – говорил он, – ...что мы около года являемся свидетелями того, как повсеместно кучка негодяев, на глазах множества других людей, совершает злодеяния, терзает, мучает, производит самосуды, и это ни в ком не встречает помехи. Затем все эти убийцы – члены христианских семейств, они возвращаются к своим родным, встречаются со знакомыми, и их принимают, с ними сохраняется общение. Вот к ним то и должно относиться содержащиеся в послании запрещение иметь общение с врагами родины и Церкви»²³. В том же ключе высказывался и другой выступающий – генерал Л.К. Артамонов, выражая надежду, что церковный народ услышит голос своего вождя и не будет «пассивно относиться к хулиганствующим лицам»²⁴. Более конкретно звучало выступление прот. Н.В. Цветкова, который предлагал четко определить, кого же анафематствует Патриарх? Одновременно он указывал, что вопрос о том, нужно ли признавать власть или нет, является весьма сложным²⁵.

Дискуссия, конечно, не могла не касаться политических тем, были и достаточно резкие заявления в адрес власти. В целом, однако, речь идет прежде всего о мерах церковного воздействия в отношении участвующих в беззакониях христиан и тех, кто молчалием, по сути, одобряет их действия. Все вышесказанное, разу-

меется, не означает симпатии Патриарха и Собора к атеистической власти – многие из тех, на кого падало запрещение, безусловно, в той или иной степени имели отношение к властным структурам, – а свидетельствует лишь об осознании необходимости четкого разделения между «Божьим» и «цесаревым». Отреагировать на беззакония, осудив тех, пусть даже формально православных, которые в них участвовали, было нравственным долгом Предстоятеля Русской Православной Церкви и, более того, его прямой архипастьырской обязанностью. В силу общероссийского характера происходящего, послание непосредственно затрагивает политические реалии, но главная его цель лежала в области церковной.

В этом контексте довольно спорным представляется мнение митрополита Вениамина (Федченкова) о том, что указанное послание Патриарха было ошибкой, связанной с «влиянием некоторого окружения из лиц чисто политических»²⁶. Поскольку именно тогда его следует рассматривать как политическое заявление, из которого бы логично вытекали призывы к вооруженной борьбе, безоговорочная поддержка Белого движения и т. д., что, в силу подобного понимания, собственно и инкриминировалось Патриарху властью, но не соответствовало действительности. Одновременно следует заметить, что речь идет о периоде, когда возможность формирующихся органов власти влиять на происходящее в стране, по существу, была весьма ограничена, новая власть только пыталась поставить стихийные процессы под свой контроль. Поэтому Патриарх на данном этапе не ставил в своем послании цели углубляться в проблему существования Церкви в атеистическом государстве, – это было сделано позже, а реагировал на злобу дня.

По замечанию митрополита Елевферия (Богоявленского)²⁷, в этом послании Патриарх Тихон «...явился не выразителем церковного взгляда на власть..., но выявителем болезненно-горького чувства, крика пораженного небывалым горем своего сердца и благомыслящей части народа». Анафема, по его мнению, затрагивала не власть, во главе которой стояли атеисты или бывшие христиане. Она относилась к «временно забывшим совесть и разум русским православным», являясь, скорее всего, предохранительным средством для людей, которые еще не потеряли «страха Божия»²⁸.

Безусловно, Патриарх надеялся, что его послание отрезвит многих из тех, кто пассивно поддерживал советскую власть.

Однако, скорее всего, он мыслил намного шире, рассчитывая повлиять и на большевиков. Парадоксально, но и среди них были верующие. Правда, вера ничуть не мешала совершать преступления... Так, Г. Соломон (Исецкий), в начале 20-х гг. занимавший пост заместителя наркома внешней торговли, вспоминает о руководителе Главного управления пограничной стражи некоем В.А. Степанове – бывшем семинаристе и «стопроцентном коммунисте». Крайне негативно характеризуя его нравственные качества, Г. Исецкий приводит эпизод, когда Степанов, бывший у него в подчинении, обратился с предложением передать в ЧК и расстрелять своего заместителя, бывшего царского офицера Т-ва, по смехотворному обвинению в спекуляции (якобы тот выгодно обменял свою фуфайку на фунт сливочного масла!). «Меня душил гнев, – вспоминает Исецкий, – меня душило сознание моего бессилия и желание побить, изуродовать этого человеконенавистника. А в уме и душе было одно сознание необходимости во что бы то ни стало защитить бесправного человека. И с нечеловеческим усилием воли, сдержав в себе желание кричать и топтать ногами... я стал резонно и спокойно, деловым тоном доказывать Степанову, что предлагаемое наказание не соответствует «проступку». Я говорил о самом Т-ве, об его многочисленной семье, о его нужде... Я вспомнил, кстати, что Степанов (еще одна из гримас современности!) был *крайне и суеверно религиозен* – в то время это не преследовалось, – вечно ходил в церковь... И я говорил с ним доводами от религии, приводил слова Спасителя... Был Великий пост. Степанов собирался говеть, и я напомнил ему, что он должен, прежде чем исповедоваться «проститься с братом своим». И мне в конце концов удалось повернуть дело так, что Степанов стал униженно просить меня простить его»²⁹.

Мы видим, что Г. Соломону (Исецкому) удалось воздействовать духовными аргументами на верующего, хоть и по-своему, представителя власти. Видимо, не исключал такой возможности и Патриарх Тихон.

Другим документом, который дал почву для обвинений Патриарха в контрреволюционной деятельности, явилось послание от 5 (18) марта 1918 г., осуждающее унизительный для России Брестский мир. Выражая свое негативное отношение к заключенному большевиками миру, глава Русской Церкви одновременно делает акцент на призыве к покаянию и «прекращению братоубийственных распрей и раздоров»³⁰. По мнению протоиерея

К. Зайцева, подчеркивающего сознательную невовлеченность Патриарха в какую-либо политическую деятельность, это воззвание весьма важно для уяснения взгляда Православной Церкви как на внешние, так и на внутренние политические проблемы того момента, когда Россия, выходя из войны внешней, вступала в войну гражданскую. Он полагает, что «...для Патриарха борьба между красными и белыми была ничем иным, как междоусобицей, братоубийственной войной». Ибо: «...от побед на фронтах политическом или социальном, хотя бы окрылявшихся идеалами, далекими от советского бунтарства и бесчинства, Патриарх еще не ждал спасения России. Он смотрел поверх политики, в самую глубь народной совести, ее церковного пробуждения он ждал»³¹.

Наряду с этим, если говорить о политической, а точнее, патриотической составляющей послания, которая обусловлена тем, что, по словам Предстоятеля РПЦ, «Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения»³², то, по мнению канадского историка Д. В. Поспеловского, обвинить Патриарха Тихона в антиправительственной позиции в связи с этим документом можно не более чем Л. Д. Троцкого или Н. И. Бухарина, голосовавших первоначально против Брестского мирного договора³³.

Таким образом, говоря в дальнейшем об аполитичности Церкви и Патриарха, мы должны различать: собственно политическую деятельность, связанную с желанием влиять на расстановку политических сил в стране, активной поддержкой, исходя из узкоцерковных интересов, той или иной партии или движения (при этом попадая от них в определенную зависимость) и деятельность *патриотическую*, отражающую интересы России и всего народа. И именно в смысле патриотического служения Церкви следует рассматривать послания Патриарха Тихона, касающиеся политических реалий. Под аполитичностью же Церкви будем понимать ее политическую неангажированность, невмешательство в междоусобную борьбу.

Наконец, еще одним важным документом является обращение Патриарха в СНК в связи с первой годовщиной Октябрьской революции. Следует, однако, подчеркнуть, что, по его собственным словам, это было частное письмо, не предназначавшееся для опубликования³⁴. Но и в нем, пожалуй, наиболее резким образом обличая власть в происходящем в стране, Предстоятель РПЦ не

призывает к вооруженной борьбе, указывая: **«Не Наше дело судить о земной власти»**; всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину являлась «Божиим слугой» на благо подчиненных и была «страшна не для добрых дел, а для злых» (Рим. 13, 3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности...»³⁵.

Тот же Д.В. Пospelовский подчеркивает, что это был обращенный непосредственно к власти ответ на гонения, не призывающий на какое-либо восстание против нее. Скорее можно рассматривать это послание как использование Патриархом старинного права «печалования», подобно, например, митрополиту Филиппу по отношению к Ивану Грозному³⁶. Точно также расценивает письмо Патриарха и М.И. Вострышев³⁷. Финский исследователь А. Луукканен считает, что обвинение в послании Патриархом власти в деструктивных процессах в стране содержит политическую анафему (political anathema) советскому режиму; очевидна, однако, условность этого термина³⁸. Большевиками же обращение Патриарха было воспринято как прямое контрреволюционное выступление, что послужило одним из поводов к его первому домашнему аресту; в ночь с 24 на 25 ноября 1918 г. Первосвятитель был изолирован на Троицком подворье. Официального обвинения Предстоятелю РПЦ предъявлено не было, неофициально же ему инкриминировались якобы имевшие место призывы к свержению советской власти.

Несмотря на введение в последние годы в научный оборот большого числа архивных источников, связанных с деятельностью главы Русской Церкви в указанный период, сохраняется еще немало моментов, требующих дополнительного комментария. В частности, в недавно изданных материалах следственного дела Патриарха Тихона, помимо следствия в отношении Патриарха в 1922–1924 гг., документально освещается и ряд вопросов, связанных с заключением Первосвятителя под домашний арест в ноябре 1918 года³⁹.

Из опубликованных материалов следует, что по поручению Священного Синода и Высшего Церковного Совета, составляв-

ших Высшее Церковное Управление⁴⁰, член Священного Собора Русской Православной Церкви Н.Д. Кузнецов дважды обращался в Совнарком с ходатайством освободить Патриарха, если необходимо, под поручительство Синода или всего Высшего Церковного Управления. Кроме того, под № 15 публикуется заявление членов Священного Синода и ВЦС в Совет народных комиссаров, от 2 января 1919 года, о необходимости освобождения Патриарха Тихона из-под домашнего ареста, в котором они указывают: «Через Члена Всероссийского Церковного Собора Н.Д. Кузнецова⁴¹ нами было представлено в Совет Народных Комиссаров заявление о необходимости освободить Всероссийского Патриарха от домашнего ареста... В настоящее время мы, нижеподписавшиеся, подтверждаем наше прежнее заявление и согласно разъяснению Управляющего делами Совета Народных Комиссаров, сделанному через Н.Д. Кузнецова указываем свои адреса».

Можно было бы заключить, что речь идет о подтверждении того, что изложено в двух обращениях в Совнарком А.Д. Кузнецова, от 26 ноября и от 7 декабря 1918 г.⁴² Однако существует другой документ, хранящийся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Это обращение членов Священного Синода и ВЦС в Совнарком, датированное 29 ноября, в котором они просят Совет Народных Комиссаров незамедлительно сделать распоряжение об освобождении Патриарха от домашнего ареста под их поручительство в том, что он не уклонится от следствия и суда⁴³. Таким образом, становится ясным о подтверждении какого заявления, теперь уже с приложением адресов, идет речь в документе от 2 января.

Неоднократные обращения Синода и ВЦС, а также ходатайства прихожан⁴⁴ о скорейшем освобождении Патриарха свидетельствуют о высокой степени обеспокоенности за жизнь и здоровье Первосвященителя. С другой стороны, изоляция главы РПЦ ставила под угрозу весь ход церковных дел, дезорганизуя церковное управление и негативно сказываясь на духовном состоянии верующих. Тем не менее, еще не окрепшей власти, приходилось учитывать и настроения православного населения и реакцию иностранных держав. Вечером 6 января 1919 г. Патриарх был освобожден из-под стражи и на следующий день уже принял участие в праздничном богослужении⁴⁵.

Возвращаясь к анализу наиболее значительных документов первого послереволюционного года, определяющих отношение

Первосвященителя к новой власти, можно заключить, что Патриарх Тихон, будучи настроенным к советской власти резко критически, тем не менее, не допускает призывов к насильственному сопротивлению, рассматривая – в русле церковного сознания – *всякую власть, как поущенную Богом*. По выводу протоиерея К. Зайцева: «...Патриарх не считал себя вправе объявлять «врагом» советскую власть как таковую. Действия врага видел он в общей настроенности русского народа, вне преодоления которой не чаял спасения России»⁴⁶.

По мере укрепления советской власти и снижения уровня стихийного насилия в стране Патриарх смягчает свою позицию, четко заявив о политической и гражданской лояльности, сосредоточивая силы на сохранении церковного единства и защите прав Церкви. Впоследствии, для спасения церковной организации, он вынужден будет пойти на ряд уступок, в том числе подписать так называемое «покаянное заявление», в котором признавал правильность решения Верховного Суда о привлечении его к ответственности за антисоветскую деятельность и заявлял, что «отныне Советской власти не враг». Оправданность таких решений будет рассмотрена в дальнейшем. Вместе с тем следует заметить, что уже в начальный период существования советского государства начинает формироваться последовательная линия отношений Патриарха с властью. С одной стороны – невмешательство в политическую борьбу, с другой – отстаивание и защита интересов Церкви.

Наряду с резким тоном ряда рассмотренных выше посланий, обличающих власть в кровопролитии, насильственных действиях и подобных беззакониях, Патриарх, в письме в СНК по поводу обвинения его в призывах к свержению советской власти от 6 декабря 1918 г., четко заявляет, что «никаких воззваний «о свержении Советской Власти» я не подписывал и никаких действий для этого не предпринимал и предпринимать⁴⁷ не собираюсь. Что многим мероприятиям народных правителей я не сочувствую и не могу сочувствовать... этого я не скрываю, и о сем открыто писал в обращении к Народным Комиссарам пред празднованием годовщины Октябрьской революции, но тогда же и столь же откровенно я заявлял, *не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной, а тем более предпринимать действия, направленные к ея низвержению*. Наш долг лишь указывать на отступления людския от великих Христовых заветов любви, свободы и брат-

ства, изобличать действия, основанные на насилии и ненависти, и звать всех ко Христу»⁴⁸.

Эти взгляды в дальнейшем легли в основу исторического послания Первосвященника к архипастырям и пастырям Русской Церкви о невмешательстве в политическую борьбу от 25 сентября (8 октября) 1919 г. В нем, не отказываясь от критической оценки политики советского государства в области религии, Патриарх еще раз подчеркивает, что: «...установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. *Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение*»⁴⁹.

В связи с этим необходимо остановиться на тех мировоззренческих основаниях, которыми мог руководствоваться Предстоятель РПЦ, определяя, с точки зрения верующего христианина, позицию Церкви по отношению к враждебному ей государству. Специалисты в области церковного права согласны в том, что Священное писание не дает достаточных сведений для создания какой-либо универсальной теории церковно-государственных отношений⁵⁰, ибо Христос учил лишь воздавать кесарево кесарю и божие Богу (Мф. XXII, 21). Вместе с тем Новый Завет содержит ясные указания на отношения христиан вообще к власти. В частности, проф. И.С. Бердников, рассматривая евангельское и апостольское учение, указывает, что Церковь признает государство как форму общежития, установленную самим Творцом (Римл. XIII, 1); считая его необходимым для защиты от внешних врагов и поддержания внутреннего порядка (Лк. III, 14; 1 Петр. II, 14; Римл. III, 3–4). Одновременно признаются законодательные, управленческие и судебные функции государственной власти в сфере ее компетенции (1 Петр. II, 14; Римл. XIII, 3–5). Церковь призывает воздавать власти все должное, а именно: подати и повинности (Мф. XXII, 21; Римл. XIII, 3–5), подчинение ее распоряжениям (1 Петр. II, 13–14; Римл. XIII, 1–7; Тит. III, 1–2), почтение и уважение (Римл. XII, 7), кроме того, заповедуются приносить молитву «за царей и всех начальствующих» (1 Тим. II, 1–2). Таким образом, исполнение обязанностей по отношению к государству и повиновение государственной власти – есть прямая обязанность христианина, освященная волей Божией (1 Петр. II, 13–14; Римл. XIII, 2)⁵¹.

При этом не имеют значения вероисповедание и личные качества представителей власти, а также форма государственного

правления. «Кто бы ни был представитель и носитель власти государственной, язычник или магометанин, порочный или строптивый человек, всякому начальству без исключения следует подчиняться»⁵².

«Неужели всякий начальник поставлен от Бога? – спрашивает святитель Иоанн Златоуст в толковании на Римл. XIII, 1. – Не то говорю я, отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно... – все это я называю делом Божией премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существовании власти и говорит: *несть власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть*»⁵³.

Вместе с тем повиновение светским властям не должно, по учению Церкви, противоречить исполнению закона Божия. В своей области Церковь должна быть свободной, самостоятельной и действовать только по своим законам⁵⁴. Профессор А.С. Павлов указывает следующие сферы чисто церковной деятельности: а) веро- и нравоучение; б) таинства; в) богослужение, а также области церковного управления, дисциплины, суда и использования своего имущества как частной собственности. Все прочее относится к компетенции государства, как бы в этом ни была заинтересована Церковь⁵⁵.

Одновременно, по замечанию И.С. Бердникова, даже в том случае, если государственные законы несогласны с правилами христианской веры и нравственности, христианин должен сохранять уважение к государственной власти. «Он... не составляет тайных обществ..., не подыскивает сообщников, чтобы силой заставить правительство изменить непригодные законы, одним словом... не предпринимает ничего, чтобы могло клониться к нарушению общественного порядка»⁵⁶.

Представляя собой совершенно особый самостоятельный организм, отличный от государства, Церковь, как вместе с тем и общественный институт, входит в непосредственное соприкосновение с государством, что дает начало их правовым отношениям. Известный канонист проф. М.Е. Красножен выделяет несколько возможных форм отношений между церковью и государством:

«1) Церковь сливается с государством посредством поглощения последнего первую, к чему стремится... латинский католицизм.

2) Церковь сливается с государством посредством поглощения первой последним, к чему приближается протестантизм...

3) Церковь стоит совершенно отдельно от государства...

4) Сочетание, взаимная связь церкви и государства... Все то, что составляет предмет внутренней жизни – входит в область церкви; а все внешние проявления общественной и политической жизни, в том числе и внешние проявления духовной жизни, – составляют область государства»⁵⁷.

По заключению ученого, принцип тесного взаимодействия гражданской и церковной власти, без подчинения одной власти другой, является основным руководящим началом в истории церковно-государственных отношений на Востоке (подобная система получила название симфонии). Он указывает, что мысль о необходимости подобного тесного взаимодействия неоднократно повторялась и от лица Церкви и, одновременно, была закреплена в государственном законодательстве Юстиниана (новелла 6-я) (VI в.) и более поздних византийских императоров (Эпаногога, вторая половина IX в.)⁵⁸.

Таким образом, в отличие от Рима, где отношения Церкви и государства приняли иерократическое направление, и имело место соперничество между государством и Церковью, византийская система церковно-государственных отношений, воспринятая и Русью, характеризуется стремлением к тесной связи и взаимодействию духовной и светской власти. Вместе с тем, как справедливо указывает проф. Н.С. Суворов и другие специалисты в области церковного права, с XVIII в. эта система отношений в России получила резкий отпечаток государственной церковности, господствующей в то время в протестантских государствах Западной Европы⁵⁹.

Проф. Н.А. Заозерский, размышляя об оптимальной модели церковно-государственных отношений, – ибо, по его мнению, любая из четырех возможных систем взаимоотношений Церкви и государства не может быть признана удовлетворительной, – видит наилучший вариант в автономном существовании Православной Церкви, причем Церковь должна мыслиться как религиозная организация совершенно диспаратная государству⁶⁰.

При этом исследователь замечает, что вся наша история служит основанием того, что автономия Церкви не должна внушать опасений государству. Ибо ее социальная природа такова, что в ней *нет* элементов, каким-либо образом грозящих государству,

независимо от его политической формы. «Церковь, – указывает Н. А. Заозерский, – может внушать (как это делала всегда) своим членам только две заповеди: а) молиться, прежде всего, за Царя и всех носителей власти, и б) по совести повиноваться всякому государственному начальству в его законных требованиях. А в случае так называемых коллизий и конфликтов, то есть требований явно противоречивых догматическим, моральным и обрядовым воззрениям, ее иерархи и пастыри имеют лишь одно бесспорное право «не стыдяся» высказывать истину перед царями, а в случае неуспеха – обязанность умереть с этим свидетельством на устах, – если это потребует, – но отнюдь не возбуждать своих пасомых к восстанию против государства... Область Церкви – моральное воспитание человека; государственная политика – не ее призвание»⁶¹.

Таким образом, мы видим, что позиция и действия Патриарха в целом последовательно вытекают из церковного учения об отношениях Церкви и государства. Более того, исторически сложившаяся в России практика церковно-государственных отношений всегда характеризовались стремлением Церкви к тесному сотрудничеству с государственной властью, что в послереволюционный период выразилось, по крайней мере, в готовности к диалогу с государством. Власть, однако, изначально рассматривала Церковь как контрреволюционную силу, активно включившуюся в политическую борьбу⁶². Именно в таком ключе трактовалось любое из обращений Патриарха, в которых он давал духовно-нравственные оценки происходящему в стране. С другой стороны, активное вмешательство власти во внутреннюю жизнь Церкви вызывало противостояние (как правило, ненасильственное) духовенства и верующих, что способствовало еще большей конфронтации государства и Церкви.

В этих условиях от Патриарха требовалась духовно и политически взвешенная позиция, которая могла бы дать клиру и пастве надежные ориентиры существования в этот тяжелый для Русской Православной Церкви исторический период. Основы такой позиции четко были высказаны Предстоятелем РПЦ в ряде посланий 1919 г., из которых наиболее принципиальное значение имеет обращение к архипастырям и пастырям от 25 сентября (8 октября) с предостережением от вмешательства в политическую борьбу. Провозглашение Патриархом принципа аполитичности Церкви и подходы к его реализации рассматриваются далее.

Над схваткой

Для понимания того, как представлял себе Патриарх жизнь Церкви в новых исторических реалиях, весьма важно сказанное им во время поездки в Петроград летом 1918 г. Отвечая на речь председателя правления братства православных приходов протоиерея Н.С. Рудницкого, который говорил о том, что братство объединяет людей готовых на мученичество и смерть, Первосвяtitель заметил: «Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет. Задача братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование – это *жизнь*, а не смерть и могила»⁶³. Эти слова во многом объясняют дальнейшую деятельность Патриарха Тихона. Допущение компромисса с властью в вопросах, не имеющих богословско-литургического значения, и одновременно твердое отстаивание позиции Церкви в вопросах для нее принципиальных, с тем чтобы сохранить канонические церковные структуры в условиях гонений. Как уже было указано, принцип невмешательства РПЦ в политическую деятельность наиболее четко был сформулирован Патриархом в послании от 25 сентября (8 октября) 1919 г.⁶⁴ В советской историографии это рассматривалось как вынужденный шаг перед лицом серьезно укрепившийся советской власти. Но так ли это?

Рассматривая ход Гражданской войны, мы видим, что лето и первая половина осени 1919 г. были временем значительных успехов Белого движения. Начатое в мае наступление войск генерала А.И. Деникина увенчалось рядом крупных побед – были взяты: Луганск, Харьков, Царицын. К концу лета уже вся Украина контролировалась белыми, а 12 сентября главнокомандующим подписывается очередная директива о наступлении на Москву. А.И. Деникин вспоминает: «Мы занимали огромные пространства... Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии»⁶⁵. В течение сентября – первой половины октября добровольцы заняли – Курск, Воронеж и Орел, вплотную приблизившись к Туле⁶⁶. По свидетельству Л.Д. Троцкого, сдача большевиками Тулы была бы для них катастрофой худшей, чем оставление Москвы, так как означала потерю важнейших ружейного и патронного заводов⁶⁷. Одно-

временно войска Н.Н. Юденича, с величайшим трудом остановленные в мае–июне, в октябре вновь подошли к Петрограду. Положение советской власти во многом было критическим⁶⁸. По свидетельству Г.А. Соломона (Исецкого), большинство коммунистов были в растерянности и даже панике. «Эта паника – вспоминает он, – нарастала исподволь и, собственно началась, все развиваясь и усиливаясь, с того момента, как Деникиным был взят Орел. Уже тогда предусмотрительные «товарищи» стали готовить себе разные паспорта с фальшивыми именами и пр. Уже тогда началось заигрывание с «буржуями», возобновление старых буржуазных знакомств и отношений, собиранье и пристраивание набранных драгоценностей в безопасные места. Но когда стало известно, что Деникин уже близок, по слухам, к Серпухову, затем к Подольску, все, уже не скрываясь стали дрожать, откровенно разговаривать друг с другом, как быть, что сделать, чтобы спастись... Даже в коридорах «Метрополя» можно было видеть разорванные партийные билеты»⁶⁹.

И в этом контексте, возвращаясь к событиям 1918 г., следует рассмотреть вопрос: как сам Патриарх Тихон относился к Белому движению?

Видный церковный и общественный деятель А.В. Карташев, впоследствии профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, летом 1918 г. конспиративно жил в Москве и, будучи членом Высшего Церковного совета, принимал активное участие в деятельности так называемого «левого центра». Эта антисоветская организация, в частности, разрабатывала программные документы для использования их на территориях, занятых генералом Деникиным, а также, имея в виду победу антибольшевистских сил и в Москве. В начале сентября 1918 г. Карташев со своим единомышленником посетил Патриарха Тихона, рассчитывая получить поддержку и совет Первосвященника. «Дослушав до конца внимательно и грустно, он (Патриарх. – В.Л.) вдруг снисходительно засмеялся над нашими «хорошими словами», как мудрый старец смеется над идеализмом мечтательных юношей. «Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!»». По мнению А.В. Карташева, Патриарх уже в тот период чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не веря в возможность скорой победы Белого движения⁷⁰. Думается, однако, что дело было не только в оценке перспектив борьбы с большевиками, а скорее в принци-

пиальном стремлении Предстоятеля РПЦ не связывать Церковь ни с какими политическими течениями.

Известны и часто цитируются по данному поводу воспоминания князя Григория Трубецкого, который летом 1918 г., перед отъездом на юг в Добровольческую армию, где рассчитывал увидеть всех, с кем связывались надежды на освобождение России от большевизма, посетил Первосвятителя. «Я просил разрешения святого патриарха, – свидетельствует Г. Трубецкой, – передать от его имени, разумеется, в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет *не только наружно, но и по существу* избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику»⁷¹.

Мы видим, что такой точки зрения Патриарх придерживается *более чем за год* до появления послания от 8 октября 1919 г. о невмешательстве Церкви в политическую борьбу, и даже, до весьма резкого письма в СНК по поводу годовщины Октябрьского переворота. Это еще раз подтверждает тезис о том, что в посланиях первого года советской власти, несмотря на их обличительный характер, Патриарх Тихон лишь выражал свое отношение к происходящему, рассчитывая воздействовать на нравственное и религиозное чувство православного населения, не пытаясь использовать Церковь как политический инструмент⁷². Тогда как возможность влиять на организацию активного сопротивления властям была для него более чем реальна. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что, по приблизительному подсчету самих большевиков, только крестный ход, совершенный 22 мая 1918 г. в день праздника святителя Николая Чудотворца, собрал около четырехсот тысяч человек⁷³. Сохранились впечатляющие фотографии этого церковного торжества⁷⁴. Несколько сотен тысяч верующих приняли участие и в прошедшем в Москве крестном ходу 28 января 1918 г.⁷⁵ Протоиерей Александр Рождественский вспоминает, что когда Патриарх посещал Богородск (Ногинск), промышленный город Московской губернии, а позже Ярославль и Петроград, то многие боялись противодействия со стороны рабочих и солдат. Однако эти опасения совершенно не подтвердились. В Богородске рабочие устроили для встречи Первосвятителя красивый павильон, все улицы во время его приезда были переполнены. В Ярославле местные власти вынуждены были

принять участие в его встрече, обедали и снимались с ним. Поездка в Петроград вообще носила триумфальный характер. По настоянию железнодорожных рабочих, несмотря на протесты властей, Патриарху был выделен особый вагон, который по пути встречали на остановках⁷⁶.

Все это говорит о значительном авторитете Патриарха Тихона в указанный период (не следует, впрочем, и преувеличивать популярность Первосвятителя в основном расцерковленной рабочей среде), чем он мог бы воспользоваться в политических целях, призвав верующих к вооруженному сопротивлению. Однако, как уже было сказано, нет никаких достоверных фактов, подтверждающих подобные действия и намерения Предстоятеля Русской Церкви.

Определяя же, почему Патриарх отказался благословить Белое движение, нужно отметить и тот существенный момент, что, несмотря на формальную приверженность белых армий православному вероисповеданию и имевшую место определенную духовно-нравственную самоотверженность, по многочисленным свидетельствам, большинство белых офицеров к вере и Церкви были равнодушны. Печальное заключение о религиозно-нравственном состоянии Белого движения делает митрополит Вениамин (Федченков), в то время возглавлявший военное духовенство армии Врангеля:

«Когда я вернулся с фронта, то доложил нашему Синоду, а потом и генералу Врангелю буквально так:

— Наша армия героична, но она некрещеная!

Вывод, в сущности, ужасный.

Что делать? Синод, архиереи – мы были *бессильны и совершенно неавторитетны* в глазах военных»⁷⁷.

Поэтому, видимо не случайно, именно в период успехов Белого движения появляется ряд посланий Предстоятеля РПЦ, которые в определенных кругах могли вызвать неоднозначную реакцию. Первым обращает на себя внимание воззвание от 8 (21) июля 1919 г. к чадам Православной Российской Церкви. Казалось бы, в период побед Белой армии, Патриарх, в соответствии с логикой обвинений в стремлении активно участвовать в политической борьбе, должен был отреагировать на успех белых словами одобрения и благословения. Напротив, Первосвятитель, совершенно не упоминая о каких-либо победах и успехах, указывает на то, что трудной, но и высокой задачей для христианина является сохра-

нение незлобия и любви к поверженному врагу. «Пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратится к мщению, тем более погромному, против наших врагов или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром (Рим. 12, 21)»⁷⁸. Очевидно, что Патриарх делает акцент не на политической, а на духовной подоплеке событий. Предостерегая от взаимного мщения, он ставит во главу угла не политический расчет, а, рискуя вызвать непонимание в белом лагере, к которому, по существу, и обращено это послание, выступает с миротворческих позиций.

В этот же период в большевистской прессе активизируется антицерковная кампания; при этом, кроме обычных обвинений Церкви в антисоветской деятельности, весьма выигрышной, с точки зрения антирелигиозной пропаганды, казалась возможность возложить на Церковь ответственность за всякого рода эксцессы, в частности, – *еврейские погромы*, которые приняли особенно болезненный характер в то время на Украине.

В свое время автором данной книги было введено в научный оборот ранее неизвестное обращение Патриарха в СНК от 1 августа 1919 г.⁷⁹ Это ответ на статью некоего Карина, обвиняющего Церковь в «безудержной антисемитской и белогвардейской агитации» и организации погромов⁸⁰. «Наше духовенство, – утверждал Карин, – все время шло в авангарде отечественных погромщиков. Все кошмарные погромы царизма совершались при непосредственном идейном и фактическом участии священнослужителей всех рангов. Рясофорные погромщики именем Христа натравливали черную сотню и одурманенную несознательную толпу на евреев. Именем Христа люди-звери, натравленные попами и жандармами, разбивали головы восьмидесятилетних стариков и бросали с трехэтажных домов грудных младенцев... То же происходит теперь на Украине, но в гораздо более ужасных размерах... Ни для кого ни секрет, что почти по всем церквям Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях, под видом религиозных собеседований и т. д... Пользуясь полной неприкосновенностью, пользуясь полным невмешательством государственной власти в дела религии, они используют богослужебные места меньше всего для совершения культа, а, главным образом, для *безудержной анти-*

еврейской и антисоветской травли. [...] Не знаем, – заключал автор, – состоится или уже состоялось собрание московских пастырей, не знаем, было ли там вынесено какое-нибудь решение, одобряющее или порицающее погромы, не знаем даже мнения по этому поводу патриарха Тихона, но так или иначе в Красной Москве не может быть места позабывшим свои прямые обязанности священствующим погромщикам»⁸¹.

Таким образом, в адрес Церкви и Патриарха был выдвинут ряд обвинений. Причем, очевидно, что обвинение в погромах является лишь логическим поводом к тому, чтобы доказать *анти-советскую и антиобщественную* сущность самого церковного института; ибо тот, кто провоцирует и принимает участие в погромных эксцессах, видимо, с легкостью сделает подобное и по отношению к *власти*, противником которой является. Не случайно автор связывает воедино антисемитизм и «белогвардейскую агитацию». Все это заслуживает подробного комментария; какие силы действительно стояли за организацией погромов, свойственны ли Православной Церкви экстремистские действия какого-либо рода?

Анализируя историю погромного движения на Украине во время гражданской войны, следует отметить, что погромы, вспыхнувшие с конца 1918 г., были долгое время тесно связаны с именем главного атамана украинских войск, Петлюры, будучи спутниками наступления и особенно отступления украинской армии. В еще более страшную фазу они вступают в мае 1919 г., с восстанием атамана Григорьева. Погромным походом против евреев обернулось и повстанческое движение украинской деревни, порожденное недовольством экономической и национальной политикой советской власти. В 1919–1921 гг. число повстанческих погромных атаманов на Украине доходило до нескольких сотен. От них особенно пострадало еврейское население Правобережной Украины и прилегающих районов левобережной⁸².

Антисемитские настроения украинской армии ярко показаны в отчете М. Рафеса, члена делегации Киевской городской думы, высланной навстречу петлюровским войскам, с просьбой недопущения эксцессов в отношении еврейского населения. «...Солдаты и даже офицеры не скрывали своего озлобленно-антисемитского настроения. В ответ на просьбу о недопущении эксцессов солдаты возмущенно кричали: «Нет, мы расправимся и расправимся беспощадно». «Я один вырежу не меньше 50 евреев!» – кричал кто-

то из солдат. «Полгорода, всех жидов надо перерезать!» – кричал другой...» «Жид Троцкий идет войной на Украину, и его поддерживают все еврей-капиталисты», – кричали солдаты в другом месте... «Все три миллиона жидов надо выгнать из Украины, пусть идут себе, куда хотят!», «Украина для украинцев!»⁸³

В.К. Винниченко, один из лидеров украинского национально-го движения, констатирует, что подбивало солдат к погромам главным образом само офицерство. Показательно, что ни один из преступников был не только не расстрелян, но даже не понес какого-либо наказания⁸⁴.

Не менее важным фактором в погромном движении на Украине были и антиеврейские настроения в деревне. По мнению эмигрантского исследователя И.М. Чериковера, антисемитская струя, принесенная украинской армией, дала новый импульс и как бы официальную санкцию погромным чувствам крестьянской массы. Видя, с какой легкостью и безнаказанностью армия расправилась с евреями, крестьяне стали смотреть на последних как на преступников, лишенных всяческой защиты закона. «Деревня оказалась необычайно восприимчива к погромным идеям и всегда охотно шла вслед за буйствующим гайдамаком с пустым мешком забирать еврейское добро»⁸⁵.

Для нас интересна оценка причин погромов на Украине в 1917-1919 гг. советским автором С.А. Алексеевым. В предисловии к сборнику «Революция на Украине: По мемуарам белых», вышедшем в 1930 г., он замечает, что правительство Центральной рады и правительство Директории отличались друг от друга только по названию, и потому совершенно естественно, что погромы, явившиеся таким бедствием на Правобережье в период правления Директории, начались еще при Центральной раде и носили совершенно тот же характер, – это были погромы, производившиеся при прямом попустительстве, а точнее подстрекательстве – «национального» Украинского правительства. «Активной силой, устраивавшей погромы, – пишет Алексеев, – была регулярная армия (поскольку можно о таковой говорить в отношении этого периода) и темные силы крестьянства, поддавшиеся кулацкой агитации»⁸⁶.

Отбросив большевистскую риторику, мы видим, что С.А. Алексеев, выделяя движущие силы погромов, фактически следует за своими политическими оппонентами. Обращает на себя внимание тот факт, что он *совершенно не указывает* на какую бы то ни

было роль православного духовенства в погромной агитации. Напротив, имеется немало свидетельств активной антипогромной деятельности духовенства на Украине. Следует упомянуть созданную группой русских общественных деятелей специальную Лигу борьбы с антисемитизмом, в состав которой входил протоиерей Константин Аггеев⁸⁷. Против погромов, печальную традицию которых, несмотря на негативное отношение к этому высшего руководства, продолжила Добровольческая Армия, активно выступало Киевское Религиозно-философское Общество⁸⁸. Очевидцы указывают, что евреев скрывали у себя даже священники, известные своими крайне правыми взглядами⁸⁹.

Таким образом, сопоставив свидетельства лиц различной политической ориентации, можно заключить, что погромное движение на Украине во время гражданской войны имело в своей основе сложный комплекс причин политического, экономического и психологического характера. Однако нет никаких оснований для выделения в качестве одной из причин – «погромной деятельности» духовенства.

Следует также заметить, что о своем отношении к еврейским погромам Церковь не раз заявляла. В частности, Святейшим Синодом был издан циркуляр, предписывающий духовенству принять меры к искоренению вражды против евреев. Населению раздавались тысячи листовок⁹⁰. Особенно заметными были выступления в защиту еврейского населения будущего митрополита Антония (Храповицкого). Так, в открытом письме к известному философу Н.А. Бердяеву он свидетельствовал: «...О евреях я говорил и отпечатал поучение в 1903 году (против погромов), благодаря которому на Волыни не было в том году погромов, облетевших весь юго-западный край; в 1905 году... за день до Вербной субботы прибыл я из Петербурга и на Страстной седмице сказал опять речь против погрома, готовившегося в первый день Пасхи. Погром этот не состоялся... Все это, однако, не мешает либералам обо мне печатать, что я хожу с крестными ходами для возбуждения погромов»⁹¹.

Высказывались не только иерархи, но и белое духовенство. Известный пастырь и духовный наставник о. Иоани (Кронштадтский), обращаясь к учинившим еврейский погром в Кишиневе, вопрошал: «Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделали варварами, – громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве... Зачем допустили пагубное

самоуправство и кровавую разбойническую расправу с подобными вам людьми?»⁹².

Таким образом, негативное отношение Церкви к погромам вполне очевидно. Есть и еще немало свидетельств подобного рода⁹³. Правда, определенным кругам духовенства были свойственны антисемитские настроения. Однако от подобных настроений до организации и провоцирования еврейских погромов существует огромная дистанция, оставшаяся в большинстве случаев не пройденной. Встречались, конечно, и печальные исключения. Архимандрит Михаил (Семенов), обращаясь к «собратьям-пастырям» пишет:

«...Мы слышали... и то, что иногда пастыри повинны в этом (в погромах. – В.Л.) ...Верить не хочется, но было и это..., ослепил Господь сердца их и отвратил руку свою от них.

Конечно таких священников – единицы...»⁹⁴.

Следует упомянуть и о роли Церкви в деле Бейлиса, когда, выступая в качестве эксперта, профессор Петербургской Духовной Академии И.Г.Троицкий решительно отрицал обвинение евреев в ритуальных убийствах. В этом смысле показательно свидетельство адвоката-еврея Я.С.Гуровича, который в 1922 г., защищая петроградского митрополита Вениамина, а, по существу, и всю Церковь, сказал: «Русское духовенство – плоть от плоти и кость от костей русского народа... В дни процесса Бейлиса именно духовенство было против процесса. Эксперты свящ[енник] А.Глаголев и проф[ессор] Духовной академии Троицкий решительно отвергли употребление евреями христианской крови. Я – еврей, счастлив и горд засвидетельствовать, что еврейство всего мира питает уважение к русскому духовенству и всегда будет благодарно последнему за позицию, занятую русским духовенством в деле Бейлиса»⁹⁵.

Не соответствует действительности и то, что не известно мнение Патриарха Тихона относительно погромов. Как раз в своем послании от 21 июля 1919 г., т. е. буквально за неделю до публикаций в «Известиях» о погромных настроениях духовенства, он, обращаясь к «чадам Православной Российской Церкви», заявлял: «...Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени без разбора возраста, вины, пола, убеждений. ...Православная Русь! Да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. ...Помни: погромы – это торжество твоих врагов. Помни: погромы – это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!»⁹⁶

Видимо, именно тот факт, что позиция Церкви относительно погромов довольно четко была сформулирована незадолго до этого в патриаршем послании, и вызвал немедленную реакцию Предстоятеля РПЦ. «Вынуждаюсь обратить Ваше внимание, – писал Первосвятитель в Совет народных комиссаров, – на непрекращающуюся в лубочных и официальных изданиях травлю против православной Церкви и ее служителей... Из непроверенных сообщений делаются спешные выводы и авторы статей направленных против Православной Церкви и ее служителей изощряются в усилиях причинить ей боль и опорочить ее действия. [...] Мы с негодованием отмечаем весь этот погромный беззастенчивый поклеп на св[ятую] Православную Церковь. Отношение ее к погромам достаточно определилось во дни печальной памяти минувших еврейских погромов. Кто, как не духовенство выступало против погромов и устно и печатно? Кто останавливал стихийную резню еврейского племени? ... Мы с негодованием отмечаем и то утверждение автора, будто «не для кого не секрет, что почти по всем церквам Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях и т. д.» Мы убежденно заявляем: это неправда». «... Удивительно, – продолжает Предстоятель Русской Церкви, – знать, что происходит почти в всех церквах Москвы... и не быть знакомым с действительно известным Московскому православному населению отношением Патриарха Тихона к больному вопросу о погромах и с теми взглядами, какие преподаны им в руководство по этому вопросу всем верным чадам Российской Православной Церкви, и какие изложены в его послании...». И только с одним с горькой иронией соглашается Патриарх, с тем, что, действительно, «советская власть поставила верующих в условия, которых для них не существует почти ни в одной стране, ни в одном государстве». «О, да, – замечает он. – Это правда. Самая горькая правда»⁹⁷.

Таким образом, Первосвятитель четко дистанцируется от обвинений Церкви в экстремизме и контрреволюции. Следует обратить внимание и на то, что в этом письме, написанном в тяжелый для большевиков период, не присутствует указаний на политическую обреченность советской власти, нет каких-либо угроз в ее адрес, а излагается лишь оценка Предстоятелем РПЦ последствий ее действий, а также тех, кто действует от ее имени.

Особое же место для определения позиции Церкви по отношению к советской власти, как уже было упомянуто, занимает

послание Патриарха Тихона от 25 сентября (8 октября) 1919 г., обращенное к архипастырям и пастырям Русской Православной Церкви. В нем излагаются принципиальные положения, характеризующие ту линию, которой должно следовать духовенство в сложившейся исторической реальности. Вслед за многими авторами еще раз подчеркнем, что послание написано в момент наибольших успехов армий генерала А.И. Деникина⁹⁸. С точки зрения обвинений Патриарха в контрреволюционной деятельности, трудно выбрать более неподходящий момент для призыва к политической лояльности. Свою позицию Первосвятитель выражает четко и недвусмысленно; он пишет, что уже много архипастырей, пастырей, и просто клириков сделали жертвами политической борьбы. И, за немногими исключениями, только потому, что они попали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. «Но Мы, – указывает Первосвятитель, – с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливые: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. *Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение*»⁹⁹.

Несмотря на четкие формулировки, послание породило различные трактовки. Как восприняли его большевики и сочувствующие новой власти?

Председатель Исполнительного комитета по делам духовенства (Исполкомдуха)¹⁰⁰ и одновременно агент ВЧК А.Ф. Филиппов в докладе руководству о посланиях Патриарха Тихона выделяет четкий слог этого послания и ясное и определенное содержание. Он указывает, что, впервые с начала патриаршего правления новейшего периода, твердо установлен Патриархом, и в его лице одобрен Церковью, принцип разделения Церкви и государства, духовенству же – «воспрещено даже тайное тяготение к определенному (предполагается старому) «образу» правления, а также преподано указание относительно прав самого народа без церковной иерархии на определение Государственного устройства». Завершая свой обзор посланий Патриарха, и делая общие выводы, автор пишет, что отныне не может быть колебаний и двойственности в толковании образа мыслей высшей церковной власти, да и самого Патриарха, ибо, духовенству в послании, которое является своего рода приказом по духовному воинству, решительно

предписывается силой церковного авторитета подчинение советской власти. По мнению А. Филиппова, признание власти (хотя и без одобрения ее действий) со стороны церковной власти уже *состоялось*. Он также обращает внимание на то, что такие взгляды Патриарх высказывал и раньше в проповедях и частным образом. Теперь же, обращаясь к духовенству, Предстоятель РПЦ одновременно обращается ко всему народу, имея в виду и эмиграцию. Все вышеизложенное делает необходимым, как считает Филиппов, самое широкое распространение этого послания в массах¹⁰¹.

Такая оценка послания, еще не выпущенного Патриархом, но уже подписанного, и, по словам Филиппова, находящегося у него в портфеле, представляется во многом адекватной тому смыслу, который хотел вложить в него Предстоятель РПЦ. Однако заведующий VIII отделом НКЮ П. А. Красиков оценил воззвание Патриарха совершенно по-другому. Свои взгляды он изложил в ответе на запрос Центропечати от 24 октября по поводу целесообразности издания послания¹⁰². По его мнению, высшая церковная иерархия, теряя авторитет, идет на «минимальную капитуляцию», стремясь получить передышку, не уступая при этом своих позиций. От имени VIII отдела П. А. Красиков заявляет, что воззвание Патриарха является лишь тактическим приемом политической борьбы, оно в высшей степени уклончиво и абсолютно ни к чему не обязывает. Поэтому содействие его изданию и распространению не соответствует интересам революции. Кроме того, Красиков считает, что массовое распространение воззвания даст лишь официальный аргумент для уклонения от воинской службы со ссылкой на религиозные убеждения¹⁰³.

Все же было выпущено несколько брошюр, передающих текст послания с различного рода комментариями¹⁰³. В частности, П. Орловский, не веря в искренность Патриарха, трактует его совет держаться в стороне от «творящих распри и раздоры», как «призыв к уклонению от поддержки советского правительства в борьбе с контрреволюцией».

Особо негативную реакцию Орловского в тексте послания вызывают – «все эти крючкотворные придаточки и оговорочки, которым могли бы позавидовать отцы иезуиты», что, по его мнению, «напоминает известный совет дядьки в «Капитанской дочке», когда его барина, Гринева, подвели к целованию руки Пугачева: «Поцелуй, батюшка, плюнь и поцелуй»¹⁰⁵. Такова же, по мнению автора, цена лояльности Патриарха Тихона.

Интересно по своему содержанию, с точки зрения оценки и подготовки послания Патриарха от 8 октября, письмо неизвестного автора к протопресвитеру Успенского собора Н.А. Любимову, опубликованное в материалах следственного дела Патриарха Тихона¹⁰⁶. Усилиями сотрудников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета удалось определить, что письмо принадлежит тому же А.Ф. Филиппову. Автор пишет, что давно не читал более выразительного и удачно составленного текста, называет послание новым по слову и мысли, считает, что оно «прозвучит как первый удар утреннего предрассветного благовеста». В то же время Филиппов высказывает ряд соображений по поводу того, как следует распространять послание, а также указывает на некоторые места в тексте, с его точки зрения, подлежащие исправлению.

Вызывает сомнение датировка составителями сборника этого письма 18-м октября, тогда как сам автор датирует его 5-м октября, не указывая при этом по какому стилю. По-видимому, составители посчитали, что речь идет о старом стиле, прибавив 13 дней. Однако из текста письма вполне очевидно, что оно написано накануне дня памяти преподобного Сергия Радонежского, празднуемого 8 октября по новому стилю, которым и датировано послание Патриарха. В частности, А.Ф. Филиппов пишет: «... Не только оглашение этого послания в *первый* раз, но даже самое подписание его текста я считал бы уместным сделать в Лавре, у раки Преподобного и даже на ней, в обстановке торжественной. Самый текст следует изготовить от руки, а не печатать на машинке...»¹⁰⁸. Неясно, зачем писать об этом через 10 дней после обнаружения послания. Еще более существенно то, что редакторские замечания автора письма внесены в окончательный текст документа. Так, например, в конце первого абзаца, где говорится о жертвах междоусобной борьбы, пострадавших только в результате подозрений, без достаточных к тому оснований, автор предлагает заменить «*хотя* и без достаточных к тому оснований» на «*иногда* без достаточных оснований». По его мнению: «Слово *хотя* слишком категорично (так в тексте. – В.Л.) и неуместно-обвинительно в отношении такого политического фактора, как Советская власть, определяя все случаи подозрения ее к духовенству, как недостаточно обосновано¹⁰⁹, между тем как ниже сам Патриарх признает, что в некоторых случаях обвинения оправдываются, т. е. являются основательными»¹¹⁰. В окончательном тек-

те послания читаем: *«иногда и без достаточных к тому оснований»*¹¹¹. Учтены и некоторые другие поправки автора письма, и перед нами интересный документ, отражающий процесс подготовки этого принципиально важного послания Патриарха.

Как оценивают послание церковные авторы? Профессор И.А. Стратонов, по-видимому, несколько идеализируя ситуацию, пишет, что совершенно прекращаются имевшие место до этого политические выступления церковных деятелей, а само требование Патриарха последовательно было выполнено всем церковным обществом. «Иерархия и клир вообще отошли от политики, отдавши все силы церковному служению, которое в это время требовало крайнего напряжения. Миряне как-то добровольно размежевались без всякого сговора: политики отошли от церковно-общественной работы, церковники перестали быть активными в политике»¹¹². По мнению протоиерея Г. Митрофанова, Патриарх, возможно, уже тогда предвидел поражение Белого движения и утверждение советской власти на долгие годы, в связи с чем было необходимо дать духовенству четкие ориентиры¹¹³. Здесь заметна связь с точкой зрения А.В. Карташева. Многие исследователи обращают внимание на стремление Патриарха уберечь от последствий участия в политической деятельности священнослужителей, находившихся на территориях, занятых белыми¹¹⁴. Этот момент представляется весьма важным, учитывая, что одна только лояльность духовенства белым властям рассматривалась как преступление. По этой и ряду других причин трудно говорить о выполнении распоряжения Патриарха духовенством, находящимся на территориях, контролируемых белыми, где действовали Временные высшие церковные управления (ВВЦУ). По свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова), в то время бывшего викарием Таврической епархии, до Крыма послание Патриарха дошло уже во времена Врангеля: «Прочитали мы его на заседании Синода и постановили положить, как говорилось в старые времена, «под зеленое сукно», не объявляя народу, чтобы не вызвать смущения. В оправдание свое мы решили, что этот указ касается тех областей, где существует советская власть, и не может распространяться на местности, где господствуют белые. [...] Теперь я думаю, что и сам Патриарх не мог иметь в виду белых территорий: он был человек в высокой степени реальный, благо-разумный и практичный, а потому не мог не понимать, что подобного указа мы не в силах были бы исполнить»¹¹⁵.

Вместе с тем нужно заметить, что многие представители духовенства, не будучи активными и сознательными сторонниками Белого движения, сочувствовали ему просто потому, что в отличие от советской власти оно было хотя бы формально православным¹¹⁶. Нас же в данном случае больше интересует официальная позиция Патриарха.

В то же время некоторые авторы стремятся излишне противопоставить позицию Первосвященника и тех или иных групп духовенства, одновременно, пытаясь обосновать наличие резкой перемены в его взглядах именно к осени 1919 г. Так, по мнению М. Ю. Крапивина, церковные идеологи столь резкие изменения в позиции лидера РПЦ объясняют тем обстоятельством, что к осени 1919 г. для наиболее дальновидных и зрячих людей из окружения Патриарха стал очевиден наметившийся перелом в гражданской войне, что «заставило Церковь, не потерявшую инстинкта самосохранения, сделать политически ответственный и в то же время прагматичный вывод в соответствии с известным апостольским правилом»¹¹⁷.

Представляется, однако, что такой подход чрезмерно преувеличивает влияние на Патриарха его окружения и, кроме того, произвольно приписывает Первосвященнику сугубо конъюнктурный взгляд на происходящее. Помимо прочего, говоря о резкой смене позиции Патриарха именно в конце 1919 г., автор, как одно из доказательств, наряду с посланием от 25 сентября (8 октября), приводит цитату из письма Патриарха в СНК от 06.12.1918 – «не наше дело судить о земной власти...», ошибочно датируя его 06.12.1919¹¹⁸.

Другим важным моментом, характеризующим последовательное проведение Патриархом курса на невмешательство в политическую борьбу, являются его взаимоотношения с русской церковной эмиграцией. В силу трагических обстоятельств гражданской войны, группа епископов, бывших членов Южного ВВЦУ, оказалась сначала на канонической территории Константинопольского Патриархата, образовав там Временное ВЦУ, которое вошло в юрисдикцию Вселенской Патриархии, а затем переехала в Сербию, где с благословения Сербского Патриарха получила возможность действовать совершенно независимо. Все это происходило без ведома Патриарха Тихона и приемлемо лишь в силу исключительных исторических условий. С другой стороны, деятельность русских епископов за границей, нравственно оправдан-

ная необходимостью духовного окормления русской эмиграции, могла бы получить твердое основание через благословение Предстоятеля РПЦ. В ноябре 1921 г. в городе Сремски Карловцы открылось «Собрание представителей Русской Православной Церкви за границей», которое впоследствии стало именоваться «Русским Всеаграничным Церковным Собором». Представляя значительную часть русской эмиграции, собор, наряду с духовенством, включал в свой состав и большое, составляющее почти две трети, число мирян¹¹⁹. Эта особенность объяснялась политическими пристрастиями председателя Высшего Русского Церковного Управления за границей митрополита Антония (Храповицкого), поддерживающего тесные отношения с монархической организацией «Высший Монархический Совет». Значительное число мирян, из присутствовавших на Соборе, было привлечено именно митрополитом Антонием и имело непосредственное отношение к этой организации. Их голосами и прошло так называемое «Послание Русского Всеаграничного Церковного Собора чадам Русской православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим», включающее в себя положение, напрямую затрагивающее политическую сферу: «...да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле русской, и да осенит он сердце народное; да *вернет* на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного Царя из Дома Романовых»¹²⁰.

Это положение было принято, несмотря на значительные разногласия. В частности, против выступили такие известные архипастыри как Евлогий (Георгиевский), Анастасий (Грибановский) и Вениамин (Федченков). Подобный документ, противореча курсу Патриарха, значительно усложнял взаимоотношения Русской Православной Церкви с советской властью. Митрополит Евлогий пытался уговорить наиболее влиятельных монархистов: «Поберегите Церковь, Патриарха... Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так уже тяжело...»¹²¹. Тем не менее, двумя третями голосов членов Собора обращение было принято.

Впоследствии вовлеченность в активную политическую деятельность становится характерной чертой значительной части представителей церковного зарубежья. В связи с этим следует упомянуть так называемое «Послание Мировой Конференции от имени Русского Всеаграничного Церковного Собора», появив-

шеся в феврале 1922 г. и адресованное международной конференции в Генуе, которая открылась в апреле 1922 г. В послании были, например, такие строки: «Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против Ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. *Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм* – этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира»¹²². Эти политические призывы, подписанные председателем Высшего Русского Церковного Управления за границей, митрополитом Антонием, не могли не оказать самого негативного влияния на положение Русской Православной Церкви в советской России¹²³. В дальнейшем одним из основных обвинений со стороны власти в адрес Патриарха будет «связь с зарубежной контрреволюцией».

Как были восприняты такого рода обращения, не сразу дошедшие до России, Патриархом Тихоном? 10 апреля 1922 г., т. е. еще задолго до своего ареста¹²⁴, Первосвященитель вынес на обсуждение ВЦУ проект постановления. Патриарх обращает особое внимание на то, что указанные документы носят политический характер и противоречат его посланию о невмешательстве в политическую борьбу. Поэтому он предлагает членам ВЦУ признать Карловацкий Собор не имеющим канонического значения, а вышеуказанные послания о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции, не отражающими официальной позиции Русской Православной Церкви. Само же Заграничное Русское Церковное Управление, по мнению Патриарха, следует упразднить, кроме того, поставив вопрос о церковной ответственности определенного круга духовных лиц за их политические выступления от имени Церкви. Это предложение было обсуждено и с небольшими изменениями принято и оформлено «Указом Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 22 апреля/5 мая 1922 г. за № 348 и 349»¹²⁶. Известно также заявление патриарха в ГПУ от 5 апреля 1922 г.¹²⁶, где он, в частности, указывает: «...послание Карловацкого Собора о восстановлении династии Романовых, как акт политического выступления духовенства, несогласный с моим обращением к архипастырям и пастырям Российской церкви от 25 Сент[ября] 1919, я осуждаю»¹²⁷.

Не совсем верным представляется вывод Д. В. Сафонова, что Патриарх действовал лишь в рамках выбора: либо осудить деятельность карловацкой иерархии, либо обречь Церковь на полное уничтожение, и только этим обусловлено решение об упразднении ВЦУ за границей¹²⁸. Действительно, уже в мае Первосвященитель подвергался сильному давлению со стороны власти, и это ускорило принятие соответствующих решений, однако сама оценка деятельности карловацкого ВЦУ вполне адекватна курсу Патриарха на политическую лояльность. В ряде посланий, выпущенных Патриархом по выходе из заключения в июне 1923 г., он подтверждает свое отношение к политической деятельности церковной эмиграции. Эти обращения проходят строгую цензуру, что местами накладывает определенный отпечаток на терминологию, делаая ее сходной со слогом «покаянного заявления» Патриарха (призыв зарубежным владыкам покаяться перед народом «в своих содеянных преступлениях» и т. п.). Однако по сути они воспроизводят ту же позицию, которой Первосвященитель придерживался до своей изоляции в Донском монастыре в мае 1922 г. и, которая логически вытекает из его октябрьского послания 1919 г. о невовлеченности иерархии и духовенства в политическую борьбу¹²⁸.

В этом контексте любопытны два ранее неизвестных документа, копии которых сохранились в фондах Российского государственного исторического архива. Это, в частности, письмо Патриарху Тихону от архиепископа Тверского, Серафима и архиепископа Уральского, Тихона. В этом письме от 1 ноября 1923 г. они обращают внимание Первосвященителя на политические выступления председателя заграничного архиерейского Синода митрополита Антония (Храповицкого), которые он делает в эмигрантской печати, «как бы от имени и всего Русского народа и от имени всей пр[авославной] Рус[ской] Церкви».

Кроме того, архиереи указывают, что в официальном издании архиерейского Синода помещено подложное письмо, якобы написанное им или митрополиту Антонию, или кому-то из восточных Патриархов. «Писать, находясь за границей и сидя там, все возможно, – заявляют владыки. – Но надо знать русскую действительность, с которой очевидно м[итрополит] Антоний или мало или совершенно не знаком... В самом деле заграничный Синод существует с Вашего благословения или нет? Если нет, то нужно заявить это открыто и осудить подобные выступления председателя этого Синода»¹³⁰.

Второй документ от 8 ноября 1923 г. под № 106 является реакцией Патриарха Тихона и его временного Синода на данное представление. В нем указывается, что «Святейший Патриарх и Высшее при нем Церковное Управление признает необходимым:

1) заявить, что ко всем политическим выступлениям заграничных иерархов... ни Святейший Патриарх, ни состоящее при нем церковное управление отношения не имеет и таковые осуждает;

2) объявить, что появившиеся в заграничной печати после освобождения Патриарха письма от его имени им писаны не были;

3) запросить назначенного после упразднения в апреле 1922 г. церковного заграничного управления заведывать заграничными церквями митрополита Евлогия о том, какое и на каком основании существует ныне церковное управление за границей под именем заграничного Архиерейского синода;

4) заявить, что живущий за границей митрополит Антоний не имеет никакого права говорить от имени всей Русской православной церкви и всего русского народа, как не имеющий на то полномочий»¹³¹.

Постановление подписано Патриархом Тихоном и архиепископами Серафимом (Александровым), Тихоном (Оболенским), Петром (Полянским), Иларионом (Троицким). И хотя копии вышеуказанных документов не заверены, их содержание вполне отражает и прежнюю позицию Предстоятеля Русской Церкви, и воззрения близких к нему в тот период иерархов.

К декабрю 1919 года относится новый домашний арест Патриарха. Его, в частности, обвиняли в том, что он через епископа Камчатского Нестора (Анисимова)¹³² передал благословение Колчаку. Так, по сообщению РОСТА, в белогвардейской газете «Народное слово» от 4 декабря 1918 г. было напечатано следующее: «Прибывший к Колчаку из Москвы епископ Нестор привез благословение Патриарха Тихона и словесное обращение ко всему русскому народу, взявшемуся за оружие для того, чтобы освободить священный город»¹³³. Однако никаких реальных подтверждений факта передачи благословения не известно. Не в пользу такой версии свидетельствуют и воспоминания митрополита Нестора, который как епископ Камчатский и Петропавловский представлял свою епархию на Поместном Соборе 1917–1918 гг. О своем возвращении на место служения он сообщает следующее: «В 1918 году, осенью мы выехали на Камчатку в свою епархию, но т. к. прямой путь через Сибирь до Владивостока был нарушен

сибирскими междоусобицами: атаманом Семеновым, Дутовым, *колчаковцами* и другими повстанцами, то мне пришлось выехать другим возможным окружным путем на Камчатку через Киев, Одессу, Крым, Константинополь, Александрию, Египет, Суэцкий канал, Порт-Саид, Гонконг, Шанхай и, наконец, Камчатка»¹³⁴. Следовательно, вызывает сомнения сама встреча владыки Нестора с А.В. Колчаком. Тем не менее, вышеупомянутая публикация послужила поводом для советских историков, утверждать, что епископ Нестор привез Колчаку благословение Патриарха¹³⁵.

23 декабря Предстоятель РПЦ специальной повесткой был вызван для допроса на Лубянку. Сохранилась запись допроса, сделанная сопровождавшим Патриарха протопресвитером Н.А. Любимовым. Из ответов Патриарха еще раз можно убедиться в его последовательной аполитичности. Во-первых, Первосвятитель отвергает обвинение в передаче благословения: «Решительно заявляю, что никакого благословения Колчаку с Епископом Нестором я не посылал... Это – явная неправда, и я ее с решительностью отвергаю». Затем, на вопрос изменилось ли его отношение к советской власти, по сравнению с высказанным им в послании ко дню первой ее годовщины, Патриарх ответил, что придерживается тех же взглядов, однако это не значит, что он не считается с властью. На прямой вопрос: «Признаете ли Вы вообще Советскую власть?» – последовал ответ, – *«Да, признаю и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских, и только в делах веры и благочестия должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божией.* И думаю, что в этом моем убеждении и взгляде нет никакой контрреволюции. Да и вообще я просил бы Вас разъяснить мне, что означает это слово: «контрреволюция?»» Ответ: «Стремление к свержению Советской власти есть контрреволюция». – *«Этим мы не занимаемся»*¹³⁶. Далее Первосвятитель заявил, что он никогда не будет вести никакой агитации в пользу какой-либо формы правления и стесняться чьей-либо совести в случае всеобщего народного голосования. После беседы Патриарху было объявлено, что он заключается под домашний арест. Протокол допроса, продолжавшегося более 2-х часов, был записан секретарем и, после некоторых поправок, собственноручно подписан Патриархом. Протопресвитер Н.А. Любимов, по благословению Святейшего, 26 декабря сделал подробный доклад по этому поводу в соединенном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета, который был принят к сведению.

Таким образом, факты не дают никаких оснований ставить под сомнение последовательное стремление Патриарха Тихона отмежеваться от какой бы то ни было политической деятельности. Однако дело было не только в подозрениях в церковной контрреволюции; само существование независимого церковного института, пусть даже в целом лояльного, оставалось крайне нежелательным фактором для власти. По тонкому замечанию И. Демидова: «не введение политики в церковь, а именно ее уничтожение там стало опасно большевикам, ибо это только укрепляло церковь и делало ее независимой от власти»¹³⁷. Несмотря на возможный компромисс, который был реален в силу проводимого Патриархом курса на аполитичность Церкви, власть сознательно инициировала резкое обострение церковно-государственных отношений, что нашло свое выражение в ходе широко развернутой кампании по изъятию церковных ценностей.

Патриарх и власть в ходе кампании по изъятию церковных ценностей

Официальным началом комплекса мероприятий по изъятию церковных ценностей стал декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г. По заключению Н. А. Кривовой, вопреки заявлениям властей о намерении использовать церковное золото для помощи голодающим, изъятие должно было решить одновременно несколько задач: окончательно устранить Церковь из общественной жизни; дискредитировать и уничтожить духовенство как сословие; получить в распоряжение средства для мировой революции и государственного строительства¹³⁸. Сам ход кампании хорошо известен по новейшим исследованиям и сборникам документов¹³⁹. Необходимо, однако, выделить ряд узловых моментов, характеризующих действия власти в контексте позиции, заявленной Патриархом в послании от 25 сентября (8 октября) 1919 г. Также заслуживает анализа ряд малоизвестных документов. Таковыми, в частности, являются, ранее не публиковавшиеся, протоколы заседаний Бюро Центральной Комиссии по изъятию церковных ценностей¹⁴⁰ (см. Приложение III), отражающие многие ключевые моменты указанной антицерковной кампании.

Хронологически ей предшествовала другая масштабная антирелигиозная акция. 29 июля 1920 г. Наркомюстом было предло-

жено – по всей стране, «опираясь на революционное сознание трудящихся масс, планомерно и последовательно провести *полную ликвидацию мощей*... избегая вредной нерешительности и половинчатости мероприятий»¹⁴¹. По замечанию А.Н. Кашеварова, вскрытие мощей, которое началось еще осенью 1918 г., явилось своего рода прологом к более грандиозной по размаху кампании по изъятию, в ходе которой использовались те же методы и приемы: вторжение во внутреннюю жизнь Церкви, антирелигиозная пропаганда и агитация, насилие над духовенством, сфабрикованные судебные процессы¹⁴². В 1919–1920 гг. были, в частности, вскрыты мощи преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Макария Калязинского, Евфимия Суздальского, Нила Столобенского, святителей Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, Питирима Тамбовского и др. К концу 1920 г. было совершено уже 66 публичных вскрытий мощей¹⁴³. Это прямо противоречило декрету об отделении церкви от государства и явилось грубым вмешательством в церковную жизнь. Как правило, вскрытие мощей сопровождалось закрытием обители. Всего же, по данным М.В. Шкаровского, до 1921 г. было национализировано 722 монастыря – более половины из имеющихся в России¹⁴⁴.

Поводом для нового наступления на Церковь послужил один из самых страшных за всю российскую историю голод 1921 г. В.И. Ленин 19 марта 1922 г., определяя стратегические задачи кампании по изъятию, писал членам Политбюро, что «именно теперь..., когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и, *не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления*». Предлагалось именно в данный момент дать «самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой *жестокостью*, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Самого Патриарха Тихона В.И. Ленин считал целесообразным пока не трогать, дав секретную директиву ГПУ тщательно отслеживать все связи Предстоятеля РПЦ¹⁴⁵.

Следует заметить, что Церковь изначально пыталась принять посильное участие в помощи голодающим, о чем свидетельствуют неоднократные обращения Патриарха в проповедях и посланиях с призывами к российской пастве, зарубежным иерархам и народам мира о добровольных пожертвованиях гибнущим от го-

года¹⁴⁶. Положение было настолько критическим, что власть вынуждена была допустить существование общественного Комитета помощи голодающим¹⁴⁷, который вскоре был распущен и заменен государственной «Центральной Комиссией помощи голодающим» (ЦК Помгол). В августе 1921 г. Патриархом был образован и Церковный Комитет помощи голодающим, однако, по словам самого Первосвященника, «подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету»¹⁴⁸. 1 февраля 1922 г., после долгих колебаний, властью все же было утверждено Положение об участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим. Почти одновременно 6 (19) февраля 1922 г. Патриарх обращается с воззванием к православной пастве, призывая жертвовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления¹⁴⁹.

Однако диалог между Церковью и властью не состоялся. Большевицкое руководство не могло допустить серьезного влияния церковных структур на происходящее в стране. Как утверждает Н.А. Кривова, против участия Церкви в помощи голодающим выступили В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Е.М. Ярославский и другие партийные деятели¹⁵⁰. Постепенно формировался план использовать народное бедствие для разгрома Церкви, началом практической реализации которого стал указанный декрет от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей¹⁵¹, предусматривающий, в том числе, изъятие предметов имеющих прямое богослужебное значение (священных сосудов и т. п.), что не могло быть благословлено Патриархом. Реализация этого декрета инициировала множество судебных процессов по делам духовенства и мирян, обвиняемых в сопротивлении изъятию, т. е., с точки зрения власти, в контрреволюционной деятельности. Жертвой кампании стал и Патриарх Тихон, в отношении которого было начато следствие.

Проводимая под руководством Политбюро, руками карательных органов, кампания требовала повседневного и централизованного руководства в масштабах страны. Главным вдохновителем всего комплекса мероприятий являлся Л.Д. Троцкий, по инициативе которого сначала была организована комиссия по изъятию ценностей из московских церквей, а потом, с подачи и при участии Политбюро, сформирован центральный координи-

рующей орган, руководящий деятельностью комиссий на местах. В письме в Политбюро от 17 марта с предложениями об организации изъятия церковных ценностей Троцкий указывает: «Центральная комиссия могла бы состоять из члена секретариата Ц.К. или заведующего агит-проп. отделом Ц.К., из т. Сапронова, Уншлихта, Красикова, Винокурова и Базилевича. Комиссия имеет бюро, работающее ежедневно (представитель Ц.К., Сапронов, Уншлихт). Раз в неделю комиссия собирается при моем участии»¹⁵².

Политбюро на заседании от 20 марта, корректируя предложение Троцкого, принимает решение назначить в качестве председателя М.И. Калинина (руководителя Помгола), обеспечивая тем самым официальное прикрытие работы комиссии, многие протоколы которой снабжены грифом «Совершенно секретно». Следует, однако, заметить, что ни в одном из сохранившихся протоколов фамилия Калинина в числе присутствовавших не значится. Фактическим руководителем комиссии стал человек, которого планировалось ввести вместо, вскоре уезжающего, представителя ГПУ Сапронова, – А.Г. Белобородов, известный как активный участник расстрела императора Николая II и его семьи в Екатеринбурге. Кроме того, в качестве представителя ЦК в комиссии был добавлен заместитель заведующего Агитпропом Я.А. Яковлев.

Окончательно, помимо вышеназванных лиц, в состав Центральной КИЦЦ вошли: И.С. Уншлихт, в те годы первый заместитель председателя ВЧК-ГПУ; Г.Д. Базилевич, бывший подполковник царской армии, а в тот период заместитель Троцкого по вопросам учета и распределения ценностей; А.Н. Винокуров, заместитель председателя ЦК Помгола; П.А. Красиков, заместитель наркома юстиции, начальник V («ликвидационного») отдела (отдел культгов) НКЮ¹⁵³. Также комиссия должна была иметь, работающее ежедневно, бюро в составе: Яковлев, Сапронов (впоследствии Белобородов), Уншлихт, Галкин и собираться раз в неделю при участии Л.Д. Троцкого¹⁵⁴. По протоколам, сохранившимся до 12 мая, мы видим, что реально Бюро собиралось на заседания с промежутками в несколько дней, а его состав, по сути, постепенно отождествляется с составом предложенным Политбюро непосредственно для Центральной КИЦЦ. Каким был основной круг вопросов, рассматриваемых комиссией?

Протокол № 1 датируется 21 марта¹⁵⁵. Первый пункт повестки дня – «предложение Главмузея о дополнениях к пункту 6-му Ин-

струкции В.Ц.И.К.»¹⁵⁶ отражает столкновение позиции Главмузея, который, как следует из сохранившихся документов, настаивает на том, что последней экспертизой в оценке музейно-исторического характера изъятого (что означало, как минимум, сохранение ценностей от переплавки, либо даже в неприкосновенности на местах) должна являться экспертиза его сотрудников, и противодействия такому пониманию со стороны Центральной КИЦЦ и стоящего за ней Л.Д. Троцкого. По мнению последнего: «Несомненно, что в среде археологов, работающих в Главмузее, по самой их профессии, имеется не мало лиц, теснейшим образом связанных с церковными кругами, настроенных контр-революционно и стремящихся сорвать работу по изъятию ценностей. Таким тенденциям нужно давать суровый отпор»¹⁵⁷. Одновременно комиссия не была заинтересована в проявлениях вандализма при изъятии ценностей, ибо такие случаи «получили бы широкое распространение и затруднили бы как изъятие, так и политическую кампанию»¹⁵⁸. Поэтому, настаивая на неуклонном исполнении пункта 6-го инструкции, Бюро Центральной КИЦЦ указывает, что «при упаковке и отправке изымаемых музейных ценностей, необходимо как можно более осторожное отношение»¹⁵⁹. Продолжение этого конфликта отразилось в Протоколе № 4 от 29 марта, где в резюме по докладу об изъятии церковных ценностей в Калуге говорится, что «указанные представителем Губмузея ценности имеющие ценный характер, вопреки пункт 6 имеющейся инструкции, оставлены в действующих церквях» и предлагается изъять их с передачей согласно инструкции (до особого распоряжения) в Губмузей¹⁶⁰. Впоследствии появляется дополнительная инструкция ВЦИК об «изъятии церковных ценностей имеющих музейно-исторический характер»¹⁶¹, согласно которой последние в случае разногласий местных комиссий и представителей Главмузея на местах должны отправляться в Гохран, что для Главмузея являлось еще более неудачным вариантом.

На заседании от 24 марта (Протокол № 2)¹⁶², в частности, рассматривается секретная инструкция для руководства комиссиям по изъятию церковных ценностей¹⁶³. Было принято решение о пункте 4-м данной инструкции, который в формулировке Бюро Центральной КИЦЦ предусматривал возможность откладывать изъятие в случаях особо чтимых святынь с заменой их с разрешения ЦК Помгола соответствующим эквивалентом золота или серебра; возможность повторения эксцессов подобных «шуйско-

му»¹⁶⁴ власть не устраивала. Тогда же в состав комиссии вводится Ф.Д. Медведь, начальник Московского губотдела ГПУ. Основной темой следующего заседания, от 27 марта (Протокол № 3), являлось обсуждение письма Л.Д. Троцкого в Политбюро от 26 марта с предложениями о дополнительных мерах по изъятию церковных ценностей¹⁶⁵. Принимаются к исполнению пункт 2-й письма «о предписании Губкомам и Губисполкомам о даче директивы лояльному духовенству о точном и прямом призвании ими верующих к изъятию ц[ерковных] ц[енностей]» и пункт 3-ий «о поверхностном произв[едении] изъятия на местах и разработке по этому вопросу точной инструкции»¹⁶⁶. Шифротелеграммы на места по реализации этих положений были отправлены, за подписями М.И. Калинина и В.М. Молотова, 30 марта¹⁶⁷.

Первым пунктом обсуждения на заседании Бюро Центральной КИЦЦ от 29 марта (Протокол № 4) становится важный для большевиков вопрос о сосредоточении изъятых ценностей и контроле над их изъятием. Постановлено, что все сведения об изъятых ценностях должны сосредотачиваться в аппарате Гохрана, проверка же полноты изъятия на местах должна осуществляться органами ГПУ. Среди других тем, кроме уже упоминавшегося доклада об изъятии в Калуге, интересно постановление о порядке направления приезжающих крестьян из голодных губерний в Московский Комитет партии, для использования их в качестве агитаторов. Постановлено направлять в МК только тех лиц, о которых выяснено, что они действительно являются сторонниками изъятия¹⁶⁸. Очевидно, что даже в голодающих районах далеко не все поддерживали кампанию властей.

На следующий день, 30 марта, Троцкий адресуется в Политбюро записку, в которой содержится ряд предложений о политике по отношению к Церкви. В ней он выдвигает план развала Церкви изнутри, опираясь на соглашательское («сменовеховское») духовенство, которое, впрочем, потом тоже должно быть уничтожено.

«Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция. [...] Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разры-

ва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии»¹⁶⁹.

Подобные предложения еще раз подтверждают истинные цели кампании по изъятию. Важно заметить, что линия на *внутренний раскол Церкви и ее саморазрушение*, станет основой государственной церковной политики в ближайшие годы.

В Протоколе № 5 от 31 марта одним из первых обсуждается вопрос «о направлении и порядке рассмотрения заявлений о замене (изъятых ценностей. – В.Л.) поступающих с мест»¹⁷⁰. Реализуя одно из направлений плана Троцкого, согласно которому внешне декларировалось, что изъятие ценностей ни в коем случае не является борьбой с религией и Церковью, а ЦК Помгол даже готов оказать верующим содействие в приобретении тех или иных предметов религиозного обихода взамен изъятых¹⁷¹, Центральная КИЦЦ определяет порядок оставления «особо чтимых предметов» или замены их другими «ценными предметами». Заявления групп верующих по этому поводу постановлено передавать на заключение П. А. Красикову, спорные вопросы выносятся им на Бюро ЦК. Одновременно просьбы такого рода должны представляться в ЦК Помгол с заключениями губернских комиссий. Все это крайне затрудняло принятие положительных решений по ходатайствам верующих.

В Протоколе № 6 (03.04) уточняется, что в случае разрешения замены, она должна делаться в размере стоимости оставляемого предмета и осуществляться немедленно¹⁷². Впоследствии условия замены еще более ужесточаются. 12 мая (Протокол № 16) Бюро Центральной КИЦЦ принимает решение дать директиву подкомиссии ЦК Помгола, которая разрешает замену, идти на это только в самых крайних случаях. Ценности, о которых возбуждено ходатайство о замене, разрешается оставлять на месте в храме только при условии немедленного внесения верующими соответствующего количества металла¹⁷³.

Другим важным вопросом, который находит отражение во многих протоколах (№ 3, 5, 7–11, 13, 14, 16), являются меры борьбы с «грабежами» из церквей¹⁷⁴. С точки зрения верующих, неправомерными и грабительскими являлись именно действия властей по изъятию церковной собственности, поэтому желание спасти часть церковного имущества путем сокрытия выглядит вполне естественно. Однако у власти такие действия вызывали крайнее раздражение.

На заседании от 31 марта (Протокол № 5) принимается жесткое решение¹⁷⁵: «Ввиду участвовавших в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей] случаев грабежей из храмов, дать директивы на места, чтобы местные Исполкомы обязывали попов и председателей церковных советов подписавших договор, о том, что они отвечают в первую голову за грабежи и хищения из ихних церквей.

По отношению к церквам в которых уже обнаружены грабежи, произвести аресты попов и лиц подписавших договоры.

Московской комиссии провести эту меру немедленно.

Предложить местным Исполкомам дать распоряжение об окарауливании церквей»¹⁷⁶.

Постановление Бюро Центральной КИЦЦ нашло немедленное отражение в шифротелеграмме ЦК РКП(б) губисполкомам и губкомам РКП(б), повторяющей и развивающей решения комиссии¹⁷⁷.

Согласно постановлению комиссии от 5 апреля, отраженном в Протоколе № 7, ГПУ поручается ускорить организацию процессов о кражах в церквах в связи с изъятием церковных ценностей. Все участники изъятия виновные в хищении ценностей должны немедленно предаваться суду Военной коллегии Ревтрибунала, которому следует «при закрытых дверях дела немедленно расследовать и выносить соответствующие постановления»¹⁷⁸. Кроме того, 12 апреля (Протокол № 9) комиссия принимает решение, впредь уполномочивающее «все дела о кражах и ограблениях в церквах в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей] вести ГПУ»¹⁷⁹. Тем не менее попытки сокрытия церковного имущества продолжались. Так, на заседании Бюро Центральной КИЦЦ от 22 апреля (Протокол № 11) рассматривается вопрос «о продолжающихся хищениях из церквей». Констатируется, что постановление комиссии «о негласном окарауливании церквей» в Москве не соблюдается, т. к. недавно «ограблена» Богоявленская церковь. В связи с этим предлагается немедленно арестовать всех членов церковных советов «ограбленных» церквей. Двумя днями раньше (Протокол № 10) было принято решение предложить Наркомюсту издать циркуляр «об ответственности церковных советов за церковное имущество» и «о вчинении к членам церковного совета гражданских исков в случае пропажи имущества». Предполагалось, что взыскание должно было носить реальный характер и обеспечиваться материальным имуществом ответчиков. Одновременно не исключалось и уголовное преследование¹⁸⁰.

В Протоколе № 8 (10.04) интересна информация Г.Д. Базилевича о результатах работ по изъятию в г. Москве. Сообщается количество изъятых: 1741 пуд, 31 фунт, 27 $\frac{1}{2}$ золотника ценностей. Тогда же принимается решение о формах участия будущего обновленческого «первоиерарха» епископа Антонина (Грановского) в работе ЦК Помгол¹⁸¹.

Еще одним часто обсуждаемым моментом, что особенно нашло отражение в последних протоколах, были вопросы, связанные с разного рода трудностями и задержками в ходе кампании в регионах. Так, на заседании от 26 апреля (Протокол № 12) среди прочих рассматривался вопрос «о неправильных действиях некоторых Губкомиссий», которые, по-видимому, допускали более либеральный подход к изъятию. Было принято решение разослать телеграммы на места с указанием, что для богослужения следует оставлять не более 2-х комплектов священных сосудов, 2-х крестов и т. п. Одновременно признавалось необходимым послать на места (первоначально в 2–3 города) уполномоченных для проверки хода изъятия ценностей¹⁸². Особые нарекания вызывала у Центральной КИЦЦ работа Петроградской Губкомиссии. После заслушивания 4 мая (Протокол № 13) доклада Базилевича о ее работе, Губкомиссии было предложено «произвести проверку работы по изъятию с дополнительным изъятием тех предметов которые не изъяты, но подлежат изъятию». Кроме того, предписывалось ввиду «огульного оставления по указанию представителей Главмузея огромного количества предметов как музейных ценностей – обязать Петроградскую Губкомиссию произвести проверку в этом направлении; вещи признанные музейными в церквях не оставлять...»¹⁸³.

На заседании от 8 мая (Протокол № 14) был поднят вопрос «о затяжке работ по изъятию по РСФСР». Комиссия констатировала, что самое удобное время изъятия, перед Пасхой, – упущено. Отмечалось, что темп изъятия в некоторых местностях задерживается идущей сельскохозяйственной кампанией, однако в ряде губерний отмечается и медленное проведение изъятия, расхлябанность, неточное выполнение инструкции. В итоге было принято решение предложить ЦК принять меры к Губкомам виновным в задержках указанных мероприятий по изъятию¹⁸⁴.

Таковы наиболее значительные аспекты деятельности Центральной КИЦЦ. Среди других тем, рассматриваемых на заседаниях Бюро: отчеты о ходе изъятия на местах, учет, охрана, транс-

портировка и реализация сданных ценностей, финансовые вопросы, пропаганда и агитация, планируемые сроки окончания кампании по регионам и другие более частные вопросы.

Кампания подходила к концу. К июню в Центральных губерниях изъятие было практически завершено. Согласно итоговой ведомости, которая поступила в Политбюро лишь 4 ноября, было изъято ценностей на сумму чуть более 4,5 миллионов золотых рублей¹⁸⁵. По сравнению с ожиданиями большевиков – сумма весьма незначительная. Намного больше оказался политический выигрыш, Русской Православной Церкви был нанесен страшный удар, охватывающий как материально-имущественную, так и духовную сферу. Как справедливо замечает Н.А.Кривова: «кампания по изъятию церковных ценностей явилась тем водоразделом, который положил начало решающего воздействия партии и ГПУ-ОГПУ на церковную политику советского государства»¹⁸⁶.

Сохранилось 16 протоколов заседаний Бюро Центральной КИЦЦ. Однако деятельность комиссии на этом не закончилась. В том же архивном деле находится выписка из Протокола № 17 от 15 мая по вопросу, который становился определяющим:

«СЛУШАЛИ: [...] О линии степени репрессий по отношению к виновным в расхищении и сокрытии ценностей и сопротивлению изъ[я]тию. ПОСТАНОВИЛИ: Обратиться к т. СТАЛИНУ с просьбой дать на места директиву о степени судебных репрессий за указанные преступления»¹⁸⁷.

20 мая выписка возвращается обратно к Белобородову. И.В.Сталин не хочет брать на себя ответственность за подобное решение, через помощника рекомендует по указанному вопросу обратиться «в Комиссию по антипоповской агитации»¹⁸⁸, одну из нескольких существовавших в то время комиссий, осуществляющих государственную церковную политику¹⁸⁹.

Таким образом, деятельность Центральной КИЦЦ – как инструмента власти – послужила прологом к углублению репрессивных мер по отношению к Церкви, направленных непосредственно на уничтожение самого церковного института. 1922 год, как упоминалось, был отмечен множеством судебных разбирательств над духовенством и верующими, обвиняемыми в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Власть стремилась возложить ответственность за происходящее, которое в подавляющем большинстве случаев носило незапланированный и ненасильственный характер, на Предстоятеля РПЦ, формулируя стандартное

обвинение в контрреволюционной деятельности. Формальным поводом к этому послужило его послание от 15 (28) февраля 1922 г., в котором Первосвятитель не одобрил изъятия из храмов священных сосудов и т. п., указывая, что их употребление не для богослужебных целей канонически наказуемо¹⁹⁰.

В конце апреля – начале мая 1922 г. в Москве проходил судебный процесс по делу духовенства и мирян, обвиняемых в противодействии изъятию. В качестве одного из главных свидетелей был вызван и Патриарх Тихон. За этим стояли конкретные планы власти. Строго секретное постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 4 мая предписывало:

«...Дать директиву Московскому трибуналу:

- 1) немедленно привлечь Тихона к суду,
- 2) применить к попам высшую меру наказания»¹⁹¹.

Днем раньше помечен протокол секретного совещания Президиума ГПУ, где помимо прочего принимается решение «О вызове ТИХОНА в ГПУ для предъявления ему ультимативных требований по вопросу об отречении им от должности лишения сана и предания анафиме (так!) представителей заграничного монархического антисоветского и Интервенционного активного духовенства»¹⁹².

5 мая Патриарх был вызван на процесс, где было принято решение о привлечении его к судебной ответственности, а вечером того же дня состоялся допрос в ГПУ. Следует заметить, что приговор по «московскому» делу, датируемый 8-м мая, содержит уникальное в своем роде юридическое определение по отношению к РПЦ. Московский Ревтрибунал устанавливает *«незаконность существования организации, называемой православной иерархией, тем более что деятельность этой организации преследует и политические цели, умело скрывая их своей внешностью религиозной организации»*¹⁹³. Таким образом, Русская Православная Церковь, согласно этому документу, де-юре ставилась вне закона.

По распространенной, однако, вызывающей сомнения версии, 6 мая Патриарх, проживавший тогда на Троицком подворье, был заключен под домашний арест. На допросе, состоявшемся 9 мая, Первосвятитель дает расписку начальнику Секретного отдела ГПУ Самсонову об ознакомлении с приговором Ревтрибунала о привлечении его к судебной ответственности, а также подписку о невыезде из Москвы¹⁹⁴. Впоследствии Патриарх был изолирован в Донском монастыре и еще ранее практически от-

странен от руководства церковной жизнью¹⁹⁵. Это тесным образом связано с возникновением в мае 1922 г. так называемого обновленческого раскола. Предстоятель РПЦ, под давлением допущенной к нему с санкции ГПУ инициативной группы «прогрессивного» духовенства, принял решение временно устранившись от церковного управления, передав полномочия митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), находящемуся в своей епархии. Принять же канцелярские дела (но не более того!) для передачи митрополиту он поручил трем священникам-обновленцам (Введенскому, Белкову и Калиновскому), которые, по существу, и совершили церковный переворот.

Дело, однако, было не только в этих персоналиях, ГПУ реализовывало план Л.Д. Троцкого, изложенный им в записке Политбюро от 30 марта. Показательно свидетельство церковного историка А.Э. Левитина, близкого А.И. Введенскому, будущему обновленческому митрополиту. Он вспоминает беседу с Введенским, в ходе которой Левитин заметил, что за всем ходом событий в мае 1922 г. чувствуется чье-то неявное руководство. «Безусловно», – получил он в ответ. «Было место, в котором делалась религиозная погода. – Где же оно было, это место? – А вас это очень интересует? – Конечно! – А я вам не скажу. Сами догадайтесь, раз хотите быть историком, а иначе какой вы историк, если не понимаете самых простых вещей?»¹⁹⁶

Таким образом, реальностью для Русской Церкви стала более опасная, чем внешние гонения, *угроза разрушения изнутри*. Это ставило перед Патриархом непростой выбор. Сохранить в глазах многих верующих репутацию твердого и бескомпромиссного противника советской власти или попытаться спасти Церковь от грядущей опасности ценой уступок политического характера, не затрагивающих внутренней основы церковного бытия? Инициированный властью обновленческий раскол, прямая угроза суда и расстрельного приговора для Первосвященителя, что лишило бы Церковь законно избранного главы в условиях глубокого внешнего и внутреннего кризиса, вынуждали Предстоятеля РПЦ принимать духовно непростые, но необходимые решения.

Трагические обстоятельства «раскаяния» Патриарха, его дальнейшая деятельность по сохранению церковных структур, корректировка государственной церковной политики: все это на основе широкого комплекса документальных материалов будет рассмотрено в следующей главе.

Примечания ко 2 главе:

- ¹ Даты, за исключением церковных документов, до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю, после 14 февраля – по новому стилю.
- ² См., напр.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 29–30.
- ³ *Персиц М.М.* Указ. соч. С. 100–103; *Гидулянов П.В.* Отделение церкви от государства в СССР. С. 615–617.
- ⁴ См., напр.: Следственное дело... Приложение. С. 828–833.
- ⁵ *Кавур (Cavour), Камилло Бензо* (1810–1861) – граф, итал. государственный деятель. Формула «свободная церковь в свободном государстве» явилась неотъемлемой частью выдвинутой им концепции либерального государства.
- ⁶ По замечанию проф. М.Е. Красножена: «Теория Кавура: «свободная церковь в свободном государстве», на первый раз представляющаяся столь заманчивой и привлекательной, при более внимательном и беспристрастном рассмотрении, страдает, однако, внутренним противоречием, так как невозможно, чтобы одна свободная сила существовала в другой свободной силе: полного отделения церкви от государства никогда нигде не существовало, потому что оно *невозможно*». (*Красножен М.* Указ. соч. С. 44).
- ⁷ *Гидулянов П.В.* Отделение церкви от государства в СССР. С. 3.
- ⁸ См., напр.: *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть. С. 167.
- ⁹ «Известия ЦИК...», № 18 (282), 24 января 1918.
- ¹⁰ «Известия ЦИК...», № 28 (292), 19 февраля 1918.
- ¹¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – М., 1996. Т. 6. С. 33–34. Патриарх Тихон на вопрос корреспондента, как он относится к такому заявлению, пожал плечами, заметил: «Не так легко свергнуть Царя Небесного, как царя земного» (У Патриарха // ЖМП, 2005, № 6. С. 59. Со ссылкой на: «Фонарь», М., 1918, № 14, 29 января).
- ¹² *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 12.
- ¹³ Собственно первое постановление Наркомюста об организованном вскрытии мощей было принято 16 февраля 1919 г. («Революция и церковь», 1919, № 6–8. С. 117).
- ¹⁴ *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 78.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Емельянов Н.Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. (по данным на январь 1999 г.) // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Вып. 3. С. 267.
- ¹⁷ Акты Святейшего Тихона... С. 83.
- ¹⁸ ЖМП, 2005, № 6. С. 59.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ См., напр.: Русское православие: веки истории. – М., 1989. С. 617–619.
- ²¹ Акты Святейшего Тихона... С. 70.
- ²² Деяния Священного Собора... Т. 6. С. 44.
- ²³ Там же. С. 40–41.
- ²⁵ Цит. по: *Введенский А.И.* Церковь и государство. С. 136.
- ²⁵ Деяния Священного Собора... Т. 6. С. 39. Говоря о позиции Собора по отношению к новой власти (правда, еще до начала ширококомасштабных гонений), митрополит Вениамин (Федченков) замечает: *«На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора? ...благоразумие говорило нам, что уже придется мириться с пришедшей новой жизнью и новой властью, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности, не отрякаясь от одной стороны, но признавая уже другую новую»* (Вениамин (Федченков), митрополит. Указ. соч. С. 161).
- ²⁶ Вениамин (Федченков), митрополит. Указ. соч. С. 184.
- ²⁷ *Елевферий* (Богоявленский Дмитрий Яковлевич) (1870–1940), митрополит. Закончил СПб Духовную Академию (1904). Проходил службу по духовно-учебному ведомству. В 1909 г. назначен ректором Смоленской духовной семинарии. В 1911 г. хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 г. управлял Литовской епархией. Переселен польским правительством в г. Ковно (1923). С 1931 г. временно управляющий западноевропейскими приходами РПЦ.
- ²⁸ *Елевферий (Богоявленский), митр.* Указ. соч. С. 226–227.
- ²⁹ *Соломон (Исецкий) Г.А.* Указ. соч. С. 233–234.
- ³⁰ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 107–109.
- ³¹ *Кирилл Зайцев, протоиерей.* Указ. соч. С. 32–34.
- ³² Акты Святейшего Тихона... С. 108.
- ³³ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 55.
- ³⁴ На допросе в Секретном Отделе ВЧК, состоявшемся 10 (23) декабря 1919 г., подтверждая свои взгляды, изложенные в данном обращении, Патриарх одновременно заметил: *«Это вовсе не послание к народу, а это письмо, обращенное мною в Совет Народных Комиссаров, совсем не предназначенное для опубликования... И если оно получило гласность и распространено, как Вы говорите, в громадном количестве экземпляров, то я тут вовсе не при чем: никаких шагов к этому я не предпринимал, и, как это случилось, мне совершенно неизвестно»* (цит. по: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Вып. VI. С. 167–168.)
- ³⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 151.
- ³⁶ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 56.
- ³⁷ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 127.
- ³⁸ *Liikkaenen A.* Op. cit. S. 60.
- ³⁹ Следственное дело... Раздел I. Док. № 4–17.
- ⁴⁰ По уставу принятому Поместным Собором 1917–1918 гг. при Патриархе

- утверждались архиерейский Священный Синод и Высший Церковный Совет из представителей белого духовенства и мирян. Комплекс этих учреждений, во главе с Патриархом, и составлял органы Высшего Церковного Управления в указанный период (см. об этом, напр.: *Кашеваров А.Н. Церковь и власть. С. 29–30*).
- 41 Профессор Н.Д. Кузнецов являлся членом соборной делегации «по переговорам с народными комиссарами», которая впоследствии выступала уже от имени ВЦУ, в силу чего неоднократно обращался в Совнарком с протестами против притеснений духовенства и нарушений интересов Церкви.
- 42 Следственное дело... Раздел I. Соответственно док. № 9 и № 13.
- 43 ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.
- 44 См.: Следственное дело... Раздел I. Док. № 16.
- 45 *Вострышев М.И. Патриарх Тихон. С. 129*.
- 46 *Кирилл Зайцев, протоиерей. Указ. соч. С. 34*.
- 47 Подчеркнуто в тексте письма.
- 48 Следственное дело... С. 75.
- 49 Акты Святейшего Тихона... С. 163–164.
- 50 См., напр.: *Павлов А.С. Указ. соч. С. 329; Суворов Н. Указ. соч. С. 459*.
- 51 *Бердников И.С. Указ. соч. С. 484–485*.
- 52 Там же. С. 485–486.
- 53 Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиепископа Константинопольского избранные творения. Беседы на послание к Римлянам. – М., 1994. Репринт. С. 774.
- 54 *Павлов А.С. Указ. соч. С. 346–347*.
- 55 Там же. С. 347.
- 56 *Бердников И.С. Указ. соч. С. 494*.
- 57 *Красножен М. Указ. соч. С. 44*.
- 58 Там же. С. 40.
- 59 *Суворов Н. Указ. соч. С. 502*.
- 60 *Заозерский Н. Указ. соч. С. 20*.
- 61 Там же. С. 23–24.
- 62 По существу, любые формы церковной жизни могли рассматриваться как проявление контрреволюционности, о чем свидетельствует, например, вывод советского историка Э.А. Снигиревой, которая утверждает, что в своей борьбе с социалистическим государством духовенство широко опиралось на религиозные чувства верующих: «...*Крестные ходы и молитва, анафема и отлучение, причастие и панихиды, канонизация «святых» становятся обычным средством антисоциалистической агитации и пропаганды*» (*Снигирева Э.А. Указ. соч. С. 11*).
- 63 *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. С. 46*.
- 64 Акты Святейшего Тихона... С. 163–164.
- 65 *Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4. – М., 2003. С. 498*.
- 66 К началу октября район, освобожденный от советской власти, включал

в себя 16–18 губерний и областей, территорией около 810 тыс. кв. верст с населением 42 млн. человек (там же. С. 509).

- ⁶⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. – М., 1990. Т. 2. С. 188.
- ⁶⁸ Правда, следует заметить, что летом началось контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте, однако, столица Колчака – Омск – пала лишь в ноябре.
- ⁶⁹ Соломон (Исецкий) Г.А. Указ. соч. С. 193–194.
- ⁷⁰ Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. С. 26.
- ⁷¹ Цит по: Вострышев М.И. Патриарх Тихон. С. 122–123.
- ⁷² В этом смысле весьма обоснованным представляется замечание публициста И. Демидова, по мнению которого: «...сама церковь в государственном смысле есть явление политическое. Но ведь центр тяжести лежит не в этом, а в том, становится ли то или другое явление государственной жизни политическим орудием в чьих-либо руках. И с этой точки зрения вся... деятельность Патриарха Тихона свидетельствует, что силы свои он отдал на то, чтобы оградить православную церковь от роли политического орудия» (Демидов И. Патриарх Тихон и советская власть // Современные записки. XI. – Париж. 1922. С. 281–282).
- ⁷³ Вострышев М.И. Патриарх Тихон. С. 103.
- ⁷⁴ См. об этом: Николин день в Москве // ЖМП, 2005, № 6. С. 65–73.
- ⁷⁵ Вострышев М.И. Патриарх Тихон. С. 92–93.
- ⁷⁶ Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 24.
- ⁷⁷ Вениамин (Федченков), митрополит. Указ. соч. С. 426.
- ⁷⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 160–161.
- ⁷⁹ См.: Лобанов В.В. «Вынуждаюсь обратить ваше внимание...» (Обращение Патриарха Тихона в СНК от 1 августа 1919 г.) // «Вопросы гуманитарных наук», 2004, № 6. С. 34–40.
- ⁸⁰ Формальным поводом для публикации послужило телеграфное сообщение из Киева, опубликованное под заголовком: «Они за погромы». («Известия», № 165 (717), 29 июля 1919 г.): «Киев, 26 июля. В заседании союза пастырей Киева и киевской епархии было внесено предложение, чтобы духовенство отмежевалось от погромов и обратилось с соответствующим воззванием к населению. «Пастыри» с епископом Василием во главе, единогласно это предложение отвергли. (РОСТА)». «Известия», № 166 (718), 30 июля 1919 г.
- ⁸¹ Шехтман И.Б. Погромы Добровольческой армии на Украине. (К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.) / Вступ. ст. И.М. Чериковера. – Берлин, 1932. С. 26.
- ⁸³ Революция на Украине: По мемуарам белых / Сост. С.А. Алексеев. – Киев, 1990 (Репринт. – М.–Л., 1930). С. 240.

- ⁸⁴ Там же. С. 299–300.
- ⁸⁵ Там же. С. 252.
- ⁸⁶ Там же. С. XVIII.
- ⁸⁷ *Шехтман И.Б.* Указ. соч. С. 88–89.
- ⁸⁸ Там же. С. 370.
- ⁸⁹ Там же. С. 160.
- ⁹⁰ *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. (1795–1995). Ч. I. – М., 2001. С. 329.
- ⁹¹ «Колокол», 1909, № 1045. 3 (16) сентября. Ответное письмо архиепископа Антония Н.А. Бердяеву о «Вехах»: о Церкви и духовенстве. С. 3.
- ⁹² Слово о. Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в Кишиневе // *Материалы для истории антиеврейских погромов в России.* – Пг., 1919. Т. 1. С. 353.
- ⁹³ См., напр., материалы по данной теме в сборнике: *Православная Церковь и евреи: XIX–XX вв. Сборник материалов к теологич. межконфессиональному диалогу.* – М., 1994.
- ⁹⁴ Там же. С. 28–29.
- ⁹⁵ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 203.
- ⁹⁶ Акты Святейшего Тихона... С. 160–161. (Послание Святейшего Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви. 08 (21).07.1919)
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 126. Л. 8–9. Машинописная копия. Внизу страницы надпись: «Св. подлинным верно: Делопроизводитель Канцелярии Высшаго Церковнаго Совета А. Кузнецов». Подпись заверителя – автограф. Документ передан в новой орфографии (см. Приложение I).
- ⁹⁸ См., напр.: *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 55; *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть. С. 84; *Георгий Митрофанов, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. С. 187–188.
- ⁹⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 163–164.
- ¹⁰⁰ Этот орган был создан советской властью с целью регулирования вопросов по делам различных вероисповеданий. Наряду с представителями других конфессий в Исполкомдух входили архиепископ Никандр (Феноменов) и протопресвитер Николай Любимов.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–3; *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство.* С. 47–55.
- ¹⁰² Следственное дело... Раздел I. Док. № 19.
- ¹⁰³ Там же. С. 83.
- ¹⁰⁴ См. напр.: *Филлипов А.* Послание патриарха Тихона к духовенству от 25 сентября – 8 октября 1919 г. – М., 1920; *Орловский П.* Послание патриарха Тихона к архипастырям и пастырям церкви российской. – М., 1919.
- ¹⁰⁵ *Орловский П.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁰⁶ Следственное дело... Раздел II. Док. № 73.
- ¹⁰⁷ Новые документы о послании Святейшего Патриарха Тихона от 25 сен-

- тября (8 октября) 1919 года // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 2 (19). С. 161.
- ¹⁰⁸ Следственное дело... С. 655.
- ¹⁰⁹ Так в тексте. Видимо следует – обоснованные.
- ¹¹⁰ Следственное дело... С. 656.
- ¹¹¹ Акты Святейшего Тихона... С. 163.
- ¹¹² *Стратонов И.* Указ. соч. С. 35–36.
- ¹¹³ *Георгий Митрофанов, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. С. 197.
- ¹¹⁴ См., напр.: *Владислав Цыпин, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. С. 66.
- ¹¹⁵ *Вениамин (Федченков), митрополит.* Указ. соч. С. 288.
- ¹¹⁶ Подробнее об отношении духовенства к Белому движению и деятельности ВВЦУ на территориях занятых белыми см.: *Каишев А. Н.* Церковь и власть. С. 105–134.
- ¹¹⁷ *Крапивин М. Ю.* Указ. соч. С. 30.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ *Георгий Митрофанов, священник.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. – СПб., 1995. С. 18.
- ¹²⁰ Там же. С. 89.
- ¹²¹ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 364.
- ¹²² *Георгий Митрофанов, священник.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 94.
- ¹²³ По некоторым сведениям в последние годы жизни митрополит Антоний по-другому оценивал свою роль в указанных событиях. Хорошо знавший владыку Антония А. Л. Казем-Бек, в своей статье вспоминает: «Когда автору... довелось увидеть митрополита Антония в последний раз (в 1934 г.), незадолго до его кончины, митрополит прерывающимся голосом сказал: «Все промыслительно... и Промысл Божий проявился в том, что Патриархом в такое время оказался Святейший Тихон». И с глубоким вздохом почти рыданием закончил свою мысль: «Я бы мог погубить нашу Церковь». И заплакал, низко опустив голову на грудь». (*Казем-Бек А. Л.* Прошлое и настоящее парижского раскола // ЖМП, 1969, № 4. С. 18).
- ¹²⁴ Это во многом делает неосновательными доводы о том, что решения Патриарха, осуждающее политическую деятельность Зарубежной Церкви, продиктованы исключительно давлением, которое оказывалось на него во время нахождения под следствием.
- ¹²⁵ *Георгий Митрофанов, священник.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 95–96. В «Актах Святейшего Патриарха...» этот указ помещен с № 347.
- ¹²⁶ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 145.
- ¹²⁷ Подчеркнуто Патриархом.
- ¹²⁸ *Сафонов Д. В.* Указ. дисс. С. 41–42.

- ¹²⁹ См., напр.: Послание от 15 (28).06.1923. Акты... С. 283–285; Воззвание от 18.06 (01.07). 1923. Там же. С. 286–287.
- ¹³⁰ РГИА. Ф. 831. Д. 191. Л. 1–1об.
- ¹³¹ Там же. Л. 2.
- ¹³² *Нестор* (Анисимов Николай Александрович) (1884–1962), митрополит. Епископ Камчатский и Петропавловский (1916). Член Священного Собора Российской Православной Церкви (1917–1918). Подвергнулся аресту (1918). Возвратился на Камчатку в 1919 г. Настоятель Камчатского подворья в г. Харбине (1921–1945). Митрополит Харбинский и Маньчжурский, экзарх Восточной Азии (с 1946). Находился в заключении (1948–1956). Митрополит Кировоградский и Николаевский (1960).
- ¹³³ «Революция и церковь», 1919, № 3–5. С. 51.
- ¹³⁴ *Нестор (Анисимов), митроп.* Мои воспоминания. – М., 1995. С. 168.
- ¹³⁵ См. также об этом: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 162; *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть. С. 21–22.
- ¹³⁶ *Ефремова О.Н., Кривошеева Н.А.* Новые архивные документы о преследовании властями Святителю Тихона в 1918–1923 гг. // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Выпуск VI. С. 166–168.
- ¹³⁷ *Демидов И.* Указ. соч. С. 282.
- ¹³⁸ *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 17.
- ¹³⁹ См., напр.: *Кривова Н.А.* Указ. соч.; Архивы Кремля. Политбюро и Церковь; *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Указ. соч. и др.
- ¹⁴⁰ Сохранилось шестнадцать протоколов заседаний весны 1922 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 32–47. Далее КИЦЦ.
- ¹⁴¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 60. (Предложения Наркомата юстиции о ликвидации мошей во всероссийском масштабе от 29 июля 1920 г.). На следующий день предложения были утверждены постановлением СНК РСФСР. 25 августа появляется постановление Наркомюста, регламентирующее ликвидацию мошей в масштабах страны (см., напр.: Следственное дело... Приложение. С. 844–846).
- ¹⁴² *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть. С. 276.
- ¹⁴³ Там же. С. 229.
- ¹⁴⁴ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 77.
- ¹⁴⁵ Письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. (Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 88–92 и др.).
- ¹⁴⁶ См., напр.: Воззвание «О помощи голодающим» от 22.08.1921 г. (Акты Святейшего Тихона... С. 176–177).
- ¹⁴⁷ См. об этом: «Известия ВЦИК», 1921, № 143, 157, 160, 166, 177, 190; «Правда», 1921, № 158–160, 169, 170, 173, 180, 191.
- ¹⁴⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 190.

- ¹⁴⁹ В «Актах...» данное воззвание отсутствует. См., напр.: Следственное дело... Приложение. С. 849–850.
- ¹⁵⁰ *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 32. Однако, как считает С.Г. Петров, это утверждение не доказано. По его мнению, ряд исследователей (В.А. Алексеев, Н.А. Кривова, М.И. Одинцов, М.В. Шкаровский, А. Luukkanen, М.Ю. Крапивин и др.) необоснованно рассматривают вопрос о помощи голодающим и последующие события церковной истории как борьбу в Политбюро сторонников «жестких» и «мягких» подходов. При этом к приверженцам «мягкой» линии обычно относят Рыкова, Каменева и, особенно, Калинина. Тогда как членов и кандидатов в члены Политбюро можно разделить таким образом скорее по результатам голосования по приговорам церковных процессов весны–лета 1922 г., а не по результатам обсуждения проблемы участия Церкви помощи голодающим. Причем, замечает исследователь, похожим образом партийные функционеры голосовали не только по церковным процессам, но и по другим политическим делам того периода, например, по приговору на процессе правых эсеров летом 1922 г. Таким образом, на сторонников «жесткой» и «мягкой» линии членов Политбюро можно разделить лишь по отношению к высшей мере наказания, а не по отношению к Церкви (*Петров С.Г.* Документы... С. 48.) Думается, исследователь прав в том, что в Политбюро действительно никогда не было принципиальной борьбы двух подходов по отношению к Церкви, линия была скорее близка к единой. Однако из этого не должно следовать и то, что указанные Н.А. Кривовой лица были сторонниками помощи Церкви в деле спасения голодающих, так их позиция вполне вытекает из ряда документов и развернутой, при непосредственном участии последних, кампании по изъятию церковных ценностей. Одновременно следует заметить, что среди членов Политбюро имела место борьба другого рода, – за власть и влияние в партии, резко обострившаяся в связи с болезнью В.И. Ленина.
- ¹⁵¹ См., напр.: Следственное дело... Приложение. С. 850–851.
- ¹⁵² Архивы Кремля. Кн. 1. С. 137.
- ¹⁵³ Там же. С. 134.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 136.
- ¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 32.
- ¹⁵⁶ Имеется в виду инструкция ЦК Помгола, ВЦИК и НКЮ о порядке изъятия церковных ценностей от 28.02.1922 г. Пункт 6-й, в частности, определяет порядок изъятия ценностей, имеющих музейное значение.
- ¹⁵⁷ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 91.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 32.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 35.
- ¹⁶¹ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 217–218.
- ¹⁶² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 33.

- ¹⁶³ Там же. Л. 9.
- ¹⁶⁴ 15 марта 1922 г. во время попытки изъятия церковных ценностей в соборе г. Шуи произошли столкновения верующих с властями, приведшие к человеческим жертвам с обеих сторон.
- ¹⁶⁵ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 159–160.
- ¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 34.
- ¹⁶⁷ См.: Архивы Кремля. Кн. 1. Док. № 23–31, 23–32.
- ¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 35–35об.
- ¹⁶⁹ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 162–163.
- ¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 36.
- ¹⁷¹ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 154.
- ¹⁷² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 37.
- ¹⁷³ Там же. Л. 47.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 34, 36, 38об., 39, 40–42, 44, 45, 47.
- ¹⁷⁵ Здесь и в других случаях цитируется с сохранением орфографии и синтаксиса оригинала.
- ¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 36.
- ¹⁷⁷ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 169–170.
- ¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 38об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 40.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 41.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 39–39об.
- ¹⁸² Там же. Л. 43.
- ¹⁸³ Там же. Л. 44.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 45.
- ¹⁸⁵ *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 118.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 35.
- ¹⁸⁷ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 240.
- ¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 48.
- ¹⁸⁹ По справедливому замечанию С.Г. Петрова, именно Центральная КИЦЦ, как основной инициатор рассмотрения на Политбюро церковных вопросов, была прямым предшественником созданной осенью 1922 г. Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (Антирелигиозной Комиссии) (*Петров С.Г.* Документы... С. 260). Хотя нужно заметить, что последняя создавалась на базе комиссии по антирелигиозной пропаганде при Агитпропе, по инициативе которой и был поднят вопрос о новой единой комиссии по церковным делам, поскольку, как указано в постановляющей части протокола заседания указанной комиссии от 03.10.22, «комиссия под председательством т. Троцкого (т. е. Центральная КИЦЦ? – *В.Л.*) возможно, заканчивает свою работу» (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 547). С.Г. Петров, между тем, полагает, что сохранившийся протокол № 18 (от 17.10.22) заседания *Комиссии по церковным ценностям* под председательством Троцкого (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 321), на котором уже конкретно обсуждал-

ся вопрос о составе и функциях будущей Антирелигиозной комиссии, является *последним* протоколом Центральной КИЦЦ (Петров С.Г. Документы... С. 253). Исключить этого нельзя, однако, обращает на себя внимания ряд несоответствий: 1) некоторое различие в названии комиссий; 2) из 6-ти человек (не считая Троцкого), присутствующих на заседании от 17 октября, никто, за исключением Красикова, прежде на заседаниях Бюро Центральной КИЦЦ не присутствовал (правда, исследователь считает, что в заседании приняли участие уже намеченные члены новой «антирелигиозной комиссии» (там же)); 3) последний известный протокол Бюро Центральной КИЦЦ под № 17 от 15 мая и настоящий протокол № 18 от 17 октября Комиссии по церковным ценностям (как называет ее сам Троцкий в почто-телеграмме от того же числа в Секретариат ЦК РКП(б) (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 322)) разделяет слишком большой промежуток времени. Таким образом, не ставя под сомнение тезис о преемственности Центральной КИЦЦ и Антирелигиозной комиссии, принадлежность протокола № 18 от 17.10 собственно Центральной КИЦЦ – представляется спорной.

¹⁹⁰ Акты Святейшего Тихона... С. 188–190. Изложенное в послании породило неоднозначные трактовки, в том числе и экспертов по церковному праву. Обоснованной, однако, представляется точка зрения, что *«протестуя... против бесконтрольного изъятия предметов, предназначенных для богослужебного пользования, святой Патриарх Тихон только выполнил требование церковных канонов и постановлений Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., и другой способ действия противоречил бы христианской совести»* (Следственное дело... Предисловие. С. 41–42). Речи о физическом сопротивлении властям в данном послании (как и других, более ранних), безусловно, не шло. Это подтверждает, в частности, сохранившийся в материалах следственного дела проект обращения Патриарха к епархиальным архиереям от 09.04.22. В нем он пишет, что в ряде случаев прихожане, побуждаемые неправильно понимаемую «ревностью о храме Божиим», допускали активное противодействие представителям власти, доходившее порой до кровопролития. Глава РПЦ указывает: *«Едва ли нужно напоминать, что все подобные действия, как противные духу христианского учения, и всякое подстрекательство к ним я категорически осуждаю»* (Следственное дело... С. 124).

¹⁹¹ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 199.

¹⁹² Там же. С. 252.

¹⁹³ Там же. С. 212.

¹⁹⁴ Следственное дело... С. 161–162.

¹⁹⁵ Достоверность, утвердившейся в историографии версии о сроках домашнего ареста Патриарха и перемещении его в Донской монастырь весной–летом 1922 г., подробно рассматривается далее.

¹⁹⁶ Левитин-Краснов А.Э., Шаевров В.М. Указ. соч. С. 66.

Глава 3.

«Раскаяние» Патриарха

«Дело Патриарха Тихона»: подготовка судебного процесса

Наряду со следственными материалами, пролить свет на многие вопросы, связанные с процессом по делу Патриарха, подготовка которого велась почти год, помогают протоколы «Комиссии по проведению отделения церкви от государства»¹ или, как она впоследствии стала называться, Антирелигиозной Комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б)². Окончательно сформированная к концу октября 1922 г., комиссия в ходе своей деятельности решала все основные вопросы, связанные с партийно-государственной линией по отношению к религии и Церкви. Первоначально председателем комиссии стал Н.Н. Попов, которого впоследствии сменил Е.М. Ярославский³. Среди постоянных членов были такие известные фигуры как В.Р. Менжинский, П.А. Красиков, П.Г. Смидович, И.И. Скворцов-Степанов, журналист И.П. Флеровский. Роль секретаря комиссии выполнял Е.А. Тучков, который одновременно являлся начальником VI отделения Секретного Отдела ГПУ-ОГПУ. Периодически на заседания приглашались эксперты по различным направлениям работы. Общее количество руководящих лиц, причастных к работе АРК за время ее существования (1922–1929 гг.), оценивается приблизительно в 100 человек⁴. Деятельность комиссии проходила в обстановке строгой секретности, стенограммы заседаний в целях конспирации не велись, круг лиц имеющих доступ к ее документам был строго ограничен. Исполнителями постановлений АРК на местах были органы НКВД-ОГПУ, они же в лице Е.А. Тучкова и В.Р. Менжинского принимали непосредственное участие в принятии решений. Одновременно решающая роль в санкционировании деятельности комиссии принадлежала высшему партийному руководству. С.Н. Савельев, анализируя

персональный состав комиссии, обращает внимание на тот любопытный факт, что в числе постоянных сотрудников комиссии основную массу составляли люди, отличающиеся низким уровнем образования и культуры, многие не имели даже среднего образования. Напротив, к таким представителям интеллигенции как Г.В. Чичерин, А.В. Луначарский, М.М. Литвинов – относились настороженно, они приглашались лишь эпизодически, главным образом, по вопросам ужесточения цензуры и усиления антирелигиозной пропаганды, но не для разработки конкретных репрессивных мер и провокаций⁵.

Полный обзор протоколов комиссии, которые включают широчайший круг тем (от «дела» Патриарха до решений, связанных с преподаванием мусульманского вероучения и борьбы с сектантством), выходит за рамки настоящей монографии. Основное внимание будет уделено вопросам, непосредственно касающимся судьбы Патриарха, и тесно связанным с этим проблемам: деятельности обновленческого Синода; попыткам АРК навязать Первосвященнику соглашение с обновленческим лидером В.Д. Красницким; вопросу о церковном календаре, а также некоторым другим моментам, характеризующим антирелигиозную политику советского государства.

Пик активности в работе АРК приходится на конец 1922–1923 гг. При этом одной из главных тем заседаний являются вопросы, связанные с подготовкой судебного процесса по делу Патриарха Тихона. Непосредственные активные действия в этом направлении начались в конце октября 1922 г. На заседании от 31 октября 1922 г. (Протокол № 2) был заслушан доклад Е.А. Тучкова «о положении дела борьбы с Тихоновщиной» в котором констатируется, что «тихоновцы... стали после первого испуга приходить в себя и организовываться... а в иных местах и действовать, выгоняя обновленцев из епархиальных управлений». В связи с этим предлагалось «взять более твердую ставку на группу «Живой Церкви»⁶; «развернуть широко работу по очистке от тихоновского и вообще черносотенного элемента приходских советов в центре и на местах», «повести ударным порядком смещение тихоновских епископов»⁷. Одновременно на этом же заседании было поручено Е.А. Тучкову в следующий раз сделать доклад о том, в каком состоянии находится дело Патриарха Тихона, «нужно ли ставить процесс его и как с ним поступить в противном случае»⁸. Таким образом, мы можем точно определить момент, с которого фактичес-

ки начинаются конкретные мероприятия власти по организации судебного процесса по делу Патриарха.

Однако на следующем заседании, 8 ноября, этот вопрос не обсуждался. Пункт «О деле Тихона» включен только в повестку дня заседания от 14 ноября (Протокол № 4), на котором было принято решение поручить ГПУ закончить дело Патриарха в месячный срок, организовав и завершив судебный процесс до начала планируемого властями обновленческого собора. Руководство следствием со стороны комиссии было возложено на Менжинского, Красикова и Тучкова⁹. Впоследствии АРК постановила «привлечь для работы по ведению следствия по делу Тихона т. Лунина»¹⁰, известного как прокурора на так называемом «московском процессе» духовенства, материалы которого были использованы для привлечения к суду Патриарха.

Необходимо также заметить, что параллельно с АРК организацией процесса руководила специальная комиссия в лице А.И. Рыкова, М.И. Калинина и Н.В. Крыленко, которая несла персональную ответственность за обеспечение нужного исхода «дела». Само же производство дознания и следствие было поручено особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову и следователю по важнейшим делам Верховного Суда П.С. Кузнецову¹¹.

Трудности со сбором доказательств не позволяли уложиться в намеченные сроки. В очередной раз вопрос «О деле Тихона» АРК рассматривает уже 30 января 1923 г. (Протокол № 11). Принимается решение о завершении процесса до 25 марта, при этом особо предполагается отметить такие моменты, как «борьбу» с декретом об отделении церкви от государства и вскрытием мощей, противодействие изъятию церковных ценностей, систематическую контрреволюционную деятельность. Число обвиняемых и свидетелей планируется ограничить до минимума¹². Эти положения формулировались непросто, о чем свидетельствуют многочисленные правки в тексте протокола. Обращает на себя внимание, что в окончательном варианте не сохранился подпункт о связи с белогвардейскими организациями и Карловацким Собором, вычеркнутый рукою Е.М. Ярославского. Очевидно, материала для подобного обвинения было явно недостаточно. Тем же Ярославским формулировка «систематическая борьба с Советской властью», заменена несколько более мягкой о систематической контрреволюционной деятельности.

8 февраля Политбюро утверждает предложение АРК о сроках процесса, возлагая ответственность за его проведение на Рыкова, Крыленко и Калинина¹³. На заседании Комиссии 27 февраля (Протокол № 14) был заслушан и принят к сведению доклад Я.С. Агранова по делу Патриарха, принято решение вернуться к этому вопросу на следующем заседании, пригласив на него Н.В. Крыленко. Одновременно Н.Н. Попову поручено «по линии Ц.К. сделать соответствующее указание местам о принятии надлежащих мер агитации в связи с процессом “Тихона”»¹⁴. И уже на заседании 6 марта принимается конкретное решение о назначении слушания «дела Тихона» – 25 марта и окончания – 30 марта. Охрана процесса и его техническая сторона поручались А.В. Галкину и Н.В. Крыленко. На руководящую роль Политбюро в решении судьбы Патриарха прямо указывает следующий подпункт протокола: «Просить Полит-Бюро ЦКРКП дать точные директивы суду о мере наказания, приняв во внимание международную обстановку»¹⁵. Таким образом, очевидно, что результат процесса должен был быть предreshен заранее. Не случайно практически каждый протокол АРК снабжен грифами «Совершенно Секретно» и «Хранить конспиративно».

В отчетном докладе АРК в Политбюро о проделанной работе (за 1–22 марта 1923 г.), представленном Н.Н. Поповым, указывается, что в связи с тем, что специальное поручение Политбюро, связанное с постановкой процесса Тихона, выполняет особая комиссия, задача АРК сосредотачивается в агитационной области¹⁶. Однако из дальнейших протоколов следует, что деятельность комиссии была намного шире, чем исключительно пропаганда и агитация. Интересно заметить, что в отчете высказано мнение о мере наказания Патриарху. АРК, ссылаясь на проводящуюся ею церковную политику, высказывается против приведения в исполнение высшей меры наказания¹⁷. Возможно, такая позиция в какой-то степени повлияла в дальнейшем на решение окончательной судьбы Патриарха.

Несмотря на намеченные АРК и одобренные Политбюро сроки, процесс вновь откладывается. Думается, что одной из главных причин этого стало внезапное резкое ухудшение состояния здоровья В.И. Ленина, последовавшее 6–10 марта, что отвлекло на время внимание от «дела» Патриарха. Следующее упоминание о «деле Тихона» встречается лишь в Протоколе № 17 от 27 марта. Намечено пригласить на следующее заседание с докладом о «де-

ле» – Крыленко. Одновременно постановлено просить Политбюро, «чтобы в специальную комиссию по делу Тихона были введены представители от антирелигиозной комиссии т.т. КРАСИКОВ, ЯРОСЛАВСКИЙ, ПОПОВ»¹⁸. Судя по материалам Политбюро, просьба была удовлетворена лишь в отношении Красикова и Ярославского¹⁹. На заседаниях же «комиссии по руководству процессом гр. Белавина» реально присутствовал только Е.М. Ярославский²⁰.

На следующем заседании, 3 апреля (Протокол № 18), вопрос о «деле» Патриарха Тихона рассматривается первым пунктом²¹. Обсуждается целесообразность привлечения новых обвиняемых по делу, а также даются поручения: Попову – «провести через Ц.К. смету расходов по процессу Тихона»; Крыленко – «озаботиться постановкой стенограммы с первого дня процесса»; Ярославскому и Тучкову – «распределение для входа на процесс билетов». Признается целесообразным «привлечь т. КРАСИКОВА обвинителем по делу» и вызвать «на суд и допрос в качестве свидетелей Введенского и Красницкого», представителей обновленцев.

7 апреля Комиссия по руководству процессом по делу Патриарха Тихона принимает решение отложить процесс «гр. Белавина» до 17 апреля, изменив с 12 апреля меру пресечения на тюремное заключение. 10 апреля на эти решения откликается АРК (Протокол № 19)²², вновь первым пунктом рассматривая вопрос «О процессе Тихона». Постановлено осуществить перевод Патриарха из Донского монастыря во Внутреннюю тюрьму ГПУ после вручения ему обвинительного заключения, а «процесс Тихона начать по окончании партийного съезда»²³. Уже распространенные Верховным Судом билеты для входа на процесс аннулировались с поручением заменить их новыми другого цвета. Эти решения были практически продублированы на заседании комиссии «по руководству процесса Белавина»²⁴ от 11 апреля, которая постановила отложить процесс до 23–24 апреля²⁵. 12 апреля Политбюро принимает постановление «вести дело Тихона со всею строгостью, соответствующей объему колоссальной вины, совершенной Тихоном»²⁶. Фактически это означало смертный приговор. Приблизительно в это же время начинается активная агитационная кампания среди различных слоев населения за вынесение резолюций, заранее требующих для Патриарха высшей меры наказания. Характерным примером такого рода «требований» с мест является, в частности, следующее заявление:

«Мы, беспартийные крестьяне Загарской волости, узнав, что в ближайшем будущем имеет быть судебный процесс патриарха Тихона, заявляем, что он кровопиец в рясе, контр-революционер и *людоед*... мы требуем от центральной советской власти вынести патриарху Тихону суровую и беспощадную меру наказания»²⁷.

Обвинительное заключение по делу Патриарха Тихона было утверждено на заседании Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 17 апреля²⁸, а 19-го было выполнено постановление о взятии его под стражу²⁹. Первосвященник был переведен во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Тем не менее, комплекс внешне- и внутривнутриполитических факторов вынуждал власть снова и снова откладывать процесс. По предложению Ф.Э. Держинского³⁰, в связи с недовольством за рубежом большевистской церковной политикой³¹ и необходимостью более тщательной подготовки, Политбюро 21 апреля приняло постановление: «а) Процесс Тихона отложить. б) Подготовить процесс более тщательно»³².

В связи с очередной отсрочкой процесса Е.М. Ярославский от имени АРК обращается 24 апреля к руководителям партии и правительства³³ с предложением конкретных мер³⁴. В частности, соглашаясь с отсрочкой процесса Тихона, АРК высказывается против отсрочки обновленческого собора, считая целесообразным, чтобы тот осудил «контрреволюционную деятельность Тихона». Процесс предлагается начать примерно в середине или во второй половине мая, используя оставшееся время для агитационной работы. Кроме того, АРК «считает крайне нежелательным решение подобных вопросов без участия кого либо из Комиссии, что было признано в свое время и Политбюро ЦК». Также до сведения членов Политбюро доводится мнение о том, что слишком долгое затягивание процесса является вредным в силу того, что «это дает возможность врагам играть на этой оттяжке и развивать бешеную кампанию». Однако на Политбюро этот документ так и не был рассмотрен³⁵.

Предложения АРК о сроках открытия процесса Е.М. Ярославский подтверждает в новой записке в Политбюро от 10 мая³⁶. Он от имени АРК предлагает: «Процесс б[ывшего]³⁷ патриарха Тихона назначить в начале второй половины мая. Точный срок определить т. Галкину совместно с т. Крыленко и Ярославским». Однако в тот же день Политбюро в ответ на заявление Ярославского «О Тихоне» постановляет: «Отложить»³⁸. Очевидно, что произошел некий перелом в подходах к «делу» Патриарха. Наряду

с внешнеполитическими факторами, важнейшим обстоятельством представляется обострившаяся борьба за власть и влияние в партии, связанная с перегруппировкой сил в Политбюро. Как справедливо замечает Н.А.Кривова, если до марта 1923 г. еще сохранялась надежда на выздоровление опасно больного В.И.Ленина, то после последнего приступа он был фактически отодвигнут от реальных рычагов управления³⁹. Сыграли свою роль и общественные настроения, внимательно отслеживаемые ГПУ⁴⁰.

О неопределенности сроков начала процесса свидетельствует записка председателя Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР Н.М.Немцова Л.Д.Троцкому, любопытная не только своим содержанием, но и стилистикой:

«Лев Давидович!

Судколлегия по процессу Тихона находясь в неизвестности о постановке процесса просила меня справиться предполагается ли в ближайшие два месяца поставить это дело? Извиняюсь за назойливость по справочному характеру.

[...]

P.S. Начались отпуски и люди волнуются желая не быть связанными серьезными делами.

15.VI.]23[.] Немцов»⁴¹

В работе АРК происходит перерыв до 4 мая (Протокол № 20). Среди многочисленных вопросов, которые обсуждаются на этом и нескольких последующих заседаниях (Протоколы № 21–23), о подготовке процесса по делу Патриарха не упоминается. Однако 4 мая Комиссия принимает решение допустить к Патриарху депутацию проходящего в то время обновленческого Собора для «снятия сана»⁴², а в Протоколе № 23 от 5 июня отражено решение «не возражать против написания Тихоном ряда статей, относительно его отношения к Соввласти в настоящее время и об “условиях, в которых он содержится под стражей”»⁴³. Сложившаяся ситуация требовала принимать окончательное решение о дальнейшей судьбе Патриарха. Это стало возможным в результате вынужденного компромисса как со стороны Патриарха, так и со стороны власти. Ключевую роль в выработке параметров этого компромисса сыграли две записки Е.М.Ярославского, датированные 11 июня, и заседание АРК 12 июня⁴⁴ (Протокол № 24).

Первая записка, адресованная в Политбюро ЦК И.В.Сталину⁴⁵, полностью повторяет содержание протокола заседания Комиссии от 12 июня⁴⁶. Ярославский и АРК предлагают:

«1) Следствие по делу Тихона вести без ограничения срока.

2) Тихону сообщить, что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения, если: а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершенных против Советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях и выразит теперешнее лояльное отношение к Советской власти, б) что он признает справедливым состоявшееся привлечение его к суду за эти преступления, в) отмежуетя открыто и в резкой форме от всех к[онтр]-революционных организаций, особенно белогвардейских, монархических организаций, как светских, так и духовных, г) выразит резко отрицательное отношение к Карловацкому Собору и его участникам, д) заявит о своем отрицательном отношении к прошкам, как католического духовенства, так и епископа Кентерберийского и Константинопольского патриарха Мелетия[,] е) выразит согласие с некоторыми реформами в церковной области (например новый стиль).

3) В случае согласия освободить его и перевести в Валаамск[ое] подворье не запрещая ему церковной деятельности»⁴⁷.

Вторая записка Е.М. Ярославского содержит обоснование условий освобождения Патриарха с тем, чтобы власть могла сохранить лицо:

«1) Необходим какой-нибудь шаг, который оправдывал бы наше откладывание дела Тихона, иначе получается впечатление, что мы испугались угроз белогвардейщины;

2) Из разговоров с Тихоном выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях он пойдет на эти предложения;

3) В случае его согласия, также заявления с его стороны будут иметь огромное политическое значение...»⁴⁸.

По мнению Е.М. Ярославского, заявления Патриарха и освобождение на таких условиях «спутают совершенно карты всей эмигранщины», «явятся ударом по всем тем организациям, которые ориентировались на Тихона», «его личное влияние будет скомпрометировано связью с ГПУ и его признаниями». Кроме того, освобождение Патриарха, по мысли Ярославского, должно быть гарантией против усиления обновленческого Высшего Церковного Управления при сохранении последним своего влияния.

Заседание Политбюро 14 июня принимает окончательное решение: «Слушали: [...] 9. О Тихоне. (т. Ярославский)». «Поставили: [...] 9. Принять предложение т. Ярославского»⁴⁹.

Уже через два дня (16 июня) появляется широко известное заявление Патриарха в Верховный Суд РСФСР с признанием правильности привлечения его к ответственности за антисоветскую деятельность и «раскаяния» в этом. Патриарх заявлял, что отныне он не враг Советской власти и что решительно отмежевывается «как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контр-революции»⁵⁰.

Тем временем, пока Первосвященитель продолжал находиться в заключении, власть стремилась извлечь из его заявления наибольшую политическую выгоду. АРК на заседании 19 июня принимает решение размножить заявление Патриарха в Верховный Суд и разослать для ознакомления всем членам Политбюро. Е. А. Тучкову поручалось в пятидневный срок организовать написание Патриархом, кроме двух обращений, еще одно⁵¹, в котором он в очередной раз признавал бы свою «вину» перед Советской властью, осудил ряд лиц, в том числе митрополита Антония (Храповицкого) и Константинопольского Патриарха Мелетия, а также польское правительство и «русских и иностранных белогвардейцев, которые, *якобы его*⁵², толкнули на преступление против Соввласти». Кроме того, Патриарх должен был заявить «о введении в церковном мире новой орфографии». Одновременно Комиссия заявляла, что считает возможным изменение меры пресечения Патриарху⁵³.

Окончательное решение было принято Политбюро 21 июня⁵⁴ и оформлено протоколом АРК № 26 от 26 июня: «Тихона из под стражи освободить 27 июня». ГПУ поручалось производить постепенную ликвидацию дел, связанных с изъятием церковных ценностей, освобождая тех сторонников Патриарха, которые заявят о своем раскаянии. Также предполагалось в течение трех месяцев «пересмотреть все дела высланных церковников на предмет амнистирования наименее из них вредных»⁵⁵. На следующий день Патриарх Тихон был освобожден.

Предваряя более тщательный анализ позиции Первосвященителя, заметим, что при внимательном рассмотрении вышеуказанного «покаянного» заявления, носящего вынужденный характер, становится ясным его чисто политическое содержание, не добавляющее, по сути, ничего нового к уже не раз высказанной Патриархом позиции по отношению к власти, которую он рассматривал как «попущенную Богом», не благословляя сопротивление ей насильственным путем. В частности, такой подход наиболее

четко выражен в послании Первосвященителя от 8 октября 1919 г. к православному клиру о невмешательстве в политическую борьбу. В этом контексте следует, учитывая позицию Патриарха в предшествующий период, внимательно проанализировать причины, повлиявшие на его решение заявить о своем «раскаянии», и одновременно рассмотреть, что вынудило и власть на определенные уступки; ибо компромисс предполагает взаимное соглашение, хотя в данном случае и неравноправное. Это сделано в следующем параграфе.

Что же касается роли АРК в преследовании Первосвященителя, то она оценивается вполне однозначно. Будучи инструментом Политбюро, Комиссия проводила в жизнь его замыслы, беря на себя технические, административные и агитационные функции. В частности, одним из результатов ее работы является оформление условий неравного «соглашения» между РПЦ в лице Патриарха Тихона и советской властью.

Почему не состоялся суд над Первосвященителем?

Таким образом, формальным поводом к освобождению Патриарха стало его так называемое «покаянное заявление», вызвавшее разноречивые оценки. Сотрудник «Известий», например, так описывал впечатления верующих: «...Отдельные лица развивали ту точку зрения, что заявление Тихона – крупная непоправимая ошибка... В большинстве же кружков, групп слышалось иное. Заявление Тихона считалось в высшей степени своевременным и мудрым актом. [...] Тем не менее, все же говорили, что некоторые епископы недовольны Тихоном и решили от него отмежеваться. А один из видных профессоров богословия, прочитав заявление Тихона, будто бы разрыдался и сказал: “Все кончилось!...” И уехал на родину, в Смоленскую губернию»⁵⁶. Одновременно в сводке ГПУ о политико-экономическом состоянии в стране за июнь 1923 г. сообщалось: «Освобождение Тихона внесло в жизнь церкви большое оживление. Оно заставило обновленцев... усилить свою деятельность ввиду опасения возвращения Тихона к власти. Факт освобождения Тихона и раскаяние его перед Советской властью привел в тупик черносотенное духовенство и монархические круги как в России, так и за границей. Начинает распространяться слух, что Тихона заставили подписать раскаяние

силой, что он сошел с ума. В силу этого “патриаршая” деятельность дальше Донского монастыря пока не распространяется»⁵⁷.

Для понимания того, что стояло за указанным обращением Патриарха в Верховный Суд, немаловажное значение имеет духовный облик и психологические особенности личности Первосвяителя. Мы уже отчасти касались этого вопроса в первых главах книги. Теперь же остановимся на нем более подробно, рассмотрев свидетельства разных по своим нравственным качествам и взглядам лиц⁵⁸, чтобы попытаться составить целостный образ Предстоятеля Русской Церкви и понять, мог ли он в своих действиях руководствоваться такими мотивами, как: корысть, трусость, приспособленчество? Позволял ли его характер противостоять тому сильнейшему давлению, которое на него оказывалось; не имел ли место некий душевный слом, приведший к отказу от избранной твердой линии и неоправданным компромиссам? Одновременно все это необходимо сопоставить с материалами следственного дела святителя Тихона, учитывая вместе с тем и внешние факторы, которые могли повлиять на внутренний выбор Патриарха. Отдельный вопрос: почему власть отказалась от судебного процесса по делу Предстоятеля РПЦ? Было ли это вынужденное решение или обдуманный тактический ход?

Вот как, например, характеризует Первосвяителя обновленческий профессор Б.В. Титлинов: «Сам патриарх вовсе не был боевым человеком. До революции это был хотя и один из видных архиереев, но не выдающийся своею деловитостью. В сане епископа и архиепископа Тихон приобрел себе некоторые общественные симпатии своею порядочностью, мягкостью, умеренным либерализмом и *отсутствием политиканского зуда* и миссионерского фанатизма, – в чем были повинны многие его собратья. Долгое пребывание в Америке в первый период его служения наложило на Тихона известный отпечаток культурности и европейзма, уменя держать себя в обществе... Но у патр[иарха] Тихона совсем не было талантов “военачальника” в такое боевое время, как период революции, и на патриарший пост его поставил поистине случай жребия... *Слабый, уступчивый характер* патриарха не давал надежд, что он сумеет справиться с трудной задачей “водительства” Церкви среди революционной бури»⁵⁹.

Сразу следует заметить, что обновленцы были весьма заинтересованы в том, чтобы принизить авторитет Патриарха, заставить усомниться в его способности управлять Церковью. Тем не

мене, внешняя мягкость Первосвятителя, действительно, в глазах многих могла расцениваться как слабость. Как вспоминает С.А. Волков, тесно связанный с Московской духовной академией, 14 октября 1919 г. (т.е. через неделю после появления послания Патриарха от 8 октября о невмешательстве духовенства в политическую борьбу) у него состоялся разговор с митрополитом Серафимом (Чичаговым), который «...резко критиковал патриарха Тихона за мягкотелость и недостаточную смелость в действиях, выражал сожаление, что тот идет на компромиссы, ослабляя церковную организацию...»⁶⁰.

Вместе с тем, по мнению хорошо знавшего Патриарха князя Г.Н. Трубецкого: «При необыкновенной мягкости и благостности, которые делают личность его столь обаятельной, Святейший Тихон всегда производил на окружающих впечатление полной готовности понести тот крест, который укажет ему Господь. Личная участь не заботила его, но он болел душой за подначальных и за духовных своих чад. Свое избрание он принял, как крест и во всем облике его чувствовалась обреченность проникнутого своим долгом пастыря и полное отсутствие каких-либо личных соображений»⁶¹. Протоиерей А. Рождественский вспоминает, что при подготовке Патриархом послания в СНК к годовщине октябрьского переворота, многие члены Синода и ВЦС отговаривали его от этого рискованного шага, указывая, что Первосвятитель должен беречь себя для пользы Церкви. Однако Патриарх, внимательно выслушав все советы, твердо стоял на своем. «“Да, он всех внимательно слушает, мягко ставит возражения, но на деле проявляет несокрушимую волю”, – говорил по этому поводу один интеллигент, член Совета»⁶².

По рассказу того же автора, в одну из ночей к Патриарху явилась депутация членов Собора во главе с видными архиереями, извещавшая его об опасности ареста и настойчиво советуя немедленно уехать из Москвы. Однако: «Патриарх, уже легший было спать, вышел к депутации, спокойный, улыбающийся, внимательно выслушал все, что ему сообщили, и решительно заявил, что никуда не поедет: “бегство Патриарха, – говорил он, было бы слишком на руку врагам Церкви, они использовали бы это в своих видах. Пусть делают все, что угодно”. Депутаты остались даже ночевать на подворье, и многие дивились спокойствию Патриарха»⁶³. О подобном случае упоминает и бывший товарищ оберпрокурора А.П. Рогович: «Я имел счастье видеть Патриарха у него

на Троицком подворье в октябре 1918 г. Кто-то из присутствовавших сказал тревожно: «Владыко, в городе говорят о возможности Вашего ареста!» «Ну и что же, пусть приходят, в животе и смерти Бог волен», – ответил Патриарх и благодушно рассмеялся и чувствовалось, что это не фраза, не показное хладнокровие, а спокойная настроенность души, безраздельно преданной воле Божией»⁶⁴.

Интересные воспоминания о характере и психологическом облике Первосвяителя оставил в своем дневнике профессор Московской Духовной академии А.Д. Беляев. 4 июля 1917 г. он записал: «...Акафист у вечерни читал архиеп[ископ] Тихон... Голос у Тихона низкий баритон... взгляд спокойный, уравновешенность, чуть ли не флегматичность и безразличие. Есть покой в голосе, яркости и тем более резкости никакой»⁶⁵. Аналогичное впечатление произвела на А.Д. Беляева благодарственная речь Патриарха на молебне в Троице-Сергиевой Лавре 7 ноября 1917 г.: «Говорил он тихо, низким голосом... Какого-либо подъема в его речи не чувствовалось; свойственное ему *спокойствие*, *хладнокровие* и, пожалуй, медлительность и флегматичность не покидали его»⁶⁶.

Характеризуя самообладание Патриарха, можно вспомнить и уже упомянутый эпизод из далекого прошлого, связанный с миссионерской деятельностью будущего Первосвяителя на Аляске: переправу до парохода на маленькой, ненадежной лодке⁶⁷. Следует заметить, что вышеуказанные свидетельства далеко не исчерпывают примеров мужественного поведения Патриарха Тихона в различных жизненных обстоятельствах (следует также вспомнить несколько покушений на жизнь Предстоятеля РПЦ), в том числе и во время неоднократных допросов. Да и сам он заявлял: «Готов на всякие страдания, даже на смерть во имя веры Христовой»⁶⁸. Таким образом, тезис о *слабости* характера Патриарха не находит подтверждения.

В связи с этим следует отвергнуть предположение, что «покаянное» заявление Патриарха имело причиной *страх* перед расстрельным приговором или длительным тюремным заключением. Обоснованным в этом контексте представляется замечание А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова о том, что открыто выступать с антисоветскими протестами в разгар красного террора требовало намного большего мужества, чем придерживаться такой же линии в эпоху нэпа. Опасность расстрела для Патриарха

в 1918 г. была гораздо реальной, чем в 1923-м. По мнению вышеупомянутых авторов, «в 1918 году расстрел прошел бы почти незамеченным и произвел бы, вероятно, на современников столь же малое впечатление, как расстрел Романовых в Екатеринбурге, Колчака в Иркутске, епископов Ермогена и Андроника и т. д. – просто одной контрреволюционной фигурой стало бы меньше, только и всего»⁶⁹.

Возвращаясь к характеристике, данной Первосвятителю Б.В. Титлиновым, мы видим, что последний, хотя и по-своему, вынужден отметить и те качества Патриарха, которые с юности привлекали к нему симпатии со стороны самых разных людей. «Пойдите к Патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему – Патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно», – говорил еще один из зачинщиков обновленческой смуты С.В. Калиновский⁷⁰.

Мы уже приводили характерный отзыв о нравственных качествах Святейшего, принадлежащий митрополиту Евлогию (Георгиевскому), в свое время сменившему его на посту ректора Холмской семинарии. Одновременно митрополит Евлогий упоминает и о свидетельстве одного священника из галичан-русофилов, отличавшегося весьма свободолобивым духом, который, после посещения его прихода преосвященным Тихоном, оставил в церковной летописи дерзкую, но показательную запись: «Первый раз в архиерее вижу человека»⁷¹.

М.А. Вешнева (тогда Семенова), в 1922–1923 гг. сотрудница ВЧК-ГПУ, одна из двух женщин, которые наиболее близко соприкасались с Первосвятителем во время его содержания в Донском монастыре, размышляет в своих записках: «...я никак не могу увидеть в Патриархе классового врага. Умом я понимаю, что он враг, и, очевидно, очень опасный. А, общаясь с ним, ничего вражеского не чувствую. Он обращается с нами идеально. Всегда внимателен, ласков, ровен. Я не видела его раздраженным или капризным»⁷².

Необычное и одновременно многое говорящее о личности Патриарха свидетельство принадлежит вышеупомянутому А.П. Роговичу. Оно относится еще к 1907 г., когда преосвященный Тихон был переведен с Аляскинской кафедры на Ярославскую. После одного из заседаний в Александро-Невской лавре Рогович спросил у митрополита Киевского Флавиана его мнение о новом Ярославском архиепископе. «Митрополит остановился, из-под

его белого клобука сквозь очки, на меня уставился его пристальный взор, и он как-то особенно значительно, с расстановкой произнес: «Вы спрашиваете меня про Преосвященного Тихона? Так вот попомните мои слова: *если когда-нибудь будут выбирать в России Патриарха, то лучше чем он никого не выберут*». Я... глубоко чтил светлый ум и высокий уровень милого киевского Владыки, – вспоминает товарищ обер-прокурора, – но мог ли я тогда думать, что слышу из уст его поистине «пророчество»⁷³.

Таким образом, как видно из вышеприведенных отзывов, нравственный облик Первосвяителя позволяет исключить всякого рода *корыстные мотивы* в его действиях, поиски личной выгоды от «примирения» с властью.

И еще одна черта, которую следует отметить у Патриарха, – *широта взглядов и терпимость* к разномыслию. «Что ты, что ты, – говорил он своему ученику Б. Царевскому, по поводу обвинений в неправославии богослова М.М. Тареева, – какой он неправославный? Православие тем и хорошо, что оно способно многое включать в свое глубокое русло»⁷⁴. Очень снисходительно относился Первосвяитель в первые годы после революции и к будущим обновленцам, в том числе к епископу Антонину (Грановскому), который, проживая на покое в Заиконоспасском монастыре, шокировал многих своими богослужебными новшествами.

Подводя итог, уместно привести, подмеченное многими, сравнение личности Патриарха с М.И. Кутузовым, каким он известен по роману Л.Н. Толстого. «Скромный, простой русский человек с ясным практическим умом и добрым сердцем – таким оставался до смерти патриарх Тихон»⁷⁵.

Нужно заметить, что характер Патриарха также исключает предположение, что послание было написано спонтанно, под влиянием минутного импульса или в состоянии длительной глубокой депрессии, – настолько это ему было несвойственно. Да и в таком случае, как справедливо замечают Левитин-Краснов и Шавров, оказавшись на свободе, он мог бы опровергнуть свое заявление⁷⁶. Напротив, Первосвяитель декларирует ту же позицию. Одновременно широта взглядов и самоотверженность Патриарха помогают понять принципиальную готовность к духовно приемлемым для него уступкам власти. Широко известна его фраза: «Пусть погибнет мое имя в истории, лишь бы Церкви была польза».

Несостоятельным представляется и мнение, что Патриарх *искренне* признал ошибочность своих ранних посланий, раскаял-

ся в своей прежней «контрреволюционности». К такому выводу, однако, близок митрополит Вениамин (Федченков): «Я думаю, да простит мне Бог, что Патриарх тогда (речь идет о ранних посланиях Первосвятителя. – В.Л.) ошибался... И сам Патриарх осознал свои ошибки, потому что после заявил о своей лояльности советской власти. И даже объяснил причину своих ошибок: привычка и воспитание в прошлых, неизжитых еще воззрениях⁷⁷. Подобный подход, как ни парадоксально, во многом смыкается с выводами советских авторов, пишущих о политической перерождения Патриарха и духовенства после указанных событий. «Нет никакого основания сомневаться, – утверждает К. Сахаров, – в искренности раскаяния Тихона, надо думать, что оно было не мимолетным, не проходящим и не лицемерным, а окончательным и искренним»⁷⁸.

Совершенно другую точку зрения высказывают авторы предисловия к сборнику «Следственное дело Патриарха Тихона». Она состоит в том, что «покаянное» заявление Святителя Тихона в Верховный Суд и первые его послания после освобождения не выражают подлинных взглядов Первосвятителя, а, по существу, «являются продиктованными властью заявлениями заложника, содержащегося в плену и дающего их ради спасения родных и близких»⁷⁹.

Несмотря на справедливость подобного заключения, следует сделать определенное уточнение, связанное с взглядами Первосвятителя на существо любой власти. Иначе будет иметь место преувеличение глубины уступок Патриарха и достаточно резкое противопоставление его взглядов в различные периоды первосвятительского служения. Думается, что понимание Первосвятителем природы всякой власти (как благословленной, либо попущенной Богом) за эти годы *не изменилось*; компромиссность заявлению придает скорее несуществующей вины перед советской властью, чем декларация, что он «отныне ей не враг». Невмешательство Патриарха в политическую борьбу не раз было им засвидетельствовано. Что же касается позиции Предстоятеля РПЦ в начальный после октябрьского переворота период, то, как справедливо замечено в известном обращении православных епископов «К правительству СССР» (май 1926 г.), – Церковь, в лице Первосвятителя, выступая в критический период в защиту порядка, «...не разошлась со своим вероучением, требующем от нее послушания гражданской власти, ибо Евангелие

обязывает христианина повиноваться власти..., а не анархии...»⁸⁰. Согласно заключению митрополита Елевферия (Боголюбского): «Сказать тогда народу с полным убеждением: “несть власти, аще не от Бога”... было бы ослепительным светом, от силы которого он мог, пожалуй, отвратить в сторону еще свой не готовый к тому духовный взор, а от Патриарха, невольно охваченного силою чувства, при наличии окружающих условий, потребовалось бы необычайное величие духа: необходимы были подготовка для первого и личный подвиг для второго. То и другое сделали узы... Первосвяителя»⁸¹.

Трактовка, ставящая резкую границу между взглядами Патриарха до и после «раскаяния», выражает скорее точку зрения большевистского руководства, действительно полагавшего, что Первосвяитель предпринимал активные шаги для борьбы с существующим строем⁸². Представляется, что внутренняя позиция Патриарха осталась практически прежней, речь идет об изменении внешней, тактической линии, обусловленной иной политической реальностью. Поэтому, при непредвзятом подходе, очевидно, что *ничего принципиально нового* (кроме вынужденной риторики о признании вины перед властью) заявление Патриарха в Верховный Суд не несет.

Весьма точно определил суть происходящего уже не раз нами упомянутый митрополит Антоний (Храповицкий), назвав свой комментарий: «Не надо смущаться». Упоминая об октябрьском послании Патриарха 1919 г., он также считает, что Патриарх не добавил к нему почти ничего нового и, с чисто церковной точки зрения, не совершил преступления ни против веры, ни против народа. Митрополит Антоний указывает, что ни апостолы, ни раннехристианские мученики также не боролись против безбожной власти, а, наоборот, призывали к послушанию, если не было возможности заменить ее властью справедливой. С другой стороны, архипастырь замечает, не лучше ли было Патриарху проклясть советскую власть и обречь себя на смерть, призвав к подобной участи подчиненное ему духовенство и мирян? «Да, – отвечает митрополит Антоний, – если бы от него требовали *прямого отречения* от истин Христовой Веры, ее святых заповедей и канонов; а так как этого не было, то требовать от предстоятеля Церкви нарочитого стремления к мученичеству и притом не только своей собственной личности, но и без малого почти всей Православной России, – *незаконно*»⁸³.

Как менялась позиция Патриарха во время следствия? Знакомая с протоколами допросов, мы видим, что он уже с самого начала осуждает политическую деятельность зарубежного духовенства, а также открытую агитацию российских священнослужителей против изъятия церковных ценностей (Протоколы от 5 и 9 мая 1922 г.)⁸⁴. Следует заметить, что основными обвинениями в дальнейшем останутся: сопротивление изъятию; поддержка контрреволюционной деятельности в стране и за рубежом; негативное отношение Патриарха к власти, выраженное в его ранних посланиях, что также расценивалось как контрреволюция. Однако реальная подготовка процесса началась далеко не сразу. 18 июля 1922 г. Е.А. Тучков в рапорте на имя начальника СО ГПУ Т.П. Самсонова просит указаний «когда и кем будет приступлено к фактическому следствию, т. к. эти дела (Патриарха, а «вместе с ним и всего Синода». – В.Л.) лежат без всякого движения»⁸⁵. В чем причина такой длительной задержки, а реальная подготовка процесса, как было упомянуто, началась только поздней осенью, до сих пор окончательно остается невыясненным.

По мнению Д.В. Сафонова, затягивание процесса было связано с позицией Троцкого в церковном вопросе. Исследователь ссылается на письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро с его предложениями по церковной политике от 24 мая 1922 г.⁸⁶ По интерпретации автора, Троцкий «предложил выжидательную политику по отношению к Церкви, считая наиболее выгодным развитие событий, при котором между различными церковными группами разгорится серьезная борьба»; также исследователь утверждает, что последний выступил против полной децентрализации Церкви, т. к. (согласно тексту документа) «централизованная церковь при лояльном Патриархе имеет известные преимущества»⁸⁷.

Все это так – однако, речь в письме Троцкого идет вовсе не о Патриархе Тихоне и не о борьбе между патриаршей Церковью и обновленческими группами. Предложения Л.Д. Троцкого связаны исключительно с тактикой власти по отношению к обновленческим структурам, которые, как он пишет, «после отстранения Тихона встали во главе Церкви». Далее Троцкий указывает, что движение идет главным образом под знаменем планируемого церковного собора, и *новое* церковное управление может определиться в трех направлениях: «1) сохранение патриаршества и *выборы* лояльного патриарха. 2) уничтожение патриаршества и создание коллегии (лояльного синода). 3) полная децентра-

лизация, отсутствие всякого центрального управления...». Троцкий полагает, что не следует специально поддерживать ни одно из этих направлений. «Гораздо выгоднее, – пишет он, – если между этими тремя ориентировками разгорится серьезная борьба». С этой целью Л.Д. Троцкий предлагает оттянуть созыв обновленческого церковного собора и одновременно указывает, что вариант централизованной церкви «при лойяльном и фактически бессильном патриархе» имеет известные преимущества⁸⁸. Таким образом, данное письмо Троцкого к следствию по делу Патриарха Тихона отношения не имеет. В другом документе, на который ссылается исследователь для доказательства своего тезиса, – почто-телеграмма Троцкого членам Политбюро от 14 мая⁸⁹, действительно говорится о необходимости поддержки «сменовеховского» духовенства и об его конфронтации со «старой церковной иерархией». Однако это является реакцией на официальное возникновение в эти дни обновленческого раскола и также не содержит никакого упоминания о следственном деле Патриарха.

Мы видим, что объяснить задержки в ходе следственного дела тактической позицией Троцкого не удастся. Скорее здесь имели место некие неявные факторы, связанные с болезнью Ленина и перегруппировкой сил внутри Политбюро. Не исключено, что сыграла роль и концентрация усилий судебных и карательных органов на других важных мероприятиях, в частности, процессе по делу «правых эсеров».

В связи со всем вышесказанным следует заметить, что до сих пор не до конца ясны и обстоятельства домашнего ареста Первосвятителем и перемещения его в Донской монастырь. Согласно версии, которая утвердилась в историографии, 6 мая 1922 г. Патриарх был заключен под домашний арест, а 19 мая вывезен из Троицкого подворья и перемещен в Донской монастырь, где содержался под строжайшей охраной и в полной изоляции от внешнего мира. Об этом пишут, например, А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров, за ними следуют Д.В. Поспеловский, Н.А. Кривова и другие исследователи⁹⁰.

Однако вызывают вопросы несколько документов весны-лета 1922 г., содержащихся в материалах следственного дела. Из этих документов следует, что 6 мая, Первосвяtitель еще не был арестован, хотя доступ к нему уже был ограничен⁹¹. На это справедливо обращает внимание Д.В. Сафонов⁹²; однако он допускает другую ошибку. Анализируя копию письма Патриарха Тихона к

начальнику СО ГПУ Т.П. Самсонову от 6 мая⁹³ и, справедливо замечая, что письмо ошибочно датировано 6-м апреля (это очевидно из его содержания и резолюции на нем Т.П. Самсонова, датированной 8 мая), исследователь неверно воспроизводит вышеуказанную резолюцию. Второй пункт этой резолюции, которая является распоряжением Е.А. Тучкову, пересказывается Д.В. Сафоновым следующим образом: «объявить Патриарху, что он находится *под домашним арестом*... и взять с него подписку о невыезде»⁹⁴. Хотя, резонно замечает автор, «еще 7 мая в служебной записке Тучкову он (Самсонов. – В.Л.) предлагал ограничиться подпиской о невыезде из Москвы»⁹⁵. С чем в таком случае связано изменение позиции Т.П. Самсонова?

Возникают сомнения в необходимости брать у пребывающего под домашним арестом подписку о невыезде; поскольку, находясь в таком положении, он вряд ли может куда-либо выехать. И, действительно, согласно опубликованному документу, указанный пункт резолюции выглядит несколько по иному, дословно: «2) Немедленно сегодня же заявить ему (Патриарху. – В.Л.), что он находится *под следствием* (а не под домашним арестом. – В.Л.) по постановлению Ревтриба и взять с него подписку о невыезде. 8/5. Самсонов»⁹⁶. Это прямо согласуется со служебной запиской Тучкову от 7 мая и было выполнено, что отражено в содержащейся в следственном деле подписке Патриарха от 9 мая. В ней указывается, что «гр. Белавин» дает ее Секретному отделу ГПУ, обязуясь «без разрешения последнего... из Москвы не выезжать, при перемене адреса... поставить о том в известность... и по первому требованию... явиться в здание ГПУ для дачи показаний...»⁹⁷. Тем же числом датирована расписка Патриарха о том, что ему объявлен приговор Ревтрибунала о привлечении его к судебной ответственности⁹⁸.

Мы видим, что об официально оформленном домашнем аресте речи пока не идет⁹⁹. Далее происходят события, связанные с визитами обновленческих лидеров, временным отстранением Патриарха Тихона от церковной власти и, согласно общепринятой версии, чекисты перемещают Первосвятителя в Донской монастырь. Однако как тогда объяснить сообщение Патриарха в СО ГПУ от 19 мая о переезде, написанное его рукой?

*«Имею долг сообщить, что с вечера сего 19 мая я из Троицкого Подворья переселился на жительство в Донской Монастырь в Москве»*¹⁰⁰.

Не совсем понятно, зачем Патриарху, если он был перемещен непосредственно чекистами, сообщать об этом в ГПУ? Предположение о том, что Первосвяtitель написал это под давлением, выглядит маловероятным; неясна и цель, с которой его могли принудить к этому. Очевидно лишь то, что Патриарх выполняет требование подписки о невыезде, в которой было указано: «...при перемене адреса обязуюсь поставить о том в известность Секрет[ный] отд[ел] ГПУ...»¹⁰¹.

27 мая заведующая Главмузеем Н.И. Троцкая просит ГПУ «сделать срочное распоряжение о переводе в какое-либо иное помещение быв[шего] патриарха Тихона вселенного без ведома и согласия Главмузея в б[ывший] Донской монастырь»¹⁰², что, по мнению Троцкой, лишает возможности продолжать экскурсионную работу. 6 июня она получает ответ от лица зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта и начальника СО ГПУ Т.П. Самсонова, которые, в частности, сообщают, что «бывший патриарх ТИХОН, в Донской монастырь нами не вселялся, а поселился туда по своему личному желанию»¹⁰³.

Такое сообщение, разумеется, полного доверия не вызывает. ГПУ, конечно, контролировало любые действия Патриарха. Но, насколько прямым было участие карательных органов в переезде, остается неясным. Между тем само постановление о содержании Патриарха Тихона под стражей на дому датировано 31-м мая. В деле, однако, сохранился лишь машинописный черновик с многочисленными правками Е.А. Тучкова и пометой: «Справка. Подлинный документ при разработке дела не найден. <...> 21/ I-35 г.»¹⁰⁴. Таким образом, возникает еще один вопрос: а был ли вообще подписан подлинник от 31 мая 1922 г.?

В пользу версии о том, что Патриарх еще не был в то время под арестом, свидетельствуют и несколько фраз из отчетного доклада Е.А. Тучкова о работе VI отделения СО ОГПУ в 1923 г. зампреду ОГПУ В.Р. Менжинскому. В частности, описывая процесс создания и деятельности первой обновленческой церковной группы, он сообщает: «Отправив Тихона в другое помещение (Донской монастырь), и осевшись (sic) в бывшем патриаршем управлении группа эта объявила себя временным высшим церковным управлением...»¹⁰⁵. Мы видим, что, скорее всего, Первосвяtitелю пришлось покинуть Троицкое подворье под давлением обновленцев, а участие в этом карательных органов, возможно, носило лишь косвенный характер.

Любопытна записка И.С. Уншлихта и помощника начальника СО ГПУ А.А. Андреевой в Президиум ВЦИК от 18 ноября. В ней указывается: «15 августа с/г СОГПУ был арестован домашним арестом за контр-революционную деятельность с содержанием в Донском монастыре Беллавин Василий Иванович... Ввиду того, что дело его... следствием еще не закончено, а срок содержания его под стражей истек, СОГПУ просит продлить последний до окончания дела следствием»¹⁰⁶.

Д.В. Сафонов, со ссылкой на неопубликованный документ из архива ЦА ФСБ, указывает, что *новое*, по его мнению, постановление о домашнем аресте Патриарха Е.А. Тучков подписал 25 августа¹⁰⁷. Сроки, однако, приблизительно совпадают. Таким образом, весьма вероятно, что до указанного момента изоляция Патриарха носила более мягкий характер. Заметим также, что после долгого перерыва первый известный протокол допроса Первосвященителя относится лишь к 31 августа. Все это, конечно, не очень принципиально меняет ситуацию, т. к., по существу, положение главы РПЦ было очень близким к домашнему аресту, и главным обстоятельством здесь является отстранение Патриарха в середине мая от руководства церковной жизнью. Тем не менее перед нами неоднозначный материал, требующий уточнения.

В этом контексте следует заметить, что в литературе часто преувеличивается тяжесть условий содержания Первосвященителя, что невольно подчеркивает некую безысходность его положения, которое могло подтолкнуть Патриарха к компромиссным решениям¹⁰⁸. Протоиерей В. Цыпин, например, ошибочно сообщает, что Священитель Тихон был лишен возможности приобщаться Святым Тайн¹⁰⁹. Однако, по свидетельству М.А. Вешневой: «*Патриарх часто причащается*. Он говорит мне, что ему необходимо принять "святые тайны". Я посылаю красноармейца в церковь. И вижу в окно, как идет священник в полном облачении, неся на голове чашу со святыми дарами, покрытую воздухами, а за ним часовой с ружьем. ... Мне "положено" наблюдать всю церемонию причащения. Я этого не делаю, посылаю парня»¹¹⁰. Для верующего человека возможность приступать к Святым Тайнам является важнейшим обстоятельством и то, что Патриарх не был этого лишен, уже указывает на относительную сносность его положения. Нужно признать, что и вопрос питания Святейшего был решен подобающим образом, с учетом его монашества. «Патриарх совершенно не ест мяса. Но стол у него разнообраз-

ный, питательный и очень изысканный», – сообщает Вешнева. Конечно, такая ситуация, видимо, связана с тем, что на планируемом процессе Патриарх должен был иметь соответствующий внешний вид, исключая притензии наблюдателей. Однако и преувеличивать тяжесть заключения было бы неправильным.

Вместе с тем те же Левитин-Краснов и Шавров в другом месте неожиданно сообщают, что «до мая 1923 года изоляция патриарха была лишь условной: он получал огромное количество передач с воли, получал письма, поддерживал почти регулярную связь со своими сторонниками. Вряд ли патриарх мог поэтому чувствовать подавленным и покинутым»¹¹¹. Если это так, что в основном подтверждают воспоминания М. Вешневой, то мы должны иметь в виду, что Первосвяtitель во время годичного пребывания в Донском монастыре имел приемлемые условия существования, время и возможность для тщательного анализа своего положения и, принимая решения, учитывал все факторы, в том числе, состояние обновленческого раскола, международное положение и т. п.

Видимо, основная тактическая линия была выработана им еще тогда, в первые месяцы пребывания в Донском монастыре, и потом лишь определенным образом корректировались в зависимости от обстоятельств. Важнейшей задачей являлось *сохранение церковного единства*, ради чего Патриарх был готов пожертвовать «чистотой» своего образа. Вместе с тем дальнейшее развитие ситуации было еще до конца не ясно, с угрозой судебного преследования он сталкивался не в первый раз. Следует напомнить, что второй домашний арест, который имел место в конце 1919 г., длился более полутора лет, постепенно смягчаясь. Поэтому Первосвяtitель выбирает осторожную линию, стараясь выиграть время, и одновременно, понимая, что убедить следствие в своей принципиальной аполитичности ему не удастся, признает свои антисоветские (в понимании власти) действия, стараясь представить их как «неизжитое следствие старых привычек и воспитания» (что могло выглядеть правдоподобно), одновременно отрицая активную контрреволюционность. Это подтверждают протоколы уже первых допросов. Вместе с тем документы свидетельствуют, что все уступки, отраженные в «покаянном» заявлении, были сделаны Патриархом еще к концу зимы 1923 г. и далее ничего существенного к этому он уже не добавил.

Н.А. Кривова, рассматривая протоколы допросов Патриарха Тихона, в частности, справедливо замечает, что они записывались конспективно следователем, но, даже когда ответы написаны рукой Святейшего, «их стилистика соответствует скорее передовицам и агиткам, нежели речи первосвятителя»¹¹². Далее она утверждает, что «протоколы допросов рисуют постепенный отход патриарха от позиции осуждения действий властей до признания своей вины перед властью и выражения лояльности по отношению к ней»¹¹³.

В связи с первым утверждением некоторые исследователи (протоиерей Сергей Голубцов, Д.В. Сафонов¹¹⁴) указывают на то, что автор посчитала заполненные от лица Патриарха протоколы написанными его рукой. В качестве примера указывается, что на стр. 171, монографии Н.А. Кривовой, приводится фотокопия одного из таких протоколов, причем почерк, которым написаны ответы в анкете, не принадлежит Первосвятителю, несмотря на соответствующее примечание рядом с фотокопией. Одновременно о. Сергей Голубцов спрашивает: не изменила ли бы Н.А. Кривова, при верном восприятии авторства, некоторых своих выводов¹¹⁵?

Такой подход представляется, однако, слишком категоричным. Действительно, как следует и из легенды к данному протоколу от 13 марта 1923 г., опубликованному в материалах следственного дела, он заполнен рукой Я.С. Агранова¹¹⁶. Но из этой, скорее всего случайной ошибки, еще не следует, что исследовательница заблуждалась и в других случаях, т. к., например, упомянутый протокол от 31 августа 1922 г. – написан рукой Патриарха.

Сложнее обстоит вопрос с эволюцией позиции Первосвятителя во время допросов. По сохранившимся протоколам, допросы возобновились только в конце декабря. 26 декабря 1922 г. Патриарх упоминает некоторых лиц, которые «влияти» на него в деле написания послания от (15) 28 февраля 1922 г. (заметим, однако, что указанный Патриархом в числе таковых архиепископ Никандр (Феноменов) на допросе от 21 декабря 1922 г. уже сам признал факт обращения к Первосвятителю с тем, чтобы тот написал послание по поводу декрета ВЦИК. – *В.Л.*)¹¹⁷, а также признает «антисоветский» характер указанного воззвания, одновременно отказываясь признать его контрреволюционным¹¹⁸. На допросе 29 декабря Патриарх указывает, что, выпуская послание по поводу изъятия, он не имел в виду, что это может привести к

столкновениям, но, тем не менее, считает себя нравственно за это ответственным¹¹⁹. И, наконец, 2 января 1923 г. признает себя *виновным*: 1) в издании послания об изъятии церковных ценностей; 2) в том, что в ряде мест это послание привело к столкновениям прихожан с властями¹²⁰. 16 февраля Предстоятель РПЦ вынужден признать свою «вину» перед властью в издании ряда контрреволюционных посланий¹²¹. Остальные допросы вплоть до 10 апреля (дата последнего из протоколов, сохранившихся в следственном деле) уже никаких принципиальных уступок не содержат. Следует заметить, что подтверждение осуждения политической деятельности зарубежного духовенства, принципиальным компромиссом не является, а соответствует линии Первосвяителя на аполитичность Церкви.

Можно ли здесь строго говорить об эволюции позиции Патриарха во время следствия от «осуждения действий властей до признания своей вины перед властью и выражения лояльности»? Думается, что речь об определенной конфронтации Патриарха с властью может идти в отношении периода связанного с изъятием; однако ко времени начала основных допросов этого не прослеживается. Позиция Предстоятеля РПЦ уже изначально допускает определенный компромисс, какое-то резкое изменение линии Патриарха в протоколах зимы 1922–1923 гг. не просматривается. Видимо, он обдумывал возможные обвинения заранее и был готов к ним. Поэтому усматривать какую-то принципиальную эволюцию позиции Первосвяителя именно во время активных следственных мероприятий не совсем оправданно, тем более к моменту написания заявления в Верховный Суд, которое ничуть не более компромиссно, чем то, что Святейший признал на допросах к весне 1923 г. Лучше говорить об определенной *тактике*, предполагающей ряд уступок политического характера. Вместе с тем вышесказанное представляется обстоятельством, допускающим различные трактовки.

Заметим, что Патриарх не отрицает всех обвинений. Он понимал, что по указанным пунктам убедить власть в отсутствии контрреволюционных намерений все равно не удастся. Отвергать все то, что ему инкриминировали, – «означало бы отвергать в то же время и все советское право и разоблачать его нелепость, что дало бы повод говорить о враждебности Православной Церкви к новому «государству трудящихся» о непреодолимом антагонизме, якобы отделяющем Церковь от трудящихся масс»¹²². Кроме того,

позиция резкого противостояния могла только осложнить судьбу находящихся в заключении священнослужителей.

Подчеркнем еще раз, что власть не хотела видеть различия между личным отношением Патриарха (на которое он вполне имел право в духе декларируемых свобод) к ее богоборческим действиям, выраженном в ряде ранних посланий, и реальными шагами, направленными к свержению существующего строя. Показателен диалог между Патриархом и обвинителем на Московском процессе:

«Обвинитель: А позвольте вас спросить, что вы называете контрреволюционным актом?

Св. Патриарх Тихон: По толкованию вашему, действия направленные к низвержению советской власти.

Обвинитель: А для вас такой смысл также приемлем?

Св. Патриарх Тихон: Приемлем.

Обвинитель: Значит, всякое действие, направленное против советской власти?

Св. Патриарх Тихон: Нет. К свержению советской власти.

Обвинитель: Непременно – к свержению?

Св. Патриарх Тихон: И в этом мы неповинны»¹²³.

Как уже было неоднократно замечено, Первосвятитель не мог симпатизировать атеистической власти, однако никакой активной политической деятельности, направленной на изменение государственного строя, он *никогда* не вел, т. к. это противоречит христианскому пониманию взаимоотношений Церкви и власти, ибо «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены»¹²⁴. Это, однако, не могло отменить первосвятительского попечения о защите Церкви от нападков антирелигиозных экстремистов и внутреннего разделения. Можно заключить, что именно такие мотивы, а не сервиллизм, в котором обвиняли Патриарха некоторые «ревнители веры», вынудили его пойти на этот своего рода компромисс с советской властью, не совершая с церковной точки зрения преступления против веры, сохраняя в неприкосновенности основы жизни Церкви. Таким образом, действия Первосвятителя являлись, по сути, *тактическим маневром* в изменившихся внешних условиях, смыслом и целью которого было сохранение канонических церковных структур. По мнению авторов предисловия к сборнику материалов следственного дела Патриарха Тихона: «Подобно Кутузову, принявшему Бородинский бой и потом отдавшему Наполеону Москву, святой Патриарх Тихон

долгое время сражался в открытом бою, необходимым для поднятия мученического, исповеднического духа в Церкви, но потом увидел, что нужно перестроить сознание церковного народа и духовенства, перевести церковную жизнь на рельсы осторожного, затяжного, полуподпольного противостояния, *выиграть время*, чтобы сохранить по возможности свою церковную армию»¹²⁵.

Одновременно мы видим, что «раскайнием» Первосвятейшего власть в более компромиссной форме добилась, по существу, того же заявления о лояльности. Здесь возникает ряд вопросов, и, прежде всего: почему не состоялся судебный процесс по делу Патриарха?

Возможные мотивы отказа власти от проведения уже практически подготовленного судебного разбирательства нуждаются в подробном рассмотрении. Среди комплекса причин, которыми в историографии объясняется отмена суда над Патриархом и его освобождение из-под стражи, большинство исследователей как один из главных факторов выделяют влияние внешнеполитической ситуации, в частности, протесты иностранных правительственных и общественных организаций, а также духовенства Католической и Англиканской церквей. Так, по мнению С.Г. Петрова, имел место «прагматически и жестко выверенный высшими органами власти... компромисс с главой Русской Церкви». Причиной этому послужило колоссальное международное давление, в результате чего возникла новая ситуация, которая вынудила власть отказаться от разработанных планов поэтапного уничтожения Русской Церкви и освободить Патриарха¹²⁶.

Между тем влияние международной обстановки представляется хотя и важным, но не решающим, или, по крайней мере, не единственным моментом в деле отмены процесса. Действительно ли в такой степени повлияло на большевистское руководство недовольство Запада? Факты свидетельствуют о том, что, несмотря на обеспокоенность антирелигиозной политикой советской власти, никаких серьезных мер в связи с этим международное сообщество, по сути, предпринимать не планировало.

В частности, в сентябре 1922 г. глава Финляндской Православной Церкви епископ Серафим (Лукиянов)¹²⁷ обратился к ряду западных правительств с просьбой о помощи Предстоятелю РПЦ. Вот несколько характерных откликов.

Ответ французского посла в Финляндии: «Французское правительство... сейчас же обратилось к британскому, бельгийскому,

итальянскому и югославскому правительствам с просьбой совместно обсудить те меры, при помощи которых можно было бы добиться освобождения главы русской церкви. Британское правительство, посоветовавшись со своим представительством в Москве, сообщает, что *вмешательство со стороны великих держав было бы, по-видимому, скорее вредным, чем полезным*, и его бы использовали для доказательства солидарности буржуазных правительств со мнимыми врагами пролетариата».

Ответ английского министерства иностранных дел: «...Я позволю себе уверить Вас, что правительство Его Величества весьма искренно сожалеет о всех нападках на свободу вероисповеданий и сочувствует жертвам преследований, когда им приходится страдать за свои убеждения.

Положение, однако, не таково, чтобы можно было вмешиваться во внутренние дела других стран...».

Ответ президента Германской Республики Эберта: «Ваше Высокопреосвященство, я с большим участием принял к сведению ваши сообщения и просьбу заступиться перед советским правительством за преследуемое русское духовенство. ...*Германское правительство не имеет возможности официально вмешаться в вопрос о способе обращения с православным духовенством, так как вопрос этот внутренний русский...*»¹²⁸.

Очевидно, что западные правительства не считали возможным вмешиваться во внутренние дела советского государства. Более резко высказывалось духовенство, однако его мнение для большевиков не было весомым.

Резкая международная реакция, между тем, была связана с «делом архиепископа Цепляка». Этот судебный процесс являлся как бы генеральной репетицией суда над Патриархом. АРК на заседании 6 февраля 1923 г. (Протокол № 12), в частности, констатировала: «...2) Политическая постановка этого процесса крайне необходима наряду с процессом Тихона. Ввиду этого комиссия считает необходимым дело передать в Верховный суд назначив к слушанию не позднее Марта месяца в Москве перед процессом Тихона»¹²⁹.

Процесс прошел с 21 по 26 марта. Помимо архиепископа Я. Цепляка и прелата К. Будкевича на скамье подсудимых оказались экзарх русских католиков Л. Федоров, ректор семинарии прелат А. Малецкий, настоятели приходов Ф. Рудковский, Л. Хведько, Т. Матулянис, А. Василевский, П. Ходневич, Э. Юневич, С. Эйсмонт, П. Янукович, викарий А. Пронцкетис, секретарь

курии Я. Тройго, вице-секретарь Д. Иванов-Столбинский и органист Я. Шарнас. Католическому духовенству инкриминировалось создание контрреволюционной организации, противодействие декретам советской власти и призывы к антисоветским выступлениям¹³⁰. Верховный Суд РСФСР в лице председателя трибунала А.В. Галкина и государственного обвинителя Н.В. Крыленко приговорил: Цепляка и Будкевича – к расстрелу; четыре священнослужителя получили по 10 лет лишения свободы; остальные – по 3 года; Я. Шарнас был осужден условно¹³¹.

С нотами протеста выступил ряд западных правительств, зарубежное духовенство, а также Папа Римский. В итоге, архиепископ Цепляк был помилован (вместо смертной казни – 10-летнее заключение)¹³². Однако в отношении прелата Будкевича приговор был приведен в исполнение. Газета «Известия» вместе с тем писала: «Эта мягкость советской власти не должна никого вводить в заблуждение. Пусть все знают, что каким бы флагом ни прикрывалась активная контрреволюция, она встретит беспощадный отпор со стороны советской власти»¹³³. Таким образом, вряд ли здесь речь идет об уступках международному общественному мнению, по-видимому, расстреливать архиепископа-поляка действительно было политически невыгодно.

Более заметной мерой способной повлиять на советское руководство явился меморандум британского правительства («ультиматум Керзона») от 8 мая 1923 г., основным требованием которого было прекратить коммунистическую пропаганду в Азии, включающий в себя и пункт, связанный с религиозными преследованиями в СССР. В частности, упоминались: дело митрополита Вениамина (Казанского), расстрелянного по обвинению в организации сопротивления изъятию церковных ценностей; преследование архиепископа Цепляка и прелата Будкевича; угроза суда над Патриархом Тихоном (в то же время было замечено, что высказываться по поводу характера и основательности обвинений, выдвинутых против этих священнослужителей – не дело Британского правительства). Большевикам грозило расторжение торгового договора от 16 марта 1921 г., в Белое море было послано британское судно.

Конфликт, однако, был урегулирован. Вместе с тем Великобритании было указано, что советская Россия имеет «неоспоримое право выносить приговоры, согласно своему собственному законодательству, лицам, нарушающим законы страны» и что

любая попытка «извне вмешаться в это право и защитить шпионов и предателей России является актом недружелюбия и возобновления интервенции»¹³⁴.

Одновременно, еще 10 апреля, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, наиболее информированный о происходящем на Западе, направляет И.В. Сталину записку с предложением «о невынесении смертного приговора Тихону». «Факты показали, – пишет Чичерин, – какой громадный вред мы себе причинили казнью Буткевича... Всякий, кто хоть сколько-нибудь знает, что происходит за пограничными столбами, подтвердит, что во всех отношениях наше положение крайне ухудшилось в результате этого дела. Между тем в деле Буткевича имеется возможность ссылаться на польский шпионаж и на связь с агрессивным польским шовинизмом. *В деле Тихона и этого нет*¹³⁵. Все другие страны не усмотрят в таком приговоре ничего, кроме голого религиозного преследования...». Выносить же смертный приговор и потом отменять его, как будто под давлением других государств, по мнению Г.В. Чичерина, крайне не выгодно и создаст в высшей степени тяжелое впечатление¹³⁶.

Аргументы Г.В. Чичерина выглядят весьма убедительно, кроме того, записка направлена на пике протестов. Однако всего через два дня Политбюро, рассмотрев предложение Чичерина, отклоняет его с особым пунктом, предписывающим вести дело «со всею строгостью, соответствующей объему колоссальной вины, совершенной Тихоном». Помимо этого планируется развернуть в прессе кампанию, особо подчеркнув, «что Тихон стоял не только во главе церковной контр-революции, но и контр-революции дворянско-помещичьей, т. е. против передачи земли крестьянам»¹³⁷.

Таким образом, к 12 апреля ситуация для Патриарха не смягчается, как можно было ожидать в связи с международными протестами, а еще более ужесточается. Тем более неожиданно выглядит вышеупомянутая записка Дзержинского от 21 апреля с предложением отложить процесс в связи с последствиями дела Буткевича и необходимостью более тщательной подготовки. О действительных причинах, повлиявших на решение Ф.Э. Дзержинского, можно только предполагать. Вместе с тем, окончательный перелом происходит уже после 10 мая, в связи с очередным постановлением Политбюро об откладывании дела, что в принципе совпадает с «улыгиматумом Керзона».

По трактовке А.А.Валентинова, поворот в деле Патриарха Тихона, выразившийся в его освобождении, был со стороны советской власти *вынужденным тактическим ходом*, продиктованным инстинктом самосохранения и политическим расчетом. Освобождение Патриарха, таким образом, явилось частью ее общей капитуляции перед западным общественным мнением, что, в частности, проявилось в отступлении перед вышеупомянутым ультиматумом лорда Керзона. В этой капитуляции автор выделяет два составных элемента. С одной стороны – это страх за свое существование, с другой – стремление дождаться развития на Западе революционных процессов. «Отступить для того, чтобы затем прыгнуть дальше – “reculer pour mieux sauter” – таков тактический умысел и политический расчет советской власти, руководящей ею в ее уступках так называемому, “буржуазному миру”»¹³⁸.

Соглашаясь с тем, что освобождение Патриарха можно рассматривать как вынужденный тактический ход, следует заметить, что автор все же значительно преувеличивает влияние международного фактора в деле Патриарха. Данное обстоятельство весьма характерно для исследователей-эмигрантов. Одновременно не совсем верным представляется мнение А.Э.Левитина-Краснова и В.М.Шаврова о том, что освобождение Патриарха было блестящим дипломатическим маневром, основанном на тонком политическом расчете¹³⁹; поскольку подобное решение не продумывалось заранее, а носило во многом спонтанный характер. Следует вспомнить записку Ярославского от 12 июня: *«Необходим какой-нибудь шаг, который оправдывал бы наше откладывание дела Тихона, иначе получается впечатление, что мы испугались угроз белогвардейщины...»*¹⁴⁰.

Р.Рёсслер, напротив, считает, что рассматривать освобождение Патриарха как «капитуляцию» большевиков в связи с угрозой отзыва британского торгового представительства, было бы, по крайней мере, односторонне. По его мнению, если последние и отреагировали на внешнеполитические факторы, то, скорее, на международное общественное мнение, чем на ультиматум Керзона. Рёсслер также предполагает, что изменение курса было обусловлено состоянием обновленческого раскола. Однако не в том смысле, что Советы убедились в слабости живоцерковников и не желали более поддерживать бесперспективное течение, а, напротив, власть могла остерегаться, как бы «обновленная» и

«культивированная» религия не оказалась для нее опаснее, чем традиционная¹⁴¹. Последнее замечание представляется весьма интересным, хотя и не бесспорным, указывая на значительную роль внутривластного аспекта в отмене суда над Патриархом. Автор также обоснованно отмечает силу и опасность обновленческих группировок в их противодействии каноническим церковным структурам.

Исследователь-эмигрант М. Агурский, точку зрения которого подробно разбирает финский историк А. Луукканен, соглашается с тем, что освобождение Патриарха связано с иностранными дипломатическими усилиями, однако добавляет, что это может объяснить сам факт освобождения, но не то, что Первосвященник получил возможность вновь возглавить Церковь и успешно бороться с обновленцами. Объяснение, по мнению Агурского, нужно искать в присущей собственно Сталину религиозной политике, который, в силу своего прошлого образования, предпочел подержать традиционное православие.

Финский исследователь замечает, однако, что подобный аргумент может быть принят лишь частично. Он справедливо указывает, что не обнаружено никаких документальных подтверждений какого-либо расположения И.В. Сталина по отношению к традиционному крылу РПЦ (the conservative section of the ROC) в начале 20-х годов и лично по отношению к Патриарху. Можно, считает автор, в этом контексте скорее говорить о заинтересованности власти в углублении церковного раскола; одновременно аргумент Агурского приемлем в отношении государственной церковной политики конца 30-х гг. и в особенности периода Второй мировой войны¹⁴².

Анализируя внутривластные мотивы освобождения Первосвященника, некоторые исследователи выделяют в качестве решающего момента опасение властей перед массовыми протестами населения. Так, по мнению прот. В. Цыпина, ответ на то, почему власти пошли на компромисс и не казнили Патриарха, «однозначен и прост – боязнь непредсказуемых последствий внутри страны: как бы боль и гнев православных людей, а они и в 1923 г. составляли решительное большинство населения России, не вылились во что-нибудь более грозное и опасное, чем протесты мировой общественности и зарубежных правительств»¹⁴³.

Несомненно, большинство населения страны действительно считало себя православными, о чем говорят и результаты засек-

реченной Всесоюзной переписи населения 1937 г.¹⁴⁴ Весьма характерно свидетельство Н.А. Кривовой о том, что по регулярным донесениям воинских частей в Политическое Управление Красной Армии о проявлениях религиозных настроений красноармейцев, большая часть их носила нательные крестики, молилась, иногда посещала храм¹⁴⁵. Однако все это не мешало им исполнять приказы командования, участвовать в изъятии церковных ценностей, подавлять сопротивление верующих и т. п.¹⁴⁶ Таким образом, налицо трагическое противоречие: при внешней приверженности к традиционным христианским ценностям, признании бытия Божия, народ в основной своей массе был расцерковлен, равнодушен к судьбе Церкви.

Аналогично с о. Владиславом (Цыпиным) мыслит Д.В. Сафонов, указывая, что «главной и решающей причиной изменения позиции Политбюро был страх перед собственным народом». По его мнению, «члены Политбюро понимали, что Дзержинский в отношении Патриарха был настроен решительно и беспощадно, и лишь крайняя необходимость могла заставить его обратиться с предложением отсрочить процесс, что фактически означало отказ от курса на расстрел Патриарха»¹⁴⁷. Однако, как следует из документов, глава ГПУ в качестве обоснования отсрочки суда использовал недовольство Запада и недостаточную подготовку самого процесса, совершенно не упоминая о внутривластной обстановке. По мнению исследователя, Дзержинский делает это намеренно, ибо указание на настроения населения, возбужденного гонениями на Патриарха, могло быть воспринято в Политбюро как результат неудовлетворительной работы ГПУ¹⁴⁸.

Такие аргументы представляются довольно спорными. Период общего религиозного подъема первых послереволюционных лет в силу различных причин (эмиграция и гибель значительной части активных верующих, плоды атеистических мероприятий советской власти, искушение обновленчеством, усталость от революционных катаклизмов) пошел на спад. При безусловной симпатии верующего населения к личности Патриарха, вряд ли можно было бы ожидать каких-то организованных и решительных действий в его защиту. Это в принципе подтверждают и сводки VI отделения Секретного отдела ГПУ по Москве о настроениях в связи с процессом по делу Патриарха Тихона. Например, сводка № 2 от 17 апреля 1923 г. сообщает, что «о предстоящем процессе ТИХОНа особенно интересуется обыватель-

ская часть Московского населения – нэпманы, торговцы, мелкая интеллигенция и проч. Вся эта публика сочувственно относится к ТИХОНУ и ждет активного вмешательства в его дело “за-границы”. ...Попы очень жалеют ТИХОНА. ...Что же касается рабочих, то отношение последних окончательно еще не выяснено. Из беседы с отдельными рабочими видно, что последние в большинстве к процессу относятся *безразлично*»¹⁴⁹. Д. В. Сафонов, напротив, в качестве главного аргумента ссылается именно на сводки ГПУ (как заслугу исследователя нужно отметить, что он дополняет этот круг источников неизвестными ранее документами), полагая, что «сочувственно к Патриарху относились и рабочие – опора власти большевиков». В качестве аргумента он цитирует лишь одну из сводок, где указано, что «часть рабочих Николаевского вокзала настроены сочувственно по отношению к Тихону и отрицательно к Соввласти»¹⁵⁰. Думается, что для обобщений подобного материала явно недостаточно¹⁵¹.

Весьма идеалистическим выглядит представление, что большевистское руководство испугала возможность того, что суд превратится «в величественную картину духовной крепости и нравственной силы Святителя»¹⁵². По заключению о. Михаила Польского: «Казнить Патриарха большевики не могли, хотя и желали этого. Они боялись дать ему ореол мученика в глазах народа, о чем и Ленин, говорят, в свое время сказал: “Мы из него второго Гермогена делать не будем”»¹⁵³. Если такой мотив и присутствовал, то в очень незначительной степени. Можно вспомнить, что призыв адвоката Я. С. Гуровича «не творить мучеников» на процессе по делу митрополита Вениамина (Казанского), закончившегося расстрельными приговорами, никак не повлиял на исход разбирательства. Цитата же из В. И. Ленина о «Гермогене» относится, скорее, к области легенд.

Привлекательным, но далеким от действительности является заключение В. А. Алексева о том, что процесс был умело сорван самим Патриархом Тихоном. По его мнению, заявление Тихона в Верховный Суд обескуражило организаторов процесса, ведь то, что Первосвятитель до суда признавал свою вину и раскаивался, ставило под вопрос необходимость самого процесса¹⁵⁴. Это допущение, однако, в полной мере опровергается документами Политбюро и АРК.

В связи со всем вышесказанным, необходимо заметить, что решающую причину, повлиявшую на судьбу Патриарха, видимо

следует искать в сложных процессах, происходивших в недрах самой власти. В первую очередь, это связано с болезнью В.И. Ленина. Заметим, что первые серьезные признаки болезни появились в последней декаде мая 1922 г., т. е. через несколько дней после переезда Первосвятителем в Донской монастырь. Возможно, это послужило одной из причин задержки в организации процесса по делу Патриарха летом 1922 г. По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, в этот период он получил травму и уже несколько дней находился в постели, когда посетивший его Н.И. Бухарин сообщил ему о болезни Ленина. «Ленин заболел, оказывается еще третьего дня. Почему мне сразу не сказали? Тогда мне и в голову не приходили какие-либо подозрения. ...Удар был оглушающий. Казалось, что сама революция затаила дыхание»¹⁵⁵.

В.И. Ленин возвращается в Москву, оправившись от болезни, лишь 2 октября 1922 г. По воспоминаниям И.С. Уншлихта (1934), он признавался: «Физически чувствую себя хорошо, но нет уже прежней свежести мысли. Выражаясь языком профессионала, потерял работоспособность на довольно длительный срок»¹⁵⁶. Ноябрь был последним месяцем активной политической деятельности В.И. Ленина. 15 и 16 декабря произошло резкое ухудшение его физического состояния. 22–23 декабря последовал стойкий паралич правых конечностей. С этого момента начинается период изоляции В.И. Ленина от партийной и государственной жизни. Однако он еще способен работать и с 23 декабря до 5 марта диктует и редактирует свои последние статьи и заметки. 6 марта 1923 г. наступает новое резкое ухудшение, двухчасовой припадок, который выразился в полной потере речи и полном параличе правой конечности. 10 марта припадок повторяется, приведя к стойким изменениям со стороны речи и правых конечностей. С 14 марта начинается публикация официальных бюллетеней о состоянии В.И. Ленина¹⁵⁷.

Такая ситуация со здоровьем первого лица в государстве, конечно, не могла, как указывают многие авторы, не инициировать процессов, связанных с борьбой за власть в высшем партийном руководстве. Наиболее влиятельными фигурами в этом отношении являлись Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин. Первый, как мы знаем, был идеологом государственной церковной политики.

Н. Валентинов (Вольский)¹⁵⁸, по своей должности и старым знакомствам часто располагая уникальной информацией о внутривластных интригах, в своих воспоминаниях внимательно

анализирует причины, которое вызвали резкое противодействие Троцкому со стороны партийной верхушки и, прежде всего, Сталина с его окружением. Это объяснялось рядом обстоятельств, связанных в первую очередь с необычайным взлетом популярности Льва Давидовича в указанный период. В частности, отчетный доклад, сделанный Троцким на XII съезде партии (17–25 апреля) был встречен такими овациями, которых не удостоился ни один из докладчиков. По мнению К.Е. Ворошилова, такой встречи был достоин только Ленин, но никак ни Троцкий¹⁵⁹. Кроме того, появился слух, что Ленин рекомендовал Троцкого в качестве своего приемника. По свидетельству Валентинова: «В комплексе антитроцкизма в марте и апреле 1923 г. играл грандиозную роль личный момент: и ненависть, и зависть, и нежелание диадохов из Политбюро уступить Троцкому что-либо из “наследства” Ленина. Что это так, о том свидетельствует подпольная борьба с Троцким, начавшаяся уже с мая месяца...»¹⁶⁰.

Любопытно, что записка Дзержинского с предложением отложить суд над Патриархом имела место во время партийного съезда, на котором Ленин, крайне обеспокоенный усилением Сталина, по свидетельству Троцкого, намеревался произвести перегруппировку партийного руководства. В первую очередь, это касалось судьбы И.В. Сталина и его сторонников, в число которых входил и Дзержинский¹⁶¹. Однако ситуация изменилась, и теперь объектом интриг со стороны И.В. Сталина и его окружения становится, поддерживающий Ленина в стратегических вопросах, Л.Д. Троцкий. Весьма вероятно, что именно ситуация на съезде, определившем новый расклад сил в Политбюро и иную политическую конъюнктуру, решающим образом повлияла на судьбу Патриарха. Возникает также подозрение: не связано ли появление вышеупомянутой записки Ф.Э. Дзержинского с соображениями Генсека, реализуемыми через своего союзника?

В связи с этим очень интересна характеристика, которую дает незаурядной фигуре председателя ГПУ секретарь И.В. Сталина Борис Бажанов. «На первом же заседании Политбюро, где я его увидел, – пишет Бажанов о Дзержинском, – он меня дезориентировал и своим видом и манерой говорить. У него была наружность Дон-Кихота, манеры говорить человека убежденного и идейного. ... Поразила меня в начале и его горячность в выступлениях <...> Но что очень скоро мне бросилось в глаза, это то, что Дзержинский всегда шел за держателями власти, и если от-

стаивал что-либо с горячностью, то только то, что было принято большинством. <...> Когда Сталин совершил свой переворот, Дзержинский с такой же горячностью стал защищать сталинские позиции, с какой он поддерживал вчера позиции Зиновьева и Каменева (когда они были у власти)»¹⁶².

Раскрывает Б. Бажанов и механизм принятия решений Политбюро. Он сообщает, что накануне заседания Политбюро Сталин, Каменев и Зиновьев собирались чаще на квартире Зиновьева, а потом обычно в кабинете Сталина. Формально – для обсуждения повестки дня очередного заседания: ставить или не ставить тот или иной вопрос. «На самом деле, – свидетельствует Бажанов, – члены тройки сговариваются, как этот вопрос должен быть решен на завтрашнем заседании Политбюро, обдумывают решения, *распределяют даже между собой роли* при обсуждении вопроса на завтрашнем заседании»¹⁶³.

Могла ли при таком раскладе без ведома «тройки» появиться записка Дзержинского с предложениями по «делу Патриарха»? Скорее нет, чем да.

Правда, нужно учитывать, что Бажанов приступил к обязанностям секретаря Политбюро и Сталина в августе 1923 г., т. е. через несколько месяцев после XII съезда партии. Срок, однако, совсем не большой, и вряд ли что-то принципиально изменилось в способе подготовки решений.

Какие конкретно скрытые пружины внутрипартийной борьбы изменили участь Первосвятителем мы можем только предполагать, рассматривая происходившее через призму партийных документов. Однако не исключено, что именно такого рода *субъективные* причины, как это часто бывает в истории, и оказали решающее влияние на события весны – начала лета 1923 г., связанные с освобождением Предстоятеля РПЦ. Думается, что *главный момент* заключается все же *не* в оттеснении Л.Д. Троцкого, как прежнего куратора церковных вопросов, – сама обстановка диктовала изменения в церковной политике. Поскольку политическая обреченность В.И. Ленина открывала для ряда лиц (прежде всего, для еще не окрепшего И.В. Сталина) широкие перспективы, их реализация требовала определенной внешне- и внутривнутриполитической стабильности, вынуждая корректировать прежние подходы. Однако на первом месте здесь стоял не страх перед западным общественным мнением и не боязнь потрясений внутри страны, а соображения *целесообразности, политической*

выгоды. Только огромный авторитет В.И. Ленина мог позволить ему сочетать либерализацию экономики с жестким внутривнутриполитическим курсом, сдерживая центробежные тенденции. Авторитарное государство потеряло вождя, и политическая ситуация требовала выдвижения нового лидера, которым мог стать только тот, кто подчинил бы себе партийный аппарат. Пока же существование фракций предполагало определенную внутривнутрипартийную демократию, наличие разных точек зрения, что не способствовало проведению жесткой внутривнутриполитической линии. На первый план выходила борьба за власть. В этих обстоятельствах Первосвятитель в глазах партийной верхушки делался гораздо менее опасным, чем реальные политические противники. Таким образом, суд над Патриархом становился рискованным мероприятием не первостепенной важности, однако не в плане какой-либо опасности для советской власти в целом, а в плане негативных последствий для укрепления личной власти Сталина и его союзников. Учитывалось также и «лишение сана» Патриарха обновленческим собором, и предполагаемая негативная реакция верующих на его «раскаяние». С другой стороны, сложные внутривнутрипартийные коллизии в какие-то моменты просто отвлекали внимание от дела Патриарха, вызывая недоумение чиновников более низкого ранга.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод. Ни один из рассмотренных выше факторов, объясняющих корректировку государственной церковной политики, взятый *в отдельности*, в полной мере не объясняет причин отмены суда над Патриархом и его относительно «легкого» освобождения. Ответ на этот вопрос следует искать во *всей* совокупности сложившихся исторических обстоятельств. Автору же наиболее значимым представляется фактор, связанный с *внутрипартийной борьбой за власть*. Попытки извлечь дополнительную политическую выгоду из факта освобождения Первосвятителя видятся вторичными в отношении действительных «закулисных» причин происходящего.

Однако спектр мнений был бы неполным без церковного взгляда. Он состоит в том, что, помимо внешнего подхода к проблеме, существует и внутренняя, сокровенная ее сторона. С этой точки зрения, во многом труднообъяснимые мотивы отмены суда над Патриархом (учитывая, что уступки сделанные им в «покаянном» заявлении, относятся еще к концу зимы 1923 г.), связаны с тем, что «здесь произошло несомненное вмешательство Божест-

венного Промысла, как это нередко бывало в судьбе России», ибо «судьба ее вновь находилась под великой угрозой – угрозой духовной порчи, которую несла в себе усиленно насаждавшаяся сверху обновленческая ересь»¹⁶⁴.

Одновременно следует заметить, что решения Патриарха и могут быть поняты только через призму его личной религиозности. Именно в этом свете следует рассматривать заявление Первосвятителем в Верховный Суд, связанное, в первую очередь, со стремлением получить возможность реально противостоять разрушительным внутрицерковным тенденциям, порожденным обновленческим расколом. В связи с этим отдельного рассмотрения требует деятельность Патриарха в период после его освобождения, во многом определившая пути дальнейшего существования Русской Православной Церкви в советском государстве.

Примечания к 3 главе:

- ¹ Иногда в протоколах указывается также как: «Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства».
- ² Однако и в более ранний период в документах Политбюро используется название «Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)» (далее – АРК).
- ³ Ошибку допускает Д.В. Сафонов, утверждая, что первоначально председателем АРК был, введенный в ее состав на организационном заседании 17 октября 1922 г., Л.Д. Троцкий (*Сафонов Д.В. Указ. дисс. С. 50. Со ссылкой: Архивы Кремля... Т. 1. С. 324*). Тогда как постановляющая часть протокола, на которую ссылается исследователь, выглядит следующим образом: «ПОСТАНОВИЛИ: <...> 1. Обратиться в Полит. Бюро Ц.К. с *просьбой*: ... Ввести в Комиссию в качестве Председателя ея тов. ТРОЦКОГО». Как видим, речь идет только о ходатайстве. Постановление же Политбюро о составе АРК от 19 октября четко определяет: «Утвердить состав комиссии, включив в нее *т. Попова*, которого назначить *председателем*» (*Архивы Кремля... Т. 1. С. 325*). Воля В.И. Ленина, который действительно предлагал ввести в комиссию Л.Д. Троцкого, была игнорирована (см. подробнее: *Петров С.Г. Указ. моногр. С. 251*).
- ⁴ *Савельев С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП (б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. – М., 1993. Вып. 2. С. 168.*
- ⁵ Там же.

- ⁶ Одна из наиболее влиятельных в тот период обновленческих структур.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 3; Архивы Кремля... Кн. 1. С. 333–336. (Со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 34–35).
- ⁸ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 334.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 10.
- ¹⁰ Там же. Л. 13. (Протокол № 5).
- ¹¹ Следственное дело... С. 229.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 24.
- ¹³ Там же. Оп. 163. Д. 317. Л. 11–11об.; Архивы Кремля... Кн. 1. С. 260.
- ¹⁴ Там же. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 30.
- ¹⁵ Там же. Л. 32.
- ¹⁶ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 368.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 37.
- ¹⁹ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 244. Собственно, постановлением Политбюро последние были включены в «комиссию по руководству церковными процессами», а не в «комиссию по руководству процессом гр. Белавина». Однако, скорее всего, речь идет об одной и той же структуре.
- ²⁰ Архивы Кремля... Кн. 1. Док. № 25-11; 25-14.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 38.
- ²² Там же. Л. 40.
- ²³ Речь идет о XII съезде РКП(б), проходившем в Москве 17–25 апреля 1923 г.
- ²⁴ Так в тексте документа.
- ²⁵ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 265.
- ²⁶ Там же. С. 267.
- ²⁷ Известия ВЦИК. 21 апреля 1923 г. См. также публикации к предстоящему процессу: «Известия ВЦИК» – 14, 15, 19, 20, 25, 27 апреля и др.
- ²⁸ Следственное дело... С. 332.
- ²⁹ Там же. С. 336.
- ³⁰ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 273. Рукописный подлинник записки Ф.Э. Держинского, с результатами опроса членов Политбюро, в настоящее время хранится: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 331. Л. 14–14об. Эта записка, написанная чернилами на бланке наркома путей сообщения, содержит автографы членов и кандидатов в члены Политбюро. «За» проголосовали: Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Томский, Калинин. «Против» голосовал лишь Рыков, видимо, как председатель комиссии по подготовке суда над Патриархом. Такое единодушие еще раз подтверждает мысль об отсутствии серьезных разногласий в Политбюро по поводу церковной линии. С другой стороны, позиция Троцкого, учитывая политический контекст происходившего (дело происходило во время партийного съезда, в отсутствие тяжело больного В.И. Ленина), могла быть вызвана и личными компромиссными

- соображениями, в связи с активизацией внутрипартийной борьбы за лидерство.
- ³¹ В ночь с 31 марта на 1 апреля 1923 г. по приговору Верховного Суда был расстрелян католический священнослужитель К. Будкевич, что вызвало за границей волну возмущения.
- ³² Архивы Кремля... Кн. 1. С. 274.
- ³³ Записка адресована «Т.т. КАМЕНЕВУ, СТАЛИНУ, ТРОЦКОМУ, ЗИНОВЬЕВУ, РЫКОВУ, ДЗЕРЖИНСКОМУ».
- ³⁴ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 275–276.
- ³⁵ По мнению С.Г. Петрова, объяснением этому могут быть два обстоятельства. С одной стороны, указанные решения АРК не были оформлены в виде официального протокола заседания комиссии. Другим моментом явилось то, что время рассылки письма – 24 апреля, было выбрано не очень удачно, за день до закрытия съезда и за два дня до выборов нового состава Политбюро. Тем самым письмо не попало в повестку дня Политбюро ни старого, ни нового созыва (*Петров С.Г. Указ. моногр. С. 291*). Обновленческий собор, однако, прошел в сроки намеченные АРК.
- ³⁶ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 280.
- ³⁷ На I Обновленческом соборе («II Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви») (29 апреля – 9 мая 1923 г.) Патриарх был «лишен сана». (Выдержка из резолюции о лишении сана: «Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишённым сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне Патриарх Тихон – мирянин Василий Белагин» (цит. по: *Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. – М., 2002. С. 312*.)
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 334. Л. 50; Архивы Кремля... Кн. 1. С. 281.
- ³⁹ *Кривова Н.А. Указ. соч. С. 182.*
- ⁴⁰ См.: Архивы Кремля... Кн. 1. Док. № 25-18, 25-19.
- ⁴¹ Там же. С. 282.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Л. 8.
- ⁴⁴ Эта дата проставлена в заголовке протокола. Судя по документам Политбюро, заседание АРК, видимо, состоялось 11 июня в экстренном порядке. См.: Архивы Кремля... Кн. 1. С. 283.
- ⁴⁵ Там же. С. 282–283. В настоящее время машинописный подлинник данной записки Е.М. Ярославского находится: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 343. Л. 18.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 10.
- ⁴⁷ Цитируется по протоколу заседания АРК от 12 июня, с сохранением орфографии и синтаксиса документа.

- ⁴⁸ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 283–284. В настоящее время рукописный подлинник этого документа находится: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 343. Л. 19–20.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 343. Л. 17; Архивы Кремля... Кн. 1. С. 285.
- ⁵⁰ Рукописный подлинник этого заявления хранится в следственном деле Патриарха: ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 63–63об.; Следственное дело... С. 357 и др. Этот документ факсимильно воспроизведен в «Известиях ВЦИК» от 1 июля 1923 г. С. Г. Петров в своей монографии (С. 309–310) справедливо замечает, что в историографии до сих пор бытует версия, что Патриарх своей рукой поставил лишь подпись на заявлении в Верховный Суд. Это особенно было характерно для некоторых эмигрантских периодических изданий. Автор, однако, полагает, что такой точки зрения придерживается и Н. А. Кривова и ее соавторы по предисловию к сборнику «Следственное дело...». В частности он ссылается на цитату из монографии Н. А. Кривовой: «Патриарх действительно сам подписал заявление и его автограф является подлинным» (*Кривова Н. А.* Указ. соч. С. 188), не принимая во внимание несколько строкami выше другого утверждения: «...16 июня 1923 г. патриарх Тихон *написал* знаменитое заявление в Верховный Суд РСФСР» (там же). Здесь, конечно, имеется некоторое противоречие. Однако, возможно, Н. А. Кривова имела целью акцентировать внимание на подлинности подписи Святейшего. Кроме того, нет оснований полагать, что составители предисловия к сборнику в недостаточной степени знакомы с опубликованными там документами (Н. А. Кривова к тому же является ответственным составителем).
- ⁵¹ Иногда возникает некоторая путаница, о каких именно трех обращениях идет речь. Очевидно, однако, что под первым подразумевается заявление Патриарха в Верховный Суд, которое начинается со слов: «Обращаюсь с настоящим заявлением...»; под вторым следует понимать обращение к верующим датированное им 28 июня, но которое готовилось Патриархом еще в заключении; третьим же обращением явилось послание от 1 июля. Все они реализуют основную часть требований АРК.
- ⁵² Таким образом, АРК сама признает надуманность этих обвинений.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 12.
- ⁵⁴ Архивы Кремля... Кн. 1. Док. № 24–38. (Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «об изменении меры пресечения патриарху Тихону. Из протокола заседания Политбюро № 13, п. 6). Любопытны рукописные пометы на этом документе: 1) «Только для т. Сталина»; 2) «В протокол не вносить». Действительно, в протоколе заседания Политбюро от 21 июня (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 344) решение об освобождении Патриарха отсутствует, сохранившись в тематическом деле АПРФ «О судебных процессах...» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 24. Л. 53).
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 14.

- ⁵⁶ «Известия ВЦИК», 3 июля 1923 г.
- ⁵⁷ «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. 1923 г. – М., 2001. С. 903.
- ⁵⁸ Исключая, разумеется, тех авторов, которые никогда не сталкивались с Патриархом и в описании его личности руководствовались исключительно пропагандистскими клише.
- ⁵⁹ *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. – Пг., 1924. С. 171–172.
- ⁶⁰ *Волков С.А.* Возле монастырских стен. – М., 2000. С. 198.
- ⁶¹ Черная книга. («Штурм небес»). Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церковей / Сост. Валентинов А.А. Париж, 1925 г. С. 161 (Со ссылкой на газету «Руль» № 798 от 17 июля 1923 г.)
- ⁶² Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 23.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 37.
- ⁶⁵ Из «Дневника» профессора А.Д. Беляева // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Вып. VI. С. 107.
- ⁶⁶ Там же. С. 118.
- ⁶⁷ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 29.
- ⁶⁸ Надпись Патриарха на одной из копий своего послания от 19 января (1 февраля) 1918 г. Акты Святейшего Тихона... С. 85.
- ⁶⁹ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 332.
- ⁷⁰ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 67.
- ⁷¹ Там же. С. 132.
- ⁷² *Вешнева М.А.* Указ. соч. С. 79.
- ⁷³ Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. С. 33.
- ⁷⁴ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 45.
- ⁷⁵ Там же. С. 46.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Вениамин (Федченков), митрополит.* Указ. соч. С. 300–301.
- ⁷⁸ *Сахаров К.И.* Патриарх Тихон. – М., 1925. С. 42. «В будущих посланиях Тихона, – пишет том же ключе П.А. Красиков, – придется цитировать... быть может... творения радикальных пророков и ранних христианских епископов из левых для доказательств, что церковь-де всегда была за бедных, за социализм и даже за коммунизм». Цит. по: *Андриенко (Ворождцова) Л.А.* Атеист ленинской школы. (Жизнь и атеистическая деятельность П.А. Красикова). – М., 1976. С. 72.
- ⁷⁹ Следственное дело... Предисловие. С. 45.
- ⁸⁰ Цит. по: *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века. – М., 1999. С. 230–231.

- ⁸¹ *Елевферий (Богоявленский), митрополит.* Указ. соч. С. 227.
- ⁸² П. А. Красиков доказывал: «*Возьмете ли вы католицизм, православие, толстовство, что хотите, – на фасаде их зданий вы непременно прочтете крупные буквы: долой политику! мы вне политической борьбы! царство наше не от мира сего и т.п. Но загляните внутрь этих зданий, – будь это синод или Ватикан... и вы увидите политические канцелярии и штабы, ставящие своей главной задачей проведение в массах своей политики, с одной стороны, преследующей цель отвлечения масс от политической классовой борьбы, а с другой, – прямое политическое руководство этими одурманенными массами*» (Красиков П. А. На церковном фронте (1918–1923). – М., 1923. С. 175).
- ⁸³ Цит. по: *Георгий Митрофанов, протоиерей.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 99–100.
- ⁸⁴ Следственное дело... Раздел 1. Док. №№ 66–68, 72.
- ⁸⁵ Там же. Док. № 92.
- ⁸⁶ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 180–182.
- ⁸⁷ *Сафонов Д. В.* Указ. дисс. С. 47–48. Цитата из письма Л. Д. Троцкого не точна.
- ⁸⁸ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 181.
- ⁸⁹ Там же. С. 311–313.
- ⁹⁰ *Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М.* Указ. соч. С. 75; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 121; *Кривова Н. А.* Указ. соч. С. 133.
- ⁹¹ Однако 5 мая на Троицком подворье, где проживал Патриарх Тихон, был произведен обыск и арестованы все насельники. См. об этом: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 2 (19). С. 226–340.
- ⁹² *Сафонов Д. В.* Указ. дисс. С. 43.
- ⁹³ Следственное дело... Раздел 1. Док № 57 (ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 32).
- ⁹⁴ *Сафонов Д. В.* Указ. дисс. С. 44.
- ⁹⁵ Следственное дело... Раздел 1. Док. № 69.
- ⁹⁶ Там же. С. 124.
- ⁹⁷ Там же. Док. № 74.
- ⁹⁸ Там же. Док. № 73.
- ⁹⁹ Между тем обновленческий лидер А. Введенский, описывая визит схизматиков к Патриарху 18 мая и пытаясь доказать обоснованность передачи церковной власти обновленцам, заявляет: «*В это самое время в Москве продолжался полный застой в делах. Патриарх арестован уже давно, в патриаршее подворье никого не пускают...*» (Введенский А. Церковь и революция. [Уход Патриарха Тихона]. – Пг., 1922. С. 21). Однако известно, что еще 13 мая Патриарх присутствовал на Всенощной, а на следующий день служил Божественную литургию на Троицком подворье в хрამе преп. Сергия Радонежского. Москвич

Н. Окунев 13 мая записал в своем дневнике: «*Пошел сегодня за все-нощную на Патриаршее подворье. Прекрасная, "правильная" служба, как в небольшом монастыре незабвенного старого обихода. <... > В алтаре всю всенощную стоял сам патриарх, как простой богомолец. Его можно было видеть, став за левым клиросом, в те моменты, когда открывались царские врата*» (Цит. по: *Вострышев М.И.* Указ. соч. С. 221). В.М. Миронова вспоминает о литургии, состоявшейся 14 мая: «*Это было воскресенье. Здесь, в маленьком храмике, в присутствии немногочисленных молящихся, патриарх в сослужении подворской братии совершил божественную литургию – просто, без особой помпы и, как всегда, молитвенно*» (Там же.) Таким образом, несмотря на известные ограничения, Патриарх в указанный период еще сохранял определенную свободу. В этом контексте взятие подписки о невыезде со стороны карательных органов выглядит вполне логично.

¹⁰⁰ Следственное дело... Раздел 1. Док. № 80.

¹⁰¹ Там же. Док. № 74.

¹⁰² Там же. Док. № 83.

¹⁰³ Там же. Док. № 84. Подчеркнуто в документе.

¹⁰⁴ Там же. Док. № 82.

¹⁰⁵ Архивы Кремля... Кн. 2. С. 396.

¹⁰⁶ Следственное дело... Док. № 95.

¹⁰⁷ *Сафонов Д.В.* Указ. дисс. С. 48–49. Сам исследователь, как ясно из вышеизложенного, считает, что домашний арест Патриарха имел место с 9 мая.

¹⁰⁸ Вот, например, как описывает один из «очевидцев» картину освобождения Святейшего: «*После долгого ожидания раскрылись ворота и показался Патриарх. Длинные всклокоченные седые волосы, спутанная борода, глубоко впавшие глаза на осунувшемся лице, ветхая солдатская шинель, надетая на голое тело. Патриарх был бос. Потрясенная многотысячная толпа, как один человек, опустилась на колена и пала ниц. Медленно шел Патриарх к экипажу, обеими руками благословляя толпу, и слезы катились по его измученному лицу*» (цит. по: *Кирилл Зайцев, протоиерей.* Указ. соч. С. 136).

¹⁰⁹ *Владислав Цылин, протоиерей.* История Русской Церкви. 1917–1997. С. 90.

¹¹⁰ *Вешнева М.А.* Указ. соч. С. 79.

¹¹¹ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 332.

¹¹² *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 166.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ *Сафонов Д.В.* Указ. дисс. С. 53.

¹¹⁵ *Сергий Голубцов, протодиакон.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. – М., 1999. С. 150.

¹¹⁶ Однако, даже не зная этого, сомнения в авторстве Патриарха вызывает неправильное написание его фамилии в тексте протокола – с одним

л. О. же Сергей Голубцов (а за ним и Д.В. Сафонов) свои выводы основывают на том, что первая половина протокола (анкета) заполнена «весьма ровным почерком, которого вовсе не было у Святейшего в эти годы» (там же). Заметим, что, хотя в данном случае исследователи правы, подобный аргумент не может быть единственным в определении авторства.

- 117 Следственное дело... Раздел I. Док. № 97.
- 118 Там же. Док. № 98.
- 119 Там же. Док. № 100.
- 120 Там же. Док. № 101.
- 121 Там же. Док. № 110.
- 122 Там же. С. 46.
- 123 Акты Святейшего Тихона... С. 204.
- 124 Послание к Римлянам. 13.1.
- 125 Следственное дело... С. 52.
- 126 *Петров С.Г.* Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста: историко-каноническое изучение «покаянных» документов // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.). Материалы конференции. С. 236.
- 127 *Серафим* (Лукиянов Александр Иванович) (1870–1959), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии. С августа 1917 г. временно управляющий Финляндской епархией. Епископ Финляндский и Выборгский (1918). Архиепископ (1920). С 1921 г. возглавлял автономную Православную Церковь в Финляндии. В 1925 г. удален с кафедры Финским правительством за нежелание перейти в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. С 1927 г. в РПЦЗ. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией. С 1946 г. экзарх Западной Европы, митрополит. С 1949 г. на покое.
- 128 Черная книга («Штурм небес»). С. 167–169.
- 129 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 26.
- 130 *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая Церковь в России. История и правовое положение. – Саратов, 2001. С. 217–218.
- 131 Там же.
- 132 Впоследствии был освобожден и 9 апреля 1924 г. смог выехать в Польшу.
- 133 «Известия ВЦИК», 30 марта 1923.
- 134 Цит. по: *Лиценбергер О.А.* Указ. соч. С. 219.
- 135 Собственно, это признание невинности Патриарха.
- 136 Архивы Кремля... Т. 1. С. 263–264.
- 137 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 330. Л. 5–5об.; Архивы Кремля... Т. 1. С. 266–267.
- 138 Черная книга («Штурм небес»). С. 171–173.
- 139 *Левитин-Краснов А.Э., Шафров В.М.* Указ. соч. С. 331–332.

- ¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 343. Л. 19–20; Архивы Кремля... Кн. 1. С. 283–284.
- ¹⁴¹ Rössler R. Op. cit. S. 163–164.
- ¹⁴² Luukkanen A. Op. cit. S. 133–135.
- ¹⁴³ Владислав Цыпин, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 101.
- ¹⁴⁴ См. об этом: Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – М., 1991; Жиромская В. Б. Особенности религиозного и атеистического мировоззрений в России в 1930-е годы // Церковь в истории России. Сборник 7. С. 304–315.
- ¹⁴⁵ Кривова Н. А. Указ. соч. С. 221. Данные на 1924 г.
- ¹⁴⁶ Ср. с откликом президиума конференции красноармейцев 28-го стрелкового полка 4-й дивизии по поводу предстоящего суда над Патриархом. В открытом письме к Первосвятителю они пишут: «*Святейший патриарх!* Мы глубоко возмущены твоими действиями и бессердечием твоим к нашим страждущим братьям. Мы, красноармейцы, тоже верующие. Ты, «Великий Тихон», видишь, как миллионы ближних умирают от голода и не выражаешь своего человеколюбия, сеешь смуту среди темного населения. Так знай же, что ты злой лицемер и мощный черных генералов! А к своим братьям, отцам и матерям мы обращаемся с горячим призывом – не верить патриарху» («Известия», 16 мая 1922 г.).
- ¹⁴⁷ Сафонов Д. В. Указ. дисс. С. 75.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 70.
- ¹⁴⁹ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 271–272.
- ¹⁵⁰ Сафонов Д. В. Указ. дисс. С. 69.
- ¹⁵¹ Это подтверждает и итоговый обзор ГПИУ о политико-экономическом состоянии СССР за апрель–май 1923 г. В частности, в разделе «Политнастроение рабочих и их отношение к РКП» сообщается: «*В общем за отчетный период настроение рабочих, в силу ряда политических моментов (25-летие годовщины РКП, празднование 1 Мая, английская нота и убийство Воровского), остается устойчивым и даже замечается в нем определенный подъем. Отношение к РКП делается все более благоприятным*» («Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. 1923 г. – М., 2001. С. 865). Одновременно в данном документе присутствует вывод и о политическом состоянии деревни: «*Настроение в деревне, за исключением кулацких слоев, в общем благоприятно для советской власти*» (Там же. С. 871). Следует также заметить, что, несмотря на подробный разбор политических настроений различных групп и слоев населения, в том числе и «православных церковников», в обзоре совершенно не упомянуто ни о Патриархе Тихоне, ни о подготовке процесса по его делу.
- ¹⁵² Кирилл Зайцев, протоиерей. Указ. соч. С. 144.

- ¹⁵³ *Михаил Польский, протопресвитер*. Новые мученики российские. Полное собрание материалов. – Джорданвиль. Ч. 1, 1949. Репринт. – М., 1993. С. 100.
- ¹⁵⁴ *Алексеев В.А.* Указ. соч. С. 248.
- ¹⁵⁵ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. – М., 1990. Т. 2. С. 207–208.
- ¹⁵⁶ Цит. по: *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина: Правда и мифы. – М., 1997. С. 23.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 24–30.
- ¹⁵⁸ *Валентинов Н.* (настоящие имя и фамилия – Николай Владиславович Вольский) (1879–1964), философ, экономист, историк. Социал-демократ, с 1903 примыкал к большевикам, с 1904 – меньшевик. В силу личного знакомства с В.И. Лениным по его приглашению с началом нэпа начинает работу в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). В течение восьми лет являлся заместителем редактора «Торгово-промышленной газеты». С 1930 в эмиграции, автор работ по аграрному вопросу, экономической политике СССР 1920–1930-х гг., воспоминаний о В.И. Ленине.
- ¹⁵⁹ *Валентинов Н.* (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. – М., 1991. С. 98.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 103. Борьба Сталина с Троцким, согласно воспоминаниям последнего, началась еще намного раньше, тогда, когда у будущего вождя появились первые реальные возможности обойти указания тяжело больного Ленина. Это напрямую проявилось в попытках отеснить Троцкого от негласного курирования церковной сферы. На это поприще без согласования с Лениным был выдвинут Е.М. Ярославский. Л.Д. Троцкий вспоминает, что, вернувшись к работе после болезни и узнав о продвижении Ярославского, «Ленин на одном из заседаний политбюро неистово накинулся на Молотова, т. е. в действительности на Сталина: «Я-ро-слав-ский? Да разве вы не знаете Я-ро-слав-ского? Ведь это же курам на смех. Где же ему справиться с этой работой?»» (Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 213).
- ¹⁶¹ *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 225. Как свидетельствует Троцкий, Дзержинский «разделял все ошибки Сталина и защищал их со всей страстью, на какую был способен» (Там же. С. 226).
- ¹⁶² *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 207–209.
- ¹⁶³ Там же. С. 49.
- ¹⁶⁴ Непокколебимый камень Церкви. Патриарший местоблюститель Митрополит Крутицкий Петр (Полянский), священномученик, на фоне русской церковной истории XX века / Сост. Сокурова О.Б. – СПб., 1998. С. 18.

Глава 4.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Деятельность Патриарха в последние годы жизни. Проблема «Завещания»

Освобождение Патриарха из-под стражи не означало прекращения следственного дела. 10 июля 1923 г. АРК (Протокол № 29) принимает решение отложить процесс на неопределенный срок¹, переведя трех арестованных по делу Патриарха из внутренней тюрьмы ГПУ в Бутырскую тюрьму, изменив им, в случае раскаяния, меру пресечения². Через неделю, на очередном заседании Комиссии 17 июля (Протокол № 30), вторым пунктом рассматривается вопрос «О Тихоне и его Управлениях». Примечательно, что в постановляющей части протокола, по-видимому, как совершенно нереальный зачеркнут подпункт: «а) Поручить г. Тучкову *тактично воздействовать* на Тихона, чтобы он служить по Москве не разъезжал». Далее таким же путем предлагается Е.А. Тучкову добиться от Патриарха, чтобы тот дал разъяснение через газету и интервью с иностранными корреспондентами, что заявление о «раскаянии» действительно написано им самим³.

Такая необычная для первых послереволюционных лет «делikatность» власти в достижении своих целей, как уже говорилось, имеет объяснение в своеобразной внутриполитической обстановке 1923–1925 гг., которые стали апогеем успехов новой экономической политики, что наряду с процессами, связанными со сменой партийного руководства, повлекло за собой определенную либерализацию политической жизни в стране. Отразилось это и на положении Церкви.

Характерно постановление пленума ЦК РКП(б) от 4 июля 1923 г.: «Считая, что в некоторых организациях антирелигиозная пропаганда приняла нежелательный характер (массовое закрытие церквей и т. п., агитация за празднование понедельника и т. д.) –

поручить Политбюро срочно разослать организациям соответствующий циркуляр»⁴. Данный циркуляр был утвержден Политбюро ЦК РКП(б) 16 августа 1923 г.⁵, отпечатан и в строго секретном порядке разослан на места. Этот документ, известный как циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 «об отношении к религиозным организациям», предлагал всем партийным организациям обратить особое внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных «в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культам». В частности, ЦК постановлял:

«1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений и синагог по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое имело место – отменить немедленно;

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. Путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов...

4) воспретить аресты «религиозного характера», поскольку они не связаны с явно контр-революционными деяниями «служителей церкви» и верующих;

<...>

б) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих..., – а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков...»⁶.

В ситуации своего рода «религиозного нэпа» 5 августа 1923 г. АРК (Протокол № 33) вновь заслушивает вопрос «о процессе Тихона». Констатировалось, что освобождение Патриарха «внесло полнейшую сумятицу в монархические и белогвардейские ряды» и тем самым дало возможность «выявлять наиболее видных черносотенцев, которые уже начинают отходить от Тихона вследствие его теперешнего отношения к Соввласти». Одновременно отмечалось усиление антагонизма «тихоновцев» с обновленцами вплоть до «полнейшего церковного скандала». Указывалось, что борьба между этими двумя течениями еще только начинает развиваться. По мнению комиссии, суд над Патриархом теперь

предал бы ему ореол мученика, который «с него можно целиком сорвать его дальнейшим сотрудничеством с Соввластью». Поэтому АРК видит необходимость того, чтобы «над Тихоном продолжала висеть угроза суда», заключая, что судить Патриарха теперь не своевременно⁷.

Решение о прекращении следственного дела, принятое Политбюро⁸, было оформлено постановлением Президиума ВЦИК только 21 марта 1924 г. В нем указывалось что, ввиду раскаяния Патриарха и решительного ослабления влияния «так называемой православной церкви» на широкие рабоче-крестьянские массы, «гр. Белавин... и привлеченные с ним граждане не могут быть опасными для советской власти»⁹. В Протоколе АРК № 47/46, от того же числа, факт прекращения судебного преследования Патриарха никакого отражения не нашел¹⁰. Однако любопытно, что еще на заседании Комиссии 13 февраля 1924 г. (Протокол № 44) Е.А. Тучкову было дано поручение затребовать из суда «дело Тихона» и продолжать по нему следствие¹¹. Это говорит о том, что, несмотря на решение о закрытии дела, в случае необходимости не составляло труда возобновить следственные действия. Позже так и произошло¹².

Внутриполитическая обстановка многое объясняет и в мотивах Патриарха, соглашающегося на «покаянное» заявление. Оценивая весь комплекс обстоятельств, он сознательно шел на компромисс, понимая, что, выйдя на свободу, сможет реально повлиять на ситуацию в церковной жизни. По выходе из заключения Предстоятель РПЦ выступает с рядом посланий, которые, несмотря на подцензурный характер, очерчивают основные направления церковной деятельности: верность основам духовной жизни, аполитичность и признание власти, борьба с обновленчеством.

Нужно заметить, что прежняя ограниченность источниковой базы способствовала появлению устойчивых ошибочных трактовок ряда аспектов заключительного периода жизни Первосвященителя, которые получили широкое распространение даже среди добросовестных исследователей и начинают преодолеваться главным образом только в новейших работах¹³. Основными проблемными моментами, вызывающими неоднозначные оценки, являются: якобы имевшие место неоправданные попытки компромисса Предстоятеля РПЦ с обновленческим Синодом; введение в церковную жизнь нового стиля; «соглашение» Патриарха с лидером «Живой Церкви» В.Д. Красницким; введение богослужб-

ного поминовения советской власти и др. Отдельно стоит проблема так называемого «Завещания» или «Завещательного послания» Патриарха.

Весьма спорной представляется тенденция приписывать Патриарху и близким к нему архипастырям некую излишнюю компромиссность (не только по отношению к властям, но и к обновленцам), порой далеко выходящую за рамки приемлемого церковным сознанием. При этом утверждается, что только многочисленные протесты верующих и вмешательство более трезво мыслящих иерархов, в том числе из так называемой «даниловской оппозиции»¹⁴ способствовали отказу Патриарха и его сподвижников от непродуманных решений. Наиболее ярко такая точка зрения прослеживается, например, в работе Л. Л. Регельсона. Характеризуя ситуацию, и, указывая, что ближайшими советниками и единомышленниками Патриарха Тихона в начальный период после освобождения были архиепископы Иларион (Троицкий) и Серафим (Александров)¹⁵, причем архиепископ Иларион занимался восстановлением церковной организации и вел переговоры с Е. А. Тучковым, пользуясь в народе большой популярностью, Л. Регельсон одновременно пишет: «Тем не менее, арх[иепископ] Иларион и арх[иепископ] Серафим, в своем стремлении восстановить внешнее единство Русской Церкви, не остановились перед тем, чтобы принять выдвинутое обновленцами условие объединения: добровольный отказ Святейшего Тихона от патриаршества». В то же время, по утверждению исследователя, архиепископ Феодор (Поздеевский)¹⁶ весь свой авторитет направил на то, чтобы убедить епископов сохранить Патриарха Тихона и с ним патриаршество, а не идти на беспринципные соглашения с раскольниками¹⁷.

Такие действия, в частности, со стороны архиепископа Илариона, в свое время активно выступавшего за восстановление патриаршества, тем более что к осени 1923 г. при его непосредственном участии были уже достигнуты значительные успехи в борьбе с обновленчеством, выглядят нелогично. Тем не менее, Л. Регельсон, а вслед за ним ряд серьезных исследователей¹⁸, некритично принимают за основу свидетельство обновленческого епископа Гервасия, приводимое известными своими симпатиями к обновленчеству А. Э. Левитиным-Красновым и В. М. Шавровым. По сообщению Гервасия, в конце сентября 1923 г. в Донском монастыре состоялось собрание 27 епископов по поводу принятия

или непринятия условий объединения с обновленцами. На этом совещании архиепископ Иларион якобы высказался, что «он везде бывал, много говорил по церковным вопросам с компетентными людьми и пришел к выводу, что для них, тихоновцев, другого выхода нет, как только одно – подойти к Священному Синоду РПЦ (обновленческому. – В.Л.), договориться с обновленцами, не нарушая канонических устоев православной церкви. Все наше разделение, говорил архиепископ Иларион, основано на недовольстве некоторыми иерархами и православными мирянами *личностью патриарха Тихона*»¹⁹. Это дает право Л. Регельсону заключить: «Как видим, суть компромисса заключалась в том, что арх[иепископ] Серафим и арх[иепископ] Иларион предлагали ради мира с обновленцами пожертвовать Патриархом Тихоном!»²⁰. По свидетельству епископа-обновленца, подобная «инициатива» была отклонена большинством присутствующих архиереев.

Между тем история переговоров с образованным летом 1923 г. «евдокимовским» Синодом подробно описана уникальным свидетелем, одним из ближайших соратников Патриарха, в тот период председателем Московского Епархиального Совета, профессором, протопресвитером В.П. Виноградовым²¹: критикуя аналогичное сообщение М. Польского о том, что святитель Иларион был сторонником отстранения Патриарха от власти, о. Василий (Виноградов) утверждает, что «автор этого сообщения был введен в крайне досадное заблуждение со стороны лиц, питавших излишнее доверие к сообщениям советских газет»²². Он указывает, что обновленческий митрополит Евдоким (Мещерский) сообщил Святейшему, что, несмотря на «низложение» последнего обновленческим Собором, продолжает почитать его и хочет вести переговоры о преодолении раскола и примирении всей обновленческой церкви с Патриархом. Была создана смешанная комиссия, где с патриаршей стороны были представлены архиепископы Серафим и Иларион, а также сам проф. Виноградов. Однако на заседании комиссии Евдоким неожиданно стал говорить не о примирении, а о том, что ради блага Церкви Патриарху необходимо отречься от власти, что и должны передать ему члены патриаршей делегации. Все это и было передано Первосвященнику, который заметил: «Так я и предполагал обман; от Евдокима другого и ожидать было нельзя»²³. Однако, указывает В.П. Виноградов, через несколько дней появилось «интервью» архиепископа²⁴ Евдокима в котором он утверждал, что даже такие

ближайшие сотрудники Патриарха как святитель Иларион уже уговаривают его согласиться на отречение. Таким образом, мы видим природу появления ложных слухов о позиции архиепископа Илариона (Троицкого).

На данную ситуацию обращает внимание Д.В. Сафонов. Он справедливо указывает на опубликованную Н.А. Кривошеевой копию письма архиепископов Серафима (Александрова), Илариона (Троицкого) и Тихона (Оболенского) «митрополиту» Евдокиму от 10 ноября 1923 г.²⁵ Сведения, в нем содержащиеся, раскрывают подоплеку переговоров и согласуются с трактовкой о. Василия (Виноградова). В частности, в письме говорится о том, что вышеуказанные архипастыри с благословения Патриарха 26 августа вели лишь предварительные переговоры с Евдокимом для ознакомления с его предложениями. На этом совещании не было принято никаких постановлений и резолюций. Предложения обновленческого митрополита действительно обсуждались на соборе 27 епископов, но 29 августа. Последний же написал на имя своего Рязанского церковного управления, что в Донском якобы началось полное разложение и смятение, и даже сторонники Тихона вынесли резолюцию о сложении им полномочий и ожидании суда епископов. Кроме того, владыки указывают, что через несколько дней было опубликовано интервью Евдокима, в котором он заявлял, что «даже такие ближайшие сотрудники патриарха, как епископ Иларион, пришли к убеждению необходимости, ради пользы Церкви, отречения патриарха от власти и что они уже уговаривали патриарха согласиться на это отречение».

25 октября в «Известиях» появляется официальное отношение Евдокима на имя митр. Антония (Храповицкого) (датируется 12-м сентября) сообщающее, что Патриарх Тихон совершенно запутался и, поняв это, подал в обновленческий Синод прошение о примирении, а «смешанная комиссия устами даже его ярых защитников (епископ Иларион Троицкий) вынесла ему следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собой суда Собора епископов»²⁶. Архипастыри в своем письме также указывают на несоответствие действительности подобных заявлений. Никаких опровержений в советской печати им, конечно, опубликовать не удалось.

Таким образом, по существу, речь идет о во многом удавшейся провокации ГПУ. Из письма также следует, что после 26 августа никаких встреч и переговоров с Евдокимом не прово-

дилось. Тем не менее, версия активных и компромиссных для Патриарха переговоров с обновленческим Синодом получила широкое распространение. На основании анализа вышеприведенного письма, копия которого имеется и в следственном деле, Д.В. Сафонов делает совпадающий с мнением автора данной книги обоснованный вывод о недостоверности свидетельства «епископа» Гervasия, представленного Левитиным и Шавровым, справедливо замечая, что речь может идти о принципиальном пересмотре укоренившейся ошибочной концепции²⁷.

Другой тенденцией является стремление трактовать отмену Патриархом уже принятого нового стиля, главным образом, как следствие протестов верующих, не желающих принимать «советский» календарь. Однако на самом деле ситуация складывалась несколько по-иному. Как мы помним, принципиальное согласие на реформу церковного календаря было одним из «условий», которыми оговаривалось освобождение Патриарха. Аналогичное требование было ранее предъявлено обновленческому ВЦУ и реализовано решением лжесобора. Но даже для обновленцев введение на практике нового стиля оказалось непростой задачей. В связи с этим, а также в контексте упомянутых выше переговоров Патриарха с обновленческим Синодом, интересно постановление АРК от 18 сентября 1923 г. (Протокол № 36/А) по докладу Е.А. Тучкова «о Тихоне»: «Доклад принять к сведению. Признать целесообразным, чтобы Тихон и К-о в первую очередь фактически провели в церкви новый стиль, разгромили приходские советы и ввели второбрачие духовенства, для чего разрешить им издание журнала»²⁸. Если относить это решение к патриаршей Церкви, то в таком случае вызывают удивление столь радикальные требования комиссии. На такое неприемлемое в каноническом отношении деяние как введение второбрачия священнослужителей Патриарх никогда не давал согласия. Разрешение «тихоновцам» издания журнала также выглядит со стороны властей как малообоснованное. Однако с учетом изложенного ранее, можно понять, что постановление АРК, видимо, относилось к некоей планируемой объединенной церковной структуре, которая, в русле еще формально не провалившихся переговоров Патриарха с Евдокимом, виделась членам комиссии. В этом ключе понятны и требование АРК о второбрачии, и разрешение на печатный орган, а также указание на фактическую реализацию нового стиля, формально уже принятого решением обновленческого собора.

К обновленческой церкви, по-видимому, относится и решение АРК от 13 ноября 1923 г. (Протокол № 38): «Празднование Пасхи в 1924 г. установить по старому стилю, не препятствуя при этом церковникам совершать пасхалию по новому стилю»²⁹. Поскольку иначе не совсем ясно принятое через неделю постановление комиссии (Протокол № 39 от 20 ноября) по вопросу «О деятельности Тихона»:

«А) Поручить тов. ТУЧКОВУ провести через Тихона новый стиль и отменить ведение старого.

Б) Поручить ему же срочно расклеить и распространить Тихоновское воззвание о введении им нового стиля»³⁰.

О каком воззвании идет речь и каковы обстоятельства его появления? Требуя от Патриарха введения нового стиля, власть руководствовалась двумя соображениями. Главным, видимо, было внести разделение в патриаршую Церковь, ослабить ее, представив Предстоятеля РПЦ как носителя обновленческих и коллаборационистских тенденций. Другой причиной был хозяйственный фактор. Многие церковные праздники еще оставались нерабочими днями и фактически праздновались и по новому, и по старому стилю, что наносило значительный экономический ущерб. Определенное время Патриарху удавалось уклоняться от реформы, аргументируя отказ нарушением в таком случае единства с поместными православными церквями. Однако в 1923 г. на «Всеправославном церковном конгрессе» (совещании) в Константинополе было принято решение о введении в богослужебную жизнь нового стиля. Этому решению подчинились не все восточные патриархи, что, по свидетельству В.П. Виноградова, было скрыто властями от Предстоятеля РПЦ³¹.

Нужно сказать, что В.П. Виноградов делает на факте обмана Патриарха властями особый акцент, оспаривая каноничность решений конгресса. Тем не менее, единогласное постановление комиссии конгресса об изменении богослужебного календаря и пасхалии давало определенные основания Первосвятителю, для сохранения единства богослужебной жизни и, принимая во внимание внутривосточный аспект, согласиться на введение нового церковного календаря, о чем и было составлено патриаршее послание. Содержатся ли здесь канонические нарушения?

Проблема церковного календаря не получила в церковном праве однозначного разрешения и допускает различные точки зрения. Заметим лишь, что так называемый новоюлианский

стиль, принятый в настоящее время большинством Православных Церквей, и который намеревался ввести Патриарх Тихон, притом, что Пасха продолжает праздноваться по старому стилю, устраняет одно из главных канонических препятствий – запрет праздновать Пасху «вместе с иудеями»³². Все, что могло смутить совесть православных в деле реформы календаря подробно излагалось в вышеупомянутом послании Патриарха к «православному народу» (1 октября 1923 г.). В частности, Первосвятитель указывал, что устанавливаемое времяисчисление: «1) вводится законною церковною властью; 2) *нисколько не затрагивает догматов и священных канонов Православной Церкви*; 3) оставляет празднование дня Св. Пасхи; согласно постановлению 1-го Вселенского Собора, в первое Воскресенье после первого полнолуния, следующего за весенним равноденствием, т. е. позднее Пасхи иудейской; 4) находится в точнейшем соответствии с данными современной астрономической науки; 5) *является не введением западного Григорианского календаря, а лишь исправлением старой Пасхалии с исчислением дней Пасхи по времени Матери Церквей Божьих – Церкви Иерусалимской...* 6) потребно и удобно для согласования церковной жизни Русской с установленным уже в нашем отечестве и во всех христианских странах времяисчислением...»³³.

Таким образом, для сохранения в полном объеме Рождественского поста (40 дней) новый календарь было необходимо ввести повсеместно не позднее 2/15 ноября (пока что, с 1/14 октября действие указа распространялось только на Московскую епархию, а фактически лишь на Москву). Между тем, как сообщает о. Василий (Виноградов), по указанию Е.А. Тучкова, типографии умышленно задерживали печатание ясно разъясняющего все вопросы послания, которое вместе с указом должно было быть отправлено на места, чтобы тем самым вызвать возможно большую оппозицию патриаршему решению. Делегации же Патриаршего Управления, указавшей Тучкову, что если в течение ближайших дней послание не будет напечатано, время будет упущено и придется возвращаться на старый стиль, последний, уверенный, что это невозможно заявил: «Ну, уж вы там как хотите... дело ваше»³⁴. Синодом было принято решение не посылать по епархиям указа, пока не будет возможности сопроводить его патриаршим посланием, и когда к 5 ноября послание так и не было напечатано, то Патриаршее Управление, имея в виду

сказанное Тучковым, решило возвратиться к старому стилю. По существу, требовалось лишь отменить действие указа по московским церквам, что и было сделано³⁵.

Между тем Е. А. Тучков, выполняя решение АРК от 20 ноября³⁶, распорядился расклеить по Москве к тому времени напечатанное послание с целью ввести в заблуждение верующих. Более того, в декабре в газетах было опубликовано подложное патриаршее послание, в котором Патриарх якобы указывал, что он нового стиля не отменял, однако на местах с согласия властей можно отмечать праздник и по старому стилю. Протопресвитер В. П. Виноградов сообщает: «Какого происхождения был тот “документ”, мне не удалось выяснить, т. к. он через Патриаршее Управление вовсе не проходил, никому он не рассылался и дальше советских газет не пошел; ни оригинала его, ни копии не имелось и, главное, никакого применения он в церковной жизни не имел. Везде и всюду в патриаршей Церкви, беспрепятственно со стороны советских властей, служили по старому стилю»³⁷.

Таким образом, мы сталкиваемся с прямой фальсификацией от лица Патриарха, что и в дальнейшем имело место в советской печати (см. далее).

Протоколы АРК свидетельствуют и об определенной нерешительности власти в деле введения нового церковного календаря. При рассмотрении на заседании 12 декабря 1923 г. (Протокол № 41а) пункта о «директиве по поводу проведения нового стиля на местах», постановляющая часть выглядит достаточно либерально: «Поручить ГПУ дать по своей линии директиву местам о том, чтобы лиц, не приемлющих новый стиль репрессиям не подвергать, если это сопротивление не носит к[онтр]-рев[олюционного] характера»³⁸.

Серьезным образом власть возвратилась к вопросу о новом стиле уже осенью 1924 г. 1 ноября АРК первым пунктом рассматривала вопрос «о календаре». В частности, было приняты следующие решения:

«...б) Поручить тов. ТУЧКОВУ в течение 1925 года через церковные управления, главным образом через Тихона, добиться проведения нового стиля, так, чтобы к I-ому Января 1926 года таковой был окончательно введен на все церковные праздники в том числе и пасху. При проведении необходимо иметь в виду, чтобы новый стиль в первую очередь был введен в городах и вообще в промышленных районах, с каковой целью поручить ОГПУ повести

работу среди церковников, тактично применяя к упорно неподчиняющимся попам соответствующие меры воздействия.

в) Поручить тов. ГАЛКИНУ напечатать в «Безбожнике» ряд статей, а также и в «Известиях» о неустойчивости попов, главным образом Тихона, в проведении нового стиля»³⁹.

Еще ранее Патриарху было предложено в письменной форме высказаться по вопросу о возможности немедленного введения нового стиля. Заявление Предстоятеля РПЦ во ВЦИК датировано 17 (30) сентября. В нем указывается, что реформа церковного календаря «хотя и представляет некоторые трудности ... *принципиально допустима*». Патриарх замечает, что «Юлианское летоисчисление не возведено Церковью в неприкосновенный догмат веры, но, связанное с церковным обрядом, допускающим изменения, само может подлежать изменению»⁴⁰. Вместе с тем в этом заявлении Первосвятитель твердо обосновывает нежелательность введения в настоящий момент нового стиля, стараясь использовать такие аргументы, которые более всего могли убедить властных оппонентов. Поэтому он указывает и на сильное возмущение верующих по данному вопросу и просьбы от них воздержаться от принятия подобного решения. Одновременно Патриарх ссылается на «консерватизм и стойкость народного быта», а также на то, что реформа «скомпрометирована обновленческой схизмой»⁴¹. Однако неправильно было бы трактовать последние утверждения как то, что только возмущение православных непопулярным решением отвратило Патриарха от уступок советской власти в календарном вопросе. Первосвятитель, безусловно, прислушивался к голосу паствы, но решения принимал самостоятельно. Мы видим, что в данном случае обстоятельства сложились таким образом, что стало возможным отменить указ о введении нового стиля. Вместе с тем, нельзя оценивать согласие на реформу церковного календаря как некий мировоззренческий компромисс со стороны Предстоятеля РПЦ, т.к. последняя, по существу, не встречает принципиальных канонических препятствий. Несмотря на решительное намерение властей, им в итоге так и не удалось настоять на реформе. Одной из главных причин этого стала взвешенная и продуманная тактическая линия Патриарха Тихона.

Следует заметить, что вышеуказанное заявление Патриарха на имя ВЦИК вызвало весьма негативную реакцию со стороны АРК. Этот вопрос обсуждался на том же заседании от 1 ноября

(Протокол № 57). Резолюция была очень резкой: «Ввиду явно недопустимого тона и контрреволюционного характера заявление передать в ОГПУ для расследования»⁴². Не совсем ясно, что могло вызвать такое раздражение комиссии; возможно, это связано с тем, что в послании упоминалось о тяжелом положении Церкви. Одновременно подобные действия Первосвященителя еще раз ставят под сомнение тезис о его чрезмерных уступках властям.

Более серьезными видятся упреки в адрес Предстоятеля РПЦ по вопросу его так называемого «примирения» с обновленческим лидером В.Д. Красницким. Распространенная версия заключается в том, что в 20-х числах мая 1924 г. Патриарх учредил Высшее Церковное Управление, приняв в качестве члена Высшего Церковного Совета, якобы покаявшегося лидера «Живой Церкви» В.Д. Красницкого. Однако, ввиду общецерковного возмущения, через месяц распустил ВЦУ и отстранил Красницкого. В русле подобного представления излагают происходящее, например, А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров, ссылаясь на материалы советских газет и зависимые от них обновленческие источники. В частности, упоминается опубликованное в «Известиях» (№ 147) постановление Патриарха и Священного Синода об образовании ВЦУ с включением туда протоиерея В.Д. Красницкого и еще нескольких «живоцерковников». Кроме того, авторы ссылаются на помещенную в «Известиях» «беседу с Тихоном», в которой последний якобы заявляет: «Я пошел навстречу искреннему желанию Красницкого поработать со мной в деле водворения церковного мира, принял его покаяние, несмотря на отрицательное отношение верующих масс к прошлой его деятельности и назначил его в Высший Церковный Совет, но там он является лишь министром без портфеля, поскольку сам Совет не может функционировать ввиду объективных условий, а именно – отсутствия помещения. Хотя вопрос о создании органов церковного управления урегулирован и разрешен..., но эти органы не могут приступить к работе по той простой причине, что еще не найдено соответствующее помещение не только для ведения работы, но даже для размещения членов Синода»⁴³.

Далее А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров сообщают, что 26 июня (9 июля?) 1924 г. Патриарх подписал акт⁴⁴, который аннулировал его резолюцию от 19 мая о принятии в общение Красницкого. По мнению этих исследователей, причина таких действий Первосвященителя была в том, что «против майских соглаше-

ний решительно выступил народ, который, по слову известной символической книги, является «стражем православия»⁴⁵. Другая параллельная широко распространенная интерпретация (Л.Л. Регельсон, протоиерей В. Цыпин и др.) состоит в том, что решающую роль в прекращении переговоров Патриарха с Красницким сыграл на некоторое время вернувшийся из ссылки митрополит Кирилл (Смирнов)⁴⁶, убедивший Предстоятеля РПЦ в недопустимости примирения с живоцерковниками.

По-иному излагает события их непосредственный участник, протопресвитер В.П. Виноградов⁴⁷. Он отрицает, что Патриарх когда-либо утверждал ВЦУ с участием Красницкого, а указывает, что речь шла лишь о мертворожденном проекте. По утверждению В.П. Виноградова, весной 1924 г. Е.А. Тучков неожиданно занял по важнейшему вопросу легализации Патриаршего Управления весьма благожелательную позицию. Он заявил, что главное препятствие в том, что в Патриаршем управлении сидят люди, которым советская власть доверять не может, и предложил включить в его состав хотя бы одного такого члена, который заслуживал бы доверия властей, а именно – В.Д. Красницкого, якобы готового покаяться. Действительно, В.Д. Красницкий в то время радикально разошелся с другими обновленческими группировками, в том числе и со «Священным Синодом», и его покаяние казалось вероятным. Он на самом деле явился к Патриарху Тихону и выразил готовность к подобному акту. Был составлен проект ВЦУ с участием Красницкого. Тем временем, последний самовольно поселился в Донском монастыре, компрометируя Первосвяителя не только неожиданной близостью с «бывшим» обновленцем, но, в частности, и своим интервью в советских газетах от лица ВЦС, из которого следовало, что не Патриарх принял покаяние Красницкого, а, напротив, как бы сам присоединился к личности и планам последнего⁴⁸.

Между тем, поскольку покаяние от В.Д. Красницкого так и не поступило, было созвано специальное заседание патриаршего Синода для окончательного решения вопроса. Там В.Д. Красницкий заявил, что согласен принести покаяние при условии, что он будет принят в общение в том «сане», который дал ему обновленческий Собор, а именно – «Протопресвитер всея России», и, кроме того, введен в ВЦС не в качестве рядового члена, а заместителем Председателя. Одновременно он отказался принести извинения за ложное интервью от лица ВЦС. Все это вызвало

резкий протест. Часть предполагаемых членов Высшего Церковного Совета, в том числе и В.П. Виноградов, покинула помещение. По его заключению: «После этого заседания ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что ни Красницкий ни о каком “покаянии”, ни Тучков ни о какой легализации Патриаршего Управления, а тем более в полном составе его обоих, установленных Собором 1918 г. органов, вовсе не помышляют, а помышляют скомпрометировать патриарха и Патриаршее Управление в глазах церковного народа... Патриаршее Управление тогда окончательно пришло к решению, что переговоры с Тучковым и Красницким нужно прекратить...». Патриарх, указывает В.П. Виноградов, полностью согласился с этим мнением, но из тактических соображений медлил некоторое время. И, действительно, после встречи с митрополитом Кириллом окончательно объявил свое решение⁴⁹.

Из вышесказанного, однако, не следует, что Первосвятитель окончательно определил свое отношение к ситуации только с помощью митрополита Кирилла. Как и ранее, он действовал осторожно, стремился не форсировать события, раздражая власть резкими выступлениями, что могло обернуться для Церкви новыми репрессиями. Одновременно сомнительным представляется и тезис об определяющем влиянии масс верующих, серьезно корректирующих ошибочные действия Патриарха, т. к. в период несомненных успехов обновленческого движения те же народные массы не смогли должным образом отреагировать на подобный соблазн и вытеснить раскольников на периферию церковной жизни. Большинство не хотело вмешиваться, а значительная часть поддержала обновленцев. В связи с этим весьма обоснованным представляется вывод протоиерея Г. Митрофанова о том, что большинство православного населения, по существу, уже отошло от Церкви и не могло по-настоящему быть опорой Патриарху. Последний осознавал это и соглашался на «покаянное заявление», понимая, что с обновленчеством будет бороться в основном группа архиереев и пастырей, которую он готов был возглавить, имея в виду сохранение законной церковной иерархии уже для будущих поколений⁵⁰.

Между тем Е.А. Тучков, по свидетельству В.П. Виноградова, напечатал текст несостоявшегося «проекта» ВЦУ в советских газетах как нечто совершенно реальное и принятое к исполнению. «Неудивительно, что большинство читателей, кроме

хорошо знавших истинное положение дела., приняли, хотя и с удивлением, все сообщение за “чистую монету”⁵¹. Как уже упоминалось, подобным образом восприняли данную информацию и большинство современных исследователей. Пожалуй, лишь Д.В. Пospelовский и Д.В. Сафонов, во многом обоснованно, в ряде вопросов последнего периода жизни и деятельности Патриарха следуют за В.П. Виноградовым.

В связи с вводом в научный оборот материалов следственного дела Патриарха Тихона в распоряжении исследователей появились новые документы, подтверждающие свидетельства В.П. Виноградова. В частности, это заверенная копия послания ближайших к Патриарху иерархов, митрополитов Серафима (Александрова) и Петра (Полянского), опровергающих воззвания обновленческого «Св. Синода» и статьи обновленцев в печати⁵². По их утверждению, подлинными являются заявление Красницкого от 19 мая о готовности принести покаяние и резолюция на нем Святейшего, что он «ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости» согласен принять Красницкого в общение⁵³. Архипастыри указывают, что «оставалось только дело за *принесением покаяния* КРАСНИЦКИМ». Однако после ознакомления с опубликованным в № 117 «Известий» интервью Красницкого Патриарх сделал следующее распоряжение: «24/V – 24 года вследствие заявления о. Красницкого, напечатанного в «Известиях» от 24/V – 24 года за № 117, а также [«]Вечерняя Москва[»] от 23/V в коем он, между прочим заявляет о своем признании самочинного собрания 1923 г. Всероссийским поместным собором..., что будто бы я вошел (а не он), в общение с ним и я вместе с ним ставлю целью проводить церковно-каноническую программу группы Ж[ивая] Ц[ерковь], установленную двумя съездами этой группы, предлагаю св. Синоду все мои резолюции и все акты св. Синода по делу о. КРАСНИЦКОГО и его группы, считать не состоявшимися – аннулированными»⁵⁴.

Как видим, как только Патриарх увидел неискренность намерений В.Д. Красницкого о покаянии, он тут же самостоятельно принимает соответствующее решение. Таким образом, резолюцию № 523 от 26 июня (9 июля?)⁵⁵ о прекращении всяких переговоров с Красницким и объявляющую недействительным проект образования ВЦУ, следует считать *вторичной* (см. также далее).

По свидетельству вышеуказанных архипастырей, этот проект постановления об образовании ВЦУ Патриарх по подписании

положил в ящик письменного стола, не сдавая Синоду, и не пустил в ход, ибо еще не был принят в общение Красницкий, и напрасно последний именуется членом ВЦС. В послании одновременно указывается, что не могло быть и беседы Патриарха в том изложении, какое она имеет в № 155 «Известий». И далее: «так как все дело с о. КРАСНИЦКИМ представлено неверно, ввиду того, что оно продолжало смущение св. патр[иарх] снова уже 26/VI в резолюции № 523 пишет: “Прошу верить, что я не пойду на соглашение и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия... почитаю благонамеренным прекратить всякие переговоры о примирении с КРАСНИЦКИМ и подписи на журнале от 21/VI-24 года об организации при мне Высшего церковного Управления, считать не действительными”.

Вот истинное положение дела. КРАСНИЦКИЙ не принят в общение... Да не смущается же сердце Ваше разными газетными сообщениями. ...*Ни св. патр[иарх], ни члены патриаршего Синода не нарушили канонів церкви, не попрали заветов апостольских...*»⁵⁶.

Таким образом, подтверждается предостережение протопресвитера В.П. Виноградова о том, что не следует доверять публикациям в советской прессе. Совершенно последовательной представляется и позиция Патриарха. Думается, одно из недоразумений состоит в том, что многие исследователи восприняли резолюцию Первосвятителя о том, что он «ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости», согласен принять в общение Красницкого, как фактическое прощение последнего, тогда как это было только *согласие* со стороны Патриарха принять покаяние, которого так и не последовало. Очевидно, что речь вновь идет о реализации планов ГПУ. Это нашло отражение и в материалах АРК. Первый раз вопрос «о введении к Тихону Красницкого» рассматривался еще 5 декабря 1923 г. (Протокол № 41). Тогда решение не было принято⁵⁷. Следующий раз подобное предложение рассматривалось уже 25 марта 1924 г. (Протокол № 48); и не в первый раз обращает на себя внимание своего рода «деликатность» постановления: «Поручить ОГПУ в имеющийся при Тихоне полуофициальный синод ввести ряд намеченных лиц, в том числе и КРАСНИЦКОГО, если Тихон не будет этому противиться»⁵⁸. Через две недели, на заседании от 8 апреля (Протокол № 49), принимается аналогичное по тону постановление: «Принимая во внимание, что введение КРАСНИЦКОГО к ТИХО-

НУ в Управление политически выгодно, поручить тов. ТУЧКОВУ, таковое осуществить и если одних словестных воздействий будет не достаточно, *тактично* применить другие меры, могущие оказать на Тихона и его приближ[енных] епископов соответствующее воздействие»⁵⁹.

Далее механизм происходящего вполне ясен. Е.А.Тучков заявляет о возможности скорой легализации патриаршего Синода, а В.Д.Красницкий о желании принести покаяние. Абсолютную неискренность последнего и прямую связь с карательными органами подтверждает, в частности, ряд опубликованных в материалах следственного дела Патриарха докладных записок В.Д.Красницкого в ОГПУ, в которых он, именно в указанный период, всячески пытается доказать «явно-контрреволюционную» основу «тихоновщины»⁶⁰.

Д.В.Сафонов в своей диссертации приводит выдержки из важного источника – показаний митрополита Кирилла (Смирнова), хранящихся в следственном деле последнего, из которых следует, что Патриарх, при посещении его митрополитом Кириллом в июне 1924 г., уже как о решенном вопросе говорил ему о бесперспективности переговоров с Красницким в силу нежелания последнего принести покаяние⁶¹. Справедливо указывает исследователь и на ряд неверно атрибутированных составителями сборника «Следственное дело...», как принадлежащих Патриарху и Синоду, документов, являющихся мертворожденными проектами, которые ГПУ хотело реализовать через Красницкого от имени Предстоятеля РПЦ⁶².

Таким образом, как уже было указано, точка зрения, что Патриарх в ситуации с «покаянием» В.Д.Красницкого пошел на чрезмерный компромисс, отвергнутый усилиями православного народа и «архиереев-ревнителей» со стороны оппозиции справа (также как и в вопросе с новым стилем), представляется малообоснованной.

Одной из самых сложных в источниковедческом отношении является проблема так называемого «Завещания» Патриарха. Название это условно, так как речь, по сути, идет об очередном послании Первосвятителя, в котором он еще раз подтверждает свою лояльность советской власти. Такой шаг был необходим для легализации патриаршей Церкви. По мнению многих исследователей (Р.Рёсслер, протоиерей В.Цыпин, Д.В.Поспеловский и др.), указанное послание, опубликованное уже после смерти

Патриарха («Известия ЦИК», 15 апреля 1925 г; «Правда», 15 апреля 1925 г.), не содержит ничего принципиально нового из уже высказанного Предстоятелем РПЦ по вопросу отношения к власти. Основные тезисы послания, по существу, отражают всю ту же линию Патриарха на аполитичность и признание государственной власти при сохранении в неприкосновенности внутренней жизни Церкви.

«Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устроятся», и принять все происшедшее как выражение воли Божией. Не погрешая против Нашей веры и Церкви, не переделывая что-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти <...> Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги Святого Православия – сектанты, католики (имеется в виду, прежде всего, гонение на Православных в Польше. – В.Л.), протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные – стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей. <...> Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловицкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем, и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с Нашей стороны крайние меры вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора»⁶³.

Как видим, все вышеприведенное в той или иной форме уже декларировалось Патриархом. Пожалуй, лишь более резко в «Завещании» выражено отношение к зарубежному духовенству (упоминается возможность заочного суда). Не случайно Карловацкий Синод первоначально объявил послание поддельным.

Однако как замечает Д.В. Пospelовский, уже через три года, настроенный крайне право и ранее осуждавший послание Патриарха от 8 октября 1919 г. о невмешательстве в политическую борьбу граф Д. Олсуфьев, признал подлинность «Завещания»; исходя из того, что оно было подтверждено патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским), одновременно усматривая преимущество между позицией Патриарха, действиями митрополита Петра и Декларацией митрополита Сергия 1927 г.⁶⁴

Подробно останавливается в своих воспоминаниях на проблеме «Завещания» В.П. Виноградов. По его версии, между Патриархом и Е.А. Тучковым шла борьба за степень уступок. Последний вариант послания, который в день смерти приносил Первосвятителю митрополит Петр, содержал неприемлемые вставки ГПУ и остался неподписанным (эта точка зрения полностью разделяется, например, Д.В. Сафоновым). Е.А. Тучков же впоследствии опубликовал этот неподписанный вариант в «Известиях».

Вместе с тем, нужно заметить, что рассказ В.П. Виноградова, ссылающегося на свидетельства очевидца, основан на ряде допущений. Собственно, очевидец подтверждает только факт беседы Патриарха с митрополитом Петром, содержания которой он не слышал, за исключением того, что Патриарх несколько раз недовольным тоном говорил: «Я этого не могу». Отсюда В.П. Виноградов делает вывод, что подобным образом Первосвяtitель мог реагировать только на неприемлемые вставки Е.А. Тучкова в составленный Патриархом и Синодом вариант послания. Думается, что это может быть одной из версий, однако, окончательного заключения по таким сведениям сделать нельзя, т. к. беседа могла касаться широкого круга вопросов.

Весьма натянутым в изложении В.П. Виноградова выглядит и дальнейший ход событий. Поскольку на руках у Е.А. Тучкова оставался и патриарший (синодский) вариант послания, то он заявил митрополиту Петру и членам Синода, что хочет опубликовать именно его, и попросил написать сопроводительное письмо в редакцию «Известий», что и было сделано (письмо опубликовано вместе с текстом «Завещания», в нем указывается, что документ был подписан Первосвяtitелем 7 апреля, т. е. в день смерти). Сам же Е.А. Тучков вместе с этим сопроводительным письмом отправил в редакцию неподписанный Патриархом, значительно исправленный ГПУ вариант. «И тут-то, – указано в воспоминаниях В.П. Виноградова, – наступает для митр[ополита] Петра трагический момент. Тучков требует от него, как и от других членов Синода, согласия не отрицать подлинности напечатанного “послания”, угрожая иначе немедленным их арестом и полным разгромом Патриаршего Управления. Перед лицом этих угроз митр[ополита] Петр счел за лучшее уступить, а на вопросы о подлинности послания по большей части отмалчивался и только в редких и крайних случаях (подозревая провокацию) решался и положительно утверждать, что будто бы он сам послал “послание” в редакцию»⁶⁵.

Между тем в тексте опубликованного послания трудно найти положения, которые могли бы быть принципиально неприемлемы для митрополита Петра, полностью поддерживающего линию Патриарха Тихона. Не подтверждаются документально и заявления Е.А. Тучкова о возможности одномоментной ликвидации всего высшего руководства патриаршей Церкви. Это во многих отношениях было нецелесообразным для власти, резко нарушая баланс в пользу обновленческой иерархии.

Кроме того, достоверность изложенного в воспоминаниях В.П. Виноградова относительно «завещательного послания» Патриарха ставит под сомнение тот факт, что в письме к епископу Иоанну (Шаховскому) (1947 г.), написанному за несколько лет до выхода воспоминаний, протопресвитер В.П. Виноградов высказывает по поводу «Завещания» Патриарха *совершенно противоположную точку зрения*. В этом письме, защищая от нападок митрополита Сергия (Страгородского) и, доказывая, что он продолжает линию Святителя Тихона, о. Василий (Виноградов), в частности, пишет:

«А ведь чтобы убедиться, что политика п[атриарха] Сергия была продолжением политики п[атриарха] Тихона, достаточно вспомнить два документа:

1. *Обращение п[атриарха] Тихона к Верховному Суду, ценою которого он получил освобождение из заключения.*

2. *Так называемое завещательное послание п[атриарха] Тихона, опубликованное после его смерти.*

Порицателям церковной политики п[атриарха] Сергия поскольку это послание не нравится, то они обозвали его подложным.

Но смею уверить, что оно было подписано п[атриархом] Тихоном за несколько часов до его смерти, и мне хорошо известно, как оно произошло и при каких обстоятельствах оно подписано»⁶⁶.

По мнению Д.В. Поспеловского, есть все основания предположить, что рукопись мемуаров протопресвитера В.П. Виноградова о последних годах жизни и деятельности Патриарха подверглась значительным искажениям карловацкой цензурой; поскольку автор тогда был уже тяжело болен и находился в материальной зависимости от РПЦЗ. Прямых доказательств этого нет, однако существует, например, письмо первоиерарху зарубежной Церкви митрополиту Анастасию (Грибановскому) от известной церковной писательницы Наталии Китер, где она обвиняет официальный орган РПЦЗ «Православную Русь» в фальсификации ее сочи-

нений⁶⁷. Н. Китер указывает, что в «Православной Руси» она с 1942 г. помещала небольшие очерки о церковной жизни в Советской России и воспоминания об известных ей исповедниках и мучениках последних лет. «Все они, как и я, – пишет Н. Китер, – принадлежали к патриаршей Церкви. Предполагалось начать печатание моей большой рукописи... Не заручившись моим согласием, редакция переделала первый очерк о схиепископе Петре, выводя его к якобы не принадлежащим к Патриаршей Церкви, и, сверх того мне было предложено и впредь этим руководствоваться и всех известных мне исповедников и мучеников “делать катакомбными”, т. к. “правда для церковного дела в Америке крайне вредна” (Письмо от 2/15, VI-47)»⁶⁸.

В свете подобного свидетельства, предположение Д.В. Поспеловского выглядит весьма правдоподобно. Особенно, если принять во внимание, что в воспоминаниях В.П. Виноградова действительно имеет место явный апологетический акцент в отношении РПЦЗ, в частности, указывается, что Патриарх всегда с негодованием отвергал какие-либо репрессивные меры против зарубежных иерархов; вопрос легализации патриаршего Синода увязывается исключительно с отказом Первосвященителя осудить их политические выступления и т. п. Следует заметить, что «Завещание» как раз содержит достаточно резкие заявления в адрес РПЦЗ. Таким образом, воспоминания протопресвитера В.П. Виноградова, по-видимому, являются достоверным источником только в той части, где они не касаются интересов Карловацкого синода.

Противники подлинности документа указывают на утверждение В.П. Виноградова, что послание не было оглашено на совещании епископов в день похорон Патриарха (12 апреля 1925 г.). В то же время критически воспринимается ими версия митрополита Елевферия (Богоявленского), посетившего в 1928 г. Московскую Патриархию, изложенная ему митрополитом Серафимом (Александровым), непосредственным участником событий. Митрополит Елевферий, однако, утверждает, что ни в Москве, ни в Патриархии, ни от частных лиц не слышал даже намека о фальсификации последнего послания Патриарха. Он заявляет, что в частной беседе митрополит Серафим разъяснил ему следующее. В последний день Патриарх передал митрополиту Петру два пакета – один содержал письмо о местоблюстительстве, другой – с неизвестным содержанием. После погребения был вскрыт пакет о местоблюстительстве, а о втором пакете мит-

рополит Петр, утомленный и взволнованный всем происшедшим, забыл и вспомнил только уже через неделю, тогда и вскрыв его с участием митрополитов Тихона (Оболенского) и Серафима (Александрова).

В указанных воспоминаниях протопресвитера В.П. Виноградова (к которым в вопросе о «Завещании» следует относиться осторожно), этот рассказ назван «малоправдоподобной сказкой»⁶⁹. Якобы митрополит Серафим рассчитывал на догадливость собеседника, т. к. явная неправдоподобность рассказа должна была толкнуть последнего на мысль о невозможности рассказать правду, не рискуя жизнью. Выдвигается также предположение, что митрополит Серафим не посвятил до конца в историю появления «Завещания», ни членов сергиевского Синода, ни самого митрополита Сергия (Страгородского). Здесь, однако, в свете вышесказанного, прослеживается все та же тенденция, доказать, что Патриарх не подписывал документ, осуждающий зарубежное духовенство.

Скептически относиться к свидетельству митрополита Елевферия и сторонник подлинности «завещательного послания» протоиерей В. Цыпин, также считая, что владыка Серафим сознательно запутывал дело, стараясь скрыть роль Тучкова в создании и публикации документа. Одновременно исследователь замечает, что, отвлекаясь от вопроса подлинности «Завещания», следует рассматривать его издание как практически единственную возможность улучшить положение Церкви в советском государстве, и Патриарх Тихон не хотел и не мог отстраниться от неблагоприятных трудов в этом отношении⁷⁰.

Обоснованное возражение, которое могло бы поставить под сомнение версию митрополита Елевферия, представляет (не отрицая, впрочем, самого свидетельства) М.Е. Губонин. Он обращает внимание на хронологическое несоответствие между фактом вскрытия второго пакета и публикацией послания. Согласно рассказу митрополита Елевферия, второй пакет был вскрыт через неделю после первого, содержимое которого было оглашено 12 апреля в день погребения Патриарха. Таким образом, до публикации должно было пройти не меньше недели, тогда как подпись митрополитов на сопроводительном письме относится к 14 апреля (опубликовано 15 апреля). Однако при внимательном чтении воспоминаний митрополита Елевферия (Богоявленского) можно обратить внимание на то обстоятельство, что он не указывает прямо на то, что второй пакет был вскрыт через неделю

после первого. После сообщения о факте передаче 7 апреля двух пакетов, митрополит Елевферий сразу пишет, что первый был вскрыт после погребения, и добавляет: «а м[итрополит] Петр, естественно взволнованный всем происшедшим, совсем забыл про другой пакет Патриарха, и вспомнил о нем уже через неделю»⁷¹. Не следует ли понимать это как – *через неделю после дня смерти* (а не погребения) Патриарха? Тогда, учитывая, что Патриарх скончался 7 апреля, хронологическая точность в рассказе владыки Елевферия соблюдается. Вместе с тем, ситуацию запутывает существование записки митрополита Петра М.И. Калинину о вступлении им в управление Церковью, датированной 9-м апреля⁷². Это означает, что митрополит Петр знал о содержании распоряжения Патриарха Тихона о преемственности патриарших прав и обязанностей еще до погребения Первосвятителя.

Так или иначе, по замечанию Р.Рёслера, вопрос о подлинности «Завещания» можно решить, лишь рассматривая весь документ в целом. Он обоснованно указывает, что в нем нет *ни одного момента*, который не присутствовал бы в прежних посланиях Патриарха и вступал бы в конфликт с религиозными или церковными принципами⁷³. По мнению протоиерея В. Цыпина, возможно, в опубликованном тексте «Завещания» и присутствуют самочинные вставки Е.А. Тучкова. Однако отсутствие каких-либо протестов со стороны митрополитов Петра (Полянского), Тихона (Оболенского) и Серафима (Александрова) позволяют предположить, что эти вероятные вставки существенно не повлияли на содержание документа⁷⁴.

Любопытна содержащаяся в материалах следственного дела Патриарха записка неизвестного автора, по-видимому, сотрудника ГПУ, «о содержании “Предсмертного завещания” Патриарха Тихона». Автор этой записки пытается доказать неискренность Первосвятителя по отношению к власти, основываясь на содержании «Завещания». В частности, он пишет:

«На первой странице проводится систематически учение о том, что 1) Советская Власть терпима только как попущение Божие, 2) что, вынуждаясь в отношении гражданском к ее признанию во внутренней церковной жизни верующие должны оставаться непримиримыми, не допуская компромиссов.

Причем все «чада» должны быть ИСКРЕННИ именно в таком отношении к Советской Власти и таких то «искренних» к Советской Власти рекомендуется выбирать в приходские Советы.

...Вся грамота пестрит казуистическими оговорками и порогами...»⁷⁵ и т. п.

В связи с этим документом следует коснуться точки зрения Д.В. Сафонова⁷⁶. Автор в своих публикациях тщательно сравнивает сохранившиеся варианты «Завещания», приходя к выводу, что опубликованный вариант не был подписан Святейшим, а является результатом очень значительной редакционной работы ГПУ над изначально составленным текстом, принадлежащим Патриарху. Далее исследователь утверждает, что этот подлинный несохранившийся текст и отражен в вышеупомянутой записке сотрудника ГПУ. Однако, пытаясь доказать кардинальное отличие опубликованного документа от первоначального текста на основании содержания записки, автор, видимо, ошибочно исходит из того, что анализ сотрудника ГПУ является вполне объективным и абсолютно буквально отражает написанное в послании. В частности, Д.В. Сафонов указывает: «Общий смысл первой части патриаршего послания ...выражен сотрудником ГПУ, характеризовавшим его, следующим образом: “Советская Власть терпима только как попущение Божие”. В опубликованном варианте это положение отсутствует»⁷⁷.

Представляется, однако, что в таком буквальном значении подобная мысль не могла присутствовать ни в одном из вариантов подцензурного послания, написанного, по свидетельству самого исследователя, Патриархом по требованию Е.А. Тучкова. Вполне очевидно, что сотрудник ГПУ из собственных соображений *стремится* представить изложенное в документе подобным образом, и повод для этого ему могут дать, в частности, слова послания, что «судьбы народов от Господа устроятся» и «следует принять все происшедшее как выражение воли Божией». Точно так же предвзято трактовалось атеистическими авторами послание Патриарха октября 1919 г. о невмешательстве в политическую борьбу.

В целом получается, что исследователь, доказывая очень серьезные отличия опубликованного варианта от патриаршего подлинника, этого подлинника как раз и не имеет, а пытается реконструировать его по записке неизвестного автора, отличающейся крайней тенденциозностью и во многих положениях вполне отражающей опубликованную редакцию «Завещания»⁷⁸. И в отношении этого несохранившегося (восстанавливаемого по записке) гипотетического варианта автор рассматривает три основные

сохранившиеся редакции послания. Хотя исследователь и не делает такого вывода, но его анализ показывает, что опубликованный вариант как раз наиболее близок к тому предположительному подлиннику, который он пытается восстановить. Т. е. получается, что опубликован *наименее компромиссный* из сохранившихся вариантов, твердо декларирующий недопустимость уступок в области веры. Не ясно, что помешало карательным органам внести в документ более существенные поправки. В данном вопросе позицию исследователя делает уязвимой и то, что в качестве одного из основных источников в своих выводах он использует воспоминания протопресвитера В.П. Виноградова, которые в этой части, по-видимому, были искажены редакторами.

Следует одновременно заметить, что автор выдвигает также ряд интересных и оправданных соображений, требующих дальнейшего исследования. Однако трудно согласиться с его категоричным выводом о том, что «сторонники подлинности “Завещания” с необходимостью должны признавать, что Патриарх в конце жизни изменил своим принципам и был готов удовлетворять требования властей даже тогда, когда они нанесли бы значительный вред Церкви»⁷⁹.

Заслуживает внимания и следующий момент: затрагивая вопрос о подлинности автографа под опубликованным в газетах «Завещанием», исследователь справедливо указывает, что с подписи Патриарха и слов «Донской монастырь» ранее могло быть сделано клише, а затем факсимильная копия, и именно она, по его мнению, помещена в газетных публикациях «Завещания». Весьма спорным, однако, выглядит утверждение исследователя, что «подпись в газетах под “Завещательным посланием” отличается *ровностью*, хотя подпись Патриарха в последние месяцы жизни была крайне неровной, “дрожащей”»⁸⁰. Заметим, что именно такой – «дрожащей», и выглядит подпись под опубликованным текстом «Завещания»⁸¹. Относительно слов «Донской монастырь» можно даже сказать то, что они написаны крайне неровно, дрожащей рукой, фактически напоминая каракули. Добавим, что автограф Патриарха включает и дату (число, месяц, год), которая (теоретически – это, конечно, возможно) в случае подделки должна была по частям быть привнесена ГПУ с каких-то подходящих документов, написанных рукой Первосвященителя.

Уместно привести точку зрения будущего главы РПЦЗ архиепископа Анастасия (Грибановского). По его мнению, в подлинности «завещательного послания» убеждает «внутренняя его логика... отвечающая направлению мысли и действий патриарха в последние годы... никаких уступок в области веры и канонов, но подчинение не за страх, а за совесть советской власти, как попущенной волей Божией... Все послание проникнуто искренним желанием блага Церкви и потому... оно не могло выйти от большевиков»⁸². Важным моментом в этой оценке представляется то, что она была сделана архипастырем, находящимся в эмиграции, которого трудно заподозрить в ангажированности со стороны советской власти.

Подводя итог, следует заметить, что вставки могли быть сделаны после кончины Патриарха и в *подписанный* им экземпляр «Завещания». Вместе с тем вопрос, подписал ли Патриарх этот документ, остается открытым. Однако автор настоящей монографии склоняется к положительному ответу; ибо, общее содержание «Завещательного послания», даже при наличии возможных корректив со стороны ГПУ, как указывалось, *не добавляет ничего принципиально нового* к уже ранее сделанным Предстоятелем РПЦ уступкам в политической области, при сохранении твердого курса на отсутствие компромиссов в области веры.

Кончина Первосвященника: факты и домыслы

Следует коснуться и еще одной проблемы, которая до настоящего времени также не получила однозначного разрешения – это обстоятельство смерти Патриарха. Несмотря на то, что его кончина, учитывая возраст и болезнь Первосвященника, выглядит вполне естественно, есть ряд моментов, вызывающих определенные сомнения. Попытаемся обобщить, имеющуюся в нашем распоряжении информацию, отделить факты от возможных домыслов и ответить на ряд сопутствующих вопросов, в том числе, выгодно ли было в тот момент большевикам насильственное устранение законно избранного Предстоятеля РПЦ?

Резкое ухудшение самочувствия Патриарха Тихона относится к концу 1924 г. 30 декабря после длительного богослужения в храме на Пятницком кладбище Патриарх в алтаре упал в обморок. Следуя настойчивым советам врачей, он дает согласие на

госпитализацию в частную клинику А.И. Бакунина на Остоженке. Кроме болезни почек, обострившейся после заключения, Патриарха беспокоили, правда, до того времени нечастые, приступы стенокардии. Как сообщают церковные историки-диссиденты А.Э. Левитин и В.М. Шавров, известный кардиолог профессор К.К. Плетнев категорически настаивал, чтобы Патриарх не ехал в больницу, т. к. «не известно, в чьи руки он там попадет»⁸³. Вместе с тем к концу января 1925 г. здоровье Первосвященника стало улучшаться. 1 февраля он отслужил первую литургию в Донском монастыре. В течение февраля–марта, не выписываясь из больницы, Патриарх совершил значительное число богослужений. За несколько дней до кончины он перенес стоматологическую операцию, вызвавшую незначительное воспаление десны, распространившееся на часть глотки до миндалинной железы, по поводу чего был проконсультирован специалистами. В день смерти, 7 апреля, Патриарх имел продолжительную беседу с митрополитом Петром (Полянским), сильно его утомившую, после чего незадолго до полуночи у больного начался сердечный приступ и, несмотря на принятые меры, через 5–7 минут Первосвященник скончался⁸⁴.

Смерть Патриарха Тихона породила множество слухов и сомнений. Далеко не все верили в естественный конец еще нестарого (в больнице ему исполнилось 60 лет) архипастыря, которому уже довелось пережить несколько покушений на свою жизнь. Чтобы понять, не была ли кончина Патриарха результатом очередного покушения, попробуем разобраться, что стояло за каждым из подобных инцидентов: замыслы властей, уголовные элементы или действия фанатиков-одиночек?

12 июля 1919 г. в день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла Патриарх совершал литургию в храме Христа Спасителя. По окончании службы, когда Первосвященник вышел из собора и в сопровождении келейника и клириков храма направлялся к своей пролетке, выбежавшая из толпы женщина ударила его ножом в правый бок. Однако нож запутался в облачении Патриарха и выпал. Кроме того, удар смягчил кожаный пояс на подряснике. Медицинский осмотр засвидетельствовал, что на 2 сантиметра ниже 12-го ребра под правой лопаткой находится косая рана длиной около 2 сантиметров, которая была отнесена к разряду неопасных. Женщину удалось задержать. Она оказалась Пелагеей Кузьминичной Гусевой, из Симбирской гу-

бернии. На вопрос одного из священнослужителей «зачем она ранила Патриарха?», Гусева заявила, что «убила антихриста». В милиции она рассказала следующее: «Года два тому назад я видела сон. Сам Спаситель сказал мне: “Не бойся, Я с тобой”. Долгое время я ходила по святым местам и там много плохого слышала про Синод, а Тихон в то время в Синоде был. Одно время я была арестована за политические дела. Выйдя из тюрьмы, опять пошла по святым местам и видела, как духовенство наживается. Я думала давно убить Тихона, когда он еще митрополитом был <...> хотела зарезать за то, что он идет против народа, как и все духовенство. Путь знают, что, может быть, кроме меня найдется и другая. самого главного зверя я ухватила, а остальные его зверьки, всем им будет крышка. Ножик остался в боку, когда я ударила Тихона. Хотела прорезать весь живот, да силы не хватило...»⁸⁵.

Поскольку сказанное вызывало сомнения в психической вменяемости нападавшей, она была направлена на медицинское освидетельствование, в результате которого врач Н.П. Тяпугин в своем заключении подтвердил, что «Гусева страдает душевной болезнью, характеризующейся систематизированным бредом преследования и бредом величия религиозного характера, выражающемся в том, что она считает себя посланницей Бога, Его «очами и руками»; она должна совершить акт возмездия по заповеди: «Мне отмщение и Аз воздам» <...> По ее словам... она всегда стойко противостояла искушениям, почему и была избрана Богом, Который дал ей великую миссию борьбы со злом и антихристом... Покушение на патриарха Тихона совершено Гусевой под влиянием описанных бредовых идей и галлюцинаций. Во время совершения преступления Гусева находилась в состоянии сумасшествия, в таком же состоянии находится и в настоящее время»⁸⁶.

Этот диагноз полностью подтверждает выступление П.К. Гусевой на суде, который состоялся 22 октября 1919 г., при участии представителя Наркомюста П.А. Красикова: «...Виновной себя не признаю, считая, что уничтожила слугу сатаны... Я видела видение, что у Патриарха Тихона была большая пасть. Господь покажет, что Тихон не истинный Патриарх. Мысль об его убийстве у меня возникла давно. Считаю себя здоровой, хотя и находилась в доме сумасшедших. Я считаю, что Патриарх имеет образ человека, а дух в нем сатанинский. Я не решалась убить Пат-

риарха, но Бог сказал мне, что если я не убью, то он проклянет меня, тогда я подбежала и воткнула в него нож. Я считаю, что духовенство должно быть смиренно и кротко, а оно гордое, как оно есть. Я считаю, что духовенство идет против народа. Тихона я считаю антихристом»⁸⁷. Суд постановил освободить обвиняемую от судебного преследования, как психически невменяемую, а дело прекратить, оставив Гусеву на излечении в психиатрической клинике.

Вышеприведенные сведения не оставляют сомнений в сумасшествии П.К. Гусевой. Ко всему прочему, имеется достоверная информация, что еще в 1914 г. в селе Покровском Тобольской губернии, и также в Петров день, она тем же способом покушалась на жизнь небезызвестного «старца» Г.Е. Распутина⁸⁸. Таким образом, вряд ли можно говорить об организации покушения 12 июля 1919 г. карательными органами. Следует указать и на нелепость появившегося в народе слуха, что поднявшая руку на Первосвященника являлась переодетым мужчиной.

Порой, распространению слухов определенным образом способствовали и сами агенты ГПУ. Так, в июне 1924 г. один из таких сотрудников сообщал в свое ведомство: «Довожу до Вашего сведения, что... патриарх Тихон увезен 8/VI из Донского монастыря ввиду его болезни. Ходят слухи, что он, Тихон, заболел от какой-то рыбы, принесенной ему посетителями. Другие слухи, что женщина, приготовляющая ему пищу, вложила какого-то яду умышленно, и он от этого заболел, и по представлению его в лечебницу скончался. Панихид никаких не было. 13/VI с. г.»⁸⁹. Видимо, какое-то легкое отравление действительно имело место, однако уже 14 июня Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.

Примерно к тому же периоду (после освобождения Святейшего из заключения в июне 1923 г.) относится другой эпизод. Во время одного из богослужений, регулярно совершаемых Первосвященником в московских храмах, высокий мужчина в полумонашеском одеянии выхватил спрятанную под одеждой дубинку и с криком «Тихон, мы убьем тебя!» – ударил ею митрополита Петра (Полянского), приняв его за Патриарха. Однако удар пришелся по плечу, не причинив особого вреда. Нападавший и его сообщник были немедленно обезврежены окружением Святейшего Тихона и переданы милиции⁹⁰. К сожалению, о том, что последовало за этим происшествием, сведений не сохранилось. Вместе с тем, если предположить, что покушение было организовано

ГПУ, удивляет неподготовленность нападавших, толком не знавших в лицо Патриарха, выбор места преступления (вполне возможно было осуществить задуманное, придя на прием в патриаршие покои⁹¹, а не при большом скоплении народа) и, кроме того, ненадежность орудия убийства. Поэтому здесь, как и в случае с Гусевой, речь, скорее всего, идет о не вполне вменяемых одиночках.

Сложнее обстоит дело с трагическими событиями 9 декабря 1924 г., когда в покоях Донского монастыря был убит, около 25 лет служивший Патриарху, Я.А. Полозов. В материалах следственного дела Патриарха Тихона об этом происшествии сохранилась агентурная записка начальника Активного отделения рабочей, крестьянской и красноармейской милиции Попова начальнику VI отделения СО ОГПУ Е.А. Тучкову, курирующему церковные вопросы, и записка самого Тучкова, озаглавленная «Убийство в квартире Тихона». Попов сообщает: «Агентурным путем установлено, что 9/ХІІ-24 г. в 19 ч. 30 мин. в приемную Тихона посредством вскрытия наружных дверей пробралась два объекта, которыми был убит прислужник Тихона двумя выстрелами в голову и в грудь. После поднятия тревоги выстрелами указанные скрылись, по сведениям обывателей, якобы один из них задержан. 10/ХІІ обнаружена пропажа 2-х поповских шуб. После происшествия на место собралась прокуратура, Милиция и представители от ГПУ, всего человек 50–60, в приемной была поставлена охрана от ГПУ, кроме указанного ничего предсудительного не замечено»⁹². Записка Е.А. Тучкова с некоторыми уточнениями, по существу, повторяет указанное сообщение. Согласно ей: «Во вторник, 9 декабря, в 8 час. 15 мин., вечера в квартиру б[ывшего] патриарха Тихона проникли злоумышленники, которые тремя выстрелами из револьвера убили келейника (прислужника) Тихона – Я.А. Полозова. Немедленно по сообщению о случившемся на место происшествия прибыла милиция и следственные власти, которые произвели предварительное дознание и осмотр трупа. Убийцами были похищены две ценные шубы, принадлежащие Тихону. Приняты меры к розыску»⁹³.

Исследователям доступны еще два документа из того же следственного дела, которые в совокупности с записками Попова и Тучкова, позволяют сделать определенные выводы. Во-первых, это агентурное донесение в VII отделение ОГПУ о слухах относительно убийства келейника Патриарха. Агент № 417 сообщает: «...Среди многочисленных версий и слухов о происшедшем

среди духовных лиц Тихоновского толка упорно держится слух, что бандит, совершивший убийство и ограбление был подослан убить патриарха «большевиками» в частности ГПУ. Убийству патриарха помешал келейник, услышавший шум и бросившийся на бандита, который двумя выстрелами покончил с ним и якобы, чтобы замаскировать главную цель прихода простым грабежом, скрываясь захватил две шубы патриарха, очень дорого стоящих. Прибытие на место происшествия Тучкова и назначение охраны на ночь от ГПУ является опять таки маскировкой. Характерно то, что в церковь знамения, где должен был служить патриарх, накануне, т. е. в день ограбления было сообщено по телефону, что патриарх не может прибыть. Слухи эти сильно волнуют верующих Тихоновского толка»⁹⁴. Второй документ – заключение по делу об убийстве Я.А. Полозова, подписанное агентом I группы ОГПУ Ивановым, которое гласит: «По делу убийства прислужника патриарха Тихона, Якова Полозова были получены негласные сведения о том, что один из спорных с похищенных шуб мех, был куплен Захаровым Иванов (так в тексте. – В.Л.) прож[ивающим] по Шаболовке⁹⁵ в доме № 86, для своего сына который уехал на родину, т. е. в дер[евню] Дубасеково, Тимашевской вол[ости] Волоколамского уезда где произведенным обыском действительно был обнаружен и по предъявлении Тихону патриарху, последним опознан за свой мех. Произведенным дальнейшим розыском установить личности убийц не представилось возможным. На основании чего полагаю настоящее дознание направить Нар[одному] Следователю Замрайона, у коего находится в производстве это дело. 15/1-25 г.»⁹⁶.

Что можно из всего этого заключить? Настроения верующих, по-видимому, отражены довольно точно. Неясным остается эпизод с телефонным звонком. Однако если предположить, что события в Донском спланированы ГПУ, то значит, все дальнейшие мероприятия по сбору информации, розыску убийц и составлению документации Е.А. Тучковым являются инсценировкой, с тем чтобы замаскировать реальное положение вещей. Низшее звено сотрудников ОГПУ, и тем более милиция, в суть дела могли не посвящаться. В принципе, такой вариант возможен. Однако он вызывает ряд вопросов. Не слишком ли много сил и средств затрачено на подобную «операцию прикрытия»? Кроме того, если целью было убийство Патриарха, почему бандиты скрылись, выстрелив несколько раз в келейника и оставив в живых находяще-

гося рядом Первосвятителя? Версия о том, что келейник был убит, с тем, чтобы таким образом повлиять на здоровье и душевное состояние Патриарха, поддерживаемая некоторыми исследователями⁹⁷, представляется слишком изощренной. И, наконец, остается без ответа вопрос: заинтересована ли была власть в тот период в физическом устранении выражавшего ей полную лояльность и к тому же формально лишённого власти Предстоятеля РПЦ? Ведь официально тогда признавались лишь обновленческие церковные структуры, неслучайно канонически избранный Патриарх во многих документах именуется «бывшим». Характерно и появление вышеупомянутого постановления Президиума ЦИК СССР от 21 марта 1924 г., в котором указывается: «Принимая во внимание, что гр. Белавин Василий Иванович – бывш[ий] патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контр-революционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди широких масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние, так называемой, православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что вследствие этого гр. Белавин – бывш[ий] патриарх Тихон и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для советской власти – Президиум ЦИКа Союза ССР постановляет: Дело по обвинению... Белавина Василия Ивановича... – производством прекратить»⁹⁸. Таким образом, Патриарх, по-видимому, не воспринимался в тот период большевиками как опасная для них фигура. Но ведь даже и тогда, когда Святейший находился в заключении, и физически устранить его не составляло особого труда (в том числе с помощью юридических рычагов), власть не решилась на такие действия. Оправдано ли для нее это было сейчас – в конце 1924 – начале 1925 гг.? Все эти соображения имеют прямое отношение и к обстоятельствам кончины Патриарха.

С другой стороны, вполне можно допустить и то, что в условиях объединения Церкви вокруг Патриарха на фоне значительных успехов в борьбе с обновленческим расколом фигура Предстоятеля РПЦ по многим причинам могла стать крайне нежелательной для карательных органов. 21 марта 1925 г. Патриарх Тихон был допрошен помощником 6 отделения СО ОГПУ М.Д. Соловьевым. В следственном деле сохранилось подписанное им новое постановление о привлечении Патриарха к судебной ответственности. Первосвятителю инкриминировалось то,

что он «составлял сведения о репрессиях, применяемых Совластью по отношению церковников, пользуясь сведениями из недостаточно верных источников», имея целью «дискредитировать Совласть»⁹⁹. Однако конкретная дата на документе не проставлена, за исключением «марта 1925 г.», по-видимому, требовалась окончательная санкция руководства. Согласно записке начальника VI отделения СО ГПУ Е.А. Тучкова от 17 марта 1925 г. на имя начальника СО ОГПУ Т.Д. Дерibasа в следственной разработке находилось также дело о шпионской организации церковников, по которому ориентировочно должен был проходить и Патриарх Тихон¹⁰⁰. Не исключено, что могло быть принято решение и об устранении Патриарха. Вместе с тем никаких документов, прямо подтверждающих подобные намерения, не сохранилось. Единственное упоминание о возможной смерти Патриарха содержит доклад начальника VI отделения СО ГПУ Е.А. Тучкова «о состоянии группировок» и о проделанной работе с 1 ноября 1924 г. по 1 февраля 1925 г., где последний упоминает, что в связи с серьезной болезнью Патриарха Тихона и возможной его смертью, положение «тихоновщины» может резко измениться к худшему¹⁰¹.

Тем не менее, существуют свидетельства ряда лиц о возможном насильственном характере смерти Патриарха. В частности, по утверждению А.Э. Левитина и В.М. Шаврова, настоятель московского храма Ильи Пророка в Обыденном переулке о. Александр Толгский (умер в 1962 г.) сообщал следующее: «После признаний, сделанных мне во время исповеди одной из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что патриарх Тихон был отравлен»¹⁰². Согласно воспоминаниям А. Полозова, сына убитого 9 декабря 1924 г. келейника Патриарха Я.А. Полозова, а также крестника Первосвятителя: «От людей, которые были близки к Патриарху, стало известно, что, за несколько дней до смерти Святейшему, в связи с зубной болью, была введена (скорее всего, умышленно) двойная доза лекарства, что ускорило его кончину». По сведениям А. Полозова, сестра, которая ввела лекарство, впоследствии покончила жизнь самоубийством¹⁰³. Однако проверить такого рода информацию, к сожалению, не представляется возможным. Талантливая в литературном отношении книга А.Э. Левитина и В.М. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты», содержащая указанное свидетельство, изобилует разного рода неточностями и апокрифами, и полностью доверять изложенному в ней нельзя. Трудно

судить и том, как может повлиять на состояние больного двойная доза обезболивающего лекарства. Однако вряд ли это может привести к смерти, к тому же через такой значительный промежуток времени.

Необходимо отметить, что состояние здоровья Патриарха действительно оставляло желать лучшего. По воспоминаниям доктора А.И. Бакунина¹⁰⁴, в чью больницу поступил Святейший: «Патриарх Тихон поступил в нашу лечебницу 13 января [н. ст.] 1925 года с хроническим воспалением почек и перерождением мышцы сердца (миокардит). Кроме того, еще до поступления в лечебницу, в Донском монастыре у него было несколько приступов грудной жабы. Лечили Патриарха Тихона профессор В.П. Кончаловский и ассистент доктор Покровский (бывавший у Патриарха Тихона ежедневно). На консультациях бывали проф. Шервинский и проф. К.К. Плетнев. Кроме того, ежедневно посещал больного доктор Н.С. Щелкан. До 1-й недели поста в состоянии здоровья больного было отмечено заметное улучшение – отсутствие припадков, здоровый пульс и нормальное самочувствие. В начале первой недели поста Патриарх Тихон выписался на 4–5 дней из лечебницы для совершения служб в московских церквях, после чего вернулся в лечебницу очень утомленным и с ухудшением как со стороны сердца, так и почек. Наступившее временное улучшение продолжалось недолго. Патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням, что не могло не отразиться на состоянии его здоровья...»¹⁰⁵.

Во вторник 7 апреля, как сообщает далее доктор Бакунин, в половине 12-го ночи состоялся последний обход больных, во время которого Патриарх чувствовал себя удовлетворительно. Однако не успел врач, проводивший осмотр подняться в свою квартиру, как «раздался тревожный звонок фельдшерицы, сообщавшей по телефону, что больному нехорошо. Немедленно был вызван доктор Щелкан. Врачи застали Патриарха Тихона в *ясно выраженном припадке грудной жабы*: задыхание, мелкий, падающий под руками пульс, холодный пот. Больной указывал на сердце и жаловался на боль. Были впрыснуты обычные в таких случаях камфора и морфий, но пульс продолжал падать...»¹⁰⁶. В 11 часов 45 минут вечера наступила смерть.

Отрицает насильственный характер кончины Патриарха и супруга А.И. Бакунина, врач Э.Н. Бакунина, во-первых, подтверждая серьезность состояния пациента, поступившего к ним

в клинику, и, во-вторых, сообщая, что смерть Первосвятителя «наполнила Москву самыми смутными и нелепыми слухами. Говорили, что врач, вырывая ему корешки зубов, впрыснул какой-то яд вместо новокаина, путали фамилии лечивших патриарха врачей, распространяли слухи об [их] аресте. Трудно было в этих слухах разобраться, – пишет Бакунина, – и понять, кого именно обвиняют и в чем». Далее Э.Н. Бакунина вспоминает, что «в лечебницу пришел некий Беллавин, будто дальний родственник патриарха. Он был однажды и при патриархе, но тот не захотел его принять, сказав, что это вовсе не родственник, а только его однофамилец. Этот Беллавин явился спросить, почему тело патриарха не подверглось вскрытию. Ему объяснили, что когда причина смерти вполне ясна и понятна, то вскрытия не делают, и что патриарх умер в припадке грудной жабы. – А уверены ли вы, что у него была грудная жаба? Ему ответили, что сомнения быть не могло. Но, кажется, это его не убедило...»¹⁰⁷.

О непредвзятости свидетельства Бакуниных говорит хотя бы то, что им пришлось поплатиться за известную смелость, которую они проявили, взяв на себя заботу о здоровье Первосвятителя. В том же 1925 году, когда супруги подали прошение о возобновлении контракта на аренду помещения, занимаемого лечебницей, им было категорически отказано. Вскоре Бакунины были вынуждены покинуть страну. Следует заметить, что в одной из частных лечебниц, где первоначально должен был лечиться Патриарх, в последний момент оказались его принять, объяснив это боязнью каких-либо нежелательных последствий.

Из секретных документов, связанных с кончиной Патриарха, сохранились: 1) записка начальника СО ОГПУ Т.Д. Дерибаса помощнику Генерального секретаря ЦК РКП(б) Л.З. Мехлису о смерти Патриарха Тихона от 8 апреля 1925 г., в которой указывается время и место смерти, присутствующие лица, а также причина смерти – «приступ грудной жабы»¹⁰⁸; 2) постановление Политбюро ЦК РКП(б) о порядке публикации сообщения о смерти патриарха Тихона от 9 апреля. Опросом членов Политбюро от 08.04 было постановлено не печатать сообщение о смерти в вечерних газетах от 8 апреля, а «в обычном газетном порядке» поместить сообщение в газетах от 09.04, ограничившись информацией: «а) где и в чем присутствии умер, б) от какой болезни, в) кто лечил»¹⁰⁹. 12 апреля 1925 г., при огромном стечении народа, в Донском монастыре состоялось погребение Патриарха Тихона¹¹⁰.

Таким образом, проанализировав всю совокупность известных обстоятельств, можно заключить, что кончина Предстоятеля Русской Православной Церкви, скорее всего, носила естественный характер. Если, конечно, считать «естественными» те нечеловеческие условия, в которых совершалось первосвятительское служение одиннадцатого российского Патриарха: постоянная угроза жизни, аресты и тюремное заключение, гибель близких Святейшему людей. Это, по сути, и было медленным умиранием за свою паству. Что же касается окончательного выяснения обстоятельств ухода из жизни Патриарха Тихона, то, как пишет современник: «Много дум вызывает эта смерть... Ближайшие объективные данные, приблизившие роковой конец, нам неизвестны. “Мертвые не говорят”. Непосредственные причины смерти нашего Святейшего Отца окружены тайной, и эту тайну он унес с собой в могилу...»¹¹¹.

Кончина Предстоятеля РПЦ подводила итог целому периоду существования Церкви в советском государстве, когда усилиями Патриарха Тихона была выработана определенная модель церковно-государственных отношений, способствующая сохранению канонических церковных структур в условиях воинствующего атеизма. Насколько оправданы были уступки Патриарха советской власти? Не привело ли это к поражению Церкви в духовном противостоянии с «безбожными властелинами тьмы века сего»? Как продолжили церковно-политическую линию Первосвятителя его преемники? Об этом будет рассказано в завершающей главе.

Примечания к 4 главе:

- 1 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 17.
- 2 Там же. Речь идет о митрополите Арсении (Стадницком), архиепископе Никандре (Феноменове) и миряnine П.В. Гурьеве, который до ареста был управляющим канцелярией Высшего Церковного Управления и секретарем Патриарха Тихона.
- 3 Там же. Л. 19–20.
- 4 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 379.
- 5 Там же. С. 414.
- 6 Там же. С. 414–417.
- 7 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 24.
- 8 Там же. Оп. 163. Д. 408. Л. 17; Архивы Кремля... Т. 1. С. 290.
- 9 Следственное дело... С. 364–365.

- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 57–57об.
- ¹¹ Там же. Л. 53.
- ¹² Подробнее см., напр.: *Сафонов Д.В.* В последние месяцы жизни Святителю Тихона против него готовился новый судебный процесс (<http://www.pravoslavie.ru/patrtikhon-newprocess.htm>); *его же.* Последний замысел врагов Церкви // «Альфа и Омега», 2004, № 1 (39). С. 185–198.
- ¹³ Сюда относятся, например, исследования Д.В. Сафонова.
- ¹⁴ Речь идет о группе архиереев, сторонников бескомпромиссной линии, вдохновителем которой был епископ Феодор (Поздеевский), пребывавший на покое в Даниловом монастыре. Его позицию разделяли, например, такие архипастыри, как: Пахомий (Кедров), Серафим (Чичагов), Гурий (Степанов), Филипп (Гумилевский), Николай (Добронравов) и некоторые другие епископы.
- ¹⁵ *Серафим* (Александров Дмитрий Александрович) (1867–1937) – митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Архиепископ (1922). Митрополит (1924). В декабре 1925 г. арестовывался, отпущен под подписку о невыезде. С ноября 1926 г. в ссылке. С 1927 г. член Временного Патриаршего Священного Синода. Расстрелян.
- ¹⁶ *Феодор* (Поздеевский Александр Васильевич) (1876–1937) – архиепископ. В 1909 году хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Ректор МДА (1909–1917). С 1917 г. настоятель Московского Данилова монастыря. В 1920–1925 гг. подвергался арестам. Архиепископ (1923). В октябре 1923 г. отказался от назначения управляющим Петроградской епархией. Возглавил «даниловскую оппозицию». С 1925 г. большее время провел в ссылках и заключении. Расстрелян.
- ¹⁷ *Регельсон Л.Л.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁸ Например, Н.А. Кривова и прот. В. Цыпин.
- ¹⁹ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 351. Авторы полагают, что эти воспоминания под заглавием «Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом РПЦ», опубликованные в обновленческом «Вестнике Священного Синода» (1927, № 4), написаны с полным беспристрастием и заслуживают полного доверия.
- ²⁰ *Регельсон Л.Л.* Указ. соч. С. 346.
- ²¹ *Василий Виноградов* (Виноградов Василий Петрович) (1885–1968) – протопресвитер. Родился в семье священника. Окончил Вифанскую духовную семинарию (1905) и Московскую духовную академию (1909). Магистр богословия (1914). Сотрудник журнала «Христианин», с 1914 г. его ответственный редактор. Член епархиального совета г. Москвы (1918–1922). Священник (1922). Занимал ряд ответственных должностей при патриархе Тихоне (с 1922 г. председатель Московского епархиального совета). Арестовывался и находился в заключении (1921–1922, 1930–1935(?)). Служил настоятелем Тихвинской церкви в Сущеве

(Москва), а затем с 1935 по 1942 гг. в церкви с. Федоровское (Калужская область). Протоиерей (1928). Митрофорный протоиерей (1928). Во время Второй мировой войны ректор пастырских курсов Свято-Духовского монастыря в г. Вильно (ныне Вильнюс (Литва)) (1942–1944). Протопресвитер (1944). Настоятель Никольского собора в г. Вена (Австрия) (1944–1951), а с 1951 г. настоятель двух церквей близ г. Мюнхена (Германия). Редактор епархиальных «Церковных ведомостей» (с 1951 г.). Руководитель пастырских курсов в Германии (с 1954 г.). Скончался 24 октября 1968 г. в г. Людвигсвельд (под Мюнхеном), где и был похоронен (по материалам интернет-сайта: <http://zarubezhje.parod.ru>).

²² *Василий Виноградов, протопресвитер.* Указ. соч. С. 11.

²³ Там же. С. 12.

²⁴ Его сан в патриаршей Церкви.

²⁵ *Кривошеева Н.А.* Кто же являлся распространителем ложных слухов? // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. С. 116–118. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 6443. Оп. 1. Д. 262. Л. 162–165.

²⁶ Там же. С. 116. Интересен ответ митрополита Антония. В характерной для последнего эмоциональной манере, он заканчивает свое письмо Евдокиму (Мещерскому) следующим образом: «*Покайтесь: ведь жизнь осталось нам не много; хотя Вы и мой ученик и, увы, постриженник, но и Вам 55 лет скоро исполнится, а при своих слабостях очень долго жить не будете, и на суде Божиим ни евреи (очевидно, имеются в виду большевики. – В.Л.), ни попы-нигилисты за вас не заступятся. Ваши доброзелатель Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий*» (там же. С. 119).

²⁷ *Сафонов Д.В.* Деятельность священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) в 1923 году (<http://www.pravoslavie.ru/sretmon/illarion/1923.htm>) 28.12.2001; *его же.* Указ. дисс. С. 116–122.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 33–34.

²⁹ Там же. Л. 37.

³⁰ Там же. Л. 43.

³¹ *Василий Виноградов, протопресвитер.* Указ. соч. С. 19.

³² Этому постановлению I Вселенского Собора (которое, впрочем, не сохранилось) в настоящее время имеются толкования, отличные от традиционного. Так, по мнению епископа Петра Л' Юилье: «Канонический запрет совершать Пасху «μετα των ιουδαϊων» (с иудеями. – В.Л.) означал, что не следует совершать этот праздник, исходя из иудейского вычисления, но вопреки тому, что стали думать позже, этот запрет однако не распространяется на случайное совпадение дат» (Цит по: *Владислав Цыпин, протоиерей.* Церковное право. – М., 1996. С. 329). Профессор Д. Огицкий считает, что «ошибка Зонары и других толкователей канонов явилась следствием того, что фактически Пасха хрис-

- тианская во времена Зонары была всегда только после Пасхи еврейской. В этом фактическом положении дела канонисты видели подтверждение своих толкований» (там же).
- ³³ Следственное дело... С. 361. Раздел I. Док. № 186.
- ³⁴ *Василий Виноградов, протопресвитер*. Указ. соч. С. 22.
- ³⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 300. Распоряжение Патриарха датируется 26 октября (8 ноября).
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 43.
- ³⁷ *Василий Виноградов, протопресвитер*. Указ. соч. С. 23.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 48.
- ³⁹ Там же. Д. 775. Л. 11.
- ⁴⁰ Акты Святейшего Тихона... С. 332–333.
- ⁴¹ Там же. С. 336.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 12.
- ⁴³ *Левитин-Краснов А.Э., Шауров В.М.* Указ. соч. С. 389; Акты... С. 326; «Известия», 1924, № 155 (2190).
- ⁴⁴ Речь идет о резолюции № 523 от 26.06 (09.07?). Акты... С. 325–326.
- ⁴⁵ Там же. С. 391.
- ⁴⁶ *Кирилл* (Смирнов Константин Илларионович) (1863–1937) – митрополит. В 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. Епископ Тамбовский и Шацкий (1909). Архиепископ (1913). Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. С 1920 г. митрополит Казанский и Свияжский. С августа 1922 г. находился в заключении. В 1923–1930 гг. в ссылке. Согласно распоряжению Патриарха Тихона, первый кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. Находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). С 1934 г. в ссылке. Расстрелян. Канонизирован Русской Православной Церковью.
- ⁴⁷ *Василий Виноградов, протопресвитер*. Указ. соч. С. 25–29.
- ⁴⁸ В.Д. Красницкий заявил буквально следующее: «Сведения о том, что патриарх Тихон вошел в общение со мной и с некоторыми другими членами революционной группы духовенства и мирян “Живая Церковь” совершенно справедливы». И далее, на вопрос о ближайших планах его и Патриарха обновленческий деятель, в частности, заметил: «Вообще мы будем проводить как политическую, так и церковно-каноническую программу группы “Живая Церковь”, установленную нашими двумя всероссийскими съездами» («Известия», 1924, № 117 (2152)).
- ⁴⁹ *Василий Виноградов, протопресвитер*. Указ. соч. С. 29.
- ⁵⁰ *Георгий Митрофанов, протоиерей*. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. С. 295–296.
- ⁵¹ *Василий Виноградов, протопресвитер*. Указ. соч. С. 29.
- ⁵² Следственное дело... Раздел II. Док. № 141. См. также: *Сафонов Д.В.* Указ. дисс. С. 127–132.
- ⁵³ Следственное дело... Док. № 123.

- ⁵⁴ Там же. С. 777.
- ⁵⁵ Д. В. Сафонов справедливо обращает внимание на ошибку в датировке документа А. Э. Левитиным и В. М. Шавровым. Из письма митрополитов следует, что речь идет о 26 июня по новому стилю.
- ⁵⁶ Следственное дело... С. 778. В деле находится также подлинник сопроводительного письма к посланию митрополитов Серафима (Александра) и Петра (Полянского) на имя начальника СО ОГПУ СССР Дерибаса (Следственное дело... Раздел II. Док. № 142) с сообщением, что «СО ГПУ УССР при сем препровождает копию послания митрополита Серафима и архиепископа Петра для сведения». Показательна помета по тексту Е. А. Тучкова: «г. Соловьеву. К делу о епархиальном Управлении при Тихоне. Это воззвание они не имели права разсылать без нашего ведома и разрешения. 5/11. Е. Тучков».
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 47.
- ⁵⁸ Там же. Л. 58.
- ⁵⁹ Там же. Л. 59об.
- ⁶⁰ Следственное дело... Раздел II. Док. № 121, 122, 126.
- ⁶¹ Сафонов Д. В. Указ. дисс. С. 132–134 (со ссылкой: Архив УФСБ по г. Красноярск. Д. П-17429. Л. 23–24об.).
- ⁶² Там же. С. 135–138. См. также: Следственное дело... Раздел I. Док. № 193, 194; Раздел II. Док. № 129.
- ⁶³ Акты... С. 362.
- ⁶⁴ Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 129.
- ⁶⁵ Василий Виноградов, протопресвитер. Указ. соч. С. 37.
- ⁶⁶ «Церковно-исторический вестник», 1998, № 1. С. 42.
- ⁶⁷ Там же. С. 6.
- ⁶⁸ Там же. С. 62.
- ⁶⁹ Василий Виноградов, протопресвитер. Указ. соч. С. 33.
- ⁷⁰ Владислав Цыпин, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 125.
- ⁷¹ Елевферий (Богоявленский), митрополит. Указ. соч. С. 231.
- ⁷² Архивы Кремля... Кн. 2. С. 454.
- ⁷³ Rössler R. Op. cit. S. 247.
- ⁷⁴ Владислав Цыпин, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 24.
- ⁷⁵ Следственное дело... С. 413.
- ⁷⁶ Проблеме «Завещания» посвящены, в частности, три публикации исследователя на Интернет-сайте «Православие.Ру»: Сафонов Д. В. К проблеме подлинности Завещательного послания Патриарха Тихона. 07.03.2003 (<http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtrikhon-zaveschanie1.htm>); *его же*. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр (Полянский) и его отношение к Завещательному посланию Патриарха Тихона. 13.03.2003 (<http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtrikhon-zaveschanie2.htm>); *его же*. Завещательное послание Патриарха Тихона

- и Декларация заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. 24.03.2003 (<http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrickhon-zaveschanie3.htm>). Они сведены в одну статью: К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // «Богословский вестник», 2004, т. 4, № 4. С. 265–311.
- ⁷⁷ Сафонов Д.В. К вопросу о подлинности... С. 268.
- ⁷⁸ Заметим, что публикаторы материалов следственного дела Патриарха датируют указанную записку не ранее 7 апреля, соотнося ее содержание с практически сходной с опубликованным вариантом т. наз. «редакцией РОСТА», таким образом, не усматривая в записке связи с гипотетическим, якобы значительно отличающимся от опубликованного варианта, патриаршим подлинником (Следственное дело... С. 413).
- ⁷⁹ Сафонов Д.В. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр... («Православие.Ру»).
- ⁸⁰ Его же. Указ. дисс. С. 251.
- ⁸¹ См.: «Известия», 1925, 15 апреля; «Правда», 1925, 15 апреля. Ср. у А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова: «...под вечер патриарх дрожащей рукой поставил неровную подпись под воззванием (автограф был впоследствии опубликован в «Правде» и «Известиях»)» (Указ. соч. С. 435).
- ⁸² Цит. по: Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 126.
- ⁸³ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. С. 433.
- ⁸⁴ Там же. С. 436.
- ⁸⁵ «Дело о покушении на Патриарха Тихона». (Отчет о слушании дела П.К. Гусевой в Особой Сессии при Совнарсуде.) И.Ш. Цит. по: Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 223–224.
- ⁸⁶ Там же. С. 224.
- ⁸⁷ Там же. С. 225.
- ⁸⁸ Согласно сообщению в журнале «Искры» за 1914 г., №№ 25, 28: «...Он [Распутин. – В.Л.] шел по улице с детьми. К нему подошла какая-то женщина и вступила с ним в разговор. Вдруг она выхватила из-под платка кинжал и ударила им “старца” в живот. Кинжал застрял на глубине около трех ? вершков. Неизвестную обнаружили и арестовали местные крестьяне. На допросе она назвалась Гусевой, крестьянкой Симбирской губернии...» (Там же. С. 219).
- ⁸⁹ Вострышев М.И. Патриарх Тихон. С. 367.
- ⁹⁰ Там же. С. 288.
- ⁹¹ Доступ к Патриарху был свободным, нужно было лишь сообщить о цели прихода.
- ⁹² Следственное дело... Раздел 1. Док. № 216.
- ⁹³ Там же. Раздел 1. Док. № 217.
- ⁹⁴ Там же. Раздел 1. Док. № 218.
- ⁹⁵ Это совсем недалеко от Донского монастыря.
- ⁹⁶ Следственное дело... Раздел 1. Док. № 220.

- ⁹⁷ См., напр.: Сафонов Д.В. Святитель Тихон и Русская Православная Церковь за границей в 1922–1925 гг. Неизвестные страницы истории. Часть 2 (<http://www.pravoslavie.ru/arhiv/060627104812>).
- ⁹⁸ Следственное дело... Раздел 1. С. 364–365.
- ⁹⁹ Там же. Раздел 1. Док. № 229.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 359. Л. 3–3об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 164.
- ¹⁰¹ Архивы Кремля... Кн. 2. С. 445.
- ¹⁰² Левитин-Краснов А.Э., Шафров В.М. Указ. соч. С. 448.
- ¹⁰³ Полозов А. По благословию крестного // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Выпуск VI. С. 322.
- ¹⁰⁴ Бакунин А.И. (1874–1945), племянник известного анархиста. Потомственный дворянин, депутат Второй Государственной Думы, член Императорского Русского технического общества, член совета Московского Императорского общества воздухоплавания, доктор медицины. Во время Первой мировой войны возглавлял одно из крупнейших медицинских учреждений той поры госпиталь Московского городского Кредитного общества, при Временном правительстве был товарищем министра Общественного призрения. После 1917 г. с супругой содержал частную лечебницу, где делали операции заключенным Бутырской тюрьмы.
- ¹⁰⁵ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 86.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 87–88.
- ¹⁰⁷ Бакунина Э.Н. Указ. соч. С. 106–107.
- ¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 483. Л. 46; Архивы Кремля... Кн. 1. Док. № 25–42.
- ¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 483. Л. 45; Архивы Кремля... Кн. 1. Док. № 25–43.
- ¹¹⁰ По-своему любопытен рапорт агента наружного наблюдения ГПУ о погребении Патриарха. Он, в частности, сообщает руководству: «...К 13 ч. народу собралось около 15 000, в 14 час. толпа возросла до 30 000 в пределах монастыря, также изрядное количество находилось вне монастыря, тысяч 15, большинство публики интеллигенция, домашние хозяйки и старухи. После 14–15 час. народ усиленно притекал, в 17 ч. 30 мин. «Тихона» вынесли из церкви и стали носить вокруг церкви с молитвами. После чего внесли в маленькую церковь, спустя некоторое время публика пошла из монастыря и к 19 ч. осталось в монастыре около 200 человек, которые смотрели, где похоронили «Тихона». За время наблюдения среди публики агитации против власти не замечено...» («Политических разговоров не замечено» / Публ. В. Марковича // «Источник», 1996, № 5. С. 65–66).
- ¹¹¹ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 87.

Глава 5.

ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ПОБЕДА?

Восстановление церковного единства

Как оценить итоги деятельности Первосвятителя в области преодоления раскола и восстановления Церкви как единой структуры? Известно полуапокрифическое высказывание Патриарха о том, что если бы он знал, как мало успехов сделало обновленчество, то остался бы в заключении¹. С одной стороны, подобные слова, безусловно, указывают на причину подписания «покаянного заявления», однако с другой, если понимать их буквально, можно подумать, что Патриарх переоценил опасность раскола, и его уступки властям были во многом напрасными.

Тезис о слабости обновленческого движения в период подготовки суда над Предстоятелем РПЦ вызывает сомнения и нуждается в подробном рассмотрении. Само отстранение Святейшего от управления церковной организацией в мае 1922 г. способствовало фактическому переходу церковной власти к обновленческому ВЦУ. Одновременно в течение года карательными органами были заключены под стражу или сосланы² почти все епископы, отказывающиеся признать законность этого образования. Значительная часть духовенства и епископата по разным причинам признала обновленческий орган церковного управления. Особенно болезненным и дезориентирующим для многих верующих было присоединение к расколу авторитетнейшего иерарха – митрополита Сергия (Страгородского); одновременно с ним (так наз. «Меморандум трех») о признании обновленческого ВЦУ, призвав подчиниться ему свою паству и всю Церковь, объявили архиепископ Костромской Серафим (Мещеряков) и Нижегородский Евдоким (Мещерский) (будущий обновленческий «митрополит»). И хотя поступок митрополита Сергия был вызван, надо думать, тактическими соображениями, тем не менее, пагубность подоб-

ного решения вскоре стала понятна и самому архипастырю, который после освобождения Патриарха принес публичное покаяние. Тем временем, пользуясь отсутствием законных архиереев, ВЦУ издавало указы об увольнении их с кафедр, заменяя последних своими ставленниками; захватывались храмы, изгонялись православные священники. По справедливому заключению ряда исследователей, около года обновленческое движение господствовало в церковной жизни страны³. Как замечает А.И. Кузнецов, обновленческое ВЦУ удивительным образом умело нащупать своих будущих соратников среди духовенства, находя в каждой епархии подходящий человеческий материал. Кто-то был чересчур «прогрессивных» взглядов, кто-то обижен на правящего архиерея, кто-то просто имел сомнительную репутацию. Так или иначе, всегда находилось подходящее лицо, не обремененное моральными принципами⁴.

Вся эта организационная деятельность обновленцев вряд ли бы имела успех без прямой поддержки властных структур. Л.Д. Троцкий в секретной почто-телеграмме членам Политбюро от 14.05.22 обращал внимание последних на чрезвычайную важность того, «что происходит в церкви и вокруг нее». По его мнению, «главная политическая задача состоит в том, чтобы сменовеховское духовенство не оказалось терроризированным старой церковной иерархией». Одной из главных задач Троцкому представлялось: «поднять дух лойяльного духовенства, внушить ему уверенность в том, что в пределах его бесспорных прав государство его в обиду не даст»⁵.

Такого рода колоссальная поддержка обновленческого движения не предохраняла его от внутренних противоречий, и уже к концу 1922 г. оно распалось на несколько групп. Основными были: «Живая Церковь» во главе с протоиереем В.Д. Красницким; «Союз общин древле-апостольской церкви» (протоиерей Вдовин, мирянин А.И. Новиков); «Союз Церковного Возрождения» (митрополит Антонин (Грановский)). По мнению многих обновленцев, важнейшим фактором консолидации движения должен был стать «Поместный Собор», который неоднократно откладывался властями, заинтересованными в максимальном углублении раскола, как в патриаршей, так и в самой обновленческой Церкви. Собор открылся 29 апреля 1923 г. и стал пиком в развитии обновленчества. Ход и решения последнего подробно описаны в историографии⁶. Кратко остановимся лишь на роли Антирелигиозной

комиссии в его подготовке и проведении, ярко свидетельствующей о непосредственной связи обновленческих структур с органами ГПУ-ОГПУ⁷.

Постановлением АРК от 05.12.22 (Протокол № 7) поручалось Н.Н. Попову «изыскать средства для проведения ВЦУ предсоборной работы», одновременно ему же следовало «дать директиву по линии ЦКРКП с разъяснением о том, что органами, проводящими практическую церковную политику на местах, являются Губотделы ГПУ»⁸. На заседании от 19.12 (Протокол № 8) Е.А. Тучкову было поручено подготовить к следующему разу предсоборные тезисы, для рассылки их на места обновленческими группами. Он же в 2-х недельный срок должен был собрать сведения о «реакционных» мирянах членах церковно-приходских Советов «на предмет применения к ним мер обеспечивающих реорганизацию приходских Советов и выборы на Всероссийский Поместный Собор»⁹. Мы видим, что одна из основных задач подготовки обновленческого форума состояла в подборе лояльных делегатов.

Далее наступает пауза, и только 27.02.23 (Протокол № 14) комиссия заслушивает доклад Е.А. Тучкова «О предсоборной работе». В нем Тучков, в частности, предлагает в очередной раз принять решительные меры к неугодным членам приходских советов, якобы противодействующим предсоборной работе. Не совсем понятным выглядит его предложение о том, чтобы «на поместном соборе был полностью проведен декрет об отделении церкви от Государства»¹⁰. Ситуацию, однако, проясняет записка Е.А. Тучкова председателю АРК Е.М. Ярославскому от 1 марта «по поводу установления собором управления церковью»¹¹. В ней он пишет, что согласно указанному постановлению комиссии, собор должен полностью провести декрет об отделении Церкви от государства и тем самым ликвидировать обновленческое Высшее церковное управление и все его местные органы. Е.А. Тучков замечает, что члены ВЦУ идут на это крайне неохотно, но выборов Патриарха еще более не желают. Между тем в связи с отрицательным отношением мирян к обновленцам упразднение ВЦУ будет способствовать усилению «тихоновцев». С другой стороны, по его мнению, данный момент для проведения декрета собором представляется весьма удобным, ибо «попы-заправилы находятся пока в наших руках».

8 марта вопрос рассматривается на Политбюро, где принимается постановление: «а) Признать необходимым дальнейшее

существование ВЦУ. б) Предложить комиссии принять меры к тому, чтобы при принятии собором декрета об отделении церкви от государства в достаточно эластичной форме были сохранены права В.Ц.У.»¹². Однако еще 6 марта (Протокол № 15) комиссия признает необходимым «сохранение ВЦУ и существующих обновленческих групп» и после собора, а по его окончании постановляет немедленно созвать в Москве съезды всех обновленческих группировок и тем самым «углубить раскол между группами, перенося после этого работу в этом направлении на места»¹³. Вполне очевидно, что обновленческое движение, по существу, находилось под полным контролем соответствующих инстанций.

20 марта 1923 г. АРК (Протокол № 16) уже практически определила дату начала собора. В связи с тем, что тогда еще планировалось закончить процесс по делу Патриарха до собора, открытие последнего было намечено не ранее 30 апреля¹⁴. Согласно решению комиссии от 27 марта (Протокол № 17) было принято «фактическим председателем на Соборе наметить КРАСНИЦКОГО». Любопытно, что первоначальный, неисправленный вариант резолюции, выглядел по-другому, – «председателем на Соборе должен быть Красницкий»¹⁵. При всей привлекательности кандидатуры прямо сотрудничающего с ГПУ В.Д. Красницкого, из тактических соображений приходилось учитывать резкое снижение авторитета последнего среди обновленцев. Это подтверждает Протокол № 20 заседания АРК от 4 мая, проходящего уже во время работы собора. По докладу Е.А. Тучкова было принято решение: «Ввиду того, что Красницкий вследствие упадка его авторитета среди большей части соборян может попытаться устроить на соборе скандал, дабы дискредитировать председ[ателя] Собора Блинова, поручить т. Тучкову принять меры к устранению этого явления и вовлечь Красницкого в активную согласованную работу Собора». Тогда же принимается решение допустить депутацию собора «для снятия сана с Тихона», с характерной резолюцией: «проведение этого поручить ГПУ»¹⁶.

В следственном деле сохранился рапорт секретаря Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР С.С. Быкова от 8 мая 1923 г. председателю суда А.В. Галкину о посещении Первосвященителя делегацией I обновленческого собора, состоявшей из 8 человек. По этому документу можно судить о силе давления, которому подвергся Предстоятель РПЦ, отказавшийся признать постановления собора. В частности, члены делегации

неоднократно в категорической форме требовали, чтобы Патриарх, «лишенный» теперь сана и монашества, снял с себя священнические одежды. Первосвяtitель наотрез отказался, о чем делегацией был составлен соответствующий акт¹⁷.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что было бы крайне ошибочно недооценивать опасность обновленческого движения для существования канонических церковных структур. Вызывает значительные сомнения, что лишенное духовной основы обновленчество могло в конечном итоге претендовать на значительные успехи в среде верующих; однако изоляция законного главы Церкви и беспрецедентная *поддержка власти*, заинтересованной в углублении раскола, *обеспечивали* этому движению крайне выгодные условия для реализации своих целей. Поэтому говорить о слабости обновленчества в указанный период не приходится. В связи с этим заявление Патриарха в Верховный Суд представляется во многом оправданным шагом, ибо его освобождение, как мы увидим далее, послужило решающим фактором для начала распада обновленчества. Возвращаясь же к фразе Патриарха о слабости обновленцев, можно предположить, что эти слова, контекст которых нам неизвестен, вполне могли быть следствием того стремительного упадка, с которым столкнулись схизматики в своей деятельности, после того как у законного главы Русской Церкви появилась реальная возможность противостоять расколу.

Какие действия были предприняты Патриархом? Прежде всего, нужно было дать происходящему четкую духовную и каноническую оценку. Уже 28 июня 1922 г. (т. е. на следующий день после освобождения) Первосвяtitель в своем послании, цитируя писателя-священника В. Свенцицкого, определял обновленчество, как «жалкую полуистину, теплопрохладное либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой»¹⁸. Однако наиболее развернуто и резко раскольники критикуются Предстоятелем Русской Церкви в послании от 15 июля 1922 г. Он пишет, что все заявления последних «о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви ВЦУ, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, есть ложь и обман!». Ибо, «перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами Нашей Церкви законных полномочий». Патриарх особо указывает,

что захваченную церковную власть обновленцы употребили «не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола». Наиболее резким выглядит определение Первосвятителя, что всей своей деятельностью схизматики «отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной властью... недействительны и ничтожны!» Одновременно было отмечено, что «все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, ...верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе»¹⁹.

Не совсем верным представляется заключение М.В. Шкаровского, что обновленчество юридически стало расколом лишь после того, как Патриарх в послании от 15 апреля 1924 г. заявил о запрещении в священнослужении и предании церковному суду главных обновленческих деятелей²⁰. Как мы видим, каноническая оценка происходящего была дана Первосвятителем намного раньше. Следует напомнить, что это были подцензурные послания Патриарха, опубликованные в советских газетах. Изменение политической ситуации, определенная либерализация (при жестком идеологическом контроле) внутренней жизни страны, способствовали решительным действиям Предстоятеля РПЦ. В связи с характеристикой внутривнутриполитической обстановки обратим внимание на решение АРК от 22.05.23 (Протокол № 22) по вопросу «о закрытии церковей синагог и проч[их] молитвенных домов»:

«1. В виду массового закрытия церковей имевшихся на этой почве ряда эксцессов просить Политбюро ЦК срочно разослать циркуляр партийным органам о преостановке закрытия церковей.

2. О тех храмах, кои закрыты и не использованы до сего времени предложить через НКЮ Губисполкомам пересмотреть вопрос на предмет обратной передачи церковей верующим, если от последних имеются об этом просьбы.

3. Поручить тов. СМИДОВИЧУ дать от ВЦИК-а указания, чтобы места более внимательно отнеслись к заявлениям верующих по поводу закрытия церковей.

4. Поручить Агитпропу Ц.К. направить в «Правду» статью по поводу осторожного подхода к закрытию церковей, мечетей, синагог и т. д.»²¹

Как уже говорилось, имел место своего рода переходный период, когда один руководитель государства уже фактически лишился власти, а другой только начинал брать ее в свои руки; это, наряду с нэповской либерализацией внутренней политики, сопровождалось ощутимым ослаблением давления на Церковь и во многом объясняет сравнительно «легкое» освобождение Первосвященника, а также и то, что он получил возможность сделать реальные шаги по восстановлению патриаршей власти. С другой стороны, советская власть, отойдя от линии на прямое искоренение религии, делала особый акцент на углубление церковного разделения, на самоослабление и саморазрушение Церкви. В одной из московских газет в те дни появилась карикатура, где был изображен Патриарх, который дрался с другим священником. Рядом, сунув руки в карманы, стоял смеющийся рабочий. Надпись была следующей: «Когда двое дерутся, у третьего руки свободны»²².

В июле 1923 г. повсеместно началось массовое возвращение отпавших клириков и мирян в патриаршую Церковь. В том же номере «Известий» от 13 июля положение охарактеризовано так: «Вражда Тихона и тихоновцев к церковным обновленцам доходит до того, что они считают оскверненными те храмы, в которых служили обновленцы, и потому, будучи приглашенными, для службы в этих храмах, Тихон и его сослуживцы предварительно окропляют их святою водою и только потом уже служат в них. Так это было 6 июля в Сретенском монастыре, который был окроплен епископом Иларионом, и 8 июля в церкви Ваганьковского кладбища, которая была окроплена Тихоном и из которой тотчас же был удален приходским советом служивший там церковный причт состоящий из обновленцев».

В Российском государственном историческом архиве (ф. 831) сохранилась подборка заявлений священнослужителей и верующих, примыкавших к расколу, с просьбой о присоединении их к патриаршей Церкви. Так, в письме Патриарху Тихону от причта Покровской, что в Красном селе, церкви, датированном 4 июля 1923 г., указывается: «Мы нижеподписавшиеся... исполненные глубокой радости об освобождении Вашего Святейшества... долг имеем поведать... о нашей скорби: во время Вашего заключения, мы [неразб.] без всякого Духовного Начальства, под страхом угроз, вынуждены были формально признать образовавшееся Высшее Церковное Управление, выдававшее себя первое время

уполномоченным от Вашего Святейшества. [...] Не считая себя вправе приводить что либо в свое оправдание и признавая за собой глубокую вину за недостаток духовного мужества и проявленное малодушие, приносим Вашему Святейшеству – искреннее раскаяние, просим милостиво простить нас и, покрыв наш грех Отческого любовью, снова принять нас под Свое духовное руководство»²³.

«Выражая живейшую радость по случаю вступления Вашего Святейшества в управление Православною Российскою Церковью, – пишут Патриарху представители церкви Петра и Павла в Лефортово, – Приходской совет просит ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО принять настоятеля нашего храма Николая Скворцова... и других членов причта, а через них и весь приход... в церковное общение с СОБОЮ, свидетельствуя сим, что как священник Николай Скворцов, так и протоиерей Александр Березцовский сего 17/30 июня за церковной службой перед народом церковным раскаялись в своем подчинении распоряжениям так называемого В.Ц.С... и дали обещание ни в каком общении с таковым не состоять, а за Церковную власть почитать Святейшего Патриарха Тихона»²⁴.

«Приход храма, – обращаются 3 июля 1923 г. к Первосвятителю прихожане и члены церковно-приходского совета церкви Пимена Великого в Новых Воротниках, – ...ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОСИТ ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО принять их в общение с ВАМИ [...] Еще раз припадая к милости ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОСИМ... не отвергнуть нас, кающихся и сознающих свои вины»²⁵.

Характерна выдержка из обзора ГПУ о политико-экономическом состоянии СССР за период с 15 сентября до 1 ноября 1923 г.: «Борьба между обновленцами и тихоновцами как в Москве, так и на местах продолжает развиваться. Тихоновцы, пользуясь своим влиянием на массы верующих, ведут открытую борьбу против обновленцев. Наиболее активным из тихоновцев является архиепископ Илларион, который за последнее время начинает проявлять себя и как антисоветский элемент. На местах наблюдается появление назначенцев Тихона, которые ведут ожесточенную борьбу с обновленцами. Обновленческая работа в таких случаях быстро сходит на нет и ее приходится восстанавливать с большими усилиями»²⁶. Таким образом, ближайшим помощником Патриарха в тот период становится архиепископ Иларион (Троиц-

кий). Он развертывает активную организационную деятельность по преодолению раскола: встречается со священнослужителями и мирянами, составляет чин покаяния для впавших в разделение, принимает воссоединяющихся с патриаршей Церковью священнослужителей. В Петроград, колыбель обновленчества, после хиротонии, был направлен епископ Мануил (Лемешевский). Там также начался активный процесс возвращения приходов под юрисдикцию Патриарха. В ноябре 1923 г. к патриаршей Церкви присоединилась Александро-Невская лавра, тогда же обновленческий архиепископ Петроградский Артемий (Ильинский) заявил о своем разрыве с раскольниками. Впоследствии столь активная церковная деятельность стоили свободы и архиепископу Илариону и епископу Мануилу.

Стали воссоединяться с Православной Церковью и иерархи старого (до 1922 г.) поставления, уклонившиеся в обновленчество. Так в 1924 г. принесли покаяние епископы: Серафим (Мещеряков), Севастиан (Вести), Филипп (Ставицкий), Димитрий (Галицкий), Алексей (Орлов), Софроний (Арефьев), Никон (Пурлевский), Серафим (Силичев) и др.²⁷ Под угрозой краха обновленческая церковь была вынуждена взять курс на свертывание реформаторства: значительно сократилось число архиерейских хиротоний женатых священников, меньше стало количество разрешений вдовым клирикам на второй брак, постепенно происходил отказ от нового стиля²⁸.

Вместе с тем власть не была заинтересована в окончательном поражении обновленчества. Антирелигиозная комиссия на заседании от 14 августа 1923 г. (Протокол № 33/а) рассматривала вопрос «о неправильно взятой линии Питерской прессой и некоторыми парторганами против «обновленцев» за Тихона». Было решено поручить В.Р. Менжинскому составить по этому вопросу циркуляр для парторганизаций, разослав его через ЦК по партийной линии²⁹. С другой стороны, обновленческий Священный Синод, для поднятия пошатнувшегося авторитета, в своих документах нередко ссылался на поддержку обновленчества властными органами. Последние, однако, покровительствовали обновленческому движению далеко не так как раньше, и тем более не хотели афишировать любую деятельность в этом направлении. 31 октября АРК (Протокол № 37) заслушала вопрос «О воззваниях священного Синода, указывающих на связь и поддержку его Соввластью». Материал постановили передать тому же зампреду

ГПУ Менжинскому «для расследования и принятия соответствующих мер к недопущению подобных явлений»³⁰.

В июле 1924 г. АРК (Протокол № 53/54 от 02.07), рассматривая вопрос «о церковных группах», принимает решение, свидетельствующее о стремлении властей соблюсти определенный status quo по отношению к обновленцам и «Тихоновцам»: «а) Учитывая могущую быть опасность на почве явной поддержки обновленцев органами власти и ущемления Тихоновцев поручить ОГПУ дать директиву местам о прекращении репрессий применяемых в тактических целях к Тихоновцам... б) Поручить ОГПУ и т. СМИДОВИЧУ дать по своим линиям директивы о том, чтобы распределение храмов происходило с таким расчетом, чтобы староцерковники не оставались без таковых»³¹.

Тем не менее «симпатии» власти, хотя и закамуфлированные, оставались на стороне обновленцев. Согласно решению АРК от 03.09.24 (Протокол № 55), ГПУ поручалось дать директивы на места, чтобы «последние в работе по усилению обновленческого течения действовали наиболее тактично и совершенно конспиративно, дабы у ...Тихоновцев не могло создаваться мнение, что Соввласть покровительствует обновленцам и по их указке преследует Тихоновцев»³².

Материалы АРК содержат также информацию о мертворожденном проекте создания третьего ВЦУ, «параллельно с Тихоновским и Синодским» (Протокол № 41 от 05.12.23). Судя по тому, что на этом же заседании пока еще было отклонено предложение «о введении к Тихону КРАСНИЦКОГО», речь идет о структуре с участием последнего, еще ранее отделившегося от обновленческого Синода. Было принято решение: «Создание 3-го ВЦУ считать целесообразным и поручить т. ТУЧКОВУ – декларацию этого ВЦУ представить на комиссию»³³. Все это, однако, осталось нереализованным, у разделенного обновленчества просто не было внутренних ресурсов для воплощения в жизнь подобного плана. Одновременно можно заметить, что полуполюгальное патриаршее ВЦУ признается комиссией за силу, с которой приходилось считаться.

Реальную ситуацию по состоянию обновленческого раскола легко проследить по обширной информационной сводке VI отделения СО ГПУ на 1 января 1924 г. Несмотря на то, что во многих губерниях обновленчество еще сохраняло значительное влияние, общая тенденция вполне очевидна. Приведем несколько характерных выдержек из этого документа:

«...ТВЕРСКАЯ ГУБ.

Обновленческое движение продолжает уступать Тихоновскому течению, ввиду продолжающегося панического бегства попов обновленцев в Тихоновскую группу. [...]

ЧЕРЕПОВЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Борьба течений Тихоновского и обновленческого выразилась в том, что обновленческое течение в большинстве подавлено. [...]

ПСКОВСКАЯ ГУБ.

...Почти все Псковское духовенство отмежевывается от обновленцев признавая своим духовным вождем патриарха Тихона и создали даже свою организацию. [...]

ПЕТРОГРАДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Среди церковников идет бешенная борьба. Поставленный патриархом Тихоном епископ Мануил открыто громит обновленцев. [...]

АКТЮБИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Ряды обновленческого движения все больше и больше редуют и наоборот реакционное духовенство привлекает в свои ряды верующую массу. [...]

УРАЛЬСКАЯ ГУБ.

Обновленческое духовенство на точке замерзания...»³⁴.

Общий итог деятельности Патриарха по борьбе с расколом и восстановлению церковной организации характеризует доклад начальника VI отделения Секретного отдела ОГПУ и одновременно секретаря АРК Е.А. Тучкова о «состоянии группировок» и о проделанной работе с 1 ноября 1924 г. по 1 февраля 1925 г. Вот как он описывает ситуацию: «В настоящее время тихоновская церковь... приобрела вновь вид идеологического и органического целого. Иерархический аппарат значительно возстановлен: почти в каждой губернии есть один, а иногда и несколько тихоновских епископов... В настоящее время тихоновщина наиболее сильная и многочисленная из оставшихся в СССР антисоветских группировок»³⁵.

По утверждению Е.А. Тучкова: «Амнистированный Тихон стал значительно смелее и наши советы для него стали не обязательны. Обновленческое течение значительно упало духом, имея в лице Тихона весьма сильного и освобожденного от суда противника»³⁶.

Таким образом, документами самих властных органов во многом подтверждается оправданность тактических уступок Первосвященителя в политической области, что наряду с другими фак-

торами, позволило предохранить Церковь от серьезной внутренней опасности и тем самым сберечь ее для будущих поколений. Вряд ли в такой ситуации можно говорить о поражении Церкви, но и победителем она не стала... Однако несмотря на жесточайшие гонения последующих лет Русская Православная Церковь не погибла – и в этом огромная заслуга Патриарха Тихона.

Тенденция к уменьшению влияния обновленцев, несмотря на временную стабилизацию их положения, продолжилась и после смерти Патриарха. По данным М.В. Шкаровского, если «на 1 октября 1925 г. им принадлежало в целом по стране 9093 прихода (около 30% от общего числа), то на 1 января 1926 – 6135 (27,7%), а на 1 января 1927 г. – 3341 (16,6%)»³⁷. Окончательная же ликвидация обновленческого раскола произошла, как известно, в годы Великой Отечественной войны. Тогда же появилась возможность начать полноценное восстановление организационной структуры Церкви.

В связи с этим представляется важным проследить преемственность церковной политики Патриарха Тихона в деятельности его непосредственных последователей митрополита Петра (Полянского) и митрополита (впоследствии Патриарха) Сергия (Старгородского).

К вопросу о преемственности

Для лучшего понимания трансформирующихся внутриполитических условий, в которых приходилось действовать преемникам Патриарха Тихона, обратимся к мемуарам Н. Вольского (Валентинова). Вот как он, сквозь призму своих обязанностей заместителя редактора «Торгово-промышленной газеты» (орган Высшего Совета Народного Хозяйства), описывает изменение ситуации в стране: «В 1924–1926 гг. ... в газету поступало ежемесячно «со стороны» не менее *трехсот* статей, причем беспартийные экономисты, специалисты-инженеры не боялись выступать с предложениями и мыслями, которые не совпадали с тем, что в данное время возглашало начальство ВСНХ». Далее ситуация резко меняется: «В середине 1927 г. бывали дни, когда в газету не приходила уже ни одна статья. *Люди избегают высказываться*. А после разгрома, в конце 1927, троцкистской оппозиции, ссылки многих оппозиционеров, особенно после шахтинского процесса (май–

июнь 1928 г.) не только беспартийных, но и коммунистов охватывает страх: лучше молчать, чем рисковать своим положением... Мысль прячется, рот закрывается...»³⁸. В этом контексте справедлив вывод протоиерея Г. Митрофанова о том, что митрополит Сергей (Страгородский), а именно ему было суждено возглавить управление Церковью в годы сталинских репрессий, – продолжал линию Патриарха Тихона уже в других исторических условиях, которые и вынуждали его на еще большие компромиссы³⁹.

Однако прежде чем подробнее рассмотреть деятельность митрополита Сергея, необходимо кратко остановиться на судьбе патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского)⁴⁰. Согласно воле Святителя Тихона, после его кончины, патриаршие права и обязанности до выбора нового Патриарха временно должны были в приоритетном порядке быть переданы одному из трех следующих иерархов: 1) Митрополит Кирилл (Смирнов); 2) Митрополит Агафангел (Преображенский); 3) Митрополит Петр (Полянский). В силу изоляции властями двух первых кандидатов местоблюстителем Патриаршего Престола становится митрополит Петр. Вся его недолгая деятельность, до ареста в декабре 1925 г., не оставляет сомнений в приверженности церковной политике почившего Патриарха. Основными моментами здесь оставались: налаживание, без уступок в области веры, отношений с гражданскими властями и борьба с обновленческим расколом. Подтверждением последнему стало послание патриаршего Местоблюстителя от 28 июля 1925 г., где обновленчеству дается самая резкая характеристика. Своим стилем и содержанием оно было воспринято верующими как продолжение неизвестных посланий Патриарха Тихона. Митрополит Петр заявлял: «Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви»⁴¹.

Это немедленно вызвало соответствующую реакцию в обновленческой печати, которая была переполнена грубыми выпадами в адрес Местоблюстителя. Особую роль в аресте митрополита Петра, последовавшем 10 декабря, сыграл очередной обновленческий собор (1.10–10.10.25), названный схизматиками «Третьим поместным собором на территории СССР». Там, кроме прочего, А.И. Введенским было озвучено «сенсационное» заявление. Архиерей-обновленец Н. Соловей в письме на имя обновленческого

синода сообщал, что перед своей поездкой за границу он якобы имел свидание с Патриархом Тихоном и митрополитом Петром, во время которого они передали ему письмо монархического содержания. Даже А.Э. Левитин и В.М. Шавров, до известной степени симпатизирующие обновленчеству, характеризуют факты, содержащиеся в послании Соловья, как «досужую выдумку изголовавшегося авантюриста, попавшего в трудное положение»⁴². Тем не менее, эта провокация давала возможность обвинить патриаршего Местоблюстителя в монархических пристрастиях, т. е. – в контрреволюции.

11 ноября АРК (Протокол № 66) рассматривает вопрос «о дальнейшей церковной политике, в связи со смертью Тихона». В частности, было решено: «В целях разоблачения монархических стремлений Петра (местоблюстителя патриаршества), поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами, недавно закончившегося обновленческого собора». Одновременно ОГПУ поручалось «начать против Петра следствие»⁴³.

Можно заключить, что власть выжидала несколько месяцев со дня кончины Патриарха, оценивая, какую линию будет проводить Местоблюститель. В целом, как было указано, его тактика была прямым продолжением церковной политики Святителя Тихона. Вместе с тем, не отказываясь от переговоров об урегулировании положения РПЦ, митрополит Петр старался уклониться от все более настойчивого стремления властей регулировать внутреннюю административную жизнь Церкви. В частности, от него требовали, тем или иным образом устранить неудобных власти епископов, обещая неприкосновенность тех, чье назначение будет одобрено сверху; наиболее тяжелым условием было – поддерживать тесный контакт с карательными органами. Крайнее неудобольствие власти вызывало и то, что митрополит разными путями помогал многим находившимся в заключении и ссылке церковнослужителям. Сохранился проект послания патриаршего Местоблюстителя советскому правительству, в котором он, в духе Патриарха Тихона свидетельствуя о политической лояльности, одновременно призывает власть прекратить административное давление на Церковь и точно выполнять изданные центральными органами узаконения, регулирующие религиозную жизнь населения. Одновременно митрополит Петр ходатайствует о смягчении участи находящихся в заключении духовных лиц. Он, в частнос-

ти, указывает: «Одни из них – и притом некоторые в преклонном возрасте – не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу... Есть лица амнистированные ЦИКом СССР и после этого вот уже два года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все еще не получившие разрешения возвратиться на места служения»⁴⁴.

Таким образом, несмотря на взвешенную политику митрополита Петра, власть уже не удовлетворяло прежнее положение вещей, фигура Местоблюстителя Патриаршего Престола становилась все более нежелательной. Было принято решение руками карательных органов устранить неудобного митрополита и, играя на честолюбии ряда архиереев, инициировать еще один раскол – теперь уже в среде «тихоновцев» (по имени основателя он получил название «григорьевского»). 9 декабря АРК (Протокол № 68) резюмирует: «Принять к сведению сообщение ОГПУ о предполагаемом аресте Петра, ввиду проводимой им явно враждебной Соввласти церковной политики и имеющихся о нем конкретных обвинительных материалов»⁴⁵. Местоблюстителю предстояло долгие годы провести в ссылке и заключении.

Предвидя свой арест, он составляет два документа о преемниках, отдельно на случай кончины, и на случай ареста. Наряду с другими кандидатами в обоих документах упомянут митрополит Сергей (Страгородский). Он и становится *Заместителем* Патриаршего Местоблюстителя⁴⁶. Нужно заметить, что такой способ передачи прав и обязанностей Патриарха, не предусмотрен церковными канонами. Однако в тех, исключительных, условиях существования Русской Церкви, это представляется единственным способом сохранить высшее церковное управление, что и было поддержано большинством епископата.

Благотворность сохранения единоначалия сразу проявилась в том, что митрополит Сергей смог успешно противостоять самочинному церковному управлению под руководством архиепископа Григория (Яцковского), который, с помощью ГПУ посетив арестованного митрополита Петра, ввел последнего в заблуждение в отношении действительной ситуации в Церкви и тем самым вынудил передать власть Местоблюстителю – коллегии, с участием того же архиепископа Григория. Только 22 апреля

1926 г., окончательно разобравшись в ситуации, митрополит Петр аннулировал «григорьевский» Временный высший церковный совет, поддержав деятельность владыки Сергия, наложившего запрещение на раскольников.

Необходимо обратить внимание на то, что в дальнейшем, Местоблюстителю Петру, удаленному от реалий церковной жизни, становилось все труднее получать объективную информацию о происходящем. Несмотря на это, он, хотя и со значительными оговорками, поддерживал митрополита Сергия, отказываясь сложить с себя сан Местоблюстителя, что сразу означало бы прекращение полномочий его Заместителя. В письме к последнему от 26 февраля 1930 г., митрополит Петр, высказывая озабоченность происходящими вокруг митрополита Сергия разделениями, тем не менее, пишет, что эти жалобы могут быть и пристрастны, ибо он «достаточно не знаком с характером и стремлением лиц, пишущих» ему. И одновременно замечает: «Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – *это послужило бы не для блага Церкви*»⁴⁷.

В ноябре 1926 г. был арестован и сам митрополит Сергей, который, по существу, оказался в той же ситуации, что и Патриарх Тихон. Находясь в заключении, ему приходилось определять для себя меру уступок советской власти, имея в виду прежде всего судьбу Церкви. Наиболее тяжелым требованием было согласование кадровой церковной политики с карательными органами. Митрополит Сергей решает принять требования властей в обмен на легализацию церковных управленческих структур. Как замечает М.В. Шкаровский, несмотря на то, что расчет владыки Сергия, что его уступки спасут от репрессий значительную часть священнослужителей, не оправдался, в свете последующих гонений, когда «встал вопрос уже не о подчинении, а о полном уничтожении Православия в стране, компромиссная позиция Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, позволившая хотя бы частично сохранить Церковь, представляется во многом оправданной»⁴⁸.

27 марта 1927 г. митрополит Сергей выходит на свободу, начиная работу по воссозданию легальных административных структур Церкви. С разрешения властей был утвержден Временный Патриарший Священный Синод. Этому предшествовало появление 29 июля так называемой «Декларации», которая в очередной раз должна была засвидетельствовать лояльность советской власти. Указанное послание вызвало глубокие разногласия в среде

епископата, духовенства и верующих, хотя, по существу, не намного отличалось от компромиссных заявлений Патриарха Тихона. А если сравнивать его с «Завещанием» Патриарха, то можно обнаружить прямую преемственность этих документов (правда, по мнению некоторых исследователей, оспаривающих подлинность «Завещания», эта схожесть обусловлена тем, что над их окончательной редакцией работал один и тот же сотрудник ГПУ)⁴⁹. В «Декларации» указывается, что дать Церкви «возможность вполне законного и мирного существования» было одной из забот почившего Патриарха Тихона. Митрополит Сергей сообщает: «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам легальное центральное управление... Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви...».

В очередной раз Заместителем Местоблюстителя подтверждается неслучайность утверждения советской власти (но в рамках того, что во всем происходящем *всегда* «действует... Десница Божия»); заявлено, что «Церковь не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг»; осуждаются политические выступления зарубежного духовенства, от которого требуются письменные обязательства в лояльности в своей общественной деятельности по отношению к Советскому правительству; как важнейшая задача определяется созыв Второго Поместного Собора. И, наконец, присутствует фраза, по мнению автора исследования, совершенно неоправданно, вызвавшая у многих бурный протест: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»⁵⁰. Между тем, как правило, незамеченным критиками митрополита Сергея оставалось самое главное, покрывающее все вынужденные моменты в «Декларации», – утверждение что, *«изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются неизблемы»*⁵¹.

Тем не менее значительная часть духовенства и мирян перешла в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Причины этого во многом носили субъективный характер. Нужно заметить, что личности Патриарха Тихона и митрополита Сергея во многом по-разному воспринимались церковным сознанием. Несмотря на определенный авторитет владыки Сергея (Страго-

родского), он был несоизмерим с авторитетом законно избранного Патриарха. И то, что прощалось Святителю Тихону, со всей пристрастностью ставилось в вину его преемнику. Влияло и то, что митрополит Сергей в свое время уклонялся в обновленческий раскол. Характерно свидетельство протопресвитера Василия (Виноградова) из уже упомянутого письма к владыке Иоанну (Шаховскому):

«Меня глубоко удивляет, – пишет о. Василий, – то, что всю вину за церковную примирительную с большевистской властью политику возлагают на покойного патриарха Сергея и не хотят знать, что ведь это *собственно политика самого Патриарха Тихона* в последний период его правления, именно после освобождения его из тюрьмы.

Бранят патриарха Сергея за то, например, что будто бы он ввел поминовение властей за богослужением. Но ведь это же совершенно неправда. Это поминовение установил именно патриарх Тихон тотчас после освобождения из тюрьмы и установил не единолично, а со своим Временным Синодом... А указы об этом по приходам рассылал именно я как Председатель Московского Епархиального Совета»⁵².

Далее В.П. Виноградов ссылается, как на доказательство преемственности двух Патриархов, – на «покаянное заявление» и «Завещание» Патриарха Тихона. Даже так называемый «отклик соловецких архиереев» от 27.09.1927⁵³, используемый как аргумент противниками церковной политики митрополита Сергея, по существу, не содержит серьезных доказательств каких-либо канонических нарушений со стороны Заместителя Местоблюстителя. Напротив, одобряется сам факт обращения высшей церковной власти с заявлением о лояльности, ибо «подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного к ней отношения правительства». Более того, заявляется об искренней поддержке всей чисто политической части послания. Что мешает авторам принять «Декларацию» в целом?

а) В абзаце 7-м [мысль] о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства. [...]

б) Послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населе-

ния». Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви...

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и Государством возлагает на Церковь...»

Далее выражается несогласие с угрозой исключения из клира Московской патриархии зарубежных священнослужителей, за политическую деятельность, что, по мнению авторов, канонически недопустимо. И, наконец, послание признается «неполным, недоговоренным, а потому недостаточным»⁵⁴.

По первым двум пунктам можно заметить, что подобные оценки можно было бы отнести и к подцензурным посланиям Патриарха Тихона; взгляд на компромиссные места в «Декларации» митрополита Сергия здесь весьма субъективен. Пункт в) – в подобной интерпретации – в документе Заместителя Местоблюстителя вообще отсутствует. Там лишь замечено, что некоторым, могло казаться невозможным порвать с монархией, не порывая с православием. И далее: «Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах и в делах и навлекавшее подозрение Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством»⁵⁵. Мы видим, что в «отклике» этот фрагмент истолкован достаточно тенденциозно. Говоря о недопустимости запрещения в священнослужении по политическим мотивам (т. е. за свободно выражаемые политические взгляды), следует заметить, что такое определение действительно было принято на Поместном Соборе 2 (15) августа 1918 г. Однако по отношению к зарубежному духовенству речь, как представляется, идет все же несколько об ином, об активной политической деятельности, как нельзя более негативно влияющей на положение Церкви в Советском Союзе. Что касается упреков в неполноте и недоговоренности «Декларации», то это видится, как очередное нежелание понять всю сложность положения Заместителя Местоблюстителя.

С другой стороны, невольная субъективность части находящихся в заключении архипастырей могла бы быть вполне объяснима. Вот как описывал митрополиту Елевферию (Богоявленскому) психологическое состояние узников один из вернувшихся из Соловецкого лагеря иерархов: «Когда освободили из темницы

Патриарха Тихона... то мы этому обрадовались и надеялись, что скоро и нас освободят. Нас не освободили, и мы были уже недовольны на Патриарха, будто забывшего про нас. Вступил в местоблюстительство м[итрополит] Петр, мы опять воспрянули духом, – не исходатайствует ли он и нам свободу. Этого не случилось, и мы говорили: «плохой Местоблюститель». Освободили из тюрьмы Заместителя, м[итрополита] Сергия, мы снова ожили надеждою, – не будет ли и нам дана свобода по соглашению его с властями, что нам казалось вполне естественным и должным. И тут наши ожидания оказались напрасными. «Плохой и м[итрополит] Сергий», – говорили мы себе в личном разочаровании»⁵⁶.

Однако по свидетельству того же митрополита Елевферия, бывшие узники-архиереи одновременно сообщали о поддержке на Соловках, почти всеми иерархами (за исключением трех), митрополита Сергия и его Синода, называя как особо горячего сторонника церковной политики митрополита Сергия, архиепископа Илариона. Сам же отклик «соловецких узников», в действительности, как выяснилось, было «написано единолично одним (!) протоиереем и распространялось в России без подписи иерархов»⁵⁷. Это во многом может объяснить небезупречность аргументов, критикующих положения «Декларации», изложенных в «отклике».

Между тем М.Е. Губонин полагает, что свидетельство митрополита Елевферия, которое он воспринимает критически, относится к обращению соловецких архиереев к правительству СССР, тогда как архипастырь, как ясно из контекста (речь идет об оправдании действий митрополита Сергия), имеет в виду именно отклик из Соловецкого лагеря на «Декларацию»⁵⁸. Нужно заметить, что существует тенденция *смешивать* вышеупомянутое обращение «соловецких архиереев» к правительству СССР 1926 г. (ряд исследователей, например М.Е. Губонин, датируют этот документ маем 1927 г.), определяющее позицию РПЦ по вопросу взаимоотношений с советским государством и, не содержащее никаких критических оценок в адрес митрополита Сергия, и указанный отклик на «Декларацию».

Эту ситуацию разъясняет, в частности, Н. Струве. Его комментарий связан с одним из заявлений Зарубежного Синода, члены которого по поводу Декларации митрополита Сергия пишут: «Мы знаем о том, что декларация эта не была принята в свое время на родине большинством иерархов-исповедников... Нахо-

дьясь еще в Соловецком лагере, эти исповедники, обреченные на смерть, обратились к советскому правительству с памятной запиской...»⁵⁹. По мнению Н. Струве, эти слова, которые у неискушенного читателя могут создать впечатление, что большинство находящихся в заключении епископов не приняли Декларацию, за что и заплатились жизнью, – совершенно не соответствуют исторической правде. Ибо известно лишь *одно* обращение соловецких епископов к советскому правительству – в мае 1926 (или 1927. – В.Л.), составленное по инициативе Илариона (Троицкого) совместно с профессором И. Поповым и поддержанное всеми святыми-узниками. Это обращение во многом по духу совпадало с *проектом* Декларации, который в июне 1926 г. был составлен митрополитом Сергием. Все это не было принято властью. Что касается Декларации 1927 г., то, по утверждению автора, «соловецкие епископы, все за исключением одного (епископа Прилуцкого Василия (Зеленцова)), решили не раздирать хитон церковный и не порвали отношений с заместителем местоблюстителя». Исследователь указывает, что никого *нового* обращения соловецкие иерархи не составляли, и одновременно приводит имена ряда архиереев (во главе с архиепископом Иларионом (Троицким), чья позиция поддержки Заместителя Местоблюстителя точно известна⁶⁰). Таким образом, заключение Н. Струве в целом совпадает со свидетельством митрополита Елевферия и представляется во многом обоснованным. Вместе с тем существует и другая точка зрения; так Д.В. Поспеловский утверждает, что отклик на Декларацию поддержали от 17 до 26 епископов, причем последняя цифра составляет большинство на тот момент соловецких архиереев⁶¹.

Монахиня Вероника (Котляревская) свидетельствует о том мучительном разногласии, возникшем в среде верующих людей в указанный период, когда ряд уважаемых пастырей отделился от митрополита Сергия. Однажды ее посетил известный профессор, который пользовался авторитетом и у митрополита Сергия, и у, порвавшего с последним, митрополита Иосифа (Петровых). В коридоре он столкнулся с видным сторонником «иосифлян» протоиереем Василием (Верюжским), возникла острая полемика:

«— *На школьных тетрадях пишутся безбожные лозунги, — кричал один (протоиерей В. Верюжский. — В.Л.).*

— *А что же другое могут они писать? — возражал другой. — И при чем здесь митрополит Сергей?*

— Я запрещаю своим духовным чадам платить налоги.

— Тогда запретите им платить за квартиру, получать продуктовые карточки, ездить в трамвае, есть, пить, дышать»⁶².

Разномыслие относительно церковной жизни тех лет нашло яркое отражение и в историографии. В нашу задачу не входит анализ весьма обширной литературы по этому вопросу, отметим лишь некоторые принципиальные моменты. Так, «антисергианская» точка зрения выражена, например, в исследовании Л. Регельсона. Автор подвергает сомнению сам объем прав патриаршего Местоблюстителя, а тем более его Заместителя. По его мнению, если строго следовать постановлениям Поместного Собора и Патриарха, то после ареста митрополита Петра должен был вступить в действие патриарший указ от 7(20) ноября 1920 г. о децентрализации церковных структур и самоуправлении епархий⁶³. Т. е. исследователь, по существу, предлагает добровольно отказаться от высшего церковного управления, называя аргументы митрополита Сергия «бюрократическими».

Последний же в послании к пастве от 18 (31) декабря 1927 г. поясняет свою позицию следующим образом:

«Господь возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления.

Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии, и даже приходы, которые, блуждая как бы ощупью среди неосведомленности, жили отдельную жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и пагубных заблуждений, какое обширное поле для всякого самочиния»⁶⁴.

Кроме того, нужно иметь в виду, что вакуум церковной власти был бы немедленно заполнен имеющими легальный статус обновленческими и подобными им структурами. Это подтверждает и немедленное появление после ареста митрополита Петра (Полянского) самочинного «григорьевского» «Временного Высшего Церковного Совета», подержанного ГПУ. Однако, по мнению Л. Регельсона, если бы «сергиевского» патриаршего управления и не существовало, И. В. Сталин все равно бы восстановил высшую церковную власть, призвав из церковного «подполья» «внутренне свободное и более нравственно чистое» духовенство.

Помимо сомнений в самой возможности подобной альтернативы, по справедливому замечанию М.В. Шкаровского, – если бы «истинно-православные» и приняли подобное предложение, им пришлось пойти на те же компромиссы, что и митрополит Сергей⁶⁵.

Таким образом, мы подошли к вопросу *негативных последствий* для Церкви уступок Первоиерархов атеистической власти. Можно согласиться с тем, что главным отрицательным моментом здесь является допущение вмешательства государства во внутреннюю жизнь Церкви. Определенная часть иерархии и верующих восприняла это как проявление духовной и политической беспринципности. Не случайно, что уже многие решения Патриарха Тихона встретили возражения со стороны так называемой «даниловской оппозиции» и других «ревнителей веры». В то же время подобная позиция представляется довольно спорной, хотя ее и разделял ряд достойных в нравственном отношении архипастырей. В условиях, когда речь шла фактически о выживании Церкви в государстве воинствующего атеизма, *едва ли* существовал другой, бескомпромиссный путь сохранения организационного единства РПЦ. Следует подчеркнуть, что вероучительная и литургическая сторона церковной жизни остались в неприкосновенности.

Одновременно нельзя не задуматься и над оценкой выдающегося русского философа Н.А. Бердяева, который, размышляя о судьбе Русской Церкви в эпоху гонений и внутренних разделений, заметил: «Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но... есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергей не отдельные частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте... Это есть *огромная личная жертва*. Ее принес патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергей»⁶⁶.

В целом нужно заметить, что тема взаимоотношений митрополита Сергея и власти выходит за рамки данной работы и требует отдельного многопланового исследования. Здесь же, кратко очертив некоторые важные моменты церковной истории указанного периода, можно заключить, что сущность церковной политики Заместителя патриаршего Местоблюстителя, насколько он

мог ее осуществлять в тот наиболее тяжелый для Русской Православной Церкви период, заключалась в продолжении курса на аполитичность и лояльность государственной власти, при отсутствии компромиссов в области веры и, в то же время, усиленной защите интересов Церкви, который был заложен Патриархом Тихоном. Подобная тактика содействовала сохранению, хотя и с величайшим трудом, канонического церковного центра и окончательному преодолению обновленческого раскола, способствуя будущему церковному возрождению.

Примечания к 5 главе:

- ¹ Акты Святейшего Тихона... С. 301.
- ² Административная высылка без суда была введена декретом ВЦИК от 10.08.1922.
- ³ См. напр.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX веке // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. – М., 2000. С. 20.
- ⁴ *Кузнецов А.И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). – М., 2002. С. 245.
- ⁵ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 311–313. Подчеркнуто Троцким. Он, в этом же документе, возмущается: «*Мельчайшая гегуэзская дребедень занимает целые страницы, в то время, как глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее, подготовке этой глубочайшей революции) отводятся задворки газет*». На одной из машинописных копий сохранилась помета В. И. Ленина: «*Верно! 1000 раз верно! Долой дребедень!*» (там же. С. 313).
- ⁶ См., напр., указ. соч. А.И. Кузнецова и А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова.
- ⁷ См. об этом подробнее: *Петров С.Г.* Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 г. // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.). (Материалы конференции). С. 259–283.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 18.
- ⁹ Там же. Л. 20.
- ¹⁰ Там же. Л. 31.
- ¹¹ Архивы Кремля... Кн. 1. С. 364–365.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 323. Л. 13; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 365.
- ¹³ Там же. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 32.
- ¹⁴ Там же. Л. 35.
- ¹⁵ Там же. Л. 37. Председателем собора был избран «митрополит Сибирский» П. Блинов, почетным председателем «митрополит Московский» – Антонин Грановский.

- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 2.
- ¹⁷ Следственное дело... С. 353–355.
- ¹⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 284.
- ¹⁹ Там же. С. 290–291.
- ²⁰ *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. С. 30.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 6.
- ²² *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. – М., 1994. С. 230. Совершенно аналогично отражена ситуация в «Известиях», где в одном из номеров помещен обзор откликов читателей на церковные события: «*Красноармеец 21 полка N-й дивизии А. Сухорук в конце своего письма по поводу полемики в рясофорном лагере образно замечает: «Ай да молодцы. А ну-ка еще... Отгрызите у друг друга хвосты стучайтесь лбами!» А рабочий саратовских ж-д мастерских пишет: «Вот уж мы животики надорвали, читая как попы дубасят друг друга. Пускай и дальше упражняются. Нам нечего им мешать» («Известия», 13 июля 1923 г., № 155 (1892)).*
- ²³ РГИА. Ф. 831. Д. 195. Л. 1–1об.
- ²⁴ Там же. Л. 4. Подчеркнуто в тексте письма.
- ²⁵ Там же. Л. 17. Подчеркнуто в тексте письма.
- ²⁶ «Совершенно Секретно». Лубянка – Сталину... Т. 1. Ч. 2. С. 947.
- ²⁷ *Владислав Цыпин, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. С. 112.
- ²⁸ *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. С. 29.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 27.
- ³⁰ Там же. Л. 36.
- ³¹ Там же. Д. 775. Л. 3.
- ³² Там же. Л. 6.
- ³³ Там же. Д. 565-а. Л. 47.
- ³⁴ Архивы Кремля... Кн. 2. С. 365–394.
- ³⁵ Там же. С. 443–445. Орфография сохранена составителями сборника.
- ³⁶ Следственное дело... С. 50.
- ³⁷ *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. С. 35.
- ³⁸ *Валентинов Н. (Н. Вольский).* Указ. соч. С. 343.
- ³⁹ *Георгий Митрофанов, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. С. 302.
- ⁴⁰ *Петр (Полянский Петр Федорович) (1862–1937)* – митрополит. Член Учебного комитета при Святейшем Синоде, действительный статский советник (с 1916 г.). Член Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1920 г.

хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. В 1921–1923 гг. в ссылке. Архиепископ Крутицкий (1923). Митрополит (1924). Местоблюститель Патриаршего Престола (1925). С декабря 1925 г. в заключении и ссылках. Расстрелян. Канонизирован Русской Православной Церковью.

- ⁴¹ Акты Святейшего Тихона... С. 420.
- ⁴² *Левитин-Краснов А.Э., Шафров В.М.* Указ. соч. С. 516.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 39.
- ⁴⁴ Цит. по: *Владислав Цыпин, протоиерей.* История Русской Церкви. 1917–1997. С. 136.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 43.
- ⁴⁶ *Сергий* (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944) – Патриарх Московский и всея Руси. В 1901 г. хиротонисан во епископа. Архиепископ Финляндский и Выборгский (1905). Член Святейшего Синода (1911). Член Предсоборного Совета и Поместного Собора 1917–1918 гг. Митрополит (1917). Уклонялся в обновленческий раскол (1922). В августе 1923 г. принес покаяние. Митрополит Нижегородский (1924). С 10.12.1925. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Находился в заключении (ноябрь 1926 г. – март 1927 г.). Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский (1934). С 1936 г. Патриарший Местоблюститель. Патриарх Московский и всея Руси (с 19.09.1943).
- ⁴⁷ Акты Святейшего Тихона... С. 691. В заявлении на имя В.Р. Менжинского от 27 марта 1931 г. владыка Петр так обосновывал свое несогласие с требуемым от него отказом от местоблюстительства: *«Моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия. К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений и, конечно, вина ляжет на меня»* (цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 247. Со ссылкой на Государственный архив Псковской области (ГАПО) Ф. 1633. Оп. 1. Д. 19. Л. 32).
- ⁴⁸ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 87.
- ⁴⁹ *Сафонов Д.В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // «Богословский вестник», 2004, т. 4, № 4. С. 295.
- ⁵⁰ Ср. с интерпретацией митр. Антония (Храповицкого): *«Вы... поклонились исконному врагу нашего спасения, когда... заявили, что радости безбожной власти – Ваши радости и что враги ея – Ваши враги»* (Из письма к митр. Сергию от 6 мая 1933 г. Цит. по: Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). – Джорданвиль, 1988. С. 261).
- ⁵¹ Акты Святейшего Тихона... С. 509–513.
- ⁵² «Церковно-исторический вестник», № 1, 1998. С. 41.
- ⁵³ Акты Святейшего Тихона... С. 515–516. Этот документ, относительно авторства которого существуют разные мнения, *не следует путать со*

- знаменитым обращением, находящихся в Соловецком лагере православных епископов к правительству СССР («Соловецкое послание») мая 1926 (или 1927) г. См. напр.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 206–217.
- ⁵⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 232–234.
- ⁵⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 512.
- ⁵⁶ *Елевферий (Богоявленский), митрополит*. Указ. соч. С. 265.
- ⁵⁷ Там же. С. 269. Митрополит Сергей в беседе с представителями «иосифлянской» оппозиции (12.12.1927) заявил дословно: «Это воззвание написал один человек (Зеленцов), а другие меня одобряют». Как указывает М.Е. Губонин, речь идет о епископе Прилуцком Василии (Зеленцове) (Акты Святейшего Тихона... С. 536).
- ⁵⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 780–781.
- ⁵⁹ *Струве Н.* Соловецкие епископы и декларация митрополита Сергея // «Вестник РСХД», № 152, 1988. С. 207. Со ссылкой на: «Русская Мысль», № 3771 от 12.02.1988.
- ⁶⁰ Там же. С. 209.
- ⁶¹ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 150. Вместе с тем, по мнению автора, это был «протест без отклонения или отмежевания от митрополита Сергея» (Там же).
- ⁶² «Церковно-исторический вестник», № 9, 2002. С. 63.
- ⁶³ *Регельсон Л.Л.* Указ. соч. С. 103.
- ⁶⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 548.
- ⁶⁵ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 39.
- ⁶⁶ *Бердяев Н.А.* Вопль Русской Церкви. Цит. по: *Одинцов М.И.* Русские Патриархи XX века. С. 252.

Заключение

В силу особенностей российской истории революционный период Русская Православная Церковь встретила, находясь в тесной связи с государством, бюрократическая опека которого, несмотря на покровительство «господствующей» конфессии, одновременно являлась фактором, сковывающим свободное развитие церковной жизни. Однако освобождение Церкви от контроля государственного аппарата, восстановление ее канонического устройства были оплачены кровавой ценой революционных катаклизмов. Русской Православной Церкви в лице ее главы, Патриарха Тихона, предстояло решать задачу выживания в атеистическом государстве.

Говоря о трансформации позиции Предстоятеля РПЦ по отношению к советской власти, с определенной условностью, можно выделить несколько этапов:

1. От момента интронизации до послания в СНК к годовщине октябрьского переворота (включительно) (декабрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.).

Этот период характеризуется достаточно резкой критикой власти, однако без каких-либо призывов к насильственному сопротивлению. Как показано в исследовании, Предстоятель РПЦ изначально стремился отмежеваться от каких-либо политических симпатий или антипатий, полагая, что выбор государственного устройства – это дело не Церкви, а самого народа. Вместе с тем, будучи ответственным за судьбу своей паствы, Первосвятитель не мог не отреагировать на разгул беззаконий и стихийного насилия, которые имели место непосредственно в послереволюционный период. Оценку происходящему Патриарх дал в ряде своих ранних архипастырских посланий, где, обличая власть, он, тем не менее, стоял на позиции аполитичности Церкви, избегая призывов к каким бы то ни было насильственным действиям в отношении нового государственного строя.

2. От первого домашнего ареста (24.11.1918) до октября 1919 г.

Смягчение позиции. Впервые за послереволюционный период в письме в СНК от 6 декабря 1918 г. Патриарх четко заявляет: «...не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной, а тем более предпринимать действия, направленные к ее низвержению»¹. Эта линия была продолжена, в частности, июльским посланием (21.07.1919) о недопущении мщения и письмом в СНК отвергающим обвинения Церкви в «белогвардейской и антисемитской агитации» и организации еврейских погромов (01.08). Нужно особо подчеркнуть, что впоследствии провозглашенный Предстоятелем РПЦ принцип невмешательства Церкви в политическую борьбу, тем или иным образом декларировался Патриархом уже в 1918 г., т. е. задолго до его послания от 25 сентября (8 октября) 1919 г., где эта позиция была сформулирована наиболее четким образом. Поэтому, рассматривая отношения Патриарха Тихона и советской власти в последующий период, когда ему ради сохранения церковной организации пришлось пойти на уступки политического характера, имеет смысл говорить не об эволюции взглядов Первосвященника, а о вынужденном изменении позиции, *тактическом маневре* по отношению к власти – сама же духовная оценка сущности советской власти, как «пущенной Богом», а также христианское понимание основ взаимоотношений Церкви и государства – оставались неизменными. Важным моментом, показывающим искренность взглядов Патриарха, является, в частности, то, что послание осени 1919 г. о невмешательстве в политическую борьбу было написано на пике успехов Белого движения.

3. От послания о невмешательстве в политическую борьбу (08.10.1919) до открытия следственного дела в отношении Патриарха в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей (май 1922 г.).

С момента появления указанного послания линия Церкви на аполитичность становится уже не личной позицией Патриарха, а руководящим принципом для клириков и мирян. Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, государством изначально был взят курс на искоренение религии и максимальное ослабление Церкви, которая рассматривалась как идеологический и политический противник. Критическим моментом стала развернутая в 1922 г. кампания по изъятию церковных ценностей, в ходе кото-

рой власть попыталась организовать беспрецедентную атаку на Русскую Православную Церковь и ее главу.

4. Период нахождения под следствием в ожидании суда, включающий домашний арест и тюремное заключение (май 1922 г. – июнь 1923 г.).

Под влиянием ряда факторов, рассмотренных в монографии, Патриарх вынужден был пойти на компромисс, признав свою «вину» перед советской властью и подписав так называемое «покаянное заявление», где засвидетельствовал свою лояльность власти. Это позволило ему выйти на свободу и возглавить борьбу с обновленческим расколом. Важным моментом является то, что уступки Первосвятителю лежали в политической сфере, не касаясь основ церковной жизни. В исследовании подробно рассмотрены духовный облик Первосвятителю и мотивы, которые вынудили его на своего рода компромисс с властью, показано, что решения Патриарха не содержали эгоистических соображений, а были продиктованы критерием церковного блага. Другой важный вопрос связан с причинами корректировки государственной церковной политики, что способствовало и относительно «легкому» освобождению Святейшего из заключения. В связи с этим были подвергнуты комплексному анализу все факторы, которые могли влиять на изменение подходов власти к церковному вопросу. Несмотря на существенное влияние ряда внешне- и внутриполитических аспектов, по мнению автора, главным здесь представляется, тесно связанный с болезнью Ленина, фактор борьбы за власть в партии, когда реализация открывшихся для И. В. Сталина политических перспектив требовала смягчения государственной церковной политики.

5. От «покаянного заявления» до кончины Предстоятеля РПЦ (июнь 1923 г. – 07.04.1925 г.).

Продолжение той же компромиссной линии, направленной на сохранение церковной организации, без уступок в области веры. Одновременно последние годы жизни Первосвятителю характеризовались значительными и успешными усилиями по восстановлению канонического строя Церкви. Вместе с тем имела место определенная оппозиция деятельности Патриарха не только со стороны власти, но и со стороны «правых» церковных кругов, которые, не прерывая церковного общения с Первосвятителю, порой, весьма критически оценивали его деятельность, упрекая последнего в чрезмерных уступках, как властям, так и схизмати-

кам. В монографии на ряде примеров (введение нового стиля, переговоры с обновленческими лидерами и др.) показано, что подобные обвинения не соответствуют действительности. Особое место занимает проблема так называемого «Завещания» Патриарха. Некоторые исследователи полагают, что его содержание резко расходится с действительными взглядами Первосвятителя, и поэтому оно не могло быть им подписано. С точки зрения автора, такая позиция не подкреплена достаточной доказательной базой и, кроме того, подобный подход резко преувеличивает компромиссность указанного документа, не содержащего ничего принципиально нового, по сравнению с тем, что уже было высказано Патриархом в более ранних подцензурных посланиях.

В монографии отдельно рассмотрены последствия компромиссной тактики Патриарха, направленной на борьбу с расколом и сохранение Церкви в условиях гонений. В связи с этим опровергается ложное мнение о слабости обновленчества в период, когда Предстоятель РПЦ был отстранен от управления церковной жизнью и находился в ожидании суда. Такой подход, по сути, ставил бы под сомнение оправданность решения Патриарха написать «покаянное заявление». Одновременно прослеживаются конкретные меры Первосвятителя и его ближайших помощников по преодолению раскола и результаты этой деятельности. Не менее важным моментом является вопрос преемственности, заложенных Патриархом принципов отношений с властью, ибо существует тенденция противопоставлять деятельность Святителя Тихона и, принявшего на себя тяжесть управления Церковью в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского). Несмотря на то, что этот вопрос требует отдельного комплексного исследования, тем не менее, на ряде примеров показана несомненная связь в подходах этих двух архипастырей к проблеме существования Церкви в атеистическом государстве, что, в частности, нашло отражение в Декларации митрополита Сергия 1927 г.

Таким образом, позиция Патриарха по отношению к советской власти в течение рассмотренного периода претерпела значительные изменения – от резкой критики власти, хотя и без призывов к насильственному сопротивлению, до выражения полной гражданской и политической лояльности. Вместе с тем, несмотря на очевидные успехи власти в борьбе с религией, избранная Пат-

риархом тактическая линия, как уже было упомянуто, помогла сохранить Церковь как организацию от полного уничтожения и одновременно решить ряд внутрицерковных проблем, что в дальнейшем способствовало легализации и воссозданию церковных структур.

«Но как же примирить путь, избранный Патриархом Тихоном, — размышляет его современник И. П. Демидов, — с путем, который... пройден мученически митрополитом Вениамином и всеми теми, кто полил своею кровью голгофу Православной Церкви?»

Бывают эпохи, размах которых не укладывается в одну форму. Их скопившиеся противоречия так глубоки, борющиеся силы так различны и условия творчества так многообразны, что к конечному итогу — единому и общему — люди приходят с противоположных сторон. Из тьмы веков... встают два светлых образа: Тверской князь Михаил и великий князь Александр Невский. Один — жестоко замученный в Орде, другой полжизни проживший там. И оба святые в церкви и в народной памяти... Патриарх пошел своим путем. *Отбросив все*, он поднял крест Православной церкви и воззвал к вере русского народа. Что встретит его: «осанна» за духовный подвиг или «распни» за политическое безразличие?

Нашего ответа ждет уже не Патриарх, а «единая, святая, соборная и апостольская Церковь», погребенная в веках, но знающая час своего воскресения»².

Примечания к Заключению:

¹ Следственное дело... С. 75.

² Демидов И. П. Думы о православии // Современные записки. XVII. — 1923. С. 387–388.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Приложение 1.

Упомянутые в монографии важнейшие акты Патриарха Тихона (1917–1925)

**Послание Патриарха Тихона о вступлении на Патриарший
Престол Православной Российской Церкви**

18 (31) декабря 1917 г.

Смиренный Тихон, Божиею милостию Патриарх Московский и всея России, преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всему православному народу о Господе радоваться.

Ныне всем возвещаем, что волею Божиею вступили мы на священный престол патриарший. Преподаем чадам Православной Российской Церкви в сии великие праздники Рождества Господа нашего Иисуса Христа и Крещения Его в водах Иорданских патриаршее благословение.

Деянием Священного Собора Российской Православной Церкви в граде Москве, в лето от воплощения Бога Слова тысяча девятьсот семнадцатое, в согласии с божественными правилами церковными, определено было возратить вдовствующей Церкви Российской законного ея Главу, коего, попущением Божиим, она лишена была более двух столетий, и вновь явить представителя ея в Церкви Вселенской. Соборным избранием наименованы были иерархи, коих воля соборная предопределяла к сему уделу, дабы Промысл Божий из них указал избранника. Божественным жребием нам повелено бы-

ло принять на себя великое и страшное служение. Преклоняя покорную выю, да совершится воля Божия, молим и вас попечительную любовь понести с нами сие тяжелое бремя и ею восполнить человеческую немощь нашу. О себе же ведаем, что сила Божия и в немощах совершается, и уповаем, что восстановлением патриаршества явлена новая милость Господня к Церкви Российской.

В годину гнева Божия, в дни многоскорбные и многотрудные, вступили мы на древнее место патриаршее. Испытание изнурительной войной и гибельная смута терзают родину нашу, скорби и от нашествия иноплеменин и междоусобных брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианския начала строительства государственного и общественного, ослабела и самая вера, неистовствует безошадный дух мира сего. Но среди свирепеющей бури слышится верному сердцу слово Господа: «Что тако страшли в есте? Как о не имате веры?» (Мр. 4, 40), и чаем спасения от божественного прещения ветру и морю бушующему «молчи, престани» (4, 39). От небрежения чад своих, от хладности сердец страдает наша святая Церковь, а с нею страдает и наша Российская держава. Но имеем с нами святых печальников и молитвенников за русскую землю. И в народе православном не все преклонили колена пред Ваалом; они неотступно взывают ко Господу о спасении. Ныне потребно сие дерзновение веры, безтрепетное ея исповедание во всяком слове и делании. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенныя во безвремении. Пусть верныя чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вкупе являют служение в духе и силе. Молим Господа сил о ниспослании нам сей ревности к делу Божию, нам же благодати, укрепляющей к неукоризненному служению первосвятительскому, к любви отеческой к чадам церковным.

Благословение Господне да будет со всеми вами, молитвами Богородицы и святых отец наших Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, святителей Московских и чудотворцев, и всех святых в Российской земле от века богогодивших. Аминь.

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России

18 декабря 1917 г.

Москва

«Церковные ведомости», 1918, № 1. С. 1–2
(приводится по: Следственное дело... С. 809–810).

**Послание Патриарха Тихона об анафематствовании творящих
беззакония и гонителей веры и Церкви Православной**

19 января (1 февраля) 1918 г.

Смиренный Тихон, Божию милостию Патриарх Московский
и всея России, возлюбленным о Господе архипастырям,
пастырям и всем верным чадам
Православной Церкви Российской.

«Да избавит нас Господь от
настоящего века лукаваго»
(Гал. 1, 4)

Тяжкое время переживает ныне святая православная церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все свои силы полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостию и безпощадною жестокостию, без всякаго суда и с попранием всякого права и законности – совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: «согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут» (1 Тим. 5, 20). Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианския и хотя по рождению своему принадлежите к церкви православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад православной церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите зло от вас самех» (1 Кор. 5, 13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на святую церковь Христову: благодатные таинства освящающая рождение на свет человека или благословляющая супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез разстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля московского), или ограблению и кощунственным оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства церкви православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в разсадники безнравственности. И имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа. И, наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности – над святою церковию православной.

Где же пределы этим издевательствам над церковию Христовой? Как и чем можно остановить наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей.

Враги церкви захватывают власть над нею и ея достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч» (Рим. 8, 35).

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в нашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад

ваших на защиту попираемых ныне прав церкви православной, немедленно устрояйте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ей».

ТИХОН, патриарх московский и всяя России.

Января 19 дня 1918 года.

ЦА ФСБ. Д.Н.-1780. Т. 29 (1). Л. 34. Листовка.
(Следственное дело... С. 813–814).

Послание Патриарха Тихона по поводу Брестского мира

18 марта 1918 г.

**Смиренный Тихон, Божию Милостию Патриарх Московский
и всяя России, возлюбленным о Господе
архипастырям, пастырям и всем верным чадам
Православной Церкви Российской.**

«Посрамились мудрецы, смутились и запутались в
сеть; вот, они отвергли слово Господне; в чем же
мудрость их. Они говорят: «мир, мир! а мира нет»
(Иеремии 8 гл., 9 и 11 ст.).

Благословен мир между народами, ибо все – братья, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимыя блага. И Святая Церковь непрестанно возносит молитвы о мире всего мира, уповая, что восторжествует на земле правда Христова и соединит враждующих братьев в единое стадо под водительством единого небесного Пастыря. И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждал мира, как некогда народ Божий жаждал воды в палящей зноем пустыне. Но не было у нас Моисея, который бы напоил свой народ чудодейственной водой, и не ко Господу, Своему Благодетелю, воззвал народ о помощи, – явились люди, отрекшиеся от веры, гонители Церкви Божией, и они дали народу мир.

Но тот ли это мир, о котором молится Церковь, котораго жаждет народ?

Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чуждаго по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великаго духовнаго соблазна для их веры, мир, по которому даже искони Православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, – такой мир не даст народу желаннаго отдыха и успокоения, Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а отечеству неисчислимыя потери.

А между тем у нас продолжается все та же распря, губящая наше отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается, и, чтобы ослабить его, грозят даже изгонять из столиц мирных жителей, не знающих, где им преклонить главу. Рабочим угрожает лишение заработка, возвращающиеся из полков воины не находят работы. Умножаются грабежи и убийства, и для борьбы с ними часто прибегают к ужасному самосуду.

Устранит ли объявленный мир эти вопиющия к небу нестроения? Не принесет ли он еще больших скорбей и несчастий? Увы, оправдываются слова пророка: они говорят: мир, мир, а мира нет. Нет мира, и нет радости, спутницы мира.

Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство русское, не может оставаться равнодушною при виде его гибели и разложения.

По воле Пастыреначальника, Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, поставленные на великое и ответственное служение Первосвященника Церкви Российской, по долгу преемника древних собирателей и строителей земли Русской, Священителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, Мы призываемся совестью своею возвысить голос свой в эти ужасные дни и громко объявить пред всем миром, что *Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир*. Этот мир, принужденно подписанный от имени русскаго народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества. Может ли примириться русский народ с своим унижением? Может ли он забыть разлученных от него по крови и вере братьев? И Православная Церковь, которая не могла бы не радоваться и не возносить благо-

дарственного моления ко Господу Богу за прекращение кровопролития, не может теперь иначе, как с глубокой скорбью, взирать на эту видимость мира, который не лучше войны.

К тебе же, обольщенный, несчастный русский народ, сердце мое горит жалостию до смерти. *«Оскудеша очи мои в слезах, смутися сердце мое»* (Плач Иеремии, 2 гл., 11 ст.) при виде твоих тяжких страданий, в предчувствии еще больших скорбей. Не радоваться и торжествовать по поводу мира призываем Мы вас, православные люди, а горько каяться и молиться пред Господом.

Братие, настало время покаяния; наступили святые дни Великаго поста, очиститесь от грехов своих, опомнитесь, перестаньте смотреть друг на друга как на врагов и разделять родную страну на враждующия страны. Все мы братья, и у всех нас одна мать родная русская земля, и все мы чада одного Отца Небеснаго, Которого молим: *«Отче наш, остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»*.

Пред лицом страшнаго, свершающагося над страной нашею суда Божия, соберемся все вокруг Христа и Святой его Церкви. Будем молить Господа, чтобы смягчил Он сердца наши братолюбием и укрепил их мужеством, чтобы Сам Он даровал нам мужей разума и совета, верных велениям Божиим, которые исправили бы содеянное злое дело, возвратили отторгнутых и собрали расточенныя.

Зываю ко всем вам, архипастыри, пастыри, сыны Мои и дочери о Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распрей и раздоров, с призывом к миру, тишине, к труду, любви и единению.

Убеждайте всех усердно молиться Богу, да отвратит Он праведный гнев Свой, грех наших ради на ны движимый, да укрепит наш разслабленный дух и да возставит нас от тяжкаго уныния и крайняго падения. И милосердный Господь сжалятся над грешною русскою землею и помилует ее ради святых угодников Божиих, наипаче же Заступницы усердной рода христианскаго, молитвами коих да снизойдет на вас благословение Божие. Аминь.

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России

5 (18) марта 1918 [г.]
МОСКВА.

ЦФ ФСБ. Д.Н.-1780. Т. 29 (1). Л. 39-39об. Листовка.
(Следственное дело... С. 822-824).

Обращение Патриарха Тихона к СНК в связи с первой годовщиной Октябрьской революции

26 октября 1918 г.

«Все, взявшие меч, мечем погибнут»
(Матф. XXVI, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите вы в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции; но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

По истине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9–10).

Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительным условиям которого даже вы сами не решились обнаружить полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша родина сама завоевана, умалена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставив защиту родины, бежать с полей сражений. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоан. XV, 13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска.

Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порож-

денной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку: мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, разстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые пред вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже пред вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников»; этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомысленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждениям. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Безчеловечная казнь отягчается для православных лишением их последнего предсмертного утешения – напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх безцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много претерпели от жестоких властей?

Но вам мало, что вы обгарили руки русского народа его братскую кровью; прикрываясь различными названиями контрибуций, реквизиций и национализации, вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных; потом, под именем «кулаков», стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, – убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу.

Великое благо – свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы и не дали: – во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы *человечества* подавлены вами *безощадно*. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда населения целых домов выселяются и имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и на разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контр-революции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили свою кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушен; печать, кроме узкобольшевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ея служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины – приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные и просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священники изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что еще скажу? Не достанет мне времени» (Евр. 11, 32), чтобы изобразить все те беды, которые постигли родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном разстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да,

мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка: «Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови, мысли их – мысли нечестивыя, опустошение и гибель на стезях их» (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование, и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти; но чем выше будет подыматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости Наши обличений.

Не Наше дело судить о земной власти; всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась «Божиим слугою» на благо подчиненным и была «страшная не для добрых дел, а для злых» (Рим. 13, 3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лук. 11, 50) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Матф. 26, 52).

Тихон, Патриарх Московский и всея России

13 (26) октября 1918 г.

ЦА ФСБ. Д.Н-1780. Т. 29 (1). С. 10-11об. Типографский текст.
(Следственное дело... С. 838-840).

Послание Патриарха Тихона с предостережением против мщениа

21 июля 1919 г.

Божиею Милостью

Мы, смиренный Тихон. Патриарх Московский и всея России,
Всем верным чадам святой Православной Российской Церкви.

Господь не перестает являть милости свои Православной Русской Церкви. Он дал ей испытать себя и проверить свою преданность

Христу и Его заветам не во дни только внешнего благополучия, а и во дни гонений. День ото дня прилагаются ей новые испытания. День ото дня все ярче сияет ее венец. Многожды беспощадно опускается на ее озаренный смирением лик бич от враждебной Христу руки, и клеветническая уста поносят ее безумными хулами, а она, по-апостольски – в щегу вменяет горечь своих страданий, вводит в сонм небожителей новых мучеников и находит утеху для себя в благословении своего небесного Жениха: Блаженны вы, когда вас будут поносить и гнать и всячески злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь (Мф. 5, 11–12).

Чадца мои! Пусть слабостью кажется иным эта святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, это противопоставление испытаниям и обычной человеческой привязанности к благам земли и удобствам мирской жизни христианских идеалов; пусть «невместимую» и «жестокую» кажется омирщенному понимаю радость, черпающая себе источник в страдании за Христа, – но мы умоляем вас, умоляем всех наших православных чад не отходить от этой единственно-спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестного, ниспосланного нам Богом, на путь восхищения мирской силы или мщениия. Не омрачайте подвига своего христианского – возвращением к такому пониманию защиты благополучия Церкви, которое бы унизило ее и принизило бы вас до уровня действий ее хулителей. Убереги, Господи, нашу православную Русь от такого ужаса.

Трудная, но и какая высокая задача для христианина: сохранить в себе великое счастье незлобия я и любви и тогда, когда ниспровергнут твой враг, и когда угнетенный страдалец призывает[ся] изречь свой суд над недавним своим угнетателем и гонителем. И Промысл Божий уже ставит пред некоторыми из чад Русской Православной Церкви это испытание. Зажигаются страсти. Вспыхивают мятежи. Создаются новые и новые лагеря. Разростается пожар сведения счетов. Враждебные действия переходят в человеконенавистничество. Организованное взаимостребление – в партизанство со всеми его ужасами. Вся Россия – поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужас. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племен, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни, человек ищет виновников своих неудач, и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья с злой для него деятельностью какой-либо партии, и с некоторых перенес

свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе непричастныя причинам, пролившим такое озлобление.

Православная Русь. Да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. Да не обгадится твоя рука в крови, вопиющей к Небу. Не дай врагу Христа диаволу увлечь тебя страстью отмщения и посрамить подвиг твоего исповедничества, посрамить цену твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа. Помни: погромы – это торжество твоих врагов. Помни: погромы – это безчестие для тебя, безчестие для святой Церкви! Для христианина идеал – Христос, не извлекавший меча в Свою защиту, утихомиривший сынов грома, на кресте молившийся за своих врагов. Для христианина путеводный светоч – завет св. Апостола, много претерпевшаго за своего Спасителя и смертью запечатлевшаго преданность Ему: Не мстите за себя, возлюбленные. Но дайте место гневу Божию. Ибо сказано: Мне отмщение, и я воздам говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его. Если жаждет, напой его. Ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие угли (Рим. 12, 19).

Мы не говорим уже о том, что пролитая кровь всегда вызывает к новой крови. И отмщение к новому возмездию.

Строительство на вражде – строительство на вулкане. Взрыв – и снова царство смерти и разрушения. Наша боль – боль за светлость и счастье нашей св. Церкви, наших чад. Наши опасения – опасения, что некоторых из них может прельстить этот новый, уже показывающий зияющую пасть, зверь исходящий из бездны клокочущего страстями сердца человеческого. Одним порывом мщения навсегда запятнаешь себя, христианин, и вся светлая радость нынешняго твоего подвига – страдания за Христа померкнет, ибо где тогда дашь ты место Христу.

Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда, при военных действиях, один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противнаго лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложники берутся в обезпечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им и во свидетельство преданности, и в искупление вины злоумышленников воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно непричастных к этим покушениям, и безумныя эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был оста-

новить подобныя зверства. Мы содрогались, – но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где религию считают опиумом для народа, где христианские идеалы – вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междуусобная брань.

Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет! Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащая раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов, или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром (Рим. 12,21).

Чадца Мои! Все православные русские люди! Все христиане! Когда многие страдания, обиды и огорчения стали бы навевать вам жажду мщения, стали бы проталкивать в Твои, Православная Русь, руки меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, – отбрось далеко, так, чтобы ни в минуты самых тяжких для тебя испытаний и пыток, ни в минуты твоего торжества, никогда-никогда рука твоя не потянулась бы к этому мечу, не умела бы и не хотела бы найти его.

О, тогда воистину подвиг твой за Христа в нынешние лукавые дни перейдет в наследие и научение грядущим поколениям как лучший завет и благословение: что только на камени сем – врачевания зла добром созиждется нерушимая слава и величие нашей святой Православной Церкви в русской земле и неуловимо даже для врагов будет святое имя ея и чистота подвига ея чад и служителей.

Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братие. Аминь (Гал. 6, 16, 18).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Москва.

Июля 8 (21) дня 1919 года.

ЦА ФСБ. Д.Н.-1780. Т. 29 (1). Л. 49-50об. Копия. Рукопись.
(Следственное дело... С. 841-843).

**Письмо Патриарха Тихона в СНК по поводу обвинений
Православной Церкви в антисемитской
и антисоветской агитации**

1 августа 1919 г.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Вынуждаюсь обратить Ваше внимание на непрекращающуюся в лубочных и официальных изданиях травлю против православной Церкви и ее служителей, – травлю принявшую чисто погромный характер. Православной Церкви навязывается нестроение и вины во все ей несвойственные. Из непроверенных сообщений делаются спешные выводы и авторы статей направленных против Православной Церкви и ее служителей изошряются в усилиях причинить ей боль и опорочить ее действия.

В № 166–718 Известий ВЦИК-СРККД-МСРКД помещена статья некоего Карина «Рясофорные погромщики». Основывая свои выпады на неправдоподобном, во всяком случае непроверенном телеграф[ном] сообщении из Киева, гр. Карин поносит православную Церковь и духовенство, называет последнее «авангардом отечественных погромщиков», «натравливающих именем Христа черную сотню и одурманенную несознательную толпу на евреев», «злостными агентами Колчака и Деникина», «разжигающими человеконенавистнические инстинкты своих слушателей», «использующими богослужебные места главным образом для безудержной антиеврейской и антисоветской травли», «позабывшими свои прямые обязанности погромщиками» и т. д. Не довольствуясь этим, гр. Карин берет огульно под подозрение почти всю Московскую Церковь, донося по начальству: «Ни для кого не секрет, что почти по всем церквам Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях, под видом религиозных собраний и т. д.»

Мы с негодованием отмечаем весь этот погромный беззастенчивый поклеп на св. Православную Церковь. Отношение ее к погромам достаточно определилось во дни печальной памяти минувших еврейских погромов. Кто, как не духовенство выступало против погромов и устно и печатно? Кто останавливал стихийную резню еврейского племени? Если гр. Карин не помнит этого, не помнит статей архиепископа Антония Храповицкого, о. Иоанна Кронштадтского, то пусть не спешит с своими обобщениями и стремления к погромной агитации не сваливает с большой головы на здоровую.

Мы с негодованием отмечаем и то утверждение автора, будто «не для кого не секрет, что почти по всем церквам Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях и т. д.» Мы убежденно заявляем: это неправда. И такая «осведомленность» автора поистине изумительна, если сопоставить с ней его дальнейшее признание в неосведомленности: «Не знаем, – пишет он, – состоится или уже состоялось собрание московских пастырей, не знаем, было ли вынесено там какое-нибудь решение, одобряющее или порицающее погромы, не знаем даже мнения по этому поводу патриарха Тихона».

Вот это и удивительно: знать, что происходит почти в всех церквах Москвы, читать в собеседованиях пастырей белогвардейскую и антисемитскую агитацию, и не быть знакомым с действительно известным Московскому православному населению отношению Патриарха Тихона к большому вопросу о погроме и с теми взглядами, какие преподаны им в руководство по этому вопросу всем верным чадам Российской Православной Церкви, и какие изложены в его послании, написанном после покушения на его жизнь. Копию этого послания при сем прилагаем. Не наша вина, что лишение нас средств к опубликованию наших обращений к народу ограничивает распространение их и ту пользу, какую в настоящие трудные часы могли бы принести мятущемуся обществу.

Остается согласится с гр. Кариним только в той части его утверждения, что действительно «Советская власть поставила верующих в условия, которых для них не существует почти ни в одной стране, ни в одном государстве». О, да. Это правда. Самая горькая правда.

Нас зовут отмежеваться от погромов. Мы это всегда делали. Мы не окажемся в числе погромщиков.

Но мы зовем и вас: отмежеваться от погромщиков травящих, на подобие гр. Карина, неповинную часть русского населения. Такие погромщики неизмеримо больше вреда принесут Советской власти и стоящему под угрозой стихийной резни злосчастному еврейскому племени, чем самая «безудержная антисоветская и антиеврейская агитация» «рясофорных погромщиков».

(Подпис[ал]) Патриарх Тихон.

1919 года Авг[уста] 1 дня.

Москва

**Послание Патриарха Тихона о невмешательстве
в политическую борьбу**

8 октября 1919 г.

**БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ
СМИРЕННЫЙ ТИХОН,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ,
возлюбленным о Господе, Архипастырям и
пастырям Церкви Российской.**

«Молю вы, братие, блюдитесь от творящих распри
и раздоры... и уклонитесь от них». Рим. 16, 17.

Многократно с церковной кафедры обращались мы к верующим со словом пастырского назидания о прекращении распри и раздоров, породивших на Руси кровавую междуусобную брань, но и до ныне эта брань не прекращается, и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству Русской земли, взаимная вражда между борющимися сторонами все больше разгорается, все чаще и чаще проявляется в жестоких кровавых расправах не только над теми, кто принимал непосредственное и деятельное участие в этой борьбе, но и над теми, кто только подозревается в таком участии, иногда и без достаточных к тому оснований.

Если ужасы кровавой расправы враждующих между собой лагерей не могут не производить гнетущаго впечатления на сердце каждого христианина, то неизмеримо более тягостное впечатление производят эти ужасы тогда, когда жертвами их делаются нередко невинные люди, непричастные к этой страстной политической борьбе.

Не мимо идут эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой: и много уже Архипастырей и Пастырей и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы. И все это, за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контр-революции, направленной, якобы, к ниспровержению Советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

Говорят, что Церковь готова будто бы благословить иностранное вмешательство в нашу разруху, что она намерена звать «варягов»

прийти на помощь нам наладить наши дела... Обвинение голословное, неосновательное: мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство да и вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а чрез то не «возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Ефес. 4, 24).

Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройством торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужebные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций.

Помытайте же, отцы и братия, и канонические правила, и завет св. Апостола: «блюдите себя от творящих распри и раздоры», уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, «повинуйтесь всякому человеческому начальству» в делах мирских (1 Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, «ибо Богу», по апостольскому же наставлению, «должно повиноваться более чем людям» (Деяния 4, 19; Галат. 1, 10).

Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. «И Бог любви и мира да будет со всеми вами. Аминь» (2 Кор. 13, 11).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Сентября 25 дня

Троицкая Лавра

Октября 8 1919 г.

Воззвание Патриарха Тихона о помощи голодающим

лето 1921 г.

Величайшее бедствие поразило Россию. Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделывших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдели, и селения обратились в кладбище непогребенных мертвецов. Кто еще в силах, бежит из того царства ужаса и смерти без оглядки, повсюду покидая родные очаги и землю. Ужасы неисчислимы. Уже и сейчас страдания голодающих и больных не поддаются описанию, и многие миллионы людей обречены на смерть от голода и мора. Уже и сейчас нет счета жертвам, унесенным бедствием. Но в ближайшие грядущие годы оно станет для всей страны еще более тяжким: оставленная без помощи, недавно еще цветущая и хлебородная земля превратится в бесплодную и безлюдную пустыню, ибо не родит земля непосеянная и без хлеба не живет человек.

К тебе, Православная Русь, первое слово Мое!

Во имя и ради Христа зовет тебя устами Моими Святая Церковь на подвиг братской, самоотверженной любви. Спеши на помощь бедствующим с руками, исполненными даром милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти голодающего брата. Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных Святынь исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святыми Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на Святой подвиг и его совершая, – да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к Святому делу спасения погибающих. Паства, родная моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: возлюби и воскреси в нынешнем подвиге твоим светлые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в годины тягчайших бед собиравших свою беззаветною верою и самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь. Неси и ныне спасение ей, – и отойдет смерть от жертвы своей.

К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода! Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего

человечества. На помощь немедля! На щедрую, широкую, нераздельную помощь!

К Тебе, Господи, воссылает истерзанная земля наша вопль свой: «Пощади и прости». К Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ Твой руки свои и мольбу: «прости и помилуй».

Во имя Христово исходим на делание свое: «Господи, благослови».

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Акты Святейшего Тихона... С. 176–177.

**Воззвание Патриарха Тихона об усилении помощи голодающим
(с разрешением верующим жертвовать церковные ценности,
не имеющие богослужебного употребления)**

6 февраля 1922 г.

Леденящие душу ужасы мы переживаем при чтении известий о положении голодающих: «Голодные не едят уже более суррогатов, их давно уже нет». Падаль для голодного населения стала лакомством, но этого лакомства нельзя уже более достать. По дорогам и оврагам, в снегу находят десятки умерших голодных. Матери бросают своих детей на мороз. Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Убыль населения от 12 до 25%. Из тринадцати миллионов голодающего населения только два миллиона получают продовольственную помощь (Известия ВЦИК Советов, №№ 5 и 22 сего года).

Необходимо всем, кто только может, прийти на помощь страдающему от голода населению.

Получив только на днях утвержденное Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК Положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим, мы вторично обращаемся ко всем, кому близки и дороги заветы Христа, с горячею мольбою об облегчении ужасного состояния голодающих.

Вы, православные христиане, откликнулись своими пожертвованиями на голодающих на первый наш призыв.

Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность

духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерелье и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим.

Призывая на всех благословение Божие, молю православный русский народ, чадо Церкви Христовой, откликнуться на этот наш призыв.

«У кого есть две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лук. 3, 11).

«Будьте милосердны, как и Отец ваш небесный милосерден» (Лук. 6, 36).

6/II-22

Патриарх Тихон.

ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 153. Л. 3. Листовка.
(Следственное дело... С. 849-850).

**Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим
и изъятии церковных ценностей**

28 февраля 1922 г.

Божиею милостью, Смиренный Тихон,

Патриарх Московский и всея России,

всем верным чадам Российской Православной Церкви

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да пребудет с вами

Среди тяжелых бедствий и испытаний, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 г. стали доходить до нас слухи об этом ужасающем бедствии. Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духом чадам нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом во имя христианской любви произвести сбор денег и продовольствия и выслать их за границу (умирающему от голода) населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп

верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре Правительство предложило Нам делать, при посредстве органов церковного управления: Св. Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального, Благочиннического и Церковно-приходского Совета – пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, – о чем и оповестили Православное население 6 (19) февраля с. г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды, и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства, и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных чад наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвований церковных предметов, неосвященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею, как святотатство, мирян – отлучением от Нее, священнослужителей – извержением из сана (73-е правило Апостольское, 10-е правило Двукратного Вселенского Собора).

Смирренный Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Указ Св. Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета об упразднении Карловацкого Всеаграничного ВЦУ и подтверждении канонических прав митрополита Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе

5 мая 1922 г.

Управляющему русскими православными церквями за границей,
Преосвященному митрополиту Евлогию.

По благословию Святейшего Патриарха, Священный Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии слушали:

Предложение Святейшего Патриарха от 28 марта (10 апреля) с. г. следующего содержания: Прилагаю при сем №№ «Нового времени» от 3 (16) и 4 (17) декабря 1921 г. и 1 (14) марта 1922 г. В них напечатаны послания Карловицкого Собора и обращение к Мировой конференции. Акты эти носят характер политический, и, как таковые, они противоречат моему посланию от 25 сентября (8 октября) 1919 г., поему:

1. Я признаю Карловицкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви.

2. Ввиду того, что заграничное русское церковное управление увлекается в область политических выступлений, а, с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению Вашего Преосвященства, Высшее Церковное Управление за границей упразднить.

3. Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления.

По обсуждении изложенного предложения Святейшего Патриарха постановлено:

1. Признать послание Всеаграничного Церковного Собора чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим, о восстановлении в России монархии с царем из дома Романовых, напечатанное в «Новом времени» от 3 (16) декабря 1921 г. № 184 и послание Мировой конференции от имени Русского Всеаграничного Церковного Собора, напечатанное в том же: «Новом времени» от 1 (14) марта с. г. № 254 за подписью Председателя Российского Заграничного Синода и Высшего Русского Церковного Управления за границей

митрополита Киевского Антония, – актами, не выражающими официального голоса Русской Православной и, ввиду их чисто политического характера, не имеющими церковно-канонического значения.

2. Ввиду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных политических, от имени Церкви, выступлений и, принимая во внимание, что за назначением тем же Управлением Вашего Преосвященства заведующим русскими православными церквами за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за Вашим Преосвященством и поручить Вам представить соображение о порядке управления названными церквами и

3. Для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические, от имени Церкви, выступления озаботиться получением необходимых для сего материалов, и самое суждение, ввиду принадлежности некоторых из указанных лиц к епископату, иметь по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода, при полном, указанном в Соборных Правилах числе его членов, о чем для зависящих по предмету данного постановления распоряжений уведомить Ваше Преосвященство.

Апреля 22 (Мая 5 дня) 1922 г. Член Священного Синода
№ 347. архиепископ Фаддей Астраханский
Делопроизводитель Н. Нумеров.

Акты Святейшего Тихона... С. 193–194.

Заявление Патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР

16 июня 1923 г.

В Верховный Суд Р.С.Ф.С.Р.

От содержащегося под стражей
Патриарха Тихона
(Василия Иванов[ича] Беллавина)

Заявление.

Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный Суд Р.С.Ф.С.Р. я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее.

Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году Власти и наконец воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного Суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям уголовного кодекса за антисоветскую деятельность я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т. е. освободить меня из под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции.

Патриарх Тихон (Василий Беллавин).

ЦА ФСБ. Д.Н.-1780. Т. 3. Л. 63-63об. Подлинник.
(Следственное дело... С. 357).

Послание Патриарха Тихона (первое по освобождению из заключения)

28 июня 1923 г.

Более года прошло, как вы, отцы, братья, не слышали слова Моего... Тяжелое время переживали мы, и особенно тяжесть эта сильно сказывалась на Мне в последние месяцы. Вы знаете, что бывший у нас Собор месяц тому назад постановил лишить Меня не только сана Патриарха, но даже монашества как, «отступника от подлинных заветов Христа и предателя Церкви». Когда депутация Собора 8 мая [н. ст.] объявила мне такое решение, я выразил протест, так как признал приговор неправильным и по форме, и по существу. По апостольскому правилу 74-му епископ зовется на суд епископами, если он не послушает, зовется вторично через посылаемых к нему двух епископов, если опять не послушает, зовется в третий раз через двух, и, когда не явится, Собор произносит о нем решение, и он да не мнится выходу имети, бегая от суда. А Меня не только не звали на

суд, а даже не извещали о предстоящем суде, без чего формально и приговор не имеет силы и значения. Что касается существа дела, то Мне ставят в вину, будто «я всю силу своего морального и церковного авторитета направлял на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни». Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника Советской власти, какими объявляют себя церковные обновленцы, возглавляемые нынешним Высшим Церковным Советом, но зато Я и далеко не такой враг ее, каким они Меня выставляют. Если Я в первые годы существования Советской власти допускал иногда резкие выпады против нее, то делал это вследствие своего воспитания и господствовавшей на бывшем тогда Соборе ориентации. Но со временем многое у нас стало изменяться и выясняться, и теперь, например, приходится просить Советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гродненщине, где поляки закрывают православные церкви. Я, впрочем, еще в начале 1919 года старался отмежевать Церковь от царизма и интервенций, а в сентябре того же 1919 года выпустил к архипастырям и пастырям воззвание о невмешательстве Церкви в политику и о повиновении распоряжениям Советской власти, буде они не противны вере и благочестию. Посему, когда Нами узналось, что на Карловицком Соборе в январе 1921 года большинство вынесло решение о восстановлении династии Романовых, Мы склонились к меньшинству о неуместности такого решения. А когда в марте 1922 года стало Нам известно обращение президиума Высшего Церковного Управления за границей о недопущении русских делегатов на Генуэзскую конференцию, Мы упразднили самое это управление, учрежденное с благословения Константинопольского Патриарха. Отсюда видно, что Я не такой враг Советской власти и не такой контрреволюционер, как Меня представляет Собор.

Все это, конечно, Мною было бы раскрыто на Соборе, если бы Меня туда позвали и спросили, как и следовало, чего, однако, не сделали. Вообще о Соборе не могу сказать похвального и утешительного. Во-первых, состав епископов его кажется Мне странным. Из 60 прибывших архиереев мне ведомы человек 10–15. А где же прежние...

В 16-м правиле Двукратного Константинопольского Собора говорится: «По причине случающихся в Церкви Божией распрей и смятений необходимо и сие определить: отнюдь да не поставляется епископ в той Церкви, которой предстоятель жив еще и пребывает в своем достоинстве, разве сам добровольно отречется от епископства. То надлежит прежде привести к концу законное исследование вины,

за которую он имеет удален быть, и тогда уже, по его низложению, возвести на епископство другого, вместо него». А у нас просто устранили и назначали других, часто вместо выборных.

Во-вторых, как на бывшем Соборе, так и в пленум Высшего Церковного Совета входят только «обновленцы», да и в Епархиальном Управлении не может быть член, не принадлежащий ни к какой из обновленческих групп (п. 7). Это уже «насилие» церковное...

Кто и что такое церковные «обновленцы»? Вот что говорил о них еще в 1906 году мыслитель-писатель, ставший впоследствии священником, Валентин Свенцицкий: «Современное церковное движение можно назвать либеральным христианством, а либеральное христианство только полуистина. Душа, разгороженная на две камеры – религиозную и житейскую, – не может целиком отдаться ни служению Богу, ни служению миру. В результате получается жалкая полуистина, тепло-прохладное, либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой. Представители этого христианства лишены религиозного энтузиазма, среди них нет мучеников, обличителей, пророков. И союз церковно-обновленных – это не первый луч грядущей апокалипсической жены, облеченной в солнце, а один из многих профессиональных союзов, и я убежден, – говорит Свенцицкий, – что настоящее религиозное движение будет не это и скажется оно совсем не так...» (Вопросы религии. 1906. Вып. 1. С. 5–8).

И с этим нельзя не согласиться, если обратить внимание на то, что занимает наших обновленцев, что интересует их, к чему они стремятся. Прежде всего – выгоды, чины, награды. Не согласных с ними стараются устранить, создают себе должности и титулы, называют себя небывалыми митрополитами всея России, архипресвитерами всея России, из викарных поспевают в архиепископы... И пусть бы дело ограничивалось названиями. Нет, оно идет дальше и серьезнее. Вводится женатый епископат, второбрачие духовенства, вопреки постановлениям Трульского собора, на что наш Поместный Собор не имеет права без сношения с Восточными Патриархами, причем возражающие против лишаются слова. Будем уповать, что у нас, как говорится в послании восточных патриархов, «хранитель благочестия есть тело церковное, т. е. народ», который не признает таких постановлений бывшего Собора.

Из постановлений его можно одобрить и благословить введение нового стиля календарного и в практику церковную. Об этом Мы еще вопрошали Константинопольского Патриарха в 1919 году, а Нас просят Управления автономных Церквей в Финляндии, Эстляндии.

Что касается Моего отношения к Советской власти в настоящее время, то Я уже определил его в своем заявлении на имя Верховного Суда, которым Я прошу изменить меру пресечения, т. е. освободить Меня из-под стражи. В этом преступлении, в котором Я признаю себя виновным, по существу виновно то общество, которое Меня, как Главу Православной Церкви, постоянно подбивало на активные выступления тем или иным путем против Советской власти. Отныне Я определенно заявляю всем тем, что их усердие будет совершенно напрасным и бесплодным, ибо Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что Я Советской власти не враг. Я понял всю ту неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественных и иностранных врагов и которую они устно и письменно распространяют по всему свету. Не минули в этом обойти и Меня. В газете «Новое время» от 5 мая за № 607 появилось сообщение, что будто бы ко Мне при допросах чекистами была применена пытка электричеством. Я заявляю, что это сплошная ложь и очередная клевета на Советскую власть.

Бог мира и любви да будет с вами.

Патриарх Тихон.

Донской монастырь, 15 (28) июня 1923 года.

Акты Святейшего Тихона... С. 283–285.

Послание Патриарха Тихона (второе по освобождении из заключения)

1 июля 1923 г.

Божиею милостью Патриарх Московский и всея России смиренный Тихон архипастырям, пастырям и пасомым Православной Церкви Российской.

Возлюбленные отцы и братья, к вам обращаем Мы слово Свое в уповании, что оно найдет горячий отклик в сердцах ваших.

Тяжелое время переживает наша Церковь. Появилось много разных групп с идеями «обновления церковного», о коих Мы уже высказали Свое мнение в предыдущем Нашем обращении к православному народу. Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, вводят совершенно

ненужные реформы, отступая от канонов Православной Церкви. Никакие реформы из принятых бывшим Собором Мы одобрить не можем, за исключением [...] нового календарного стиля в церковное обращение и новой орфографии в церковных книгах, что и Мы благословляем.

Наряду с этим, пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, римский папа всяческими путями стремится насаждать в Российской Православной Церкви католицизм, и при поддержке польских властей на территории Польши уже закрываются православные храмы и многие из них обращены в костелы: так, например, в одной Холмщине закрыто более 300 церквей и оставлено всего лишь около пятидесяти.

Разные сектанты – баптисты, евангелисты и другие, как противники Православия, также направляют все усилия к тому, чтобы умалять значение Православной Церкви и привлечь на свою сторону православных людей. Всем им Мы заявляем, что Церковь Православная не даст себя превратить в сектантскую группу, и уповаем, что не отойдет Она ни на шаг от заветов своего учения.

Получив ныне возможность возобновить Свою прерванную деятельность служению Святой Православной Церкви и сознавая Свою провинность перед Советской властью, выразившуюся в ряде наших пассивных и активных антисоветских действий, как это сказано в обвинительном заключении Верховного Суда, т. е. в сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, анафематствовании Советской власти, воззвании против Брестского мира и т. д., Мы по долгу христианина и архипастыря – в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики. По существу, виноваты в этом не только Мы, но и та среда, которая нас воспитала, и те злоумные люди, которые толкали нас на эти действия. С самого начала существования Советской власти, как враги ее, они старались свергнуть ее через Церковь нашу, для чего и Меня, как Главу последней, старались использовать. Будучи бессильными побороть Советскую власть открыто и прямо, они хотели добиться ее уничтожения окольными путями, прибегая к Церкви и Ее пастырям.

Сознав Свою провинность перед народом и Советской властью, Я желал бы, чтобы так поступили и те, которые, забыв свой долг пастыря, вступили в совместные действия с врагами трудового народа – монархистами и белогвардейцами и, желая свергнуть Советскую власть, не чуждались даже входить в ряды белых армий. Как ни тяжело сознаваться в этом преступлении, но Мы должны сказать

хоть и горькую, но истинную правду сию. Мы осуждаем также такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть ни «белой», ни «красной» Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены.

Исходя из этих соображений, Мы в апреле 1922 года на соединенном заседании Священного Синода и Высшего церковного совета уже осудили заграничный церковный Собор Карловицкий за попытку восстановить в России монархию из дома Романовых. Мы могли бы ограничиться этим осуждением владык, бывших на Соборе, во главе с Высокопреосвященным Антонием [Храповицким], митрополитом Киевским, если бы они раскаялись в своих поступках и прекратили дальнейшую деятельность в этом направлении, но Нам сообщают, что они не только не прекратили, а еще более того ввергают Православную Церковь в политическую борьбу, совместно с проживающими в России и за границей злоумышленными противниками Советской власти, принесшими немало несчастий Родине Нашей. Пусть хотя теперь они сознают это, – смирятся и покаются, а иначе придется звать Преосвященных владык в Москву для ответа пред церковным судом и просить власть о разрешении им прибыть сюда.

Господь да умудрит всех нас искать каждому не своих си, а Правды Божией и блага своей Церкви.

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Акты Святейшего Тихона... С. 286–287.

Послание Патриарха Тихона
(третье по освобождению из заключения)

15 июля 1923 г.

Божиею милостью Мы, смиренный Тихон,
Патриарх Московский и всея России,

Преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всем верным чадам Православной Российской Церкви мир и благословение Божие.

Более года, по обстоятельствам, всем известным, Мы были отстранены от Нашего пастырского служения и не имели возможности

стоять лично у кормила правления, чтобы хранить освященные веками предания Церкви. Посему, как только наступили эти обстоятельства, в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок Патриаршего управления Российской Церковью, и с определением состоявшегося при Нас Священного Синода от 7 (20) ноября 1920 г. признали Мы за благо передать на время Нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному Нами Заместителю Нашему митрополиту Ярославскому Агафангелу [Преображенскому], с тем чтобы им был созван Второй Поместный Собор Российской Церкви для суждения о высшем правлении Церковью и о других церковных нуждах, против чего как Нам было сообщено, не возражала и гражданская власть. Митрополит Агафангел изъявил согласие принять на себя возложенное нами поручение. Но по причинам, от него не зависящим, митрополит Агафангел тоже был арестован, он не мог приступить к выполнению своих обязанностей. Этим воспользовались честолюбивые и своевольные люди, дабы войти во двор овчий не дверьми, но прелезя инуде (Ин. 10, 1), и восхитить не принадлежащую им Высшую власть Православной Российской Церкви. 5 (18) мая истекшего года к Нам, находящимся тогда в заключении на Троицком подворье, явились священники Введенский, Белков и Калиновский (потом снявший с себя сан) и под видом заботы о благе Церкви подали Нам письменное заявление, в котором, жалуясь на то, что вследствие сложившихся условий церковные дела остаются без движения, просили Нас вверить им канцелярию Нашу для приведения в порядок поступающих в нее бумаг. Сочтя это полезным, Мы уступили их домогательствам и положили на их заявлении следующую резолюцию: «Поручается поименованным ниже лицам (т. е. подписавшим заявление священникам) принять и передать Высокопреосвященнейшему Агафангелу по приезде его в Москву синодские дела, при участии секретаря Нумерова». По силе этой резолюции им было поручено лишь дела принять и передать их митрополиту Агафангелу, как только он придет в Москву. О том же, как должны поступить они с принятыми делами, если бы митрополит Агафангел совсем не явился в Москву, никаких распоряжений нами сделано не было, потому что самой возможности этого Мы тогда не могли предвидеть, а на то, что они сами в таком случае должны были бы заменить митрополита Агафангела и стать во главе Церковного Управления, в резолюции благословения быть не могло, так как полномочия, связанные с саном епископа, не могут быть переданы пресвитерам. Тем не менее, эту резолюцию Нашу они объявили актом передачи им церковной власти и, согласившись

с епископами Антонином [Грановским] и Леонидом [Скобеевым], образовали из себя так называемое «Высшее Церковное Управление» («ВЦУ»). Чтобы оправдать это самочинное деяние, они неоднократно и в печати и на публичных собраниях утверждали, что приступили к управлению Церковью по соглашению с Патриархом [1], что они составили ВЦУ согласно резолюции Патриарха Тихона [2]. Председатель этих собраний епископ Антонин [Грановский] заявил: «Так как Патриарх Тихон передал свою власть ВЦУ без остатка, то нам нет надобности богать за ним, чтобы брать у него то, чего в нем уже не имеется» [3].

Ныне же торжественно и во всеуслышание с сего священного амвона свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви ВЦУ, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, есть ложь и обман! И что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами Нашей Церкви законных полномочий. На таковых св. Церковь изрекает строгие прещения: по 16-му правилу Антиохийского Собора епископ, отступивший от указанного порядка и самовольно вторгнувшийся в чужую епархию, хотя бы об этом просил его и весь народ, изгоняется из нее и извергается из сана за грех нарушения церковных законов. Лица, учредившие самозванное ВЦУ в Москве и повинные в этом перед Церковью, отягчили свое положение еще посвящением епископов в захваченные области, так как поставили себя под действие 31-го правила св. Апостолов, угрожающего лишением сана как посвящающим, так и посвященным.

И как воспользовались они захваченной церковной властью? Они употребили ее не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в Ней семена пагубного раскола; чтобы лишать кафедр православных епископов, оставшихся верными своему долгу и отказавших им в повиновении; чтобы преследовать благоговейных священников, согласно канонам церковным не подчинившихся им; чтобы насаждать всюду так называемую «Живую Церковь», пренебрегающую авторитетом Вселенской Церкви и стремящуюся к ослаблению необходимой церковной дисциплины; чтобы дать торжество своей партии и насильственно, не считаясь с соборным голосом всех верующих, осуществлять в жизни ее желания.

Всем этим они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канони-

ческого преемства незаконной власти, правившей Церковь в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе.

Сильно терзалось сердце наше, когда доносились до Нас смутные известия о церковных нестроениях, возникших в Церкви после Нашего устранения, о насилиях самочинного и самозванного «Живоцерковного» правительства, о возникновении и борьбе партий, о духе злобы и разделений там, где должен веять дух любви и братского единения.

Но Мы ничем, кроме молитвы, не могли содействовать умиротворению Церкви и уничтожению в Ней этой пагубной распри, пока не получили свободы. Ныне же, выйдя из сеги заключения и ознакомившись подробно с положением церковных дел, Мы снова восприемлем Наши святительские полномочия, временно переданные Заместителю Нашему, митрополиту Агафангелу [Преображенскому], но им по не зависящим обстоятельствам неиспользованные, и приступаем к исполнению Своих пастырских обязанностей, моля усердно Владыку Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, да подаст Нам силы и разумение к устроению Церкви Своей и к водворению в Ней духа любви, мира и смирения. Вместе с этим Мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые в сознании своего долга мужественно стояли за богоустановленные порядки церковной жизни, и просим их оказать Нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами, а наипаче молитвами Создателю всех и Промыслителю Богу. Тех же, которые волею или неволею, ведением или неведением поползнулись в настоящем веке лукавствия и, признав незаконную власть, отпали от церковного единения и благодати Божией, умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасительное лоно единой Вселенской Церкви.

Благословение Господне да будет со всеми вами, молитвами Богородицы и Приснодевы Марии, святых отец наших Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Гермогена, святителей Московских, чудотворцев, и всех святых Российской земли, от века Богу угодивших. Аминь.

Смиранный Тихон, Патриарх Московский и всяя России.

Град Москва, Донской монастырь.

1923 г. Июля 2(15) дня.

**Послание Патриарха Тихона к православному народу
о реформе календаря в Русской Православной Церкви**

1 октября 1923 г.

**БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ,
ТИХОН,**

**Патриарх Московский и всея России и православные епископы,
собравшиеся в граде Москве, всем архипастырям,
пастырям и верующему народу
Церкви Российской.**

В заботах наших о благе и добром устроении Российской Православной церкви, признали мы ныне необходимым исправление церковного времени исчисления.

Давно известно, что так называемое Юлианское время исчисления, принятое в Православной Церкви, не точно, а потому еще в конце минувшего и в самом начале нынешнего столетия в Православной Церкви поднимался вопрос об его исправлении.

В 1902 г. Вселенский Константинопольский Патриарх Иоаким III изыскивал способы к тому, чтобы соединить возможную научную точность время исчисления с сохранением освященных церковных определений. По этому же вопросу имел суждение и поместный собор Русской церкви 1917–1918 гг., при чем, хотя и признавалось, что «не будет никаких с догматической точки зрения препятствий к тому, чтобы Православная Церковь, по согласию всех своих членов, [тем или] иным образом, соответственно с истинными результатами науки, установила свой календарь, однако, к вопросу этому подходили с большой осторожностью, и церковная власть не спешила менять календарь, освященный полуторатысячелетним употреблением во всех православных церквях.

В нынешнем 1923 году самочинное собрание, так называемого обновленческого духовенства и мирян в г. Москве, без сношения с православными Патриархами Востока, не только не заботясь о сохранении священных канонов, но и прямо указывая на полную якобы возможность не считаться с этими правилами, с ненужной поспешностью, не останавливаясь даже пред сокращением св. Петрова поста на 13 дней, – перешло с 12 июня на новый стиль. Эта мера, как проведенная людьми, не имеющими на то права, встречена была православными неприязненно и с понятным смущением духа.

Сознавая необходимость исправления церковного времени исчисления, вызываемую несоответствием его современным данным

астрономической науки, а также неудобством для православных людей совершать свои праздники в те дни, которые не считаются днями отдыха по советскому законодательству, мы в обращении 28 июня 1923 г. признали возможным исправление церковного календаря.

Храня каноническое общение с братьями нашими, православными Восточными Патриархами, мы хотели решить этот вопрос в полном единении с ними и ныне уже знаем, что всеправославное собрание представителей церкви Востока, происходившее недавно в Константинополе, под председательством Вселенского Патриарха Владыки Мелетия IV, «признав, что необходимо уничтожить увеличение различия между церковным и гражданским время исчислением и что нет никакого канонического препятствия для исправления употребляемого церковного время исчисления согласно с данными астрономической науки, единогласно постановило исправить Юлианское (старое) время исчисления» таким образом, что, во-первых, отбрасываются 13 дней старого время исчисления, составляющие его отличие от солнечных годов за время с 1-го Никейского Вселенского Собора до сего дня; во-вторых, неподвижные праздники должны праздноваться в те же числа месяца, как раньше; в третьих, подвижные праздники должны определяться по празднику Пасхи; в четвертых, в согласии с каноническими положениями, которые остаются неприкосновенными, Пасха должна праздноваться в воскресенье, которое следует за первым полнолунием после весеннего равноденствия; в пятых, определение пасхального полнолуния должно производиться на основании астрономических данных по времени храма Гроба Господня во святом граде Иерусалиме.

Со многим тщанием рассмотрев купно с боголюбезными епископами нашими постановление Вселенского Патриарха и, по всестороннем обсуждении, признав, что устанавливаемое им церковное время исчисления: 1) вводится законною церковною властью; 2) нисколько не затрагивает догматов и священных канонов Православной Церкви; 3) оставляет празднование дня Св. Пасхи, согласно постановлению 1-го Вселенского Собора, в первое Воскресенье после первого полнолуния, следующего за весенним равноденствием, т. е. позднее Пасхи иудейской; 4) находится в точнейшем соответствии с данными современной астрономической науки; 5) является не введением западного Григорианского календаря, а лишь исправлением старой Пасхалии с исчислением дней Пасхи по времени Матери Церкви Божьих – Церкви Иерусалимской, и в 6) потребно и удобно

для согласования церковной жизни Русской с установленным уже в нашем отечестве и во всех христианских странах время исчислением, – мы и епископы наши единогласно постановляем: во 1-х, пропустить во время исчисления 13 дней так, чтобы после 1-го октября старого стиля вместо 2-го следовало 15-ое октября; 2) вопрос о времени празднования Св. Пасхи решить в согласии с православными церквями по постановлениям бывшего в Константинополе в сем году всеправославного собрания.

Оповещая о сем нашем постановлении Богохранимую православную паству нашу, призываем всех возлюбленных о Господе архиереев и пастырей и верующих мирян принять сие исправление церковного календаря без всякого смущения и колебания. Исправление календаря церковного производится нами в ином духе и с иною целью, нежели вождями именуемых «обновленцев»; наш дух – дух верности святым канонам церкви нашей; наша цель – да буде в Церкви Божией все устроено по лучшему чину и разуму. Нет для православного человека большей радости, как знать и сердцем чувствовать, что свои священные церковные торжества он празднует вместе со всею поднебесною христианскою Церковью. Когда мы знаем, что священные песнопения в прославление Христа Воскресшего в одно время с нами воспеваются и во святом граде Иерусалиме, на самом месте победы Христа над смертью и тлением, – тогда радость наша бывает исполнена. Мы не должны быть лишены этого христианского утешения воспевать Господа едиными усты и во едино время со всею вселенскою Церковью, и потому мы обязаны согласоваться в церковном время исчисления со всеми другими Христианскими Православными церквями. Это мы и делаем настоящим нашим постановлением об исправлении церковного время исчисления. Иначе мы уклонились бы от единства церковного и тем тяжко согрешили бы. Не должно быть раздоров о тех порядках церковной жизни, которые могут и должны быть исправлены. Да не будет сего! Да будет мир и единомыслие во всем христианском мире и Бог мира, любви и единомыслия да будет со всеми нами.

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Донской монастырь, Москва.

1923 г. 1-го октября.

ЦА ФСБ. Д.Н.-1780. Т. 5. Л. 231. Типографский экземпляр.
(Следственное дело... С. 360–362).

**Послание Патриарха Тихона о каноническом осуждении,
запрещении в священнослужении и предании церковному
суду главных деятелей обновленческого раскола**

15 апреля 1924 г.

Божией милостию

Смиранный Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Объявляем всем православным архипастырям, пастырям и пасомым Церкви Российской, возглавляемой Нами, что бывший Нижегородский архиепископ Евдоким [Мещерский], уклонившийся в так называемый обновленческий раскол, отступивший от общения со Мною, как законным Главою Русской Православной Церкви, прекративший возношение имени Моего по определенному и установленному чину в Божественном тайнодействии, захвативший незаконно власть по управлению вверенной Мне паствы, – за раскол, смуту и мятеж подлежит, на основании 13–15-го правил Двукратного Константинопольского и 13-го правила Антиохийского Соборов, извержению из сана.

Болея сердцем о заблудших и ушедших от Православной Церкви на страну далече, Мы долго ждали, не проснется ли совесть у этих несчастных, не пойдут ли они по пути покаяния и пред Церковью, нешвенную ризу которой они произведенной смутой раздрали, и пред Нами, и не предпринимали решительных мер к осуждению главарей раскола. Но ни архиепископ Евдоким [Мещерский], ни епископ Антонин [Грановский], вступивший, уже по уклонении в так называемый обновленческий раскол, не только на путь незаконных церковных реформ, но и на путь церковной реформации, с печатным призывом к последней, – не только не выражают соболезнования о грехе раскола, отступлений от Православной Церкви и общения со Мною, не только не приносят покаяния, но и с большим озлоблением и устно и письменно выступают против Меня, как Главы Поместной Русской Церкви, и против архипастырей и пастырей, обвиняя всех в небывалых преступлениях, и против Советской власти, и против Церкви.

Бывший Нижегородский архиепископ клеветает, якобы Я, изменяя Православию, веду переговоры с Римским папой об унии, обманывает верующих, сообщая, якобы Восточная Церковь, в лице Константинопольского Патриарха Григория VII, а равно и представителей других Восточных Патриархов, находящихся в Москве, давно порвала со Мною всякое общение («Известия» № 76 от 2 апреля 1924 г.) и тем еще более поддерживает смуту и раскол; по-

носит Меня, как Первосвятителя Русской Церкви, забыв и 55-е правило свв. Апостолов и благословенных Богом Сима и Иафета, уподобляясь осужденному Господом Хаму.

К сведению верующих и в обличение неправды архиепископа Евдокима сообщаем, что послание Вселенского Патриарха Григория VII о введении на Востоке нового стиля доставлено Нам и адресовано на Наше имя представителем Вселенского Патриарха сакеллионом Василием.

Ныне по власти, данной Нам от Верховного Пастыреначальника – Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, руководствуясь правилами Священных Соборов (13–15-е правила Двукратного; 13, 21 и 22-е Антиохийского Соборов), объявляем: бывшего Нижегородского архиепископа Евдокима [Мещерского] епископа Антонина [Грановского] и других запрещенными в священнослужении и находящимися вне общения со всею Православною Русскою Церковью, – передаем их, как и других главарей обновленческого раскола, каноническому суду Православного Собора.

С болезнью сердца объявляем о сем, заповедуем всем Православным архипастырям, пастырям и пасомым, руководствуясь 10-м Апостольским правилом, не иметь со всеми отступниками молитвенного общения, как преступного пред Богом и Церковью.

«Умоляю вас, братие, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них» (Рим. 16, 17). «Стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь» (1 Кор. 16, 13).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Апреля 2(15) дня 1924 г.

Донской монастырь.

Акты Святейшего Тихона... С. 315–316.

Заявление Святейшего Патриарха Тихона во ВЦИК по вопросам об отношении Русской Православной Церкви к календарной реформе (переходу на григорианский стиль)

30 сентября 1924 г.

Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
Тихона, Патриарха Московского и всея России

Заявление

Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету в лице Товарища Председателя своего, гражданина П.Г. Смидовича, чрез митрополита Крутицкого Петра [Полянского] и архиепископа Владимирского Николая [Добронравова], присутствовавших по Нашему назначению на совещании 21 августа (3 сентября) с. г. угодно было предложить Нам высказаться в письменной форме по вопросу о возможности немедленного введения нового стиля в богослужебный круг Православной Церкви. Вследствие этого предложения считаем необходимым сообщить по затронутому вопросу следующие Наши соображения.

Реформа церковного календаря в смысле уравнивания его с календарем гражданским хотя и представляет некоторые трудности в согласовании с ним пасхалии и дисциплины постов, однако принципиально допустима. Юлианское летоисчисление не возведено Церковью в неприкосновенный догмат веры, но, связанное с церковным обрядом, допускающим изменения, само может подлежать изменению. Замена юлианского стиля григорианским представляет собой значительные практические удобства для самой Церкви, так как новый стиль принят в гражданский оборот православными странами, и им определяется деловая жизнь и дни отдыха, к которым Церковь приурочивает дни молитвы.

Тем не менее немедленное осуществление реформы календаря встречает на своем пути большие затруднения.

Во-первых, для закономерного введения нового стиля требуется согласие всех автокефальных Православных Церквей. Православная Церковь есть Церковь кафолическая, состоящая из отдельных независимых Церквей, связанных между собою в неразрывное единство общностью догматов, обрядов и канонических правил. Для сохранения вселенского единства важно, чтобы во всех Православных Церквах возносились одновременно одни и те же молитвы и совершались одни и те же празднества. Сверх того юлианский календарь, принятый во всех Православных автокефальных Церквах, освящен вселенским авторитетом и не может быть изменен церковной властью одной из них, так как эта власть является нижней инстанцией по отношению к авторитету вселенскому. Отсюда вытекает необходимость решения этого вопроса согласным голосом всей Православной кафолической Церкви.

Но она должна быть не только закономерной, но и безболезненной, а такой она может быть только при согласии верующего народа. По учению Православной Церкви, хранителями чистоты веры и отеческих преданий является не только Глава Церкви и не иерархия

церковная только во всей своей совокупности, но все тело Церкви, а следовательно, и верующий народ, которому также принадлежат известные права и голос в церковных делах. Предстоятель отдельной Православной Церкви и Патриарх Всероссийский, в частности, – не Римский папа, пользующийся неограниченной и беспредельной властью; он не может управлять народом Божиим тиранически, не спрашивая его согласия и не считаясь с его религиозной совестью, с его верованиями, обыкновениями, навыками. История показывает, что даже в том случае, когда Предстоятель Церкви, проводящий ту или другую реформу, прав по существу, но, встречая противодействие народа, прибегает к силе вместо того, чтобы воздействовать на него словом пастырского увещания, он становится виновником волнений и раздоров в Церкви. Патриарх Никон был прав, когда приступил к исправлению богослужебных книг, но, столкнувшись с ропотом народа и не желая убедить его в необходимости этой меры, а желая заставить его подчиниться своей власти, создал старообрядческий раскол, тяжелые последствия которого ощущаются Российской Православной Церковью до настоящего времени.

После этих принципиальных разъяснений необходимо коснуться истории попыток введения нового стиля в Русской Церкви начиная с 1918 г. Декретом Советского правительства во время заседаний Первого Всероссийского Церковного Собора был введен в гражданский календарь новый стиль. Сознавая желательность согласования церковного календаря с гражданским, Собор выделил из себя комиссию для предварительного обсуждения этого вопроса. Комиссия признала переход на новый стиль возможным под условием согласия на это преобразование со стороны прочих Православных Церквей, и Патриарху Всероссийскому было поручено пойти в сношение с ними для совместного проведения этой реформы в жизнь. Во исполнение поручения Собора Мы обратились тогда с письмом к Патриарху Константинопольскому Герману и предложили ему обсудить вопрос об изменении календаря, но ответа от него не получили, вероятно вследствие затруднительности в то время международных сношений.

Новым фазисом в истории намеченной реформы был 1923 год. Вопрос о введении нового стиля одновременно, но независимо друг от друга был поднят Вселенским Патриархом Мелетием IV [Метаксакисом] в Константинополе и так называемым обновленческим Высшим Церковным Управлением в России.

После Пасхи 1923 г. Патриархом Мелетием IV было создано в Константинополе совещание из представителей Православных Церк-

вей для предварительного обсуждения некоторых церковных вопросов, в том числе и вопроса об изменении календаря. Это совещание отнюдь не было Вселенским Собором, как ошибочно называли его иногда в нашей печати, а представляло собою род комиссии для изготовления законодательных предположений, которые могли стать обязательными для Церкви законами, лишь быв утверждены общим Собором представителей всех Православных Церквей или Соборами каждой Церкви в отдельности. Неблагоприятным для совещания обстоятельством, в значительной степени умаляющим вес всех его постановлений, было отсутствие на нем уполномоченных от Патриархатов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Всероссийского (Русская Церковь была представлена на нем архиепископом Анастасием [Грибановским] Кишиневским и архиепископом Александром [Немоловским] Американским, приглашенными персонально Патриархом Мелетием IV). Единое постановление комиссии об изменении богослужебного календаря и пасхалии, разосланное для соборного утверждения автокефальными Церквями, встретило возражение со стороны большинства этих Церквей и, таким образом, не вошло в силу закона. Несмотря на это, с явным отступлением от вселенского единства Патриарх Мелетий IV сделал распоряжение о введении нового стиля в своем патриархате и в тех оторванных от Российской Церкви частях Ее, которые он, также с нарушением церковных канонов, принял под свою юрисдикцию без согласия Патриарха Всероссийского (Финляндия, Польша). Но реформа в Константинополе не прошла, вероятно, по причине вскоре за этим последовавшего удаления Патриарха Мелетия.

Обновленческое Высшее Церковное Управление и созданный им схизматический Собор 1923 г., и в других случаях заявившие о себе полным пренебрежением к вселенскому авторитету, вынесли постановление об изменении стиля, совершенно не считаясь ни со вселенским единством, ни с единством Российской Церкви. Постановление об изменении календаря было сделано им без всякого соглашения с другими Православными Церквями, и почти одновременно обсуждение этого вопроса на константинопольском совещании было не более как случайным совпадением. Это делало указанное постановление канонически незаконным. Но оно было и неосмотрительно. Инициаторы реформы не пожелали считаться с мнением народа, не прислушались к его голосу и не подумали о том, чтобы предварительно разъяснить ему допустимость и желательность нового стиля. В результате – реформа, объявленная так называемым Собором 1923 г., не была принята не только огромным большин-

ством православного русского населения, справедливо считавшего ничтожными все постановления незаконного Собора, но и теми многочисленными общинами, которые в силу различных обстоятельств оказались в подчинении обновленческим епископам и их епархиальным управлениям. Когда летом 1923 г. обновленческое духовенство приступило к введению нового стиля в церковном употреблении, против него единодушно восстал почти весь народ. Везде повторилась одна и та же картина: в праздники по новому стилю не приходил в церковь народ, в праздники по старому стилю, несмотря на требования народа, не решалось отправлять богослужение духовенство. Иногда народ заставлял насильно священников совершать богослужение по старому стилю.

Не прошло и месяца, как священники, перешедшие на новый стиль, под давлением своей паствы, вынуждены были возвратиться на старый, а несколько позднее сам обновленческий Синод разъяснил подведомственному ему духовенству, чтобы постановление о новом стиле проводилось в жизнь лишь там, где местным условиям представляется возможным.

После Нашего возвращения к управлению Церковью представителем ГПУ Е.А. Тучковым, от лица Правительства, Нам было предъявлено требование о введении гражданского календаря в обиход Русской Православной Церкви. Это требование, много раз повторенное, было подкреплено обещанием более благоприятного отношения Правительства к Православной Церкви и Ее учреждениям в случае Нашего согласия и угрозой ухудшения этих отношений в случае Нашего отказа. Хотя такое требование казалось Нам нарушением основного закона Республики о невмешательстве гражданской власти во внутренние дела Церкви, однако Мы сочли нужным пойти ему навстречу. Считая введение нового стиля по существу допустимым, ошибочно, вследствие невозможности непосредственного сношения с Востоком и неточности газетных сообщений, убежденные, что состоялось уже соглашение всех Православных Церквей о введении нового стиля на основе постановления Всеправославного Совещания в Константинополе, надеясь, что распоряжение, исходящее от законной власти и опирающееся на Всеправославное соглашение, будет послушно принято народом, Мы решили призвать Церковь Русскую к реформе календаря со 2 (15) октября 1923 г. и в этом смысле издали послание. Но уже после состоявшегося постановления о введении нового стиля Мы стали получать более точные сведения с Востока, из которых выяснилось, что в Константинопольском совещании участвовали представители далеко не всех Право-

славных Церквей, что его постановления не приняты большею частью Церквей, что Александрийский Патриарх Фотий в послании на имя Антиохийского Патриарха Григория от 23 июня 1923 г. за № 211 объявил постановления Константинопольского совещания не имеющими канонического авторитета, а введение нового стиля невозможным без санкции Вселенского Собора, что Патриарх Иерусалимский Дамиан [Касатос] решительно отказался ввести новый стиль в своем Патриархате и что, наконец, вообще реформа календаря во всех Православных Церквях приостановлена.

С другой стороны, как только распространился слух о введении нового стиля со 2 (15) октября, в среде верующих возникло сильное возбуждение. Правда, почти все московские приходы послушно, хотя и не с спокойным сердцем, подчинились Нашему распоряжению. Но из окружающих Москву епархий, с юга, из Крыма и из далекой Сибири к Нам потянулись вереницы депутатий от верующих, чтобы осведомиться, действительно ли предполагается реформа календаря, и чтобы просить Нас от лица народа воздержаться от нее, так как введение нового стиля всюду возбуждает тревогу, опасения, недовольство и сопротивление. Одновременно с этим Мы были завалены письменными сообщениями того же содержания. Ввиду этого Мы сочли своим пастырским долгом принять во внимание голос верующих, чтобы не произвести насилия над совестью народной, и 26 октября (8 ноября) 1923 г. сделали распоряжение: «Повсеместное и обязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить». После этого канцелярия Наша была опечатана агентами Правительства, из нее были взяты неразошедшиеся экземпляры Нашего, тогда уже отмененного послания о введении нового стиля и оказались расклеенными по улицам столицы без Нашего ведома и согласия. Архиепископ Иларий [Троицкий], Наш ближайший помощник, арестован и по неизвестным причинам в административном порядке сослан в Соловки [эта последняя фраза в подлиннике вымарана. – Прим. переписчика]. Верующие усмотрели в этой репрессии, явившейся в результате Нашего распоряжения о приостановлении реформы календаря, и доказательство вмешательства гражданской власти во внутренние дела Церкви. Но из епархий Мы получили изъявления великой радости верующих по поводу Нашего распоряжения от 26 октября (8 ноября), а вся Москва облегченно вздохнула и немедленно возвратилась к старому стилю.

В декабре прошедшего года, когда Правительством днями отдыха были объявлены Рождественские праздники по новому стилю,

Мы поспешили разрешить празднование Рождества Христова по григорианскому календарю там, где это будет желательно и удобно для рабочего населения. Но этим разрешением почти нигде не пожелали воспользоваться, в чем снова проявилось единодушное желание народа сохранить старый обычай. Это побудило нас обратиться к народному комиссару юстиции Д.И. Курскому с просьбой не настаивать на введении нового стиля в церковное употребление, и Мы получили от него словесное заверение, что гражданская власть вовсе не заинтересована в этом.

Для решения вопроса о порядке реформы церковного календаря следует вникнуть в этот общий протест народа и его причины. Эти причины многочисленны. Во-первых, наш народ очень ценит обряд и его традиционную неизменность. Эта свойственная русскому народу форма благочестия породила уже старообрядческий раскол. Во-вторых, церковный год тесно сплетается с народным бытом и экономическим годом крестьянина. В деревне до сих пор считают по праздникам и праздниками определяют начало полевых работ. Введение нового стиля в церковный календарь сталкивается с народным бытом, всюду отличающимся консерватизмом и стойкостью.

К этим причинам противодействия народа введению нового стиля присоединяются два обстоятельства, в чрезвычайной степени затрудняющие проведение этой реформы.

Первое состоит в том, что она скомпрометирована обновленческой схизмой. Впервые о введении нового стиля громко было возведено обновленческим Высшим Церковным Управлением и схизматическим Собором 1923 г., то есть священнослужителями, открыто заявившими о своем пренебрежении к каноническим нормам; позволившими себе различные новшества, выступавшими с программами дальнейших изменений не только в области церковной дисциплины, но и догматах, предполагавшими исключить из церковного календаря святых «буржуазного происхождения». Это внесло большую тревогу в среду верующих и опасения за целостность веры, но так как массы плохо разбираются в каноническом праве и догматах, то в их сознании новый стиль, глубоко затрагивающий ежедневный быт, отождествился с обновленческим расколом, стал его знаком и приметой. В глазах многих принятие нового стиля сделалось равнозначным отпадению от Православной Церкви. Не подлежит сомнению, что реформу календаря было бы гораздо легче провести, если бы она осталась незатронутой обновленческим Собором.

Второе обстоятельство, создающее большое затруднение для перехода на новый стиль состоит во всеобщем убеждении, что эта

реформа вводится не Церковью по Ее собственному почину, а под давлением гражданской власти. Это убеждение возникло еще в период выборов в так называемый Собор 1923 г. вследствие массовых арестов и высылки в административном порядке православных епископов и мирян, известных своим отрицательным отношением к обновленческому расколу и выступавших оппозиционно к нему на епархиальных избирательных собраниях. Оно крепло вследствие таких фактов, как выемка из Нашей канцелярии отмененного Нами послания о введении нового стиля с 2 (15) октября и его расклейка по городу (как ссылка архиепископа Илариона Троицкого, последовавшая за приостановлением реформы календаря). Вмешательство во внутреннюю жизнь Церкви со стороны гражданской власти, даже расположенной к Церкви и покровительствующей религии, всегда возбуждает недовольство и противодействие верующих, но когда на руководителей Церкви подозревается давление Правительства, провозгласившего в многочисленных актах о безрелигиозном устройении жизни, тогда верующие опасаются, не скрывается ли за этими актами вмешательства в церковные дела определенного замысла нанести ущерб вере, и естественно удваивают силу своего сопротивления.

Ныне вопрос о введении нового стиля в церковное употребление снова возбуждается Правительством, и с его стороны заявлено настоятельное желание, чтобы Нами были приняты решительные меры к согласованию церковного календаря с гражданским. Принимая во внимание свои прежние опыты, Мы считаем себя вынужденными заявить, что решительно не находим возможным их повторять. Новое Наше распоряжение о реформе календаря, пока не достигнуто общее согласие по этому вопросу всех Православных Церквей, и в глазах верующих, и по существу дела было бы лишено канонического основания и оправдало бы противодействие народа. По Нашему глубокому убеждению, такое распоряжение, настойчиво проводимое Нами и, может быть, поддержанное мерами государственного воздействия, послужило бы причиной больших волнений и несогласия в Церкви.

Церковь в настоящее время переживает беспрецедентное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьму, сосланы в отдаленнейшие области республики, влчимы с места на место; православные епископы, назначенные Нами, или не допускаются в свои епархии,

или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам; центральное управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не зарегистрированы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; Церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви. При таких условиях произвести еще внутреннее потрясение в лоне самой Церкви, вызвать смуту и создать, в добавление к расколу слева, [...] канонически незакономерным, неосмотрительным и насильственным распоряжением было бы тяжким грехом пред Богом и людьми со стороны того, на кого Промыслом Божиим возложен тяжелый Крест управления Церковью и заботы об Ее благе в наши дни.

Но изменение церковного календаря, предположенное Первым Всероссийским Собором 1917–1918 гг., при некоторых обстоятельствах могло бы быть осуществлено в закономерной и безболезненной форме.

Этому в значительной мере содействовало бы невмешательство в течение реформы со стороны гражданской власти, потому что постороннее вмешательство не приближает, а отдаляет, не облегчает, а затрудняет ее осуществление. Пусть будет предоставлено самой Церкви преодолеть те затруднения, которые встают на пути введения нового стиля в богослужебную практику. Реформа календаря выдвинута потребностями жизни во всех Православных Церквях, и можно думать, что в недалеком будущем она будет принята Церквями без всяких внешних побуждений. Невмешательство в это церковное дело гражданской власти вполне отвечало бы принципам отделения Церкви от государства и свободы религиозной совести, возведенным нашими основными законами. Правда, Президиумом Всероссийского Исполнительного Комитета уже издано распоряжение, приурочивающее дни отдыха и христианские праздники к новому стилю. Но престиж Правительства насколько не пострадал бы, если бы оно, не отменяя формально этого распоряжения, объявило к началу 1925 г. список дней отдыха в христианские праздники по старому стилю с перечислением их на соответствующие числа нового стиля, так, например, чтобы Рождество Христово значилось не под 25 декабря, а под 7 января, подобно тому и воспоминание об

известном выступлении рабочих не переносится на новый стиль, но приурочивается к 9(22) января, а праздник Октябрьской революции падает не на 25 октября нового стиля, а на 7 ноября. Напротив, невмешательство имело бы для Правительства свою выгодную сторону, так как при насильственном введении нового стиля весь одному несочувствующим этой реформе падает не на духовенство, а на гражданскую власть, вынудившую духовенство пойти против сложившегося церковного быта.

В настоящее время Мы лишены возможности войти в сношение с Востоком, чтобы иметь точные и вполне достоверные сведения о движении реформы в Православном мире, и для нас даже неясно, в каких легальных формах допустимы необходимые Нам, как Главе Российской Церкви, сношения с Православными Церквями за пределами Республики. При таких условиях Нам ничего не остается, как только занять выжидательное положение по отношению к введению нового стиля, пока не достигнуто будет соглашение по этому вопросу между прочими Православными Церквями. Но Мы могли бы принять более деятельное участие в осуществлении реформы календаря, если бы для Нас открылась возможность чрез избранных Нами уполномоченных или хотя бы письменно снестись по этому вопросу с представителями других Православных Церквей. До Нас доходили слухи, что на Востоке предполагается созыв Всеправославного Собора в 1925 г. в воспоминание о Первом Вселенском Соборе по случаю исполняющегося 1600-летнего его юбилея. Если слух соответствует действительности и Собор состоится в канонически-непререкаемой форме, то удобнее всего было бы приурочить решение вопроса о стиле к этому моменту. Когда новый стиль будет принят согласным голосом всей католической Церкви, тогда можно надеяться, что Нам удастся повлиять на верующих и убедить их в допустимости с церковной точки зрения реформы календаря и в ее желательности по практическим и государственным соображениям, если православные епископы, назначенные Нами, которым верят и за которыми следует народ, будут иметь свободу пребывания в своих епархиях, сношения со своей паствой и религиозного руководства духовенством и приходами, находящимися в каноническом общении с ними.

Москва. 1924 г. Сентябрь 17(30).

Акты Святейшего Тихона... С. 332-338.

**Послание Патриарха Тихона
(«Предсмертное завещание»)**

7 апреля 1925 г.

**«Божиею милостию, Смиренный Тихон, Патриарх Московский
и всея Церкви Российской.»**

Благодать вам и мир от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность – устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода.

Вступая в управление Русским государством, представители Советской власти еще в январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан верить во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу и в том числе и нашей Православной Церкви, права и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. А поэтому мы в свое время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и Рабоче-Крестьянскую власть народов, правительство коей искренне при-
ветствовали.

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устроятся», и принять все происшедшее как выражение воли Божией. Не погрешая против Нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитации против нее.

Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для

общенародного блага. Призываем и церковно-приходские общины и особенно их исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть – действительно Народная Рабоче-Крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая. Мы призываем выбирать в церковно-приходские советы людей достойных, честных и преданных Православной Церкви, не политиканствующих и искренно расположенных к Советской власти. Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги Святого Православия – сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные – стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред Ей. Враги Церкви прибегают ко всякого рода обманым действиям, понуждениям и даже подкупам в стремлении достигнуть своих целей. Достаточно посмотреть на происходящее в Польше, где из 350 находившихся там церквей и монастырей осталось всего лишь 50. Остальные же или закрыты, или обращены в костелы, не говоря уже о тех гонениях, каким подвергается там наше православное духовенство.

Ныне Мы, с милостию Божией оправившись от болезни, вступая снова на служение Церкви Божией, призываем вас, возлюбленные братья-архипастыри и пастыри, осудив еще раз всякое сопротивление власти, злонамеренные против нее умышления, мятежи и всякую против нее вражду, разделить Наш труд по умиротворению паствы Нашей и благоустроению Церкви Божией.

В сознании лежащей на Нас обязанности блюсти чистоту жизни Церкви, первее всего ищущей спасения людей и осуществления в жизни вечных Божественных начал, Мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству, иногда носящему и преступный характер, и потому по долгу Первосвятительского служения Нашего благословляем открыть действия особой при Нас комиссии, возложив на нее обследование и, если понадобится, отстранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таковых суду Православного Собора.

Вместе с этим с глубокой скорбью Мы должны отметить, что некоторые из сынов России, и даже архипастыри и пастыри, по

разным причинам покинули Родину, занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны, и во всяком случае вредной для нашей Церкви. Пользуясь Нашим именем, Нашим авторитетом церковным, они создают там вредную и контрреволюционную деятельность. Мы решительно заявляем: у Нас нет с ними связи, как это утверждают враги Наши, они чужды Нам, Мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам Нашей Церкви действуют от Нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о Ее благе. Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловицкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем, и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с Нашей стороны крайние меры вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора. Во избежание тяжких кар Мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией.

Их деяния должны быть обследованы. Они должны дать ответ церковному православному сознанию. Особой комиссии Мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей и в особенности митрополитов: Антония [Храповицкого] – бывшего Киевского, Платона [Рождественского] – бывшего Одесского, а также и других, и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться Нашему призыву вынудит Нас судить их заочно.

Наши враги, стремясь разлучить нас с возлюбленными чадами, вверенными Богом нам – пастырям, распространяют ложные слухи о том, что Мы на патриаршем посту не свободны в распоряжении словом Нашим и даже совестью, что Мы засилены мнимыми врагами народа и лишены возможности общения с паствою, Нами ведомою. Мы объявляем за ложь и соблазн все измышления о несвободе Нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать Нашу Святительскую совесть и Наше патриаршее слово. Небоязненно и с великим упованием взирая на грядущие пути Святого Православия, Мы смиренно просим вас, возлюбленные чада Наши, блюсти дело Божие, да ничтоже успеют силы беззакония.

Призывая на архипастырей, пастырей и верных Нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против Святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова Апостола: Всякая душа да будет

покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, – существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1).

Вместе с этим Мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит Нашу власть относиться к нам с полным доверием, Даст Нам возможность преподавать детям **Наших пасомых закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы.**

Всех же вас да укрепит Господь в преданности Святой православной вере, Церкви и Ее иерархии.

Патриарх Тихон.

7 апреля 1925, г. Москва, Донской монастырь».

Акты Святейшего Тихона... С. 361–363.

Приложение II.

Избранные протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (Антирелигиозной комиссии)

При передаче текста протоколов АРК и далее КИЦЦ использованы, главным образом, принципы, которым следовали при публикации такого рода документов издатели сборников: «Архивы Кремля» и «Следственное дело Патриарха Тихона». Дословно передаются все языковые особенности текстов, орфографические и синтаксические погрешности, что позволяет читателю получить важную информацию, характеризующую особенности революционной эпохи, ее действующих лиц и государственного аппарата. В ряде случаев поясняются ошибки, нарушающие правильное понимание текста, а также искажения имен собственных, географических названий, общественных организаций и т. п. Без оговорок исправляются явные описки и опечатки. Как правило, не оговариваются исправления опечаток, орфографических и синтаксических ошибок – машинисткой или тем, кто впоследствии работал с документом. Вся остальная редакторская правка и внешние особенности текста отражены в примечаниях.

В квадратных скобках приводятся: расшифрованный или дописанный публикатором текст; пропуски отдельных букв, слов или части документа; раскрытые сокращения; пропущенные по небрежности знаки препинания в конце предложений и т. п. Определенную трудность представляет, недостаточно разработанная для документов данной эпохи, проблема «подлинник-копия», т. к. наличие формулы «п. п.» (подлинный подписал) далеко не во всех случаях указывает на копию. В неясных случаях в легенде ставится знак вопроса. Другой трудностью является почерковедческий анализ. Принадлежность почерка тому или иному лицу указывалась только в очевидных случаях, но и здесь нельзя говорить об абсолютной достоверности.

Совершенно Секретно.

ПРОТОКОЛ № 11^а.ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦКРКП 30 ЯНВАРЯ 1923 ГОДА. -

Присутствовали: т.т. Смидович, Попов, Ярославский, Красиков, Менжинский, Скворцов-Степанов^б, Самсонов и Тучков, приглашенные по делу Тихона - т.т. Агранов и Крыленко.

ПОРЯДОК ДНЯ:

- 1) О деле Тихона[.]
- 2) О деле Ципляка^в.
- 3) Информация о работе В.Ц.У.
- 4) О влиянии сектантов на Красную Армию[.]
- 5) Текущие дела[:]
 - а) О декрете по поводу несовершеннолетних[.]
 - б) об обложении церквей и попов налогами[.]
 - в) о комсомольской Пасхе.
 - г) О Бобале. -

Слушали:

Постановили:

1. О деле Тихона[.]

- а) Процесс по делу закончить до 25 Марта.
- б) Отметить в следственных материалах следующие моменты^г:
 - 1) борьба с декретом об отделении церкви от государства,
 - 2) борьба со вскрытием мощей[.],
 - 3) противодействие изъятию церк[овных] цен[ностей][.],
 - 4) систематическая контррев[олюционная] деятельность.
- в) Предложить Верхтрибу прикомандировать необходимые силы для производства следствия по этому делу в распоряжение ГПУ. -
- г) ограничить до минимума число обвиняемых и свидетелей^д.

2. О деле Ципляка^е.
- а) Окончательное решение по делу отложить до следующего заседания Комиссии, пригласив на таковое представит[еля] от Наркоминотдела и от Польбюро – тов. Гельмана.-
3. О мощах Бобаля^ж.
- а) Ввиду отсутствия в Пол[ит]-бюро при решении этого вопроса представителей антир[елигиозной] комиссии просить Политбюро пересмотреть решение в присутствии представителя комиссии^з.
- б) Просить Политбюро в случае поднятия Наркоминделом вопросов, касающихся тактики в области религиозн[ых] организаций^н приглашать на заседание представителя Комиссии.
- 3^к. Информация о работе В.Ц.У.-
- а) Доклад принять к сведению.-
- б) Положение ВЦУ о созыве собора к опубликованию и разсылке на места разрешить; выкинуть из положения п.п. 5, 20, 27, 34, в коих говорится о признании избранными на Собор социальной револ[юции] и объединения трудящихся и пункт 32 о приглашении на собрания пребывающих на покое архиереев. Также^л выкинуть в пунк[те]^м 11 условность о причащении.
- в) До выборов на собор произвести перевыборы прих[одских] советов.
- г) Намеченных ГПУ пять Питерских церковников возглавляющих автокефальное движение в Питере во главе с епископом Ерушевичем^н – арестовать и выслать.-

4) О влиянии сектантов на Красную Армию. - Вопрос перенести на следующее заседание Комиссии. -

5) Текущие дела:

1) О декрете по поводу несовершеннолетних.

1) Проведение^о декрета^п о неприменении труда несовершеннолетних^р, при отправлении богослужения. Признать^с несвоевременным^т до созыва поместного Собора.

2) Об обложении церквей и попов налогами. -

2) Поручить т. Красикову выработать инструкцию по поводу обложения церквей налогами и^у личного^ф обложения служителей культа. Эту инструкцию разослать по линии НКЮСТА^х. Запросить Муром о закрытии церквей на почве неплатежа налогов. -

3) О комсомольской Пасхе.

3) Поручить т. Попову затребовать сведения^н от парторганизаций о результатах Комсомольского Рождества и доложить таковые на одном из следующих заседаний Комиссии.

Тоже поручить Г.П.У. запросить по своей линии. -

На след[ующем] заседании поставить вопрос об антипасхальной кампании^ч[.]

Следующее заседание Комиссии назначается во вторник 6-го Февраля в кабинете т. Калинина - в Кремле. -

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ярославский

СЕКРЕТАРЬ: Е. Тучков

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 24-25. Машинописный подлинник. Подписи - автографы. В тексте многочисленные правки черными чернилами.

Примечания:

- а № 11. – дописано от руки.
- б Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного Скворцов-Смекалов.
- в Вписано от руки в специально оставленное место. Здесь и далее в протоколах комиссии следует Цепляка.
- г Далее и до конца абзаца вписано черными чернилами слева от столбца рукой Е.М. Ярославского вместо зачеркнутого 1) Систематическая борьба с Советской властью, 2) Связь с белогвард[ейскими] организациями и Карловицк[им] Собор[ом] и 3) Противоизъятие церковных ценностей.
- д Подпункт г) вписан после предыдущего рукой Е.М. Ярославского.
- е Вписано от руки в специально оставленное место.
- ж Начиная с номера пункта, вписано рукой Е.М. Ярославского. Следует Боболи.
- з Подпункт а) вписан слева рукой Е.М. Ярославского.
- и Со слова вопросов вставлено ниже абзаца рукой Е.М. Ярославского вместо первоначально напечатанного католических вопросов и исправлено потом от руки на религиозных вопросов.
- к Так в тексте. Номер пункта совпадает с предыдущим.
- л Прописная буква правлена из строчной от руки.
- м в пунк[те] вписано от руки.
- н Так в тексте. Следует Ярушевичем.
- о Вписано над строкой от руки.
- п Последняя буква дописана от руки, первая в документе оставлена прописной.
- р Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного несовершеннолетним.
- с Так в тексте. Прописная буква правлена из строчной от руки. Далее зачеркнуто проведение декрета несовершеннолетним.
- т Вписано от руки. Далее зачеркнуты скобки, заключающие в себя слова до созыва поместного собора.
- у Далее зачеркнуто провести.
- ф Исправлено от руки из предположительно первоначально напечатанного личное
- х Это предложение вписано слева от столбца рукой Е.М. Ярославского, с указанием места вставки.
- ц Вписано над строкой от руки.
- ч Это предложение вписано слева от столбца рукой Е.М. Ярославского с указанием места вставки. Далее зачеркнуто [Слушали:] 4) О Боболе.- [Постановили:] 4) Просить Политбюро пересмотреть решение вопроса высылки Боболя за границу.- Проведение этого вопроса в Политбюро поручить тов. КРАСИКОВУ.-

Сов[ершенно] Секретно.
Хранить конспиративно.

ПРОТОКОЛ № 15

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ Ц.К.Р.К.П. 6-го Марта 1923 г.

Присутствовали: т.т. Ярославский, Красиков, Попов, Менжинский, Скворцев, Тучков. Приглашенные по делу Ципляка и Тихона т.т. Крыленко и Агранов.

ПОРЯДОК ДНЯ:

1. О В.Ц.У.
2. О деле Тихона и Ципляка[.]
3. Текущие дела:
 - а) О Булгакове и Марцинковском[.]
 - б) О мощах Александра Невского[.]
 - в) О закрытии духовных академий[.]
 - г) О календаре[.]
 - д) О сектантах[.]

СЛУШАЛИ:

1. О В.Ц.У.

ПОСТАНОВИЛИ:

- 1) Признать необходимым сохранение ВЦУ и существующих церковных обновленческих групп и после Всероссийского поместного собора.
- 2) Недопустить решения на соборе вопроса о церковной реформе, мотивируя тем, что ВЦУ и обновленческие группы к реформ[е] еще не подготовили верующих.
- 3) Ограничившись инф[ормационным] докладом об этом со стороны ВЦУ, по^а окончании собора тут-же созвать съезды в Москве всех обновленческих группировок, где поставить вопрос о церковной реформе на котором^б углубить раскол между группами,

переноса после этого работу в этом направлении на места.

2. О деле Тихона и Ципляка[.]
(Доклад т. Крыленко.)

1) Дело Тихона назначить к слушанию 25 Марта и окончить 30 Марта[.]

2) Поручить тов. ПОПОВУ через агитпропагад^в. ЦКРКП использовать в печати наиболее ценные в агитационном отношении материал по делу Тихона и Ципляка.

3) Поручить т.т. Галкину и Крыленко организовать охрану процесса и его техническую сторону[.]

4) Просить Полит-Бюро ЦКРКП дать точные директивы суду о мере наказания, приняв во внимание международную обстановку.

3. ТЕКУЩИЕ ДЕЛА:

А) О Булгакове и Марцинковском.

1) В виду того, что Германское посольство отказало в разрешении въезда БУЛГАКОВУ и МАРЦИНКОВСКОМУ в Германию выслать; первого в Чехословакию, куда въезд ему уже разрешен, а второго в Туркестан^г.

[б) О мощах Александра] Невского.

[...] комиссии о создании специального антирелигиозного музея, куда и поместить мощи Александра-Невского.

в) О закрытии духовных Академий.

Духовные академии ликвидировать, как Тихоновскую в Москве, так и евангельскую^д в Питере.

г) О календаре^е.

1) Отмену старого стиля и замену его новым, провести на поместном соборе.

2) В Государственных календарях,

никаких святых, иначе как с анти-религиозной целью не печатать. Частные календари допускать, к печатанию только по новому стилю^ж.

д) О сектантах.
(доклад ГПУ)

С целью обнаружения контр. револ[юционных] материалов, которые несомненно должны быть у сектантов, что видно из их деятельности: признать необходимым произвести обыски у Баптистов, Толстовцев и Евангелистов, в гор. Москве и Петрограде, как в молитвенных домах (общинах) так и на домах у руководителей этих сект^з.

Следующее заседание комиссии назначается на вторник 13-го Марта 1923 г.

П. П. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ[.]/ЯРОСЛАВСКИЙ/

СЕКРЕТАРЬ: / ТУЧКОВ/

«8» Марта 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 32–33об. Машинописный подлинник. Формула П[одлинный] П[одписали], подписи и число даты – автограф Е. А. Тучкова. Рядом – подписи машинописью. На л. 32 в левом верхнем углу фиолетовыми чернилами помета Е. А. Тучкова: «т[.] Самсонову». Правее фиолетовыми чернилами помета Т. П. Самсонова: «С[овершенно] Секр[етно]. т[.] Тучкову в соб[ственные] руки. 10/III[.] С[амсонов]».

На л. 33об., в середине, помета Е. А. Тучкова: «Сов[ершено] Секр[етно][.] т[.] Реброву[.] К весьма срочному исполнению[.] 11/III[.] Е. Тучков». Ниже рукой В. И. Реброва: «Исполнено[.] 19/III – В. Ребров».

Примечания:

- ^а Исправлено от руки поверх текста. Первоначально напечатанное неразборчиво.
- ^б Так в тексте. Видимо, следует на которых.

- и Так в тексте. Видимо имеется в виду агитпропагандистский отдел.
- г Этот абзац отмечен слева вертикальной чертой. Рядом поверх текста левого столбца помета Т.П. Самсонова: «С[овершенно] Сек[ретно][,] т. Тучкову[,] в отношении Марцинковского нужно немедленно [...]. 10/III[.] С[амсонов]». Два последних слова неразборчиво.
- д Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного у баптистов. Следует евангелистскую.
- е Подпункты в) и г) помечены слева вертикальной чертой. Рядом в левом поле помета рукой Т.П. Самсонова: «Нужно немедленно это выполнить».
- ж Этот подпункт помечен слева вертикальной чертой. Рядом помета Т.П. Самсонова: «Выписку тов. Славатинскому для исполнения. 10/III[.] С[амсонов]».
- з Этот подпункт выделен слева и снизу скобкой. Рядом помета Т.П. Самсонова: «т[.] Тучк[ову][.] К срочному испол[нению]. С[амсонов], 10/III».

Сов[ершенно] Секретно.
ХРАНИТЬ КОНСПИРАТИВНО.

ПРОТОКОЛ № 18

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДАЛЕНИЙ^а ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦК РКП 3-го Апреля 1923 года.

Присутствовали: т.т. ЯРОСЛАВСКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ, ПОПОВ, КРАСИКОВ, СКВОРЦОВ, ТУЧКОВ. Приглашенный по делу ТИХОНА т. КРЫЛЕНКО и по мусульманскому вопросу т.т. КОРАХАН^б и ПЕТЕРС[.]

ПОРЯДОК Д Н Я:

1. О деле ТИХОНА[.]
2. Мусульманский вопрос[.]
3. Текущие дела[:]
 - а) Рассмотрение заявления евангелистов о разрешении им созывать Всероссийского съезда.
 - б) О разрешении попу МЕРЕЦА (живоцерковник) выехать в Румынию.
 - в) О брошюре «Маяк» присылаемой из Польши в Россию.
 - г) О жалобах Тихоновцев на ВЦУ.
 - д) О неправильных действиях «Известий» вызывавшиеся в помещении нескольких заметок идущих в разрез церковной политики.

СЛУШАЛИ:

1. О деле ТИХОНА[.]

2) МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Не предвешая сейчас вопроса о числе обвиняемых, поручить т. АГРАНОВУ допросить Владимирского Митрополита Сергея^в и митрополита Киевского Михаила, как активных деятелей синода и Собора 17 г. После чего т. КРЫЛЕНКО должен решить вопрос, следует ли их привлекать в качестве обвиняемых по делу.

2) Поручить т. ПОПОВУ провести через Ц.К.^г смету расходов по процессу ТИХОНА[.]

3) Поручить тов. КРЫЛЕНКО озаботиться постановкой стенограммы с первого дня процесса.

4) Поручить т.т. ЯРОСЛАВСКОМУ и ТУЧКОВ[У] распределение для входа на процесс билетов.

5) Признать целесообразным привлечение т. КРАСИКОВА обвинителем по делу.

6) Считать необходимым вызов на суд и допрос в качестве свидетелей Введенского и Красницкого.

1) Признать необходимым начать подготовительную печатную кампанию против реакционного мусульманского духовенства, используя антисоветские, враждебные выступления мусульманского духовенства (Египетского Муфтия, Турецких мулл и др.)^д[.]

2) Ни в каком случае не допускать преподавание карана^е и вообще религиозных преподаваний в школах.

3) Делегировать немедленно после партийного съезда 2-х ответст-

венных представителей антирелигиозной Комиссии в Туркестан и Северный-Кавказ для изучения вопроса борьбы с мусульманской реакцией^ж [...] землях, судах и т. д.

4) Во время партийного съезда устроить совещание наиболее компетентных товар[ищей] с мест[.]

5) Поручить тов. ПЕТЕРСУ активно вмешаться во Всероссийский мусульманский съезд, и образовать «Обновленческую» группу.

3. ТЕКУЩИЕ ДЕЛА.

а) Рассмотрение заявления евангелистов о разрешении им созыва Всероссийского съезда.

а) Признать возможным допущение съезда после Всемирного конгресса сектантов.

б) О разрешении попу МЕРЕЦА (живоцерковника) выехать в Румынию.

б) разрешить.

в) О брошюре «Маяк» пересылаемой из Польши в Россию.

в) конфисковать[.]

г) О жалобах Тихоновцев на ВЦУ[.]

г) Предложить т. КРАСИКОВУ при приеме жалоб от Тихоновцев никаких им удостоверений на руки не выдавать. Словестные ответы должны быть даны в таком виде, чтоб моральный авторитет «обновленцев» был сохранен.

2) Поручить т. ТУЧКОВУ указать кому следует, чтобы «обновленцы» при изгнании из церкви Тихоновцев придерживались существующих по этому поводу правил.

д) О неправильных действиях «Известий» выразившиеся в помещении нескольких заметок идущих в разрез церковной политики.

д) Поручить тов. ПОПОВУ поставить вопрос в ЦК о выпрямлении линии «Известий»[.]

СЛЕДУЮЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ НАЗНАЧАЕТСЯ
НА ВТОРНИК 10/IV[.]

П[.]П[.] ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Комиссии: /Ярославский/
СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ: /ТУЧКОВ/

«5» Апреля 1923 года.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 38–39. Машинописный подлинник. В тексте большое количество опечаток и орфографических ошибок. Формула П[одлинный] П[одписали], подписи и число даты – автограф Е.А. Тучкова. Рядом – подписи машинописью. На л. 38 в левом верхнем углу помета фиолетовым карандашом рукой Е.А. Тучкова: «С[овершенно] Секр[етно][.] т. Самсонову».

Примечания:

- а *Очевидная опечатка. Должно быть ОТДЕЛЕНИЯ.*
- б *Так в тексте. Следует КАРАХАН.*
- в *Так в тексте. Следует Сергия.*
- г *Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного Ц.М.*
- д *Этот подпункт помечен фиолетовыми чернилами. Рядом с ним внизу листа помета теми же чернилами рукой Т.П. Самсонова: «т. Тучков переговорите об этом с т. Славатинским у него имеется один т. референт который в этом вопросе вам может быть весьма полезным. О результатах мне доложить. 7/4 С[амсонов].»*
- е *Так в тексте. Следует Корана.*
- ж *Далее вписано одно слово фиолетовым карандашом неразборчиво.*

Совершенно Секретно.
Хранить конспиративно.

ПРОТОКОЛ № 19^а

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦК РКП, 10 Апреля 1923 г.

Присутствовали: т.т. ЯРОСЛАВСКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ, ПОПОВ, СКВОРЦОВ И ТУЧКОВ.

П О Р Я Д О К Д Н Я:

- 1) О процессе Тихона[.]
- 2) Вопросы комиссии связанные с предстоящим партийным съездом[.]
- 3) Текущие дела.

СЛУШАЛИ:

1) О процессе Тихона[.]

2) Вопросы Комиссии связанные с партийным съездом.

3) Текущие дела.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Перевод Тихона из Донского монастыря во внутреннюю тюрьму ГПУ, произвести после вручения ему обвинительного акта, а до перевода усилить в монастыре охрану.

2) Процесс Тихона начать по окончании партийного съезда.

3) Распределенные Верховным Судом билеты для входа на процесс Тихона анулировать заменить их новыми другого цвета.

1) Поручить тов. ПОПОВУ выработать резолюцию для съезда по вопросу антирелигиозной пропаганды.

2) Поручить тов. ЯРОСЛАВСКОМУ и ПОПОВУ во время партийного съезда созвать секретное совещание из ответственных товарищей с мест и сделать ему же инструктивный доклад по вопросу церковной политики, а также и о сектантском движении и борьбы с ним.

3) Созвать такое-же совещание из тов. компетентных в Мусульманском для более правильного и всестороннего освещения этого вопроса[.] Организовать совещание поручается т. Ярославскому, Попову и Петерсу.

Вопросов не было.

СЛЕДУЮЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ НАЗНАЧАЕТСЯ ВО
ВТОРНИК 17 АПРЕЛЯ 1923 ГОДА[.]

П[.]П[.] ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: /ЯРОСЛАВСКИЙ/
СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ: /ТУЧКОВ/

«12» Апреля 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 40. Машинописный подлинник. Формула П[одлинный] П[одписали], подписи и число даты – автограф Е.А. Тучкова. Под подписью Ярославского, выполненной рукой Е.А. Тучкова, красными чернилами автограф самого Е.М. Ярославского. Рядом – подписи машинописью. В левом верхнем углу листа фиолетовыми чернилами помета рукой Е.А. Тучкова: «Т[.] Ярославскому».

Примечание:

^a Первоначально напечатанный №19 исправлен от руки на 20, потом, также от руки, вновь на 19.

Сов[ершенно] Секретно[.]
Хранить конспиративно[.]

ПРОТОКОЛ № 20^a

**ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦК РКП 4 мая 1923 г.**

Присутствовали: т.т. МЕНЖИНСКИЙ, ПОПОВ, СКВОРЦОВ,
ЯРОСЛАВСКИЙ, САМСОНОВ, ТУЧКОВ.

ПОРЯДОК ДНЯ:

1) Доклад тов. ТУЧКОВА о ходе Собора.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Доклад тов. ТУЧКОВА о ходе работы Собора^б.

1) Доклад принять к сведению.
2) Ввиду того, Красницкий вследствие упадка его авторитета среди большей части соборян может попытаться устроить на соборе скандал, дабы дискредитировать^в председ[ателя] Собора – БЛИНОВА, – поручить т. ТУЧКОВУ принять меры к устранению этого явления и вовлечь КРАСНИЦКОГО в активную согласованную работу Собора.

3) Против получения обещанных епископом Блейк[ом]^г ВЦУ пяти тысяч долларов не возражать, причем деньги дол-

жны находиться в государственно[ых] финансовых учреждениях.

4) Депутацию Собора для снятия сана с Тихона допустить. Проведение этого поручить Г.П.У.

5) Список Пленума ВЦУ поручить посмотреть тов. ТУЧКОВУ и ПОПОВУ.

П.П. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: / ЯРОСЛАВСКИЙ/
СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ: /ТУЧКОВ/

«10» Мая 1923 г.

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 1. Машинописный подлинник. Плохая сохранность текста. Формула П[одлинный] П[одписали], подписи и число даты – автограф Е.А. Тучкова. Рядом – подписи машинописью. В правой верхней части листа красными чернилами помета Т.П. Самсонова: «С[овершенно] секр[етно]. т. Тучкову, лично. 12/5[.] Самсонов».

Примечания:

- а *Формула секретности и номер протокола вписаны фиолетовым карандашом от руки.*
- б *Последнее слово дописано от руки тем же карандашом.*
- в *Исправлено от руки из первоначально напечатанного дискриминировать.*
- г *Вписано от руки.*

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО[.]
ХРАНИТЬ КОНСПИРАТИВНО.

ПРОТОКОЛ № 24.

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ Ц.К.Р.К.П. 12 ИЮНЯ 1923 ГОДА.-

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯРОСЛАВСКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ,
ПОПОВ, ТУЧКОВ.-

ПОРЯДОК ДНЯ:

- 1) О Тихоне[.]
 - 2) О староверах[.]
 - 3) О Проханове[.]
 - 4) О «Безбожнике»[.]
 - 5) О церковных праздниках[.]
- Тек[ущие] дела:
- а) О Кавказских малоканах^а.

Слушали:

Постановили:

[1]. О Тихоне.

1) Следствие по делу Тихона вести без ограничения срока.

2) Тихону сообщить, что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения, если:

а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершенных против Советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях и выразит теперешнее лояльное отношение к Советской власти, б) что он признает справедливым состоявшееся привлечение его к суду за эти преступления.

в) отмежуетя открыто и в резкой форме от всех к[онтр]-рев[олюционных] организаций, особенно белогвардейских, монархических организаций, как светских, так и духовных.

г) Выразить резко отрицательное отношение к Карловицкому Собору и его участникам.

д) Заявить о своем отрицательном отношении к проискам, как католического духовенства, так и епископа Кентерберийского и Константинопольского патриарха Мелетия[.]

е) выразить согласие с некоторыми реформами в церковной области (например новый стиль).

3) В случае согласия освободить его и перевести в Валаамск[ое]^б подворье не запрещая ему церковной деятельности.

2) О староверах.

[2]]Разрешить староверам по примеру «обновленцев» организовать в Москве ВЦУ, поручить т. Тучкову проследить за его деятельностью.

- 3) О ПРОХАНОВЕ[.] [3]) Предложение ГПУ об использовании Проханова для^в перемены взгляда^г сектантства на красную армию^д одобрить.
- [4]) О «Безбожнике»[.] 4) Предложить каждому члену антирелигиозной Комиссии писать ежемесячно не менее 2-х в «безбожник» статей.
- [5]) О церковных праздниках [д]ля нового календаря. 5) Церковные праздники должны быть оставлены в таком же количестве, как в прошлом году.
- 6) Тек[ушие] дела: [6]) Поручить тов. ТУЧКОВУ: а) переговорить по этому поводу лично с прибывшим в Москву тов. Могилевским.
- а) О Молоканах на Кавказе.

СЛЕДУЮЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ НАЗНАЧАЕТСЯ ВО ВТОРНИК 19 ИЮНЯ 1923 ГОДА^е.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: (ЯРОСЛАВСКИЙ).-

СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ: (ТУЧКОВ).-

«14^ж» Июня 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 10-11. Машинописный подлинник. Подписи – автографы, рядом машинописью. На л.10 сверху помета красно-фиолетовыми чернилами: «Срочно. Совершенно секретно[.] Лично[.] ГПУ[.] т. Тучкову». На том же листе в правом верхнем углу фиолетовыми чернилами помета Е.А.Тучкова: «Тов. Ярославскому[.] Прошу подписать и вернуть мне к делам[.] 14/6[.] Е. Тучков». В столбце «Слушали» ниже пункта 1 помета красно-фиолетовыми чернилами: «принято ИМ».

Примечания:

- а *Так в тексте. Следует молоканах.*
- б *Вписано от руки в специально оставленное место.*
- в *Далее зачеркнуто одно слово, неразборчиво. Возможно разложения.*
- г *перемены взгляда вписано над строкой от руки.*
- д *на красную армию вписано над строкой от руки.*
- е *Подчеркнуто от руки чернилами.*
- ж *Вписано рукой Е.А.Тучкова.*

Сов[ершенно] Секретно.
Хранить конспиративно.^а

ПРОТОКОЛ № /25^б

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦКРКП 19 ИЮНЯ 1923 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. ЯРОСЛАВСКИЙ, ПОПОВ, МЕН-
ЖИНСКИЙ, ЛОГИНОВ, ТУЧКОВ И ПРИГЛАШЕННЫЙ: по воп-
росу о мусульманском съезде – тов. ПЕТЕРС.-

Порядок дня:

- 1) Рассмотрение заявлений ТИХОНА[.]
- 2) О резолюции XII съезда об антирелигиозной пропаганде.
- 3) О съезде Калмыцкого духовенства.
- 4) Информа[ция] т. ПЕТЕРСА о мусульманском съезде духовенства.
- 5) О злоупотреблении сектантами дикретом об освобождении их от военной службы.

С л у ш а л и :

П о с т а н о в и л и :

- 1) Рассмотрение зая- 1) Заявление Тихона, адресованное в Вер-
лений Т и х о н а [.] х[овный] Суд размножить и срочно разослать
всем членам П[олитбю]ро для ознакомления.
- 2) В воззвании к верующим внести некото-
рые поправки.
- 3) Независимо от этих 2-х обращений Тихон
должен написать 3-е обращение к верующим
в котором не касаясь «обновленцев» выска-
зать следующее:
 - а) Признание своего преступления против
Соввласти и Трудящихся России.
 - б) Осуждение действий Антония Храпо-
вицкого и др.
 - в) О том, что Мелетий ставленник Англии
и т. д.
 - г) Резко высказаться против Польского пра-
вительства, русских и иностранных белогвар-
дейцев, которые, якобы его, толкнули на прес-
тупление против Соввласти и^в
 - д) о введении в церковном мире новой
орфографии.

- 4) Все это поручить провести тов. ТУЧКОВУ в пятидневный срок и доложить на следующем заседании к о м и с с и и.
- 5) Изменение меры пресечения Тихону комиссия считает возможным.
- 2) О резолюции XII съезда РКП об антирелигиозной пропаганде[.] 2) Просить ЦКРКП ускорить утверждение резолюции об антирелигиозной пропаганде XII съезда РКП. Указать, что дальнейшая задержка принесет на местах большой вред вследствие отсутствия конкретных указаний.
- 3) О съезде Калмыцкого духовенства. 3) Признать возможным созыв съезда, поручить тов. ПЕТЕРСУ проследить за его работой.
- 4) Информация т. ПЕТЕРСА о мусульманском съезде духовенства. [4)] Принять к сведению.
- [5)] О злоупотреблении сектантами декретом об освобождении их от военной службы[.] 5) Перенести вопрос на следующее заседание Комиссии, на которое пригласить тов. К р ы л е н к о.

Следующее заседание Комиссии назначается на вторник 26 Июня в 12 часов дня.^Г

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ : (ЯРОСЛАВСКИЙ)

СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ : (ТУЧКОВ)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 12-13об. Машинописный подлинник. Подписи – автографы, рядом машинописью. На л. 12 в левом верхнем углу фиолетовыми чернилами помета Е.А. Тучкова: «Тов. Ярославскому[.] Прошу подписать и вернуть мне[.] 20/6[.] Е. Тучков».

На л. 13об. в центре черными чернилами помета: «Срочно. Лично[.] отправить секрет[...]^А [.] Г.П.У. т. Тучкову».

Примечания:

- а Подчеркнуто от руки чернилами.
 б Косая черта и номер протокола вписаны от руки.
 в Так в тексте.
 г Подчеркнуто от руки чернилами.
 д Последние несколько букв неясны.

Сов[ершенно] Секретно[.]
ХРАНИТЬ КОНСПИРАТИВНО[.]

ПРОТОКОЛ № 26

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦК РКП (б) 26 ИЮНЯ 1923 ГОДА[.]

Присутствуют: т.т. ПОПОВ, МЕНЖИНСКИЙ, СМИДОВИЧ,
ЛОГИНОВ, ЛИХАЧЕВ, ТУЧКОВ и приглашенный по делу ТИХО-
НА т. Крыленко.

Порядок дня:

1. О Тихоне и Тихоновщине[.]
2. О сектантстве[.]
3. Текущие дела:
 - а) о регистрации устава Объединенного Совета религиозных общин на Кавказе.
 - б) Тоже^а устав «Свободно-Трудовой церкви».
 - в) о церковных ценностях эвакуированных из Польши во время империалистической войны, хранящихся в Металлфонде.
 - г) о слиянии В.Ц. рады с ВУ ВЦУ.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

[1] О Тихоне и Тихоновщине.

1) а) Тихона из под стражи освободит[ь] 27 июня.

б) Воззвание-обращение^б и опровержение Тихона поручить опубликовать т.т. ПОПОВУ и ТУЧКОВУ.

в) Воззвание и обращение должны быть предварительно опубликованы не в газетах, а на особых листках.

г) Поручить ГПУ производить постепенную ликвидацию дел связанных с изъятием ценностей, воззваниями Тихона освобождая от наказания тех тихоновцев, которые публично заявят о своем раскаянии.

д) В отношении тех церковников, кои не пожелают раскаться в своих преступлениях, а будут продолжать свою

деятельность и впредь независимо от заявлений Тихона, продолжать политику репрессий.

е) Поручить ГПУ в течении ближайших 3-х месяцев пересмотреть все дела высланных церковников на предмет амнистирования наименее из них вредных.

2. О СЕКТАНТСТВЕ.

2) а) Поручить Н.Н. ПОПОВУ использовать в печати все материалы компрометирующие сектантов с точки зрения их антимилитаризма.

б) поручить ГПУ усилить работу по разложению сектантства.

в) Поручить т. СМИДОВИЧУ на ближайшей сессии ВЦИК провести вопрос об изменении декрета по поводу освобождения сектантов от военной службы на тот предмет, -чтобы сектанты не могли злоупотреблять этим декретом, как это было до сих пор.

3. ТЕКУЩИЕ ДЕЛА:

а) о регистрации устава Объединенного Совета религиозных общин на Кавказе.

б) Тоже устава «Свободно-Трудовой церкви».

в) о церковных ценностях эвакуированных из Польши во время империалистической войны, хранящихся в Металлфонде.

г) О слиянии ВЦ рады с ВУ ВЦУ.

а) В регистрации отказать, поручить ГПУ сообщить НКВД мотивы отказа.

б) От регистрации пока воздержаться.

в) хранить в прежнем положении особо от остальных ценностей впредь до особого распоряжения.

г) Признать возможным допущение слияния ВУ ВЦУ с теми элементами из ВЦ рады, кои стоят на такой же позиции как и первые.

С теми элементами из В.Ц. рады которые откажутся от слияния, вести борьбу.

СЛЕДУЮЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ НАЗНАЧАЕТСЯ ВО
ВТОРНИК 4 ИЮЛЯ В 12 ЧАСОВ Д Н Я.-

ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ: (ПОПОВ)

СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ: (Тучков)

«26^в» июня 1923 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 14-15. Машинописный подлинник. Подписи – автографы, рядом машинописью. На л. 14 в левом верхнем углу фиолетовыми чернилами помета Е. А. Тучкова: «Н. Н. Попову[.] Прошу подписать и вернуть обратно мне к делам[.] 29/6[.] Е. Тучков».

Примечания:

- ^а Так в тексте.
- ^б Так в тексте.
- ^в Вписано рукой Е. А. Тучкова.

Сов[ершенно] Секретно.
ХРАНИТЬ КОНСПИРАТИВНО.

ПРОТОКОЛ № 33

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦК РКП ОТ 5 АВГУСТА 1923 ГОДА.

Присутствовали: т. т. ЯРОСЛАВСКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ,
ТУЧКОВ[.]

ПОРЯДОК ДНЯ:

1. О процессе ТИХОНА[.]
2. О протесте Главлита по поводу конфискации возвания Тихона.
3. О неправильных заметках в газетах о новом аресте Тихона.
4. О беспартийном обществе «АТЕИСТ»[.]
5. О неправильно взятой линии Питерскими газетами в связи с освобождением Тихона.
6. Рассмотрение проэкта инструкции о регистрации общин православного вероисповедывания.
7. О возваниях.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

1. О процессе ТИХОНА. 1.^а 1)^б Освобождение^в Тихона внесло полнейшую сумятицу в монархические и белогвардейские ряды 2) дало возможность выявлять наиболее видных черносотенцев, которые уже начинают^г отходить от Тихона вследствие его теперешнего отношения к Соввласти 3) усилило антагонизм Тихоновцев с обновленцами и тем самым вызвало полнейший церковный скандал^д 4) вызванная освобождением Тихона непримиримость обновленцев^е [с] тихоновцами^ж внесла^з в церковь форменный распад^{и,к}; 5) начавшееся^л соревнование^м Тихоновцев с обновленцами в^н том, кто из них более виновен перед Соввластью и кто больше принесет ей^о пользы; 6) борьба этих двух течений еще только, что начала развиваться.^п 7) Суд над Тихоном теперь предал бы ореол мученика, который с него можно целиком сорвать его дальнейшим сотрудничеством с Соввластью. 8) Необходимо чтоб над Тихоном продолжала висеть угроза суда.^р Комиссия^с находит поэтому, что^т судить Тихона теперь не своевременно.
2. О протесте Главлита по поводу конфискации воззвания Тихона. 2. а) предложить Завед[ующему] Главлитом, чтобы все произведения религиозного характера (воззвания, послания, брошюры и т.д.) на время отсутствия тов. ПОПОВА посылались на предварительный просмотр члену комиссии тов. ТУЧКОВУ.
б) Конфискацию воззвания ТИХОНА считать правильной.
3. О неправильных заметках в газетах о новом аресте Тихона. 3. Ввиду появления заметок в некоторых провинциальных газетах («Красный Север[»] № 18 Вологда) о новом аресте Тихона, поручить тов. Тучкову выяснить

откуда эти ложные сведения взяты и принять меры к устранению таковых.

4. О безпартийном обществе «АТЕИСТ»[.]	4. Предложить инициаторам этого общества обратиться со своим проектом в общем порядке через НКВД.
5. О неправильно-взятой линии Питерскими газетами в связи с освобождением Тихона.	5. Обратить внимание Зав[едующего] Агитпропом на неправильно-взятую линию Питерской прессой и парторганами о поддержке Тихона и против обновленцев.
6. Рассмотрение проекта инструкции о регистрации религиозных общин православного вероисповедания.	6. Инструкцию принять и срочно провести через П[олитбю]ро, предварительно согласовав ее с НКВД и НКЮ.
7. О воззваниях.	7. Поручить т. Тучкову все воззвания по экземпляру разсылать всем членам комиссии до их опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: (ЯРОСЛАВСКИЙ)

СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ: (ТУЧКОВ)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 24-25. Машинописный подлинник. Номер протокола вписан от руки. Подписи - автографы, рядом машинописью. На л. 24 в левом верхнем углу фиолетовым карандашом помета Е.А. Тучкова: «5 экз[емпляров][.] К делу[.] [Е. Тучков[.] 11/8]». В правом верхнем углу тем же карандашом его же помета: «Тов. Ярославский, прошу срочно просмотреть и вернуть мне[.] 8/8[.] Е. Тучков». Текст содержит многочисленные правки рукой Е.М. Ярославского и Е.А. Тучкова.

Примечания:

- ^а Далее зачеркнуто Принимаю во внимание, что.
- ^б Номера подпунктов с 1) по 5) вписаны от руки непосредственно в текст документа.
- ^в Прописная буква правлена из строчной от руки.
- ^г Далее зачеркнуто и.
- ^д Далее зачеркнуто и что.
- ^е Далее зачеркнуто с одной стороны и.

- ж *Исправлено от руки из первоначально напечатанного Тихоновцев. Далее зачеркнуто с другой.*
- з *Исправлено от руки из первоначально напечатанного внесло.*
- и *Исправлено от руки. Первоначально напечатанное неясно, возможно раскол.*
- к *Далее зачеркнуто и ввиду.*
- л *Исправлено от руки из первоначально напечатанного начавшегося.*
- м *Исправлено от руки из первоначально напечатанного соревнования.*
- н *Исправлено от руки из первоначально напечатанного о.*
- о *Вписано от руки в левом поле.*
- п *Этот подпункт дописан от руки фиолетовым карандашом после последнего предложения абзаца. Номер подпункта проставлен от руки чернилами.*
- р *Подпункты 7) и 8) вписаны в левом поле рукой Е.М. Ярославского.*
- с *Прописная буква правлена из строчной от руки.*
- т *поэтому, что вписано над строкой от руки.*

Приложение III.

**Протоколы Бюро
Центральной Комиссии по изъятию
церковных ценностей (КИЦЦ)**

Протокол № 1

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 21/III-22 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Члены бюро: т.т. САПРОНОВ, ЯКОВЛЕВ, УНШЛИХТ, ВИНОКУРОВ и КРАСИКОВ.

Порядок дня:

1. Предложение Главмузея о дополнениях к пункту 6-му Инструкции В.Ц.И.К.
2. Инструкция об оставлении предметов церковных ценностей, необходимых для культа.
3. О местопребывании Бюро.
4. О финансировании.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

1. Предложение Главмузея о дополнениях к пункту 6-му Инструкции В.Ц.И.К. Подтвердить к неуклонному исполнению пункт 6-й Инструкции по изъятию исторически-музейных ценностей с дополнением, чтобы Главмузей и Губмузеи своевременно присылали своих представителей. Неявка представителей Главмузея и Губмузея не останавливает изъятие. Обратить внимание Комиссии, что при упаковке и отправке изымаемых музейных ценностей, необхо-

димо как можно более осторожное отношение.

2. Инструкция об оставлении предметов церковных ценностей, необходимых для культа. Инструкцию предложенную тов. Красиковым с поправками утвердить. По вопросу относительно замены церковных ценностей другими ценностями, поручить т.т. Красикову и Яковлеву, предложенную^а тов. Красиковым Инструкцию, согласовать с директивами Политбюро ЦК.
- Тов. КРАСИКОВ:
3. О местопребывании Бюро. Установить постоянное пребывание Бюро при Президиуме В.Ц.И.К., а Под' Комиссии агитации и пропаганды в Агитпрофе^б ЦКРКП (б). Установить дни заседаний в понедельник, среду и пятницу в 4 часа.
- тов. Сапронов.
4. О финансировании. Поручить выработать сметное предположение т.т. Сапронову, Винокурову и Базилевичу, к пятнице 24/III с.г.
- Тов. Сапронов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ[:] (САПРОНОВ.)

СЕКРЕТАРЬ[:] (ЛИЦИС.)

С подлинным верно: Секретарь В. Лицис.

«22^в» марта 1922 г.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 32. Заверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи – машинописью. Подпись заверителя – автограф В. Лициса.

Примечания:

- ^а Первая буква правлена из прописной в строчную от руки. Перед этим точка исправлена на запятую.
- ^б Так в тексте. Следует Агитпропе.
- ^в Вписано от руки.

[Совершенно] Секретно.

Протокол № 2
Заседания Бюро Центральной Комиссии
От 24-го Марта 1922 года.

Присутствовали: т.т. САПРОНОВ, УНШЛИХТ, ЯКОВЛЕВ, ВИНУКUROV, КРАСИКОВ.

Слушали:

1. Доклад о смете.
тов. БАЗИЛЕВИЧ.

[2]. Доклад об изъятых
ценностях в Гохране.
Тов. БАЗИЛЕВИЧ.

[3]. Секретная инструкция
для руководства Комиссиям
по изъятию церковных
ценностей.

Постановили:

1. Смету утвердить, сократив до 2-х миллионов, остальную часть расходов за счет Гохрана и выяснить возможность части расходов по агитации и пропаганде за счет Главполитпросвета.

Поручить тов. БАЗИЛЕВИЧУ эту смету переработать соответственно внесенной поправке.^a

При разработке пользоваться аппаратом Гохрана и провести ее через соответствующий орган.^b

По вопросу о задержании попов на станции Инзол поручить тов. УНШЛИХТУ это дело срочно расследовать и доложить на заседании 27-го Марта.

2. Предложить тов. БАЗИЛЕВИЧУ сделать доклад по вопросу о подсчете и оценке ценностей на заседании Комиссии 27-го Марта.

3. Пункт 4-й данной инструкции заменить в следующем виде:

«В случае, если будут встречаться литые из благородных металлов иконы или кресты особо чтимые или так называемые чудотворные, судя по местным условиям, Комиссии могут изъятия отсрачивать. Ходатайство о замене их соответствующим эквивалентом разрешается ЦК Помголом».

Обязать тов. ЯКОВЛЕВА принять меры к тому, чтобы все газеты усилили печатание соответствующих статей и информаций.

Ввести в Центральное Бюро тов. ВИНОКУРОВА, которому принять дела от тов. САПРОНОВА.

За неимением другого кандидата по Москве ввести тов. МЕДВЕДЯ, обязав тов. УНШЛИХТА облегчить его работу в М.Г.П.О.

Поручить тов. ЯКОВЛЕВУ через ПУР дать соответствующую директиву по привлечению к активной работе по изъятию церковных ценностей Красной Армии.^В

[4.] Инструкция о транспортировании церковных ценностей с мест нахождения в Гохран.

4. Инструкция утверждается.

Председатель: (САПРОНОВ).

Секретарь: (ЛИЦИС).

С подлинным верно: С [...]

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 33. Незаверенная машинописная копия. Подписи – машинописью.

Примечания:

^а Этот абзац помечен слева чернильным крестиком.

^б Слева от этого абзаца рукописная помета похожая на цифру 2.

^в См. сноску а.

Сов[ершенно] Секретно.

Протокол № 3.
Заседания Бюро Центральной Комиссии
от 27-го марта 1922 г.

Присутствовали: т.т. Винокуров, Белобородов, Уншлихт, Яковлев, Красиков, Медведь.

Порядок дня:

- 1) Чтение директив ЦК[.]
- 2) " письма тов. Троцкого[.]
- 3) Доклад тов. Уншлихта о воровстве попов[.]
- 4) Доклад тов. Яковлева об агитационно-литературной Кампании в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей].
- 5) Текущие дела[:]
 - а) о замене церк[овной] утвари менее ценными вещами.
 - б) заявление т. Троцкой.

С л у ш а л и :

П о с т а н о в и л и :

- 1) Чтение директив ЦК. Поручить тов. Яковлеву следить за точным исполнением директив ЦК в печати.
- 2) Чтение письма тов. Троцкого.
 - 1) Ввести в Центральную и Московскую Комиссии тов. Муралова.
 - 2) Пункт 2-ой письма тов. Троцкого о предписании Губкомам и Губисполкомам о даче директивы лойяльному духовенству о точном и прямом призвании ими верующих к изъятию ц[ерковных] ц[енностей], - принять, поручить тов. Винокурову составить проект согл[асно] пункту 2-му письма т. Троцкого и разослать таковой через аппарат ЦКРКП шифром.
 - 3) Пункт 3-ий письма тов. Троцкого о поверхностном произв[едении] изъятия на местах и разработке по этому вопросу точной инструкции, - принять, поручить тов. Винокурову составить соот-

- в[етствующую] телеграмму и разослать шифром по линии ЦКРКП за подписью Молотова и Калинина.
- 4) Поручить тов. Белобородову созвать совещание секретарей Губкомов, Обкомов, председателей Губисполкомов и Крайобкомов, – сговориться с делегациями и установить время и час.
- 3) Доклад тов. Уншлихта о воровстве попов.
- 1) Поручить тов. Базилевичу по вопросу о ст[анции] Инзе прислать в ГПУ свидетеля.
- 2) Предложить ГПУ присылать Комиссии^а все материалы по поводу кражи церковных ценностей.
- 3) Предложить ГПУ дать распоряжение на места чтобы^б перед производством изъятия ценностей производить проверку последних по инвентарным описям, составленным при передаче инвентаря для пользования верующим.
- 4) Доклад тов. Яковлева по агитационно-литературной кампании в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей].
- 1) Предложить ГПУ присылать на имя тов. Яковлева информац[ионные] сводки по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] для дальнейшей обработки и помещения в печати.
- 2) В течение ближайших двух недель тов. Яковлев должен^в регулярно созывать совещание редакторов центральных газет[.]
3. Послать последнюю директиву Политбюро ЦК по линии Роста в провинции.
4. Смету в два миллиона золотых рублей утвердить, в том числе и 100.000 рублей на расходы для усиления агитации.
- 5) Текущие дела.
- а) О замене церковной утвари менее ценными вещами.
- Смету провести, – поручить тов. Белобородову.
- Поручить тов. Базилевичу в срочном порядке выяснить какие и сколько имеют-

ся вещи пригодные к замене церковной утвари в Гохране: и оповестить местные комиссии на предмет замены ими изымаемых ц[ерковных] ц[енностей].

- б) Заявление т. Троцкой. Считать, что пункт 6-ой инструкции об изъятии и дополнение к нему принятое на заседании Бюро ЦК от 21/III с. г., вполне обеспечивает изъятие музейных ценностей, а потому считать издание нового циркуляра излишним.

Председатель: (БЕЛОБОРОДОВ).

Секретарь: (Лицис).

« » марта 1922 года.

с подлинным верно:
секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 34-34об. Незаверенная машинописная копия. Правка в тексте - простым карандашом. Подписи - машинописью, рядом автограф А.Г. Белобородова.

Примечания:

- ^a Вписано от руки над строкой.
^b Со слова дать вписано от руки над строкой.
^b тов. Яковлев должен вписано от руки.

Сов[ершенно] Секретно.

Протокол № 4
Заседания Бюро Центральной Комиссии
от 29-го марта 1922 г.

Присутствовали: т.т. Белобородов, Уншлихт, Яковлев, Базилевич, Красиков, Винокуров, Медведь, Осипов.

Порядок дня:

- 1) Вопрос о сосредоточении изъятых ценностей и контроль над изъятием их.
- 2) Доклад об изъятии ц[ерковных] ц[енностей] в Калуге.

- 3) О направлении приезжающих крестьян из голодных губерний в МК для ведения агитации и выступлений на митингах.
- 4) Письмо тов. Троцкого о инструкции Главмузея.
- 5) Текущие дела.

С л у ш а л и :

- 1) Вопрос о сосредоточении изъятых ценностей и контроль над изъятием их.
т. Уншлихт.

- 2) Доклад об изъятии ц[ерковных] ц[енностей] в Калуге.
т. Осипов.

П о с т а н о в и л и :

1. Считать, что проверку, насколько полно происходит изъятие на местах, сосредоточить по линии ГПУ.
2. Возложить на тов. Аркуса и Базилевича связаться, по вопросу о доставке ценностей в центр, с Финотделами^а.
3. Считать, что все сведения об изъятых ценностях должны сосредотачиваться в аппарате Гохрана.
4. Вопрос о начале изъятия ценностей на местах внести на совещание Губкомов, установив предварительный срок с 5 по 10 апреля.
5. Обязать ГПУ регулярно давать сведения о количестве изъятых вещей по отдельным церквам для использов[ания] в печати^б.
- По поступлении сведений в финотделы^в, они сообщают об этом в адрес Гохрана тов. Базилевичу.
6. Все полученные в Бюро ЦК сведения должны немедленно публиковаться официально от имени ЦКПомгол.

Доклад принять к сведению.
Установить, что при изъятии ц[ерковных] ц[енностей] в Калужской губернии, указанные представителем Губмузея ценности имеющие ценный характер, вопреки пункт 6 имеющейся инструкции, оставлены в действующих церквах.
Предложить Калужской Комиссии по изъятию исполнить пункт 6 инструкции изъять остальные ценности и перенести таковые в Губмузей.

Констатировать, что при изъятии не было возможности заменять ценные вещи малоценными за отсутствием последних.

Предложить Калужской Комиссии и дать директиву всем остальным Комиссиям произвести изъятие излишних малоценных предметов культа и заменить ими полноценные.

(пример: чаши, диски и пр.)

Констатировать, что изъятие было осложнено распоряжением представителя Главмузея^д (Померанцев) инструкции которого не были согласованы с ЦКПомголом.

Дать директивы местным Комиссиям, что они должны руководствоваться только инструкциями исходящими из ЦКПомгол и ВЦИК.

3. О направлении приезжающих крестьян из голодных губерний в МК для ведения агитации и выступлений на митингах.

1. Направлять в МК только тех лиц о которых выяснено, что они действительно являются сторонниками изъятия.

2. Поручить тов. Моргунову сговориться с тов. Землячкой о количестве необходимых для выступления на митингах ходоков из голодающих губерний.

4) Письмо т. Троцкого о инструкции Главмузея.

Предложить т.т. Красикову и Базилевичу разработать на основании письма т. Троцкого дополнительную инструкцию, и внести в Бюро вызвав на заседание Бюро двух ответственных представителей Главмузея – коммунистов.

5) Текущие дела.

а) Телеграмма из Пскова об оставлении риз в бедных деревнях.

Предложить Псковской Комиссии руководствоваться инструкцией Политбюро.

б) Телеграмма из Рязани об изъятии из эвакуированного из Ломжи кафедрального собора.

Ценности эвакуированные^е из Ломжинского Кафедрального собора, как православного, изъять.

- в) О печатной агитации. Обязать ГПУ давать тов. Яковлеву информационный материал о мятежных позах и их контр-революционной деятельности в связи с изъятием, а также судебных процессах для опубликования.
- г). Сведения имеющ[ие] в Гохране о церковной утвари годной для замены ею ц[ерковных] ценностей. т. Базилевич.
1. Прекратить продажу церковной утвари из складов М. финотдела^ж и М.отдела Управления с целью замены ею ценной церковной утвари.
 2. Затребовать у тов. Базилевича опись этой утвари, полученную у тов. Бассиаса, ему же поручить получение дополнительной описи из Губ. отдела Управления.
 3. т. Базилевичу отметить из описей необходимые для замены предметы, которые не подлежат продаже.

Председатель: (Белобородов)

Секретарь: (Лицис)

« » марта 1922 года.

с подлинным верно:
секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 35–35об. Незаверенная машинописная копия. Подписи – машинописью, рядом автограф А. Г. Белоборова.

Примечания:

- ^а Исправлено от руки из первоначально напечатанного Финотделом.
- ^б Со слова для вписано в строке от руки.
- ^в Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного Наркомфинотделы.
- ^г Вписано над строкой от руки.
- ^д Исправлено от руки из первоначально напечатанного Губмузея.
- ^е Вписано над строкой от руки.
- ^ж Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного М. Губфинотдела.

с[овершенно] секретно.

ПРОТОКОЛ № 5

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 31/III-22 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, УНШЛИХТ, ЯКОВЛЕВ, БАЗИЛЕВИЧ, КРАСИКОВ, ВИНОКУРОВ.

ПОРЯДОК ДНЯ:

- 1) О направлении и порядке рассмотрения заявлений о замене поступающих с мест.
- 2) О Соловецком монастыре.
- 3) О восстании в Смоленске.
- 4) Сообщение т. Уншлихтом оперативной сводки.
- 5) О грабежах из церквей.
- 6) О печатной агитации.
- 7) О инструкции Главмузея.

СЛУШАЛИ:

- 1) О направлении и порядке рассмотрения заявлений о замене поступающих с мест.

ПОСТАНОВИЛИ:

- Заявления групп верующих по поводу изъятия комиссиями особо чтимых предметов передавать т. КРАСИКОВУ на заключение.
- Спорные вопросы вносятся т. КРАСИКОВЫМ в Бюро Ц.К.^a
- Ц.К. Помгол издать распоряжение, что все заявления групп верующих об оставлении ц[ерковных] ц[енностей] или замене их др[угими] ценн[ыми] предметами должны представляться в ЦКПомгол с заключением Губернской комиссии.^b
- 2) О Соловецком монастыре. Изъятие ценностей в Соловецком монастыре отсрочить с тем, чтобы Архангельский Губисполком с открытием навигации с первым пароходом послал туда специальную экспедицию.
 - 3) О восстании в Смоленске. Сообщить о происшествии т. КРЫЛЕНКО для назначения судебного разбирательства.

- 4) Сообщение т. Уншлих-Обратить внимание Московской Губернской Комиссии на то, чтобы необходимая решительность не вызвала кровопролития.
Напомнить всем Губисполкомам через ВЦИК что никакие не разрешенные собрания не допускаются, и виновные в их устройстве привлекаются к строгой ответственности.
- 5) О грабежах из церквей. Ввиду участвовавших в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей] случаев грабежей из храмов, дать директивы на места, чтобы местные Исполкомы обязывали попов и председателей церковных советов подписавших договор, о том, что они отвечают в первую голову за грабежи и хищения из ихних церквей. По отношению к церквям в которых уже обнаружены грабежи, произвести аресты попов и лиц подписавших договоры.
Московской комиссии провести эту меру немедленно.
Предложить местным Исполкомам дать распоряжение об окарауливании церквей.
Предложить^в Московской Комиссии, чтобы сводки о всем ходе изъятия и о количестве изъятого посылались в Бюро Ц.К. и т. ЯКОВЛЕВУ.
- 6) О печатной агитации по поводу изъятия цер[ковных] ценностей^г. В целях обеспечения единства агитационной линии, сообщить редакторам всех газет, что все ответственные политические выступления попов и верующих^д могут печататься только с санкции редакционной тройки в составе т.т. ЯКОВЛЕВА, КРАСИКОВА и ГАЛКИНА. По делам этой тройки обращаться к т. ЯКОВЛЕВУ^е в Агит[ационный] Отд[ел] ЦКРКП.

- 7) О инструкции Главмузея. Поручить т.т. КРАСИКОВУ и^ж БАЗИЛЕВИЧУ представить в Бюро разработанную инструкцию.
Предложить ГПУ дать сводку об эксцессах с жертвами на местах³.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ).

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС)

« » марта 1922 года.

С подлинным верно: секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 36–36об. Незаверенная машинописная копия. Подписи – машинописью, рядом автограф А.Г. Белобородова.

Примечания:

- ^а Следующий абзац вписан от руки в правом поле.
^б Эта постановляющая часть пункта 1 и далее постановляющие части пунктов – 4, 5, 6 очерчены слева вертикальными чертами, рядом с которыми рукописные пометы: «М. Калинин».
^в Исправлено от руки вместо первоначально напечатанного Указать.
^г Со слов по поводу дописано от руки.
^д попов и верующих вписано над строкой от руки.
^е Далее до конца предложения дописано от руки.
^ж Далее забито ЯКОВЛЕВУ.
^з Эта постановляющая часть пункта 7 очерчена слева вертикальной чертой с рукописными пометами: около первого абзаца – т. Красикову[,] Базилевичу, около второго – ГПУ.

ПРОТОКОЛ № 6.

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 3/IV-1922 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, УНШЛИХТ, БАЗИЛЕВИЧ, КРАСИКОВ, ВИНОКУРОВ, ТУХАЧЕВСКИЙ[.]

Порядок дня:

- 1, Информационная сводка ГПУ о ходе работ по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] и о Смоленских событиях.
- 2, О замене оставляемых по просьбе групп верующих церковных ценностей.

СЛУШАЛИ :

1. Информационная сводка ГПУ о ходе работ по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] и о Смоленских событиях.

2. О работе по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в западном Крае[.]⁶

2. О замене оставляемых по просьбе групп верующих церковных ценностей.

ПОСТАНОВИЛИ :

1.^a Доклад т. БУЛАТОВА об изъятии в Смоленской губернии принять к сведению. Просить ВЦИК утвердить комиссию для всестороннего расследования событий в Смоленске, в составе члена ВЦИК ТУХАЧЕВСКОГО, МУКЛЕВИЧА и члена Смоленского Губисполкома САВЧЕНКО. Доклад о результатах работы этой комиссии должен быть представлен в недельный срок во ВЦИК.

2.^b Предложить ГПУ обратить особое внимание на положение Западных Губерний в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей].

Подтвердить постановление Комиссии о порядке изъятия: в первую очередь изъятие производить в еврейских синагогах, во вторую в православных храмах и в третью в католических костелах.

Считать, что в ответах на просьбы групп верующих о замене ц[ерковных] ц[енностей,] если замена будет разрешена, должно быть указано, что замена должна делаться в размерах стоимости оставляемого предмета и должна вноситься немедленно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

« » апреля 1922 года.

С подлинным верно: секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 37. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи – машинописью, рядом автограф А.Г.Белобородова.

Примечания:

^a Номер вписан от руки.

^b Этот пункт целиком вписан от руки.

^в Номер вписан от руки.

С[овершенно] С[екретно].

ПРОТОКОЛ № 7.

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 6-IV-22 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, УНШЛИХТ, ЯКОВЛЕВ, ВИНОКУРОВ, МЕДВЕДЬ.

Порядок дня:

1. Информация о ходе работы по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в Москве.
2. О финансах.
3. О производстве работ по изъятию во время праздников.
4. Учет ценностей и публичная отчетность.
5. О заметке в «Известиях» о золотом оружии.
6. Письмо т. ТРОЦКОГО.
7. О положении работ по изъятию в Петрограде, Саратове и Туле[.]
8. О рассылке агитационной литературы.
9. О поставке процесса в связи с кражами из церквей.
10. Инструкция Главмузея.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

1[.] Информация о ходе работы по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в Москве. Обязать московскую комиссию проверить по районам техническую подготовку мер предупреждения.

Предложить ГПУ принять репрессивные меры к учителям виновным в несвоевременном роспуске учащихся. О всех конкретных случаях репрессий публиковать в печати.

2[.] О финансах.

Все ассигнования и кредиты денежных сумм для расходов по изъятию ценностей должны быть сосредоточены в Финотдел ВЦИК, который и разасигновывает их по надобности.

Переведенные 10 миллиардов в ГОХРАН – перевести в Финотдел ВЦИК. Смету Московской Губкомиссии на агитацию утвердить, сократив таковую на 6 миллиардов.

- 3[.] О производстве работ по изъятию во время праздников[.] Изъятие ц[ерковных] ц[енностей] в Москве производить до вторника включительно, и на пасхальной неделе начинать работы не раньше среды, о чем дать директивы для сведения так-же на места.
- 4[.] Учет ценностей и публичная отчетность. Просить т. УНШЛИХТА регулярно давать еженедельные сводки о количестве изъятых ценностей (серебра, золота, и камней) с подразделением на губернии, как за прошлую неделю, так и за все предыдущее время.
Указать прессе, чтобы в приводимых в газетах сведениях о количестве изъятого давались точные указания по родам ценностей если таковых нет, то помещать сведения о количестве изъятого с указанием на количество серебра и незначительного количества золота и камней.
5. О заметке в «Известиях» о золотом оружи. Поручить т. БЕЛОБОРОДОВУ сговориться с тов[.] КАЛИНИНЫМ о том, чтобы заметка помещенная в сегодняшних Известиях была изменена.
6. Письмо т. ТРОЦКОГО. Дать директивы по местам о том, чтобы при изъятии лица производящие такое вели себя прилично (не курили, снимали шапки, не плевали и т. д.). Для охраны церквей в которых происходит изъятие посылать исключительно русских, абсолютно избегать посылку иностранцев.
7. О положении работ по изъятию в Петрограде. Поручить т. БЕЛОБОРОДОВУ переговорить с т. ЗИНОВЬЕВЫМ относительно хода работ по изъятию в Петрограде и необходимости послать туда группы коммунистов.
Указать Саратову на недопустимость оттяжки работ по изъятию.
Поручить т. УНШЛИХТУ вызвать Пред-
- о Саратове[.]
- о Туле.

- седателя Тульского Губотдела ГПУ для доклада в Бюро Центральной Комиссии.
8. О рассылке агитационной литературы. Сообщение т. ЯКОВЛЕВА о рассылке агитационной литературы по местам принять к сведению.
9. О поставке процесса в связи с кражами из церквей. Поручить ГПУ ускорить постановку процессов о кражах в церквях в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей]. Просить ГПУ и [...]ГПО^а усилить во время праздников агентурную работу по церквям. Поручить ГПУ всех^б участников^в изъятия виновных в хищении ценностей немедленно передавать суду Военной коллегии Ревтрибунала, которому при закрытых дверях дела немедленно расследовать и выносить соответствующие постановления. В случаях провокации дело подлежит оглашению в печати.
10. Инструкция Главмузея. Постановление по инструкции Главмузея принять в понедельник 10-IV-22 г. с обязательным присутствием т. КРАСИКОВА и т. ТРОЦКОЙ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

« » апреля 1922 года.

С подлинным верно: Секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 38-38об. Незаверенная машинописная копия. Подписи – машинописью, рядом автограф А.Г. Белобородова.

Примечания:

- ^а Первая буква аббревиатуры не ясна.
- ^б Первые три слова абзаца впечатаны над строкой.
- ^в Исправлено. В тексте первая буква прописная.

Сов[ершенно] Секретно.

ПРОТОКОЛ № 8

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 10/IV/22 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т. т. БЕЛОБОРОДОВ, УНШЛИХТ, ВИНУКUROV, БАЗИЛЕВИЧ, МЕДВЕДЬ.

Порядок дня:

- 1) Сообщение т. БАЗИЛЕВИЧА о результатах работ по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в Москве.
- 2) Сообщение т. МЕДВЕДЬ о сроке производства изъятия.
- 3) Об ограблении часовни Иверской Б[ожьей] М[атери].
- 4) Заметка в Известиях ВЦИК о деятельности работников Главнауки в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей].
- 5) О Ярославле. (сообщение т. БЕЛОБОРОВОДА.)
- 6) Об инструкции в развитие парагр[афа] 6 инструкции ВЦИК.
- 7) О медленной работе по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в Донской Области, и губерниях Симбирской[,] Пермской, Новгородской и Тверской.
- 8) О поездке в Петроград представителя Бюро. (Предложение т. ТРОЦКОГО.)
- 9) Отношение НКРКИ № 273 от 4/IV о включении в число членов местных комиссий представителей РКИ.
- 10) О работе еп[ископа] АНТОНИНА.
- 11) О заметке в «Правде» по поводу отказа комиссии по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в приеме ценностей от граждан.
- 12) Об отпуске средств Калужской Комиссии.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

- 1) Сообщение т. БАЗИЛЕВИЧА о результатах работ по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в Москве: изъято ценностей 1741 п[уд] 31 ф[унт] 27 1/2 зол[отника] ценностей. Принять к сведению.
- 2) Сообщение т. МЕДВЕДЬ о том что Комитет Обороны г. Москвы постановил прекратить изъятие с 10/IV включительно. Принять к сведению.

- 3) Об ограблении часовни Иверской Б[ожьей] М[атери]. Предложить Московской Комиссии провести в жизнь постановление Бюро о секретном наблюдении за церквами и секретн[ом] окарауливании наиболее богатых церквей.
Ответственность за проведение этой меры возложить на т. МЕДВЕДЬ, ответственность за окарауливание на Районные Советы.
- 4) Заметка в Известиях ВЦИК о деятельности работников Главнауки в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей]. Поручить МОГПУ выяснить источник заметки.
- 5) О Ярославле. (сообщение т. БЕЛОБОРОДОВА.) Поручить т. УНШЛИХТУ выяснить характер деятельности представителей Главмузея в Ярославле.
Поручить т. МЕДВЕДЬ составить два отряда по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] из лиц уже работавших в Москве, для посылки их в Ярославль.
- 6) Об инструкции в развитие пар[аграфа] 6 инструкции ВЦИК. Поручить т. БЕЛОБОРОДОВУ и КРАСИКОВУ утвердить 11/IV инструкцию.
- 7) О медленной работе по изъятию церковных ценностей в Донской Области и губерниях Симбирской, Пермской, Новгородской и Тверской. Послать от имени ВЦИК и ЦКРКП предложение ускорить работу.
- 8) О поездке в Петроград представителей Бюро. (предложение т. ТРОЦКОГО.) В виду отмечаемого последними сводками перелома в благоприятную для нас сторону, - посылку комиссии отклонить; поручить ГПУ детально выяснить положение дела в Петрограде.
Поручить т. МОРГУНОВУ коман-

- дировать в Петроград священников Русанова и Ледовского.
- 9) Отношение НКРКИ № 273 от 4/IV о включении в число членов местных комиссий представителей РКИ[.] Отклонить.
Предложить РКИ отменить свой циркуля[r] на места № 014/3096 от 27/III-22 г.
- 10) О работе еп[ископа] АНТОНИНА. Согласится с т. ВИНОКУРОВЫМ о формах участия АНТОНИНА в работе ЦК Помгол.
- 11) О заметке в «Правде» по поводу отказа комиссии по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] в приеме ценностей от граждан. Предложить исправить, указать что это относится не к Комиссии а к Помголу.
- 12) Об отпуске средств Калужской Комиссии. Отпустить ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ рублей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 39-39об. Незаверенная машинописная копия. Подпись – машинописью.

С[овершенно] Секретно.

ПРОТОКОЛ № 9.

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 12/IV-1922 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. ЯКОВЛЕВ, БАЗИЛЕВИЧ, ВИНОКУРОВ, КРАСИКОВ.

Порядок дня:

- 1) О транспорте ценностей с мест в Гохран.
- 2) Об ограблении Иверской Б[ожьей] М[атери]^а.
- 3) О финансах.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

- 1) О транспорте ценностей с мест в Гохран. Объявить ценности отправляемые в Центр голодным грузом. Поручить тов. АРКУСУ и БАЗИЛЕВИЧУ сговориться с НКПС о предоставлении вагона на перевозку ценностей.
- 2) Об ограблении Иверской Бож[ьей] Мат[ери]^а. Предложить ГПУ изъять дело о краже Иверской Б[ожьей] М[атери]^б от МУУРА и принять к производству, приняв решительные меры вплоть до ареста попов и церковных служителей. Впредь все дела о кражах и ограблениях в церквях в связи с изъятием ц[ерковных] ц[енностей] вести ГПУ.
- 3) О финансах. Выдать тов. ЯКОВЛЕВУ 300000000000 р. в счет расходов по оплате агитационной литературы, брошюр и плакатов по изъятию ц[ерковных] ц[енностей].
Выдать Тульской Губкомиссии на расходы для работ по изъятию 500.000.000 руб.
Всем губерниям делавшим заявку о перевозке ценностей выдать по 300.000.000 руб.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Винокуров)

СЕКРЕТАРЬ: (Лицис)

« » Апреля 1922 г.

С подлинным верно: секретарь

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 40. Незаверенная машинописная копия. Подписи – машинописью.

Примечание:

а, б Так в тексте.

ПРОТОКОЛ № 10^а

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 20/IV 1922 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, ВИНОКУРОВ, КРАСИКОВ, БАЗИЛЕВИЧ, ЯКОВЛЕВ, УНШЛИХТ, приглашен т. ПОСПЕЛОВ.

СЛУШАЛИ:**ПОСТАНОВИЛИ:**

1) Информационный доклад т. Уншлихта и сообщение о ходе расследования ограбления Иверской часовни.

Поручить т. Уншлихту выяснить изъяти ли дело о хищении от МУУР.а и передать его в ГПУ. В двух дневный срок проверить результаты хода следствия. ГПУ предложить немедленно арестовать весь церковный совет и монахов. Опубликовать о вышеупомянутом в печати.

2) О гражданских исках к членам церковного совета за расхищение церковных ценностей.

Предложить Наркомюсту издать циркуляр об ответственности церковных советов за церковное имущество и о вчинении к членам церковного совета гражданских исков в случае пропажи имущества.

Взыскание должно носить реальный характер и обеспечиваться материальным имуществом ответчиков. Вчинение гражданских исков не должно исключать уголовного преследования. Изданный Наркомюстом циркуляр или инструкцию по этому вопросу опубликовать.

3) Доклад председателя Тверской КИЦ о работе комиссии. Пока ведется в Тверской губ[ернии] подготовительная работа, после пасхальной недели начнется изъятие, которое продлится по мнению комиссии две недели. Часть инструкций посланных через ГПУ

Доклад и срок окончания работ комиссии принять к сведению. Каждые пять дней давать комиссии отчет о своей деятельности в центр. Выдать комиссии 300 милл[ионов] рублей на дальнейшую работу. Повторить все инструкции которые были посланы через ГПУ.

Питерской Комиссии сделать телеграфное указание о неправильности оставления комплектов предметов богослуже-

в Твери не получена. Ощущается нужда в деньгах. Попутно с докладом выясняется некоторые отклонения от инструкции Петербургской комиссии по изъятию. (комплекты.)

4) Заявление т. ВИНУКОВА о необходимости усилить работу комиссии в Тамбовской, Новгородской, Рязанской губерниях и в Донской области.

5) Об учете церковных ценностей.

6) Об охране сданных ценностей и их реализации.

ния на каждый престол. В действительности нужно оставлять 1-2 комплекта на каждую церковь.

Послать соответствующим губерниям телеграммы об усилении работ.

Ввести еженедельную отчетность Финотделов со сводками о поступавших ценностях с указанием веса по серебру и золоту отдельно, количеством штук камней отдельно по каждому роду. Отчеты посылаются в Гохран и Помгол. В сведениях должно быть отдельно указано количество по закрытым и действующим церквам.

Предложить Гохрану усилить охрану у помещения где находятся ценности, через установление наружной охраны, проверки постов, включение в состав караула частей Особого назначения.

Осмотреть еще раз помещение для ценностей.

Предложить Гохрану немедленно приступить к разборке ценностей (с отделением тех предметов которые могут быть реализованы без переливки) и приготовлению их в ликвидное состояние. Для руководства разборкой создать комиссию из представителей Гохрана, Помгола, Внешторга с приглашением представителя Главмузея в случае надобности.

7) О вывезенных в Россию На следующее заседание вызвать ценностях во время эвакуа- т. Волкова с материалами по этому вопциии русских войск из Поль- росу.
ши.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

С подлинным верно: Секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 41–41об. Незаверенная машинописная копия. Подпись – автограф А. Г. Белобородова, рядом машинописью. Формула секретности отсутствует.

Примечание:

^a *Номер протокола вписан от руки поверх неразборчивого машинописного.*

ПРОТОКОЛ № 11

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 22/IV-1922 года.

Присутствовали: т. т. БЕЛОБОРОДОВ, КРАСИКОВ, ВИНУКОВ. приглашен эксперт Смешан[ной] Польско-Русской комиссии т. МЕЛИКИРИАШЬ.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

1. О ценностях эвакуированных из Польши в Россию. Поручить т. КРАСИКОВУ составить циркулярное письмо всем комиссиям о том, что Католические церкви согласно существующих договоров на изъемяются из под действия декрета об изъятии и что согласно договора с Польшей исключения допускаются лишь по отношению предметов эвакуированных из Польши. (см. ст. 11^a, §§ 1, 9-а Рижского договора.)
2. Об изъятии ц[ерковных] Поручить т. КРАСИКОВУ к следующе-ц[енностей] из Буддийских му заседанию сделать подробный доклад о возможности и порядке изъятия и Ламанцих^б дацанов. замене в упомянутых храмах.

3. Доклад Витебской Губкомиссии. Предложить Витебскому Губисполкому под страхом личной ответственности производить изъятие по клировым ведомостям и описям. За непредставление, утерю или сокрытие описей церковные советы привлекать к суду уголовному и гражданскому.^в Предложить Наркомюсту издать дополнительную инструкцию всем Губюстам о возбуждении дел и наказании за представление в испорченном виде описей и утерю их.
4. О продолжающихся хищениях из церквей. Установить, что постановление Центральной Комиссии о негласном окарауливании церквей не соблюдается в Москве, т. к. недавно произведено ограбление Богоявленской церкви. Поставить это на вид Московской Комиссии предложив принять репрессивные меры и немедленно арестовать весь церковный совет ограбленных церквей. Равно предложить Московской и всем остальным комиссиям вызывать представителей групп верующих и обязывать их, что в случае похищения они отвечают в первую голову.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

« » апреля 1922 года.

С подлинным верно: Секретарь:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 42. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи – машинописью.

Примечания:

^а В тексте – П.

^б Так в тексте. Следует Ламаистских.

^в Далее забито Поручить.

ПРОТОКОЛ № 12

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 26/IV-1922 года.

Присутствовали: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, УНШЛИХТ, БАЗИЛЕВИЧ, КРАСИКОВ, ВИНОКУРОВ.

СЛУШАЛИ:

Информационный доклад о ходе работ по изъятию ц[ерковных] ц[енностей] во Всероссийском масштабе.
т. УНШЛИХТ.

Информационный доклад о ходе работ по изъятию в г. Москве.
т. БАЗИЛЕВИЧ.

О командировке т. Базилевича в Петроград.

О неправильных действиях некоторых Губкомиссий.

ПОСТАНОВИЛИ:

Совместно с т. Крыленко запросить Смоленск о поста[но]вке процесса. Настоять на скорейшем слушании дела.
Предложить ГПУ принять меры к получению сведений по изъятию по Кавказу, Туркестану, Украине и Крыму.

Доклад принять к сведению.

Командировать т. БАЗИЛЕВИЧА в Петроград в целях информации и инструктирования Петроградской Губкомиссии.

Разослать телеграммы на места с указанием о том, что для богослужения оставлять самое необходимое, т. е. 2 комплекта свящ[енных] сосудов, не более 2-х крестов, и т. д. при проверке также обращать внимание чтобы не утаивались малоценные предметы и тем самым^а не создавались препятствия^б к^в изъятию^г полноценных предметов.

Признать необходимым послать на места уполномоченных для проверки хода изъятия ценностей. Послать на первое время в два-три города.

Поручить Московской Комиссии выделить 3-х человек хороших, толковых работников по изъятию для посылки в качестве уполномоченных.

Просить ВЦИК послать телеграмму члена[м] ВЦИК по губерниям, что они несут ответственность об успешном изъ-

Доклад об изъятии церковных ценностей из Буддийских и Ламаистских^д храмов.

т. КРАСИКОВ.

Запросить Наркомнац[,] представляется ли возможным по политическим соображениям изъятие различных вещей[,] вроде ковров и пр[о]ч[его,] из храмов Восточных религий.

Циркулярное письмо об изъятии ц[ерковных] ц[енностей] из Польских костелов эвакуированных в Россию.

т. КРАСИКОВ.

Утвердить с внесенными поправками.

Смета Главмузея на транспортирование ц[ерковных] ц[енностей] музейного и художественного характера.

Просьбу Главмузея об отпуске ему 16-ти миллионов р[ублей] – отклонить.

О выдаче Московским отделом Юстиции удостоверения об освобождении от изъятия церкви Сергия Радонежского (№ 343 от 1/II с.г.)

Удостоверение передать в Наркомюст для расследования и привлечения виновных к ответственности.

Подтвердить, что никаких исключений в изъятии ц[ерковных] ц[енностей] по отношению действующим церквам не допускается ни по чьим распоряжениям за исключением разрешения ЦКПОМГОЛ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

« » апреля 1922 года.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 43. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подпись председателя – автограф А.Г. Белобородова, рядом подписи машинописью.

Примечания:

- ^а Далее зачеркнуто становится невозможным.
- ^б не создавались препятствия *вписано над строкой от руки.*
- ^в *Вписано от руки в левом поле.*
- ^г *Исправлено от руки из первоначально напечатанного изъятие.*
- ^д *Так в тексте. Следует Ламаистских.*

ПРОТОКОЛ № 13.

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 4/V-1922 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Т.Т. БЕЛОБОРОДОВ, БАЗИЛЕВИЧ, ВИНОКУРОВ, КРАСИКОВ, ЯКОВЛЕВ.

СЛУШАЛИ:

1)^а Доклад т. БАЗИЛЕВИЧА о работе Петроградской Губкомиссии.

ПОСТАНОВИЛИ:

Предложить Петроградской Губкомиссии произвести проверку работы по изъятию с дополнительным изъятием^б тех^в предметов которые не изъятые, но подлежат изъятию. Ввиду огульного оставления по указанию представителей Главмузея огромного количества предметов как музейных ценностей – обязать Петроградскую губкомиссию произвести проверку в этом направлении; вещи[,] признанные музейными[,] в церк-вах не оставлять, изымая их согласно пункту 6-му инструкции.

Обратить особое внимание Петроградской губкомиссии на изъятие из католических храмов.

Предложить т. УНШЛИХТУ через ГПУ принять репрессивные меры к католическому духовенству в Петрограде, активно сопротивляющемуся изъятию ц[ерковных] ц[енностей].

Обязать Петроградский губфинотдел закончить фактический учет ц[ерковных] ц[енностей] к концу изъятия с обязательной публикацией количества изъятого.

Подтвердить вновь недопустимость каких бы то ни было исключений из правил[,] установленных для изъятия; подтвердить^г всем местам недопустимость этих исключений, выражающихся иногда в миновании целых храмов^д[,] оставленных совершенно без изъятия.

Обратить внимание Петроградской губкомиссии на необходимость точного инструктирования уездов по изъятию.

- 2) Заявление митрополита Цепляка. Заявление передать в Наркомюст т. КРАСИКОВУ для использования в печати и принятия соответствующих мер.
- 3) О предоставлении вагонов для перевозки ц[ерковных] ц[енностей]. Уведомить все губкомиссии о состоявшемся соглашении с НКПС о безденежном предоставлении вагонов на местах по требованиям губкомпомголов и о производстве расчетов за эти вагоны через ЦКПОМГОЛ.
- 4) Об отпуске Костромской губкомиссии дополнительно денег. Выслать Костромской губкомиссии дополнительно 300.000.000. рублей.
- 5) О ревизии изъятия в храме^ж Христа Спасителя. Поручить т. КРАСИКОВУ организовать комиссию из представителей Наркомюста, ГПУ, Московской губкомиссии и ЦКПОМГОЛ с обязательством закончить работу в 7-ми дневный срок.
- 6) О Иверской часовне. Предложить ГПУ в 3-х дневный срок опубликовать материалы по ограблению Иверской часовни.
- 7) О выселении учреждений[,] занимающих помещения ГОХРАНА. Предложить Московскому Совету выселить из помещения Гохрана на Бронной 23 оперетку и подтвердить т. ТРОЦКОМУ необходимость выселения из того-же помещения учреждения ВСЕВОВУЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

« » мая 1922 г.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 44. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи – машинописью.

Примечания:

- ^а Здесь и далее – номера пунктов вписаны от руки.
- ^б Далее забито в.
- ^в Далее забито местах.

- г *Далее зачеркнуто* вновь.
- д *Далее зачеркнуто* по изъятию. *Со слова оставленных дописано в строке от руки.*
- е изъятия в *вписано над строкой от руки.*
- ж *Исправлено от руки из первоначально напечатанного храма.*

ПРОТОКОЛ № 14.

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 8/V-1922 года.

Присутствовали: т. т. БЕЛОБОРОДОВ, УНШЛИХТ, ЯКОВЛЕВ, КРАСИКОВ.

СЛУШАЛИ:

О затяжке работ по изъятию по РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ:

Констатировать, что самое удобное время для изъятия перед Пасхой было упущено вследствие телеграммы Ц.К.; во время Пасхи работа по изъятию была приостановлена. Темп изъятия в ряде мест задерживается идущей сельско-хозяйств[енной] кампанией, но в ряде губерний отмечается медленное проведение кампании, расхлябанность и неточное выполнение инструкции. Предложить Ц.К. принять меры к губкомам[,] задерживающим у себя кампанию по изъятию.

Поручить т. БЕЛОБОРОДОВУ представить в Ц.К. список губерний[,] отставших в производстве работ по изъятию.

т. ЯКОВЛЕВУ дать сведения о количестве изданной агитлитературы по изъятию, а также о разосланной на местах литературе.

Констатировать, что в связи с Генуэзской конференцией агиткампания была в прессе задержана.

О печатной агитации.

Поручить т. ЯКОВЛЕВУ сговориться с т. БЕКОМ и другими об издании материалов о Шуйском и Московском процессах. Ему же принять меры к рассылке по радио этих сведений на места.

- О Иверской часовне. Предложить т. Медведю сделать подробный доклад о ходе дела об ограблении Иверской часовни.
- О гражданских исках. Поручить т. КРАСИКОВУ проследить о том[,] чтобы последний циркуляр о вчинении гражданских исков был напечатан полностью в «Известиях». Затребовать у т. КРЫЛЕНКО сведения с мест о количестве заявленных гражданских исков за расхищение и несохранность ц[ерковных] ц[енностей].
- О вызове на следующее заседание т. Манцева и др. На следующее заседание вызвать т.т. МАНЦЕВА и МАНУИЛЬСКОГО для доклада о ходе изъятия по Украине и т.т. БУБНОВА и ТРУШИНА по Юго-Востоку.
- О дополнительных ассигнованиях. Предложить ЦКПГ ускорить вопрос о дополнительном ассигновании в пользу голодающих за счет церк[овных] ценностей. Обратить внимание ЦКПГ[,] что опубликованные в газетах сведения об ассигновании из фонда за счет ц[ерковных] ц[енностей] на местах фактически не исполняются[,] что создаст на местах всевозможные слухи и недоразумения. (наприм[ер] Ставрополь.)
- О сроке окончания кампании. Дать циркулярную телеграмму всем Губкомам и Губисполкомам о том, что согласно решения совещания[,] происходившего во время съезда, – крайним сроком изъятия для европейской России считать 15 мая, для Сибири и Туркестана 1 июня. Комиссия вновь подтверждает необходимость окончания изъятия к указанному сроку[,] Самым крайним сроком при наличии неблагоприятных условий допускается продление срока до 20 мая. В случае опозданий по отношению к этому сроку привлечь к ответственности руководителя изъятия по советской и партийной линии.

[О]б обеспеченности Запросить г. КРЫЛЕНКО[,] обеспечено ли на единства^а судеб[н]ой местах единство судебной линии о привлечении к ответственности виновных в укрывательстве и сопротивлении изъятию ц[ерковных] ц[енностей].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 45. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи - машинописью.

Примечания:

^а Впечатано над строкой.

ПРОТОКОЛ № 15

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 10-V-1922 Года.

Присутствовали: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, ЯКОВЛЕВ, БАЗИЛЕВИЧ, КРАСИКОВ, ВИНОКУРОВ.

СЛУШАЛИ:

1) Об изъятии в музеях.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. а)^а Признать необходимым сосредоточение в центре^б всех драгоценных предметов[,] которые при изъятии были объявлены музейными ценностями и были оставлены или в самих храмах[,] или в отделах музеев на местах.

б) Исключения допустить только по отношению к тем предметам которые указаны в пункте 3-ем инструкции № 9357, по отношению к которым должно быть каждый раз специальное постановление ЦКПГ.^в

2) об отборке при сортировке в ГОХРАНЕ предметов художественного значения. Обязать ГОХРАН выделять при сортировке те ценности[,] которые имеют значение художественное или археоло-

- гическое[,] с тем чтобы их можно было реализовать в качестве изделий[,] не отправляя их в сплав.
- 3) Об отпуске средств на агитацию. Отпустить т. ЯКОВЛЕВУ на средства по агитации из имеющегося фонда 3 миллиарда руб.
- а) Об отпуске т. ВИНОКУ-РОВЫМ [ср]едств на журнал «НАУКА и ЦЕРКОВЬ[»]. Впредь все крупные ассигнования для аналогичных целей разрешать постановлением бюро.
докл[адчик] т. КРАСИКОВ.
- б) Протест т. КРАСИКОВА. Категорически протестую против ассигнования средств ЦКПГ на издание популярных естественно исторических брошюр в виде серии книжек[,] издаваемых совершенно некомпетентными лицами, как т. ГАЛКИНЫМ.
- 4) О порядке проведения следствия в процессах. Ввиду необходимости заблаговременной агитационной подготовки поповских процессов и работы после таковых признать необходимым поставить на следующее заседание (12-V с.г.) доклад т.т. УНШЛИХТА и КРЫЛЕНКО о предполагаемых в ближайшее время процессах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (БЕЛОБОРОДОВ.)

СЕКРЕТАРЬ: (ЛИЦИС.)

« » мая 1922 г.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 46. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи – машинописью.

Примечания:

- ^а Номер пункта – 1, а также, обозначения подпунктов: а) и далее – б), вписаны от руки.
- ^б Исправлено от руки из первоначально напечатанного центр.
- ^в Этот пункт заключен в рамку синим карандашом.

ПРОТОКОЛ № 16.

Заседания Бюро Центральной Комиссии от 12-V-1922 года.

Присутствовали: т.т. БЕЛОБОРОДОВ, БАЗИЛЕВИЧ, ЯКОВЛЕВ, КРАСИКОВ, ВИНОКУРОВ, приглашен т. КОНДРАТЬЕВ.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Доклад о ходе изъятия по Петрограду и губернии. Докладчик т. КОНДРАТЬЕВ.

Предложить Петроградской Губкомиссии руководствоваться по отношению к польскому духовенству общими указаниями комиссии.

Предложить ГПУ установить и сообщить Петроградскому Отделу ГПУ о тех мероприятиях[,] которые должны быть конкретно приняты по отношению к католическому духовенству.

О вывезенных из Петрограда во время Керенского ценностях^а.

Обязать^б Петроградскую комиссию, установить точно[,] какие именно и когда ценности были эвакуированы из Петрограда во время Керенского[,] и куда они были эвакуированы.

О замене ценностей равноценным количеством соответствующего металла.

Разъяснить, что под понятием замены равноценным количеством нужно разуметь замену таким количеством, которое было бы равноценным не только весу заменяемого предмета[,] но и цены его как изделия.

Об обнаруженных в церквях кладах в Петрограде.

Обратить внимание ГПУ[,] что Петроградской Комиссией обнаружены клады в церквях и что следует на это симптоматическое явление обратить внимание.

О прекращении замены церковных ценностей Гохраном.

Дать директиву подкомиссии ЦКПГ[,] которая разрешает замену, что замену следует разрешать только в самых крайних случаях.

Сообщить на места, что ценности, о которых возбуждено ходатайство о замене,

разрешается оставлять на месте в храме при условии о немедленном внесении верующими соответствующего количества металла.

По отношению к тем разрешениям на замену о^в[,] которых уже вынесены постановления подкомиссии, признать, что они подлежат выполнению по мере хода работ по разборке ценностей, о чем будет доведено до сведения ходатайствующих.

Все поданные ходатайства о замене направлять в Гохран для исполнения и сообщения ходатаям^г[,] что они будут своевременно возведены о времени исполнения ходатайства.

ЦКПГ сговорится с Гохраном о техническом выполнении этого вопроса.

Доклад о ходе дела по ограблению Иверской часовни.

Докл[адчик] т. Медведь.

О возврате проданной чашки подлежащей зачислению в Госфонд.

Доклад принять к сведению.

Чашку вернуть обратно тов. БАЗИЛЕВИЧУ в Гохран.

Обратить внимание ГПУ на аукцион[,] находящийся в Метрополе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Белобородов).

Секретарь: (Лицис)

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 47. Незаверенная машинописная копия. Формула секретности отсутствует. Подписи – машинописью.

Примечания:

^а Две последние буквы дописаны от руки.

^б Далее зачеркнуто ГПУ.

^в Вписано от руки в левом поле.

^г Последняя буква дописана от руки.

Именной указатель

А

- А.Ю., архимандрит 32
Агафангел (Преображенский), митрополит 31, 32, 98, 211, 264
Аггеев К.М., протоиерей 74
Агранов Я.С. 111, 112, 132, 283, 287, 291
Агурский М. 140
Александр (Немоловский), архиеп. 271
Александр Ярославич Невский, вел. кн., св. 230, 287, 288
Алексеев В.А. 10, 18, 19, 53, 105, 106, 142, 156
Алексеев С.А. 73, 103
Алексей Михайлович, царь 6
Алексий (Орлов), еп. 207
Алексий (Соловьев), иеромонах 44
Алексий, святит. 232, 236, 264
Амосов Н.А. 17
Анастасий (Грибановский), митрополит 82, 176, 182, 271
Андреев И.А. 18
Андриенко (Ворожцова) Л.А. 151
Андроник (Никольский), еп. 122
Антоний (Храповицкий), митрополит 42, 43, 74, 82–84, 85, 103, 104, 117, 125, 162, 194, 224, 245, 254, 260, 280, 299
Антоний, свмч. 34
Антонин (Грановский), митрополит 95, 123, 200, 222, 262, 267, 268, 324, 326

Аркус 314, 327

- Арсений (Стадницкий), митрополит 14, 42, 43, 192
Артамонов Л.К. 56
Артемий (Ильинский), архиеп. 207
Афанасий (Сахаров), еп. 47

Б

- Бажанов Б.Г. 16, 21, 144, 145, 156
Базилевич Г.Д. 90, 95, 308, 309, 312–317, 319, 324, 326–328, 332, 334, 338, 340, 341
Бакунин А.И. 183, 189, 190, 198
Бакунина Э.Н. 16, 21, 190, 191, 198
Бакунины 191
Бассиас Ф.А. 316
Бейлис М.М. 75
Бек М. 336
Бекаревич Э.И., протоиерей 44
Белков Е.Х., священник 98, 203, 263
Беллавин В.И. 17, 22–25, 27, 49, 130, 188, 254, 255. *См. также* Тихон (Беллавин), патриарх
Беллавин И.И. 22
Беллавин И.Т. 22
Беллавин М.И. 22
Беллавин П.И. 22
Беллавина А.Г. 22
Беллавины 46
Белобородов А.Г. 90, 96, 311, 312, 313, 316, 317, 319–326, 328, 330–336, 338–341

- Беляев А.Д. 121, 151
 Бердников И.С. 17, 21, 63, 64, 101
 Бердяев Н.А. 74, 103, 221, 225
 Берецковский А., протонерей 206
 Блейк, еп. 295
 Блинов П. 202, 222, 295
 Бляхин П. 17
 Боболя А., католич. св. 283, 284, 286
 Бовкало А.А. 46
 Боголюбов Н.М. 37
 Борисов Н.С. 30, 48, 49
 Брихничев И. 17
 Бубнов А.С. 337
 Будкевич К., прелат 136–139, 149
 Булатов Д.А. 320
 Булгаков П.И., протоиерей 23, 24, 32
 Булгаков С.Н. 40, 287, 288
 Бухарин Н.И. 59, 143
 Быков С.С. 202
- В**
- Валентинов А.А. 139, 151
 Валентинов Н.В. (Н.Вольский) 17, 21, 143, 144, 156, 210, 223
 Василевский А. 136
 Верюжский В., протоиерей 219
 Василий (Зеленцов), еп. 219, 225
 Василий, еп. 102
 Васильев А.В. 37, 40, 56
 Васильева О.Ю. 10, 18, 20, 105
 Введенский А.И., протоиерей 17, 98, 100, 113, 152, 203, 211, 263, 291
 Вдовин, протоиерей 200
 Вениамин (Казанский), митрополит 137, 142
 Вениамин (Федченков), митрополит 16, 21, 40, 50, 57, 70, 80, 82, 100, 102, 104, 124, 151
 Вероника (Котляревская), монахи-
- ня 219
 Веселов В. 29
 Вешнева М.А. 16, 21, 122, 130, 131, 151, 153
 Винниченко В.К. 73
 Виноградов В.П., протопресв. 16, 21, 161, 162, 164–166, 169–172, 175–178, 181, 193–196, 216
 Винокуров А.Н. 90, 307–311, 313, 317, 319, 321, 324, 326–330, 332, 334, 338–40
 Владимир (Богоявленский), митрополит 44, 45, 51
 Волков 330
 Волков С.А. 120, 151
 Воробьев В., протоиерей 10
 Ворошилов К.Е. 144
 Вострышев М.И. 11, 15, 19, 20, 46–49, 60, 100–102, 151, 153, 197
 Врангель П.Н. 70
- Г**
- Галкин А.В. 90, 112, 114, 137, 202, 288, 318, 339
 Гельтман 284
 Гервасий, обновленч. еп. 160, 163
 Герман Аляскинский, святит. 26
 Герман, патриарх константиноп. 270
 Гермоген, патр. моск., святит. 122, 232, 236, 264
 Гидулянов П.В. 99
 Гимпельсон Е.Г. 11, 19
 Глаголев А., священник 75
 Голубцов С., протодиакон 132, 153, 154
 Гордиенко Н.С. 18
 Горинов М.М. 20
 Граббе Г., протопресв. 18
 Григорий (Яцковский), архиеп. 213
 Григорий VII, патриарх константиноп. 267, 268

- Григорий, патриарх антиох. 273
 Григорьев Н.А., атаман 72
 Громогласов И.М. 56
 Губонин М.Е. 15, 16, 21, 25, 47, 178, 218, 225
 Гурий (Степанов), архиеп. 193
 Гурович Я.С. 75, 142
 Гурьев П.В. 192
 Гусева П.К. 183–186, 197
- Д**
 Далгатов А.Г. 19
 Дамиан, патриарх иерус. 273
 Демидов И.П. 87, 102, 105, 230
 Деникин А.И. 67, 68, 77, 101
 Дерибас Т.Д. 189, 191
 Дестивель Иакинф, священник 50, 51
 Дзержинский Ф.Э. 114, 139, 144, 145, 148, 149, 156
 Димитрий (Галицкий), еп. 207
 Дурново Н.Н. 32
 Дутов А.И., атаман 86
- Е**
 Евдоким (Мещерский), митрополит 161–163, 194, 199, 267, 268
 Евлогий (Георгиевский), митрополит 21, 25, 26, 42, 43, 47, 48, 51, 82, 85, 104, 122, 253
 Евстафий, свмч. 34
 Евфимий Суздальский, св. 88
 Екатерина (Ефимовская), игуменья 26, 47
 Елевферий (Богоявленский), митрополит 18, 57, 100, 125, 152, 177–179, 196, 217–219, 225
 Емельянов Н.Е. 99
 Ергоген. См. Гермоген.
 Ефремова О.Н. 105
- Ж**
 Жиромская В.Б. 155
- З**
 Завитневич В.З. 37
 Зайцев К., протоиерей 18, 59, 62, 100, 101, 153, 155
 Заозерский Н.А. 17, 21, 65, 66, 101
 Захаров 187
 Землячка Р.С. 315
 Зиновьев Г.Е. 145, 148, 149, 322
- И**
 Иаков (Пятницкий), архиеп. 32, 49
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 6, 60
 Иванов 187
 Иванов-Столбинский Д. 137
 Иезекииль, пророк 45
 Иларион (Троицкий), архиеп. 40, 41, 50, 51, 85, 160–162, 194, 205–207, 218, 219, 273, 275
 Иннокентий (Полов-Вениаминов), митрополит, святит. 27, 47
 Иоаким III, патриарх константиноп. 264
 Иоанн (Кронштадтский), св. 33, 74, 103, 245
 Иоанн (Шаховской), еп. 176, 216
 Иоанн Богослов, св. апостол 20, 222, 223
 Иоанн Златоуст, святит. 64, 101
 Иоанн Зонара 194
 Иоанн, свмч. 34
 Иона, митрополит моск., святит. 232, 236, 264
 Иосиф (Петровых), митрополит 219
- К**
 Кавур К.Б., граф 52, 99
 Казем-Бек А.Л. 104

- Калинин М.И. 90, 92, 106, 111, 112, 148, 179, 285, 312, 319, 322
 Калиновский С.В., священник 98, 122, 203, 263
 Каменев Л.Б. 106, 145, 148, 149
 Кандидов Б.П. 17
 Карахан Л.М. 290, 293
 Карин 71, 245, 246
 Карташев А.В. 45, 51, 68, 80, 102
 Кашеваров А.Н. 10, 19, 88, 99, 101, 103–105
 Керенский А.Ф. 340
 Керзон Дж. 139
 Кизиветтер 32, 33
 Кирилл (Смирнов), митрополит 169, 170, 173, 195, 211
 Китер Н. 176, 177
 Кнышевский П.Н. 18, 105
 Колчак А.В. 86, 122
 Кондратьев 340
 Кончаловский В.П. 190
 Крапивин М.Ю. 11, 19, 81, 104, 106
 Красилов П.А. 78, 90, 93, 108, 109, 111, 113, 151, 152, 184, 283, 285–287, 290–292, 307–309, 311, 313, 315, 317–319, 323, 325, 326, 328, 330, 332–340
 Красницкий В.Д., священник 113, 159, 168–173, 195, 200, 202, 203, 208, 263, 291, 295
 Красножен М.Е. 17, 21, 64, 99, 101
 Кривова Н.А. 10, 19, 53, 87, 89, 96, 99, 105–107, 115, 127, 132, 141, 149, 150, 152, 153, 155, 193
 Кривошеева Н.А. 16, 21, 46, 105, 162, 194
 Крывелев И.А. 18
 Крыленко Н.В. 111–113, 137, 283, 287, 288, 290, 291, 300, 301, 317, 332, 337–339
 Кузнецов А.Д. 61, 103
 Кузнецов А.И. 149, 200, 222
 Кузнецов Н.Д. 61, 101
 Кузнецов П.С. 111
 Курочкин П.К. 18
 Курский Д.И. 274
 Кутузов М.И. 123, 134
- Л**
 Л'Юилье П., еп. 194
 Лавров В.М. 50
 Лапин П.Д. 44
 Лахостский П.Н., протоиерей 39
 Левитин-Краснов А.Э. 18, 98, 101, 103, 108, 121, 123, 127, 131, 139, 151–154, 160, 163, 168, 183, 189, 193, 195–198, 197, 212, 224, 222
 Ледовский, священник 326
 Ленин (Ульянов В.И.) 17, 21, 88, 89, 105, 106, 112, 115, 127, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 156, 222, 228
 Леонид (Скобеев), еп. 262
 Литвинов М.М. 110
 Лихачев 301
 Лиценбергер О.А. 154
 Лицис В. 308, 310, 313, 316, 319, 320, 323, 327, 331, 333, 335, 338, 339, 341
 Лобанов В.В. 50, 102
 Лобанова И.В. 47, 50
 Логинов 299, 301
 Лопухин Ю.М. 156
 Лукин Н.М. 17
 Луначарский А.В. 110
 Лунин 111
 Луукканен А. 9, 18, 60, 100, 106, 140, 155
 Львов В.Н. 34
 Любимов Н.А., протопресв. 44, 79, 86
- М**
 Мазырин А.В. 50

- Макарий (Парвицкий-Невский), митрополит 34, 49
- Макарий Калязинский, св. 88
- Макаров Ю.Н. 19
- Малецкий А. 136
- Малов И.И. 44
- Мануил (Лемешевский), еп. 207, 209
- Мануильский Д.З. 337
- Манухина Т. 21
- Манцев В.Н. 337
- Марковчин В. 198
- Марцинковский 287, 288, 290
- Матулянис Т. 136
- Медведь Ф.Д. 92, 310, 311, 313, 321, 324, 325, 337, 341
- Мелетий IV, патриарх константиноп. 265, 270, 271, 297, 299
- Меликириашь 330
- Менжинский В.Р. 109, 111, 129, 207, 208, 283, 287, 290, 293, 295, 296, 299, 301, 303
- Мерец, обновленч. священник 290, 292
- Мехлис Л.З. 191
- Милюков П.Н. 223
- Миронова В.М. 153
- Митрофан (Краснопольский), еп. 36, 38, 39, 50
- Митрофан Воронежский, св. 88
- Митрофанов Г., протоиерей 11, 19, 80, 103, 104, 152, 170, 195, 211, 223
- Михаил (Семенов), архимандрит 75
- Михаил, митрополит киевский 291
- Михаил Тверской, вел. кн., св. 230
- Могилевский 298
- Молотов В.М. 92, 105, 156, 312
- Моргунов 315, 325
- Мосс В. 9, 18
- Муклевич Р.А. 320
- Муравьев М.П., граф 33, 49
- Муралов Н.И. 311
- Н**
- Наполеон I Бонапарт 134
- Нежный А.И. 20
- Немцов Н.М. 115
- Нестор (Анисимов), митрополит 85, 86, 105
- Никандр (Феноменов), архиеп. 103, 132, 192
- Николай (Добронравов), архиеп. 193, 269
- Николай (Ярушевич), митрополит 284, 286
- Николай II, имп. 90
- Николай Любимов, протопресв. 103
- Никон (Пурлевский), еп. 207
- Никон (Софрийский Николай Андреевич), архиеп. 23, 46
- Никон, патриарх 6, 270
- Нил Столобенский, св. 88
- Новиков А.И. 200
- Нумеров Н. 254
- О**
- Огицкий Д. 194
- Одинцов М.И. 10, 18, 106, 151, 225
- Окунев Н. 153
- Олещук Ф.И. 17
- Олсуфьев Д., граф 174
- Орловский П. 78, 103
- Осипов Ю.С. 313, 314
- П**
- Павел, св. апостол 183
- Павлов А.С. 17, 21, 64, 101
- Пахомий (Кедров), архиеп. 193
- Персиц М.М. 17, 99
- Петерс Я.Х. 290, 292, 294, 299, 300
- Петр (Полянский), митрополит 85,

- 156, 171, 174–176, 178, 179, 183, 185, 196, 197, 210–214, 218, 220, 223, 224, 269
- Петр I, имп. 6
- Петр, св. апостол 183
- Петр, митрополит моск., святит. 232, 236, 264
- Петр, схиепископ 177
- Петров С.Г. 12–15, 20, 106–108, 135, 147, 149, 150, 154, 222
- Питирим Тамбовский, св. 88
- Плаксин Р.Ю. 18
- Платон (Рождественский), митрополит 280
- Плетнев К.К. 183, 190
- Покровский 190
- Покровский А.И. 35, 38
- Покровский Н.Н. 13, 15, 20
- Полозов А.Я. 189, 198
- Полозов Я.А. 186, 187, 189
- Польский М., протопресв. 18, 142, 156, 161
- Померанцев Н.Н. 315
- Попов И. 219
- Попов Н.Н. 109, 112, 113, 147, 186, 201, 283, 285, 287, 290–296, 299, 301–304
- Попов П., протодиакон 27
- Поспелов 328
- Поспеловский Д.В. 9, 16, 18, 21, 59, 60, 100, 103, 127, 152, 171, 173, 174, 176, 177, 196, 197, 219, 225
- Пронцкетис А. 136
- Проханов И.С. 297, 298
- Р**
- Рёсслер Р. 9, 18, 139, 155, 173, 179, 196
- Распутин Г.Е. 35, 185, 197
- Рафес М. 72
- Рябов В.И. 289
- Регельсон Л.Л. 15, 18, 160, 161, 169, 193, 220, 225
- Римский-Корсаков А.А. 29
- Рогович А.П. 120, 122
- Рождественский А.П., протоиерей 31, 33, 42, 45, 49, 69, 120
- Романова С.Н. 10
- Романовы 82, 83, 122, 260
- Рудковский Ф. 136
- Рудницкий Н.С., протоиерей 67
- Русанов, священник 326
- Рыков А.И. 106, 111, 112, 148, 149
- С**
- Савельев С.Н. 20, 109, 147
- Савченко В.М. 320
- Самарин А.Д. 35
- Самсонов Т.П. 97, 126, 128, 129, 283, 289, 290, 293, 295, 296
- Сапронов Т. 90, 307–310
- Сафонов Д.В. 12, 19, 20, 84, 105, 126–128, 130, 132, 141, 142, 147, 152–155, 162, 163, 171, 173, 175, 180, 193–198, 224
- Сахаров К.И. 17, 124, 151
- Свенцицкий В. 203
- Севастиан (Вести), еп. 207
- Семенов Г.М., атаман 86
- Серафим (Александров), митрополит 85, 160–162, 171, 177–179, 193, 196
- Серафим (Лукиянов), митрополит 154
- Серафим (Мещеряков), архиеп. 199, 207
- Серафим (Остроумов), еп. 34
- Серафим (Силичев), еп. 207
- Серафим (Чичагов), митрополит 120, 193
- Серафим Саровский, св. 88
- Сергий (Страгородский), митрополит, патриарх 174, 176, 178, 195,

- 197, 199, 210, 211, 213–221, 224, 229–233, 235, 237, 238, 241, 244–225, 229, 291, 293 255, 258, 260, 262, 264, 266–268, 278, 281–283, 287, 288, 290, 291, 293, 294, 297, 299–305
- Сергий Радонежский, св. 79, 88, 152
- Скворцов Н. 206, 287, 290, 293, 295
- Скворцов-Степанов И.И. 109, 283
- Славатинский 293
- Смидович П.Г. 109, 208, 269, 283, 301, 302
- Смолич И.К. 46
- Снигирева Э.А. 18, 101
- Соколов И.И. 37, 44
- Сокурова О.Б. 156
- Солженицын А.И. 103
- Соловей Н., обновленч. архиерей 211, 212
- Соловьев М.Д. 188, 196
- Соломон (Исецкий) Г.А. 17, 21, 58, 68, 100, 102
- Софроний (Арефьев), еп. 207
- Сталин (Джугашвили И.В.) 16, 19, 89, 96, 115, 138, 140, 143–146, 148, 149, 156, 220, 224, 225, 228
- Степанов (Русак) В. 18
- Степанов В.А. 58
- Стратонов И.А. 18, 80, 104
- Струве Н. 218, 219, 225
- Суворов Н.С. 17, 21, 65, 101
- Сухорук А. 223
- Тихон (Задонский), святит. 23, 88
- Тихон (Оболенский), митрополит 85, 162, 178, 179
- Толгский А., священник 189
- Толстой Л.Н. 123
- Томский (Ефремов) М.П. 148
- Троицкий И.Г. 75
- Троицкий Н.И. 40
- Троицкий С.В. 18
- Тройго Я. 137
- Троцкая Н.И. 129, 307, 311, 313, 323
- Троцкий Л.Д. 59, 67, 73, 89–93, 98, 102, 107, 108, 115, 126, 127, 143–145, 147–149, 152, 156, 200, 222, 311–315, 321, 322, 325, 335
- Трубецкой Г.Н., кн. 69, 120
- Трушин 337
- Тухачевский М.Н. 319, 320
- Тучков Е.А. 109–111, 113, 117, 126, 128–130, 157, 159, 160, 163–166, 169, 170, 173, 175, 176, 178–180, 186, 187, 189, 196, 201, 202, 208, 209, 272, 283, 285, 287, 289–301, 303–305
- Тяпугин Н.П. 184
- Т**
- Тареев М.М. 123
- Татищев Д.Н., граф 31
- Титлинов Б.В. 17, 119, 122, 151
- Тихон (Беллавин), патриарх 6–22, 25–36, 40, 42, 43, 45–49, 51, 55, 58–62, 67–70, 72, 75–79, 81, 83–89, 97, 99–106, 108–124, 126–130, 132, 134, 136–139, 141, 142, 148–152, 154, 158–167, 169, 171–173, 176, 178, 179, 182–193, 195–198, 202, 205–212, 214–218, 221–227,
- У**
- Уншлихт И.С. 90, 129, 130, 307, 309–314, 317–319, 321, 322, 324, 325, 328, 332, 334, 336, 339
- Ф**
- Фаддей (Успенский), архиеп., святит. 254
- Федоров Л. 136
- Феодор (Поздеевский), архиеп. 160, 193

- Филипп (Бекаревич Яков), еп. 23, 43, 51
46 Шавров В.М. 18, 101, 103, 108, 121,
Филипп (Гумилевский), архиеп. 123, 127, 131, 139, 151–154, 160,
193 163, 168, 183, 189, 193, 195–198,
Филипп (Ставицкий), еп. 207 212, 222, 224
Филипп, митрополит моск., святит. Шарнас Я. 137
6, 23, 60, 232, 236, 264 Шервинский 190
Филиппов А.Ф. 77–79, 103 Шехтман И.Б. 102, 103
Фирсов С.Л. 47 Шифрин Б.П., иподиакон 47
Флавиан (Городецкий), митропо- Шкаровский М.В. 12, 19, 88, 105,
лит 25, 26, 47, 122 106, 204, 210, 214, 221–225
Флеровский И.П. 109 Шпицберг И.А. 53
Фотий, патриарх александр. 273 Штриккер Г. 15, 20

Х

- Хведько Л. 136
Ходневич П. 136
Хризостомус И. 9, 18
Хрушев Н.С. 19, 224, 225

Ц

- Царевский Б. 123
Цветков Н.В., прот. 56
Цепляк Я., католический архиеп. Юденич Н.Н. 68
136, 137, 283, 284, 286, 287, 288, Юневич Э. 136
335
Цыпин В., протоиерей 11, 19, 104, Я
130, 140, 141, 153, 155, 169, 173, Языков А.Я. 38
178, 179, 193, 194, 196, 223, 224 Яковлев Я.А. 90, 307–313, 316–319,
321, 323, 326–328, 334, 336, 338–
340

Ч

- Чериковер И.М. 73, 102 Янукович П. 136
Чернявский В.А. 44 Ярославский Е.М. 89, 109, 111,
113–116, 149, 156, 201, 283, 285–
287, 289, –291, 293–296, 298–300,
303, 305, 306
Чичерин Г.В. 110, 138

Ш

- Шавельский Г.И., протопресв. 42, Ярушевич. См. Николай (Яруше-
вич), митрополит

Щ

- Щелкан Н.С. 190
Щелкачев А.В. 11

Э

- Эберт Фр. 136
Эйсмонт С. 136

Ю

- Юденич Н.Н. 68
Юневич Э. 136

Я

- Языков А.Я. 38
Яковлев Я.А. 90, 307–313, 316–319,
321, 323, 326–328, 334, 336, 338–
340
Янукович П. 136
Ярославский Е.М. 89, 109, 111,
113–116, 149, 156, 201, 283, 285–
287, 289, –291, 293–296, 298–300,
303, 305, 306
Ярушевич. См. Николай (Яруше-
вич), митрополит

Список сокращений

- Агитпроп - Отдел агитации и пропаганды ЦК РКП (б)
- АПРФ - Архив президента Российской Федерации
- АРК - Антирелигиозная комиссия (Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б))
- ВВЦС - Временный высший церковный совет
- ВВЦУ - Временное высшее церковное управление
- ВКП (б) - Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВСНХ - Высший совет народного хозяйства
- ВЦИК - Всесоюзный центральный исполнительный комитет
- ВЧК - Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
- ВЦС - Высший церковный совет
- ВЦУ - Высшее церковное управление
- ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
- Главмузей - Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР
- Гохран - Государственное хранилище ценностей
- ГПУ - Государственное политическое управление
- ЖМП - Журнал Московской патриархии
- ИРИ - Институт российской истории
- КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза
- КИЩ - (Центральная) Комиссия по изъятию церковных ценностей
- МДА - Московская Духовная академия
- МК - Московский комитет РКП (б)
- МСРКД - Московский совет рабоче-крестьянских депутатов
- Наркоминдел, НКИД - Народный комиссариат иностранных дел
- Наркомнац, НКН - Народный комиссариат национальностей
- Наркомюст, НКЮ - Народный комиссариат юстиции
- НКВД - Народный комиссариат внутренних дел
- НКПС - Народный комиссариат путей просвещения

- НКРКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
- Политбюро – Политическое бюро ЦК РКП (б)
- ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский богословский институт
- ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
- РАН – Российская академия наук
- РГАСПИ – Российский государственный архив современной политической истории
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РОСТА – Российское телеграфное агентство
- РПАЦ – Русская православная автономная церковь
- РПЦ – Русская (Российская) Православная Церковь
- РПЦЗ – Русская Православная Церковь Заграницей
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
- РСХД – Русское студенческое христианское движение
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
- СНК, Совнарком – Совет народных комиссаров (РСФСР – СССР)
СО – секретный отдел
- СПбДА – Санкт-Петербургская Духовная академия
- СРККД – Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- СССР – Союз Советских Социалистических республик
- ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности России
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЦИК – Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК – Центральный комитет
- ЦК ПГ, ЦК Помгол – Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК
- ЦК Последгол – Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК

Некоммерческое партнерство издательский дом
«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
Серия «Страницы Российской истории»

Лобанов Вячеслав Викторович

**ПАТРИАРХ ТИХОН И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
(1917–1925 гг.)**

Научное издание

«Утверждено к печати»

президент НП ИД «Русская панорама»
Яшнев Ю.В.

Выпускающий редактор *И.А.Настенко*
Технический редактор *О.Е.Пугачева*

НП ИД «Русская панорама». Издат. лицензия ЛР №030734 от 29 апреля 1997. 109028, Москва, Серебряническая наб., 27, оф. 103. Тел.: (495) 917 5983, 917 7094. E-mail: in@gus-pan.ru

Подписано в печать 12.07.2008. Формат 84x108/32. Гарнитура SPSL-Dutch. Печать офсетная. 18,5 уч. печ./л.). Бумага офсетная № 1. Тираж 1500 экз.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «ОБЛИЗДАТ». 248649, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

Политические перемены начала 90-х гг. XX столетия способствовали активному исследованию темы взаимоотношений Русской Православной Церкви (РПЦ) и советского государства. Однако некоторые аспекты проблемы до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В частности, это касается вопроса формирования позиции по отношению к власти Предстоятеля РПЦ, Патриарха Тихона (1865–1925), церковная политика которого до сих пор является предметом неоднозначных оценок (от идеализации до обвинений Патриарха в малодушии и приспособленчестве).

В монографии рассмотрены основные этапы формирования линии Патриарха по отношению к властным структурам; исследована сущность церковно-политического курса Первосвященителя и его последствия для Русской Православной Церкви; проанализированы причины изменений в государственной церковной политике; подробно затронут ряд источниковедческих вопросов в рамках указанной проблематики; прослеживается преемственность линии Патриарха в дальнейшем поиске модели церковно-государственных отношений. В научный оборот вводятся новые материалы, раскрывающие различные аспекты антирелигиозной политики советского государства.

